

Сара Блейк

ТЕНИ
НАШЕГО ПРОШЛОГО
ИСТОРИЯ СЕМЬИ МИЛТОН

*Умная, глубокая,
амбициозная,
захватывающая...*

Пола Маклейн,
автор бестселлера
«Парижская жена»

Annotation

«Тени нашего прошлого» – роман о судьбах трех поколений Милтонов, нью-йоркской семьи из тех, о которых говорят: «они правят миром».

1935 год. Китти и Огден Милтон на вершине счастья – они молоды, красивы, любят друг друга, у них прекрасные дети... Но идиллию разрушает трагедия – в результате нелепой случайности пятилетний сын выпадает из окна их квартиры на четырнадцатом этаже.

Пытаясь как-то отвлечь Китти, Огден покупает остров Крокетт-Айленд с большим красивым домом на нем. Здесь все дышит покоем и безмятежностью. Этот дом станет родовым гнездом Милтонов. В нем вырастут их дети, а затем и внуки...

В начале нынешнего века финансовое положение уже не позволяет третьему поколению семьи владеть островом и домом. Начинаются разговоры о продаже. Эви Милтон отправляется на остров, чтобы попрощаться с домом, в котором провела так много счастливых дней. Ее случайная находка приведет к крушению мифа о безукоризненных Милтонах, столпах американского общества.

-
- [Сара Блейк](#)
    -
    -
    - [Затворница](#)
      - [Глава первая](#)
      - [Глава вторая](#)
      - [Глава третья](#)
      - [Глава четвертая](#)
      - [Глава пятая](#)
      - [Глава шестая](#)
      - [Глава седьмая](#)
      - [Глава восьмая](#)
      - [Глава девятая](#)
      - [Глава десятая](#)

- [Глава одиннадцатая](#)
- [Глава двенадцатая](#)
- [А капелла](#)
  - [Глава тринадцатая](#)
  - [Глава четырнадцатая](#)
  - [Глава пятнадцатая](#)
  - [Глава шестнадцатая](#)
  - [Глава семнадцатая](#)
  - [Глава восемнадцатая](#)
  - [Глава девятнадцатая](#)
  - [Глава двадцатая](#)
  - [Глава двадцать первая](#)
  - [Глава двадцать вторая](#)
  - [Глава двадцать третья](#)
  - [Глава двадцать четвертая](#)
  - [Глава двадцать пятая](#)
- [Остров](#)
  - [Глава двадцать шестая](#)
  - [Глава двадцать седьмая](#)
  - [Глава двадцать восьмая](#)
  - [Глава двадцать девятая](#)
  - [Глава тридцатая](#)
  - [Глава тридцать первая](#)
  - [Глава тридцать вторая](#)
  - [Глава тридцать третья](#)
  - [Глава тридцать четвертая](#)
  - [Глава тридцать пятая](#)
  - [Глава тридцать шестая](#)
  - [Глава тридцать седьмая](#)
  - [Глава тридцать восьмая](#)
  - [Глава тридцать девятая](#)
  - [Глава сороковая](#)
  - [Глава сорок первая](#)
  - [Глава сорок вторая](#)
- [Здесь](#)
  - [Глава сорок третья](#)
  - [Глава сорок четвертая](#)

- [Глава сорок пятая](#)
- [Благодарности](#)
- [Об авторе](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)
  - [12](#)
  - [13](#)
  - [14](#)
  - [15](#)
  - [16](#)
  - [17](#)
  - [18](#)
  - [19](#)
  - [20](#)
  - [21](#)
  - [22](#)
  - [23](#)
  - [24](#)
  - [25](#)
  - [26](#)
  - [27](#)
  - [28](#)
  - [29](#)
  - [30](#)
  - [31](#)
  - [32](#)
  - [33](#)

◦ [34](#)

Сара Блейк

Тени нашего прошлого

Эли и Гасу

А также в память о моем брате, Т. Уитни Блейке (1962–2017)

Люди заперты в истории, а история заперта в них.

Джеймс Болдуин

Ей-богу, пора бы уж кому-то взяться за новый сюжет.

Вирджиния Вулф

Sarah Blake
THE GUEST BOOK

Text Copyright © 2019 by Sarah Blake

Published in the Russian language by arrangement with *Flatiron Books*. All rights reserved.

Russian Edition Copyright © Sindbad Publishers Ltd., 2020

Перевод с английского Юрия Гольдберга

Фотография на обложке © Eve Arnold/ Magnum Photos/ East News [пер. с англ. Ю. Гольдберг]. – М.: Синдбад, 2021.

© Издание на русском языке, перевод на русский язык.
Издательство «Синдбад», 2020

– Обычная история, – задумчиво произнес мужчина, стоящий у руля, разглядывая красивый заброшенный дом на холме. – Поместье – последнее, что остается от потомственных богачей.

В тот субботний июньский день на яхте их было трое. Они отправились в путь из Рокленда, в штате Мэн, намереваясь весь день бороздить воды залива. В восьми-девяти милях от берега, войдя в бухточку одного из множества гранитных островов, они увидели прямо перед собой величественный белый дом, гордость какого-нибудь капитана дальнего плавания, прямоугольное строение с длинной лужайкой, спускавшейся к лодочному сараю и причалу.

Дом нуждался в покраске. Лужайку требовалось подстричь. Крыша лодочного сарая просела, часть дранки осыпалась. Пустой причал был латаный-перелатаный.

Это было великолепное зрелище.

– Я жду, пока его выставят на продажу, – продолжал хозяин яхты. – Он сам плывет в руки.

– Кто владелец? – спросил мужчина, сидевший рядом.

– Одно из семейств, которые раньше правили миром. – Хозяин вытянул ноги, прижав босые ступни к корпусу яхты. – Белая кость.

– Белая кость? – усмехнулся второй. – Разве такие еще где-то существуют, кроме их собственного воображения?

Хозяин улыбнулся. Он сделал себе состояние совсем недавно, на здравоохранении.

– Что же произошло? – спросил мужчина, сидевший рядом.

– Думаю, все как всегда. Пьянство, апатия, тупицы в роду.

– Как их фамилия?

– Не знаю. – Он с силой надавил на гик. – Милтон? Милтонс?

– Милтон? – Третий мужчина, сидевший на носу лодки и все это время смотревший на дом, оглянулся. – Как в названии банка – «Милтон Хиггинсон»?

– Похоже, – ответил хозяин и, расправив гротовый парус так, чтобы поймать ветер, направил судно к выходу из бухты; миновав узкий проход, яхта пошла по ветру вдоль острова. Все умолкли, и дружелюбное молчание прерывали лишь команды рулевого: «К повороту» и «Под ветер», – чтобы остальные перемещали вес с одного

борта роскошной яхты на другой и пригибались, не мешая гику свободно поворачиваться у них над головой.

– У этой семьи трагическая история, – снова заговорил хозяин, когда яхта поравнялась с оконечностью гранитного хребта на острове. – Говорят, здесь кто-то утонул.

– Где?

– Прямо здесь, у тех скал. – Он указал на груды белых гранитных валунов, торчавших из воды на фоне частокола из устремленных в небо елей.

Смотреть было не на что.

– К повороту! – скомандовал рулевой. И они уплыли.

Затворница

Глава первая

Осень превратилась в зиму, а затем вернулась, но как-то неуверенно: ноябрьские холода то усиливались, то ослабевали, напоминая женщину, которая никак не может определиться с нарядом, – пока наконец декабрь, рассмеявшись, не взял дело в свои руки. А потом лед на черных дорожках парка все смотрел и смотрел в небо своим немигающим взглядом, месяц за месяцем, и холод все не ослабевал, хотя по календарю уже наступила весна, так что даже в апреле в нью-йоркском Бауэри на углах улиц мерцали жаровни, и человек, пытавшийся согреть руки, мог видеть, как языки пламени отражаются в окнах над его головой, и представлять, как эти отблески бегут вдоль авеню, минуя кварталы, до самого центра города, до теплых квартир, где люди, помедлив на пороге, выключают свет, а потом выходят из дома, закутанные в шерсть и меха, ворча по поводу холодов: «Боже правый, когда же это кончится?» – пока одним майским утром все вдруг не изменила наконец нагрянувшая весна. По всему городу детей выпускали из зимних пальто в зеленые объятия Центрального парка. «Ну вот мы и снова здесь», – подумала Китти Милтон, садясь в такси, чтобы поехать в филармонию, где ее ждала мать.

Шел 1935 год.

На Китти была мягкая шляпа колоколом, поля которой закрывали уши и отбрасывали тень на глаза, подчеркивая матовую белизну ее слегка задранного подбородка и длинной шеи. Ее стройную фигуру облекало пышное зеленое шелковое платье чуть светлее шерстяного пальто, свободно ниспадавшего на колени.

Автомобиль тронулся и поехал к Центральному парку; в ветвях вязов над головой Китти распускалась весна, форзиция вдоль тротуаров выкрикивала свои желтые новости. Китти прислонилась головой к кожаной обивке салона.

«Жизнь широка, девочки, – много лет назад говорила им мисс Скривенер. – Идите по ней, распахнув объятия». Возвышаясь перед рядами школьниц, учительница – старая дева, чей жених погиб в Первую мировую, – широко раскидывала руки.

И Китти не знала, плакать ей или смеяться.

Она и вправду широка, думала теперь Китти: пришла весна, и впереди столько возможностей. Скоро из-за границы вернется Огден, а в Ойстер-Бэй куплен участок под дом. Ей тридцать. На дворе тридцать пятый. Недди пять, Моссу три, а малютке Джоан только что исполнился годик. Ее мысли заполнила приятная математика *жизни* – это слово вспыхнуло у нее на щеках и засияло в глазах, растянуло губы в улыбку. Такси тем временем свернуло на Пятую авеню.

Поймав в зеркале взгляд водителя, Китти поняла, что нужно бы отвернуться, чтобы тот не видел ее идиотской улыбки, но продолжала смотреть ему в глаза. Водитель подмигнул. Кивнув ему, Китти сползла вниз на сиденье и закрыла глаза; автомобиль нырнул в туннель, который тянулся с востока на запад под детскими площадками в парке, где играли ее дети, возмущенные тем, что утро подходит к концу и приближается время обеда; они ползали вокруг большой бронзовой статуи любимого шотландского поэта, усаживались, словно воробушки, на гигантском колене и взбирались (если им везло и няня не замечала) до массивного покатого плеча.

Но мальчишкам Милтон не повезло; няня приказала им слезть, сию секунду, слезть немедленно и подойти к ней.

Мосс, средний брат – он не любил, когда взрослые смотрят на него с таким отстраненным, нахмуренным вниманием, обещавшим еще больше внимания в дальнейшем, – соскользнул со статуи слишком быстро и приземлился на голую коленку.

– Ой! – вскрикнул он и прижался щекой к горячей, оцарапанной коже. – Ауч.

Но его брат не обратил внимания на няню, стоявшую внизу и державшую их маленькую сестру Джоан на своем широком бедре; Недди продолжал карабкаться вверх, на самую макушку бронзовой головы и... что же он делал?

– Эдвард. – Няня поспешно шагнула вперед. – Эдвард! Слезай. Сию секунду.

Мальчик упадет.

Он поставил ноги по обе стороны громадной головы, у которой растрепанные бронзовые волосы закрывали уши, уперся ногами в плечи и медленно, осторожно выпрямлялся там в вышине.

Мальчик ломает себе шею.

– Эдвард, – повторила няня, на этот раз очень тихо.

Остальные дети перестали ползать по статуе и замерли, не отрывая взгляда от мальчика, который забрался так высоко. Теперь он был единственным, кто двигался на бронзовой поверхности.

– Эдвард.

Медленно, осторожно Недди разогнулся, убрал руки с головы поэта, покачнулся на долю секунды, потом восстановил равновесие и выпрямился во весь рост. Так уверенно, так высоко. Крепкий, безупречный, он стоял на плечах статуи – маленькое создание в коротких штанишках и кофте на пуговицах – и смотрел на обращенные к нему встревоженные лица.

– Мосс! – пронзительно крикнул он. – Смотри!

Мосс поднял голову и увидел над складками бронзового пиджака, над тяжелыми массивными руками, над другим мальчиком, прильнувшим к раскрытой странице гигантской книги: Недди стоял высоко наверху, улыбаясь и ликуя.

Если бы он протянул руку и сказал: «Давай, лети сюда!» – Мосс бы полетел. Потому что, когда брат зовет тебя, ты делаешь шаг вперед, берешь его за руку и следуешь за ним. Разве можно иначе? Брат был всегда впереди, всегда первый.

Не опуская головы и не отрывая щеки от колена, Мосс улыбнулся брату.

Недди кивнул и легко, без усилий снова склонился и соскользнул с бронзовой громады, слез вниз и чуть покачнулся, приземлившись на гравий.

– Отец обо всем узнает, – пообещала няня. – Это будет занесено в список.

Она сняла коляску с тормоза и грубо толкнула мальчика в плечо.

– Список, Эдвард. Ты меня слышишь?

Недди кивнул и пошел вперед.

Мосс сунул ладонь в руку брата. Мальчики шли в ногу перед коляской, держа маленькие спины прямо, словно солдаты. И улыбаясь.

Они знали, что никакого списка не будет. Дома только мама. Папа в Берлине.

И действительно, низкий черный «мерседес» Огдена Милтона только что свернул с оживленной Тиргартенштрассе, забитой

двухэтажными автобусами, и решительно въехал на парковую дорожку, смыкавшуюся с аллеей Бельвю, которая тихо и торжественно тянулась через весь Тиргартен прямо до места назначения. Город у него за спиной исчез почти моментально. Огден пошел пешком между тесно стоящими липами в цвету, и его тут же окутал запах, который он неоднократно пытался описать Китти, но всегда терпел поражение. По левую руку от него за черными стволами простирался зеленый ковер одной из самых больших лужаек парка, а вдалеке блестело озеро. И повсюду в солнечном свете и ясном воздухе, парами и группами, на велосипедах и пешком, берлинцы обращали свои лица к долгому и милому вечеру, как делали еще с эпохи кайзеров.

С непринужденной грацией человека, коронным броском которого была подача через все поле от задней линии, Милтон шагал через парк, и по элегантным движениям красиво вылепленных рук и ног можно было угадать его родословную – привычка знать, что нужно делать в любой момент, передавалась из поколения в поколение. Происходя из семьи, которая прибыла в страну сразу после «Мейфлауэра»^[1] («Аристократы, Огден, а не беженцы», – как однажды поправила его мать), Огден с рождения пользовался всеми возможными преимуществами и знал об этом. В самом первом наборе Гарвардского колледжа в 1642 году учился один из Милтонов, как и в каждом последующем классе, для которого имелся молодой человек из рода Милтонов подходящего возраста. Под крыльями Университета Уайденера пряталась Милтоновская библиотека.

Глядя на его открытое американское лицо, слушая его искренний американский голос, можно было подумать: «Вот идет хороший человек. Благородный человек». Огден казался энергичным и ярким. Его положение и возможности позволяли ему преуспевать и творить добро. И он так и делал. Он верил, что можно поступать правильно. Так его воспитали. Огден принадлежал к последнему поколению, для которого эти принципы оставались незыблемыми, как шелковый кошелек.

Третий в роду Милтонов у руля «Милтон Хиггинсон» – банка, основанного в 1850 году и твердо стоящего в центре финансовых потоков США, а с недавних пор еще и Германии, – Огден Милтон принял руководство фирмой совсем молодым и поначалу держал осторожный курс, но постепенно все смелее устремлялся по ветру в

бурные, перспективные воды 1920-х, завоеывая Европу своей мальчишеской улыбкой, которую сохранит и в старости, заразительной улыбкой, словно говорившей: «Разве это не чудесно? Разве это не здорово?» Подразумеваемая жизнь. Подразумеваемая удачу. Подразумеваемая этот мир.

У Милтонов был прекрасный винный погреб и достойный повар, и именно за их столом собирались люди, не слишком заметные в Вашингтоне, но негласно остававшиеся самыми полезными для президента. Такие семейства, как Милтоны, всегда дергали за рычаги государственной машины в тишине, не считая эту тишину странной и передавая то же мировоззрение сыновьям с раннего детства – в школах, в церквях, в летних домах среди залитых солнцем скал Восточного побережья, от Кампобелло до Кеннебанка и Ойстер-Бэй. В конце концов, Франклин Делано Рузвельт был одним из них.

Это была вторая поездка Огдена в Германию за последние девять месяцев: он был уверен, что хорошие люди, честная игра и свободные потоки капитала, направленные в нужные сундуки, будут успешно противостоять безумцам и глупцам. Именно поэтому он вкладывал огромные средства в эту страну. Именно поэтому он теперь шел к сборищу, которое расположилось на лужайке за кустами роз в конце широкой аллеи.

– Приходите обязательно, – сказал Бернхард Вальзер тем утром после ухода нотариуса, пока подписанные документы сохли на дубовом письменном столе в просторном, обитом зеленым дамасским шелком офисе «Вальзер Стил», выходявшем окнами на Шпрее. – Это было самое любимое место Гертруды во всем городе.

Вальзер повернул голову к высоким открытым окнам, словно слышал ее, словно его жена, умершая много лет назад, в любой момент могла появиться на тротуаре.

– Сегодня ей исполнилось бы пятьдесят семь, – задумчиво произнес он.

Милтон достал трубку и табак, как всегда тронутый словами сидевшего напротив пожилого мужчины. Бременский аристократ, ветеран Великой войны, глава компании «Вальзер Стил», владелец одного из лучших собраний антикварных книг в Европе и одновременно человек, который оплакивал свою жену, известную английскую красавицу – и еврейку, – в сумерках декламируя стихи

Гете в парке Мейфэра, Вальзер ловко носил свои многочисленные обличья. Уникальный человек, которого невозможно к чему-либо принудить, думал Огден, набивая трубку табаком. Он не вписывается в привычные рамки.

Ни в какие рамки. Именно таким хотелось бы стать Огдену.

Пятнадцать лет назад Огден вышел из ворот Гарварда вместе с другими выпускниками 1920 года и увидел отца – тот стоял, облокотившись на новенький «форд-Т», и улыбался. «Поезжай в Европу, осмотрись, – сказал он. – Инвестируй. Найди подходящих людей и хорошие идеи и вложи в них наши деньги». Черный автомобиль переправили через океан, и за лето долговязый американец исколесил Англию и Францию, а затем направился в Германию. В последние золотые деньки осени он прибыл в Берлин, где пьянящий хаос Веймарской республики почти зримо висел на узких улочках и мощеных площадях, под крошечными лампочками, спрятанными среди переплетений виноградных лоз над головами мужчин и женщин, сидевших на открытых террасах городских пивных. После войны с востока хлынули беженцы, и в городе веяло новое, чужое дыхание, с ароматом дрожжей и соли, меда и чеснока. Много разговоров, бушующие страсти – но ни то ни другое не могло наполнить желудок.

Этим людям требовалась работа. Никто в стране не понимал этого так отчетливо и трезво, как Бернхард Вальзер. Так думал теперь – впрочем, и тогда тоже – Огден Милтон.

Так что Вальзер – в ярости от действий французов и британцев, которые воспринимал как попытку устранить немецких конкурентов, прикрываясь фальшивым пацифизмом, – довольно быстро с чистой совестью нарушил Версальский договор и с помощью таких инвесторов, как Огден, на протяжении двадцатых возрождал «Вальзер Стил». Подлинный мир гарантировали только рабочие места. Механизм, необходимый для построения сильной экономики, был механизмом мирной жизни, вне зависимости от того, что он производил: водопроводные краны, шпильки для волос или, как «Вальзер групп», крылья самолетов.

– Обязательно приходите, – повторил Вальзер, снова повернувшись к собеседнику. – Там будет Эльза. И другие люди, с которыми вы, возможно, знакомы.

Вальзер на секунду задержал на нем взгляд:

– Думаю, в этот приезд вы не видели Эльзу?

– Нет. – Огден встал. – Не видел.

Вальзер придвинул к нему толстый желтый конверт с логотипом «Вальзер группе», поверх которого стояла нацистская печать.

Огден посмотрел на конверт и улыбнулся.

– Значит, так, – сказал он.

Вальзер кивнул:

– Значит, так.

Эльза Хоффман захлопнула дверь, повернулась и опустила ключ в висящую на сгибе локтя корзинку. Улица была пуста. Никто не крутился рядом, не глазел. Никто не шел мимо. Эльза повернула направо, к магазинам на Фридрихштрассе; ее каблуки цокали по Линиенштрассе, солнце положило свою длинную руку ей на плечо.

– Это прелюдия, – прошептал ночью Герхард, касаясь губами ее волос. Они лежали у открытого окна, и ночной ветер охлаждал их тела; его нога лежала поверх ее, ладонь обхватывала щеку. – Теперь у нас времена рубато, варьирования темпа, но мы не можем увидеть, где возникло зияние, не замечаем перемен. – Герхард натянул на них простыню. – Вагнер знал это: когда крадешь у слуха время, тело жаждет возвращения порядка, у нас в груди бьется потребность остановить это, исправить, потребность завершить открытый аккорд.

– Например, так. – Она подняла голову с подушки и поцеловала его.

– Да. Или вот так. – Он крепче прижал ее к себе.

Никто за ней не следил. Она шла уверенно, уже хорошо научившись не привлекать внимания. Сначала ее работа заключалась только в том, чтобы передавать записки от Герхарда другим членам группы. Потом задания стали чуть сложнее, хотя все равно казались несерьезными, чем-то вроде детской игры. В тот первый раз Франц, брат Герхарда, отвел ее в сторону, когда она стояла в очереди за шампанским в буфете филармонии, и спросил, может ли она выпить кофе в кафетерии возле отеля «Адлон».

Она внимательно посмотрела на него и кивнула.

– *Und dann?*^[2]

– *Und...* – Он наклонился, целуя ее в щеку на прощание; его рука обвила ее талию и нырнула в карман платья. – Встанешь,

расплатишься и оставишь эти деньги на столике, – прошептал он и отошел.

Сегодня ей предстояло встретить одиннадцатичасовой поезд надземки на Фридрихштрассе и просто убедиться, что за мужчиной и женщиной не следят.

– А кто эти мужчина и женщина? – спросила она.

– Неважно. Тебе не нужно знать.

Эльза должна была дождаться у подножия лестницы мужчину и женщину, держащихся за руки, и последовать за ними; женщина будет смеяться, глядя в глаза мужчине. Обычная парочка.

– Как я узнаю, что это они?

– Она оступится, и он крепче прижмет ее к себе, не давая упасть.

Это была игра.

Эльза сначала зашла в мясную лавку – там она издали кивнула герру Плауту, – потом к бакалейщику и булочнику. Мясо, яйца, картофель, хлеб.

Над улицей возвышалась башня собора; часы в очередной раз пробили три четверти. Как и каждое утро в это время – Эльза знала, потому что ежедневно точно так же ходила по улице с корзинкой через руку. Страх – вот в чем разница. *Это по-настоящему. Это не игра. Ты можешь попасть в беду. Тебя могут арестовать и увести. За то, что не так выглядишь. За то, что смотришь не на того человека в поезде.*

Если за тобой следят, не дай им ничего заметить.

По рельсам на верхних путях прогрохотал поезд, и на далекой платформе силуэты ждущих людей сбросили оцепенение и начали двигаться, словно фигурки музыкальной шкатулки.

Эльза поправила корзинку.

Мясо, яйца, картофель, хлеб. Теперь марки для конвертов. Газетный киоск у подножия лестницы.

– *Morgen*^[3], – она кивнула герру Йостену.

Вдалеке послышался звук приближающегося поезда.

– *Ja. Sehr schön*^[4], замечательно, – сказала она Йостену и раскрыла кошелек, чтобы достать монеты. Рельсы над ее головой загудели.

– *Bitte*^[5].

– Ваш отец, – спросил Йостен. – С ним все хорошо?

– *Ach ja, danke*^[6]. – Она улыбнулась и протянула ему монеты.

Поезд остановился на верхних путях.

Эльза заставила себя не поворачиваться и не смотреть, взять три марки, протянутые Йостеном, положить сдачу в кошелек, кивнуть и с улыбкой поблагодарить его, как она делала каждое утро, и, наконец, повернуться и взглянуть на поезд, как смотрят на облака, внезапно закрывшие голубое небо.

По лестнице, держась за руки, спускались мужчина и женщина.

Пикник являл собой живописную картину: гости расположились на лужайке возле кольца из роз, в центре которого стояла алебастровая статуя полуобнаженной Венеры, склонившейся к своим цветам. Среди неразличимых мужчин в темных костюмах попадались ослепительно-белые мундиры рейхсвера; у двух женщин шляпы были столь широки, что казались птицами, парившими в вечернем воздухе, который обволакивал всех присутствующих, благоухающий и неподвижный. Огден услышал смех Эльзы, трепетавший, словно лента на ветру, еще до того, как заметил ее в толпе – стремительную, маленькую и энергичную, в желтом платье цвета подсолнухов и лета.

Он замедлил шаг. И увидел ее такой, как в тот первый вечер, много лет назад, в ложе городского театра, где она сидела с отцом: затылок в тусклом свете, каштановые волосы забраны наверх. Огден видел ярко-синий бархат драпировки, облезлую позолоту кресла, вжатую в него обнаженную спину. Тогда Огден – практичный до мозга костей, но впечатлительный молодой человек, к тому же в первый раз оказавшийся в Европе, – верил в свою удачу и интуицию. Ему было двадцать два. Эльза Вальзер была старше, и к тому же немкой. Все это промелькнуло в его голове за несколько мгновений до того, как Эльза повернулась и заметила в глубине ложи неловкого американца.

«*Entschuldigung*»^[7], – с трудом произнес он.

Вальзер представил их друг другу, Огден проскользнул на свободное кресло рядом с ней, и все трое повернулись к сцене, где первая скрипка как раз заняла свое место слева от дирижера; зал умолк. А когда скрипач коснулся смычком струны, а затем плавным движением извлек первую долгую ноту, Огден понял: в центре каждой человеческой жизни кроется начало – не рождение, а тот момент, когда защелка на замке откидывается и жизнь выходит наружу, устремляясь вперед.

И как всякий раз, когда он видел Эльзу после долгого отсутствия, на него нахлынуло воспоминание: она открывает ему дверь на Линиенштрассе, 32 на следующее утро после театра. Огден чувствовал: если на свете есть места, которые удерживают нас в себе, то наверняка существуют и люди, которые, как зеркало, отражают наши прежние ипостаси, давно забытые. В тот далекий день молодой Огден неподвижно стоял на крыльце перед Эльзой Вальзер, застывший и онемевший, и смотрел на женщину в дверном проеме, не зная, смотреть ли дальше или отвести взгляд. В то мгновение он представлял, что влюблен в нее.

«*Ach*, – насмешливо сказала Эльза. – Тот американец. Но он не шевелится».

Друзья, с которыми она познакомила Огдена, называли ее Мышкой, хотя Эльза не была ни тихой, ни застенчивой и совсем не походила на мышку. «Я... – Она наклонилась и похлопала его по плечу, когда они поздним вечером сидели за длинным столом, заваленным пепельницами и салфетками. – Как у вас там говорят? Под прикрытием». И улыбнулась.

– Милтон! – воскликнула теперь Эльза, заметив его, и, не отрывая от него глаз, продолжала разговор со своей собеседницей.

Он помахал рукой.

И, как и всегда при встрече с Эльзой, пока он шел под ее взглядом, проявилась пропасть между воображением и истинным положением дел. Поначалу Огден вызывал у нее любопытство, а затем, довольно быстро, стал объектом мягкого подтрунивания: состоятельный мужчина, двадцатидвухлетний старичок, дразнилась она. Для Эльзы он был целиком и полностью американцем – милым и абсолютно неинтересным. Она вышла замуж за Герхарда Хоффмана, мужчину, который был на сцене в день их знакомства с Огденом, первую скрипку Берлинской филармонии, гения. Как и отец, в спутники жизни она выбрала еврея. Теперь у них был маленький сын. Огден никогда не смог бы стать мужчиной, в котором она нуждалась. Ему всегда немного, самую малость, чего-то недоставало. Правда, он до сих пор не мог уловить, чего именно и почему, и это – честно говоря – его раздражало, хотя и не слишком сильно, вроде дырки в носке. Он знал, что в нем есть то, чего она не видит.

– А вот и Милтон, – объявила Эльза на своем безупречном английском с легким акцентом. – Мы делаем вид, что не знаем его имени.

Тяжелое немецкое «р» гудело колоколом в ее словах. Огден наклонился и расцеловал ее в обе щеки, ощутив запах сирени в ее волосах.

– *Ach, so?*^[8] – Одна из женщин в окружении Эльзы протянула руку, готовая улыбнуться, но не уверенная в своем английском.

– Как ни странно, у меня есть имя, – весело ответил он. – Но Вальзеры отказываются его произносить.

– Папа любит прихвастнуть, что у него в гостях бывает Милтон. Он обожает поэму «Затерянный рай».

– Полагаю, его все же потеряли, а не нашли, – мягко поправил ее Огден.

Она ответила ему улыбкой и тронула рукой стоявшего рядом военного, до того гордого своим мундиром, что, казалось, он боялся наклониться, опасаясь помять китель.

– Рядовой Мюллер, – представила Эльза мужчину, и его рука взмыла в приветствии, которое Огдену до сих пор не удавалось принимать всерьез, хотя оно было повсюду, даже на лужайке парка весенним вечером. Билл Моффат, приятель Милтона из посольства, рассказывал, что некоторых американских туристов избивали, если те салютовали без должного энтузиазма.

– И полковник Рутцбар, – продолжала Эльза, указывая на другого мужчину, только что присоединившегося к группе; он был приветлив и подвижен. Огден сдержал улыбку. Один жесткий, другой гибкий – типичная пара немцев.

– *Heil Hitler!* – Он кивнул и снова повернулся к Эльзе: – Где сегодня ваш муж?

– Скоро придет. Ему нужно с кем-то увидеться.

– *Ach*, вечно Герхард Хоффман кому-то нужен. – Возле Эльзы возник полковник Руди Пютцграф с бутылкой шампанского и бокалами.

Как только с губ этого человека слетело имя ее мужа, на лицо Эльзы набежала тень, словно чья-то рука закрыла дверь в конце коридора.

– Нашему национальному сокровищу, – сказал полковник, вкладывая бокал в руку Огдена, – не дают скучать.

Огден кивком поблагодарил его.

– Рад видеть вас здесь, герр Милтон. – Пютцграф зажал под мышкой бутылку шампанского и достал портсигар. – Я так понимаю, вас следует поздравить?

– Разве?

– Американские деньги и нацистская промышленность. – Пютцграф предложил всем сигареты. – Вы и герр Вальзер.

Эльза вытянула сигарету из пачки.

– Немецкая промышленность. – Огден покачал головой, глядя на портсигар.

– Это одно и то же, – ответил Пютцграф. – *Natürlich*^[9].

Огден промолчал.

– Двадцать четвертого ваш муж будет играть Вагнера? – спросил Пютцграф Эльзу, прикуривая ей сигарету. Она затаилась.

– Конечно. – Эльза выдохнула дым, глядя ему в глаза. – Согласно программе.

Пютцграф выпрямился:

– Ваш муж не любит Вагнера?

Эльза с улыбкой повернулась к нему:

– Я этого не говорила, полковник.

Огден бросил на нее взгляд. Она стояла, вытянувшись в струнку, как часовой в будке.

– *Prost*^[10]. – Он поднял бокал с шампанским, отвлекая внимание полковника.

– *Prost!* – Пютцграф приподнял свой бокал и отошел.

Золотистый свет запутался в нижних ветвях парковых лип, смягчаясь по краям. Две лодки пересекали неподвижную, темнеющую воду озера. В сгущавшихся сумерках под деревьями светились ряды белоснежных статуй. Один из мужчин в военной форме и женщина в шляпе, подруга Эльзы, медленно двинулись к другому фонтану.

Опустившись на расстеленный плед, Эльза хлопнула рядом с собой, приглашая Огдена сесть.

– Где Вилли? – спросил он, устраиваясь рядом.

– Дома. – Ее лицо смягчилось. – Спит.

– Бедняжка. Мои мальчишки терпеть не могут, когда их укладывают до захода солнца.

– Да, но здесь солнце заходит медленно.

Так и было. Даже теперь, почти в девять вечера, приближение ночи почти не ощущалось. Сумерки прятались в траве и среди опавших лепестков роз, но небо над головой расстиралось чудесной бесконечной синевой.

Пютцграф обошел с шампанским всю компанию, присоединяясь то к одной, то к другой беседе, а затем двигаясь дальше. Огден чувствовал, что сидящая рядом с ним Эльза тоже наблюдает за полковником. Чуть дальше, на дорожке, ее отец увлеченно беседовал с немецким экономистом, учившимся в Висконсине. Рядом с ними стоял директор Рейхсбанка, старый приятель Вальзера и, по мнению Огдена, дельный человек. Огден поднял руку в знак приветствия; Вальзер кивнул и отсалютовал ему бокалом.

– Ты подписал бумаги, – тихо сказала Эльза. – Это хорошо. Папе это поможет.

Огден взглянул на сидящую рядом женщину. Она смотрела куда-то мимо отца и экономиста.

– Ты в этот раз выезжал из Берлина? – спросила Эльза.

– Нет.

Она кивнула и затянулась сигаретой.

– Садись на велосипед и поезжай в любую сторону, практически по любой дороге, и все увидишь – все как на ладони.

– Что я увижу?

– Полигоны, взлетно-посадочные полосы, коричневорубашечников в лесах. Теперь мы все нацисты.

– Эльза...

– Ты мне не веришь.

– Поверить, что все нацисты одинаковы? – Он покачал головой. – Хороших людей много, их слишком много, и им есть что терять, так что они не пустят к власти головорезов.

– Но кто есть кто? – Эльза повернулась к нему. – Как их отличить? Как хоть кто-нибудь из нас сможет их отличить?

Он не отвел взгляда.

– Все начиналось так медленно, Милтон. Подступало ближе, как вышедшая из берегов река, сантиметр за сантиметром. Одна ложь,

потом другая. Такая большая ложь, что должна была иметься причина, чтобы говорить такое, какая-то цель, может, даже какое-то здоровое зерно... в конце концов, Геббельса не назовешь глупым человеком...

Эльза говорила, не заботясь о том, слушает ли ее Огден; просто размышляла вслух в сгущавшихся сумерках.

– Может, коммунисты *действительно* подожгли Рейхстаг, хотя в этом нет смысла. Может, была какая-то *причина*, почему в ту ночь только в Берлине арестовали такое количество людей. Может, существовала опасность, которую никто не видел. – Ее голос дрогнул. – Но теперь мы начинаем понимать: это не пройдет. Не закончится. – Она посмотрела на него: – Но это нужно остановить.

Она восхитительна, подумал Огден, но чересчур эмоциональна. Слишком быстро склоняется к опасным выводам.

– Эльза...

– Они приступают к следующему этапу, – тихо сказала она. – Герхард уверен, что к концу года от него потребуют уйти. Поговаривают о принятии «законов».

– Но он первая скрипка. – Огден нахмурился. – Гордость филармонии.

Щелчком пальца Эльза отправила сигарету в траву перед собой.

– Теперь в стране тысячи вакансий. Рабочих мест, которые раньше занимали евреи, даже такие евреи, как Герхард. Тысячи. Так что в Германии наступило рождественское утро. – Она покачала головой. – Пришел Папа Дойчланд. С рождественским гусем и с подарками... И никто не спрашивает: «Откуда подарки, Папа? Чью елку ты обокрал?» Потому что Папа ни у кого не крал. Крали евреи. Эти рабочие места, эти дома – все это изначально принадлежало немцам. Папе нужно всего лишь вступить в партию. Тогда везде наступит рождественское утро. Вот и все.

Огден постарался скрыть свое раздражение.

– Нацисты – всего лишь головорезы. Это ненадолго.

– *Милтон*. – Эльза покачала головой и отвернулась. – Ты не слушаешь.

– Очень внимательно слушаю.

– Нас... обворовали. У всех на виду.

Он бросил на нее короткий внимательный взгляд. Тут раздался голос полковника Пютцграфа:

– *Frau Hoffman! Herr Milton! Meine Freunde. Ein Foto! Kommen Sie hierher*^[11]. На плед, сюда... – Он указал на то место, где сидели Эльза и Огден. Все послушно направились к пледу, подчиняясь призыву полковника.

– Ты нам нужен, – быстро сказала Эльза, склонившись к Огдену.

– Нам?

– Герхарду, – кивнула она. – И другим.

– Эльза... – запротестовал Огден. – Что я могу сделать?

– *Ach.* – Она отвернулась. – Твоя смелость по-прежнему ограничена твоим комфортом.

Он отпрянул, уязвленный.

– Ближе, – шутливо нахмурился Пютцграф. – Намного ближе.

Огден подтянул колени к груди и обхватил их руками.

– Не стоит быть такой высокомерной, Эльза. – Он смотрел прямо в объектив. – Тебе это не идет.

– *Eins, zwei...*^[12] – считал полковник.

– Не идет? – Хриплый безрадостный смех Эльзы прозвучал одновременно со вспышкой.

– *Sehr gut!*^[13] – Пютцграф победно вскинул кулак.

Китти пересекла Центральный парк у Семьдесят второй улицы и теперь шла на восток, к реке. Она чудесно провела время. В филармонии давали Мендельсона; Китти с матерью столкнулись сначала с миссис Уильям Фиппс, а затем неожиданно с Уилмердингами. Китти посадила мать в такси, а сама решила проделать остаток пути до дома пешком. Остановившись на перекрестке, она стала ждать, когда на светофоре загорится зеленый.

На другой стороне улицы, защищенный зелеными навесами и отполированными латунными ограждениями, стоял дом номер 1 по Саттон-Плейс, один из многочисленных ничем не примечательных гранитных строений Верхнего Ист-Сайда; его выдавал только адрес: ничто в скромном фасаде не указывало на прятавшееся за ним богатство. Это было сделано намеренно. Когда в 1887-м возвели это здание, первые домовладельцы (из угловых квартир с видом на Ист-Ривер) чувствовали, что массивные, довольно вычурные особняки на Мэдисон и Пятой, принадлежавшие выскочкам вроде Фрика и Рокфеллера, не вынесли бы повторения.

Их тут и не пытались повторить, размышляла Китти, в восхищении рассматривая старое здание, невозмутимое, словно пожилой дядюшка. Ее восхищало все. Все вокруг. Солнечный свет. Этот день. Подняв глаза, Китти сосчитала этажи до четырнадцатого, где тянулись окна ее квартиры.

Даже теперь – через семь лет после того, как по возвращении из свадебного путешествия Огден молча подхватил ее на руки и понес, сменяя дорожный костюм, прямо к двойным латунным дверям, а потом в вестибюль, вызвал лифт, прижал к обитой атласом стене и поцеловал, – даже теперь, здесь, перед их домом, ее порой пронзало острое мимолетное чувство, будто все это просто игра. Она шла по дорожке своей жизни с непринужденным изяществом, легко ступая по брусчатке. Вот Китти Милтон шагает с охапкой цветов для прихожей, вот она за ланчем, вот стоит рядом с мужем, держа его под руку; ее дети появляются на свет с идеальной, здоровой периодичностью в два года. Если кто-то отмечал пункты в списке (а Китти знала, что такие люди были; она росла под пристальными взглядами сплетниц и вдов, что сидели на стульях с жесткими спинками в садиках и гостиных, располагавшихся между 12-й и 28-й улицами Ист-Сайда), то все это доказывало: Китти Хотон успешно справилась.

Принося клятву любви, почтения и послушания, Китти и не подозревала, что с Огденом будет так легко держать слово. Что она будет делать это столь охотно. Что ее желания совпадут с его желаниями. Китти была свойственна естественная сдержанность. У нее никогда не возникало потребности выговориться, раскрыть душу, резко устремиться вперед. Хладнокровная, спокойная, рассудительная, она знала, что именно эти качества привлекли к ней Ога. И все же, когда он пришел к ней в первую брачную ночь и положил ладонь на ее обнаженную руку, ее тело потянулось ему навстречу, словно внутри ее пряталась другая девушка, ждавшая этой минуты. Вспоминая об этом, Китти ощутила дрожь.

Мысль о детях, принимающих ванну, о выставленных в баре напитках на случай неожиданных гостей, о единственном приборе за длинным столом, накрытым к ужину, о приготовленной к ночи постели и задернутых занавесках наполнила ее радостью. Ее дом – полная чаша. Это вовсе не игра.

Загорелся зеленый свет, и Китти шагнула с тротуара на мостовую, навстречу двум маленьким девочкам в накрахмаленных платьях; девочки смотрели прямо перед собой и с обеих сторон держались за коляску с младенцем.

– Поторопитесь, – выдохнула няня, приподнимая передние колеса коляски, чтобы заехать на тротуар. Девочки молча взошли на бордюр, держась за коляску, как за петли подъемника.

– Нам обязательно идти в парк? – спросила старшая девочка, когда Китти поравнялась с ними.

– Да, мисс Левенштайн, обязательно.

Евреи, отметила про себя Китти, направляясь к темно-зеленому навесу над отполированной до блеска дверью, и непроизвольно выпрямилась. Маленькие еврейские девочки. Здесь, в Верхнем Ист-Сайде.

– Привет, Джонни. – Она кивнула швейцару, улыбаясь.

– Миссис Милтон, – кивнул он в ответ, придерживая для нее дверь; в руках у него был плюшевый мишка, принадлежавший Недди.

– О боже, опять? – Китти с улыбкой взяла у швейцара потрепанного мишку. – Это же игра, понимаете. Вы их только поощряете.

– Зато есть чем заняться. – Глаза Джонни смеялись. – Мне не трудно.

– Правда? – Китти изогнула бровь в знак благодарности. Под униформой – любой униформой – все мужчины прячут желание поиграть в мячик.

«Все равно нужно поговорить с Недди», – пообещала она себе, шагая к лифту по черно-белым плиткам пола. Ее сыну не следует полагаться на дружелюбие Джонни. У Джонни есть работа, и он не обязан подбирать плюшевую игрушку, которую Недди выбрасывает с четырнадцатого этажа, проверяя, умеет ли мишка летать.

Китти улыбнулась. Недди, который ни минуты не мог посидеть спокойно, Недди, которого нужно было крепко держать за руку, – он любил самостоятельно исследовать окружающий мир. Никто не готовил ее к появлению мальчиков, с их порывистыми метаниями то туда, то сюда, словно в погоне за запахом, который неизбежно приводит их к неприятностям. Маленькие хорьки.

Китти дождалась, пока кабина с гудением опустится и слегка подпрыгнет, после чего поднимется решетка и откроется дверь.

– Привет, Фрэнк, – поздоровалась Китти с лифтером и вошла внутрь.

– Миссис Милтон. – Фрэнк скользнул по ней взглядом и задвинул решетку.

В молчании они проехали четырнадцать этажей; две пары глаз наблюдали, как меняются цифры на табло. На нужном этаже Фрэнк повернул рукоятку, замедляя движение кабины, которая остановилась на уровне лестничной площадки. Затем открыл двери и замер в ожидании.

– Спасибо, – сказала Китти, мельком глянув на себя в зеркало, висевшее в центре крошечного закутка возле лифта. Щеки у нее порозовели, в глазах все еще сияло удовольствие от приятно проведенного дня.

В библиотеке горел свет. Правее предвечернее солнце подсвечивало кусочек гостиной, а за окнами виднелась яркая зеленая весна, машущая верхушками деревьев. Китти сбросила пальто, достала вешалку из кедрового платяного шкафа, просунула деревянные планки под плечики и повесила его на штангу рядом с пальто Огдена. *Мистер и миссис Милтон*. Она улыбнулась висящей в шкафу парочке, коснулась рукава мужниного пальто и уткнулась в его воротник, объятая дикой, необузданной любовью к этому пальто, к своему пальто, к прихожей и... *Нет, это просто смешно*. Она снова улыбнулась. Что за нелепость. Но радость, охватившая ее еще в такси, оставалась с ней во время концерта в филармонии, а потом в парке; ее сердце заполнял чистый свет, пока она шла домой, открывала окна, о боже, как же ей хотелось вырваться из своего тела, поняла она, отступая от шкафа и закрывая в нем два пальто.

«Огден, – подумала она, – возвращайся домой».

Когда ее кузен Данк Хотон впервые привел Ога, только что вернувшегося из Германии, на светский прием к ее бабушке, все произошло мгновенно: вот Китти с сестрой Эвелин стоят у дверей библиотеки, скупающие и надушенные, но готовые принимать гостей на очередном музыкальном вечере, – а через мгновение все становится иначе.

Она стала совсем другой. Стоя рядом с Эвелин, она услышала шум за спиной: распахнулась входная дверь, мужской смех застучал по диванчику, обитому желтым шелком, по стульям с гнутыми ножками – *привет, Баркер, здравствуйте, джентльмены, позвольте взять ваши шляпы*, – и ворвался прямо в гостиную, где бабушкины гости искали, куда бы сесть.

«Иди посмотри, что там!» – прочла Китти безмолвный приказ в глазах бабушки. Она выскользнула за дверь и оказалась в холле как раз в тот момент, когда Данк с гордостью произнес:

– Смотри, Огден. Вот о чем я говорил...

Данк указывал на портрет ее бабушки работы Джона Сингера Сарджента, висевший над входом в библиотеку за спиной Китти (*слишком высоко*, как недовольно заметил низкорослый музейный куратор, заглянувший однажды в гости). Но мужчина рядом с кузеном смотрел не на картину.

– Вижу, – сказал он.

Китти вспыхнула.

– О да. – Данк повернулся к другу и одобрительно хлопнул в ладоши. – Да, это моя кухня Китти. Цветок совсем другой эпохи.

Молодой человек пересек разделявший их ковер и взял ее за руку.

– Огден, – представился он.

Милтона с Пьерпонт-Плейс кто угодно счел бы выгодной партией, хотя он был куда старше Китти и много времени провел за границей – поговаривали, что где-то у него есть женщина. Но у стоящего перед ней мужчины были синие глаза, худое лицо и открытая улыбка, которая, как ей казалось тогда, – ее рука лежала в его ладони – сияла для нее одной. Он опытен. Очень хорошо. Она нисколько не боялась. Она не такая, как мать. Жизнь мужчины проникает повсюду, течет, как пролитая вода. А прошлое – это просто прошлое. Он пришел к ней, раскрыв объятия и сердце, и началась их история.

Всю жизнь Китти постепенно продвигалась вперед, слегка придерживаясь за шнур, натянутый между вехами женской жизни. Она твердо знала, что девушке не следует ничего говорить, пока к ней не обратятся, а открыв рот, не следует произносить ничего такого, что могло бы вызвать раздражение или беспокойство. Следовало говорить «блуза», а не «кофточка», «белое мясо», а не «куриная грудка». Хорошие манеры представляли собой основу цивилизации. Можно

было точно определить, с кем следует садиться рядом, ориентируясь на поведение и манеры потенциального соседа. После еды нож и вилку требовалось положить на тарелку так, словно они стрелки часов, показывающие двадцать минут пятого. Нужно было держать спину прямо и не жестикулировать во время разговора, чтобы тебя не приняли за итальянку или еврейку. Женщине полагалось следить за садом, ребенком и светской беседой. Женщине следовало знать, как регулировать температуру в гостиной: добавить немного огня вовремя заданным вопросом или охладить накал с помощью напитков, вазы с орехами или улыбки.

В школе мисс Сара Портер научила Китти важной истине. Эту мудрость учительница получила через поколения преподававших здесь старых дев, чьи братья учились в Йеле и передали им великие слова «Правда. Верность. Честь»: твои братья, мужья и сыновья будут править, а ты будешь заботиться. Ты будешь наблюдать и предлагать, направлять и защищать. Ты будешь нести факел, и это к лучшему.

Еще был большой мир. За ним следовало пристально наблюдать. Изучать его историю, понимать причины идущих в нем войн, обсуждать и спорить на уроках. И постепенно возникала картина развития человечества на протяжении столетий; и становилось понятно, что хорошо и что правильно. Что людей может притянуть зло вопреки внутреннему голосу добродетели. Невоздержанность. Душевная скудость. Вот объяснение многих прискорбных пороков – например, рабства. Вот в чем причина. Люди, отдельные люди не были виноваты. Их следовало учить. Направлять. Своим примером показывать, как лучше. Несправедливость и бессердечие можно преодолеть. Спокойно. Терпеливо. Без лишнего шума, не привлекая внимания.

Шум – это для плохо воспитанных.

Волнение, страх, сомнения – все это следовало держать при себе. Следовало искать добро и находить его. Женщина находила добро, указывала на него, и мужчина, воодушевленный, клал его себе в карман. Таковы были правила.

Китти слышала, как дети плещутся в ванне; нескончаемое ворчание няни барабанной дробью проступало сквозь детское щебетание. Не буду их беспокоить, подумала она. Пусть порезвятся.

Но ее внимание привлек визг, а затем довольный смех Недди, и Китти повернула круглую ручку двери в ванную.

– Мама! – закричал Мосс.

Две мокрых головы повернулись к стоящей на пороге Китти.

– Ты взяла мишку, – с удовольствием отметил Недди.

– Взяла. – Китти с трудом удержалась от улыбки. – Но нам нужно поговорить...

– И в самом деле нужно. – Няня повернулась на своей табуретке; лицо ее было суровым. – Я сказала мальчикам, что сегодня все расскажу об их поведении.

Недди за ее спиной ухмыльнулся, зажал нос и погрузился в воду. Мосс во все глаза смотрел на мать.

– Очень хорошо, – сказала Китти, понимая, что от нее ждут строгости, что она должна что-то сказать. Но здесь, в ванне – ее мальчишки с мокрыми волосами и сияющими лицами. Недди поднялся из воды, держа в руке желтую машинку, с которой почти не расставался.

– Бултых, – сказал он и повез машинку по краю ванны. Это было так мило, так приятно.

– Поговорим после купания, – пообещала она няне. – Пришлите их ко мне в комнату, когда закончите. – Она отвернулась, чтобы скрыть улыбку, и вышла из наполненной паром ванной.

«О, – снова подумала Китти, шагая по коридору. – Вот оно. Опять». Жизнь.

В лучах заходящего солнца широкая кровать с аккуратно заправленным белым покрывалом и двумя подушками казалась больше. Окна уже закрыли; Китти посадила мишку на сиденье у окна и подняла вверх одну створку, желая впустить весь воздух, весь город – шум машин и стук каблучков по тротуару где-то далеко внизу. Вместе с глубокой темнотой весеннего вечера к ней поднялся запах тепла.

Она повернулась, сняла с запястий браслет с подвесками и золотые часы, сбросила шлепанцы, прошла в ванную, чувствуя через чулки прохладу зеленого кафеля, и повернула фарфоровые ручки крана в раковине. Оттуда хлынула ледяная вода. Испугавшись, Китти отдернула руки и увидела в зеркале свое искаженное гримасой лицо. Затем черты смотревшей на нее женщины разгладились, и Китти принялась разглядывать себя. У нее были типично хотоновские черты

лица: хотоновский нос, высокие скулы над изогнутыми губами, которые теперь улыбались своему отражению и предшествующим поколениям.

«Урожденная Хотон, в замужестве Милтон, – одобрительно произнес отец, поднимая бокал на ее свадьбе. – Китти сменила одно «-тон» на другое. – Он усмехнулся гостям и заключил: – И проявила завидное благоразумие, оставшись в своей весовой категории».

Длинные обнаженные руки подружек невесты, лениво поднимавшие бокалы с шампанским, напоминали Китти лебедей с изящно изогнутыми шеями, легко и беззвучно скользящих по воде в сумерках.

«Это лучшие годы твоей жизни. – Миссис Фиппс склонилась над белой скатертью и тронула руку Китти, чтобы привлечь ее внимание. – Ты этого еще не знаешь, но это так».

Китти зарделась и кивнула подруге матери, понимая, что должна поблагодарить ее, что собеседница не хотела ее уязвить. Но она знала: пожилые женщины – воровки. Они хотят украсть твои возможности, поставить тебя на место, сунуть себе в корзинку время, которое когда-то потеряли. Даже здесь, на ее свадьбе.

Что ж, пообещала себе Китти в тот вечер, она не будет им уподобляться. Растягивая губы в улыбке для миссис Фиппс, Китти решила: какой бы мудрой она ни стала, она никогда не скажет юной девушке, что *в конце каждого лука есть ворота*.

Она взяла пушистое полотенце и уткнулась в него лицом, а опустив его, увидела в зеркале Недди и Мосса – вымытых, в халатах и шлепанцах, с расчесанными волосами. Мальчики успели тихо и незаметно войти в комнату за ее спиной, обнаружить мишку и взобраться на сиденье у окна.

Сердце у Китти замерло.

Створка окна над их головами была высоко поднята. Ничто не отделяло их от уличного воздуха.

– Слезайте, мальчики, – сказала она в зеркало.

Они не слышали. Мосс стоял на коленях, прижавшись к подоконнику. Недди встал в полный рост, выглядывая наружу – слишком далеко, – чтобы перекинуть мишку через подоконник.

Китти резко повернулась и бросилась к нему:

– Недди!

Мальчик вздрогнул и оглянулся. И Китти поняла, что не успеет.
Ничто уже не спасет его от открытого неба.
А потом он просто упал.

Глава вторая

Она снова пришла в своих чистых белых кедах и теперь стоит у изножья кровати, ждет. Они на острове, в розовой комнате Большого дома. В соседних комнатах спят остальные, все спят в густой морской темноте.

– Эви, – говорит она, – нам нужно идти. Мы должны успеть, пока оно не исчезло.

– Это сон, – говорит себе спящая Эви.

– Эви. – Мать стоит и ждет.

– Я сплю, – отвечает Эви, лежа не в своей кровати и не в своей комнате; это комната, где они спали в детстве. – Я не хочу идти.

– Эви...

А когда Эви встает, мать поворачивается и, расправив плечи, быстрым решительным шагом идет по коридору.

– До свидания, бабушка Ки, – говорит Эви двери, за которой спала бабушка. – До свидания. До свидания, тетя Эвелин. Мы должны идти.

Они выходят из дома, пересекают лужайку и поднимаются по небольшому холму к кладбищу, где лежат Милтоны, маленькие гранитные бугорки с именами...

Огден. Китти. Эвелин. Мосс.

Джоан.

– Чья это? – Джоан указывает на последнюю могилу, новую, с ее именем.

– Мы думали, что ты умерла, мама.

Джоан смотрит на камень.

– Умерла, – шепчет она.

– Умерла? – Она поворачивается. – Но не здесь, Эви. Я же тебе говорила. Не...

Здесь.

Эви Милтон проснулась с этим словом на губах; его отзвук еще висел в воздухе. Она лежала в своей постели, пока фрагменты сна не встали на место, а окружающие стены не превратились в стены ее темной спальни в манхэттенской квартире, где она жила с мужем и

сыном – в настоящем времени, теперь. Наступило очередное утро. Город уже проснулся. Ее сердцебиение выровнялось. Мама мертва. Уже несколько месяцев.

Пол уехал в Берлин. Сет спал в своей комнате дальше по коридору. «Король в своих покоях, в гостиной королева, – Эви прищурилась, глядя на потолок и пытаясь вспомнить слова старой детской песенки, – и вот они упали, кто вправо, а кто влево». Но Пол возвращается домой. Эви улыбнулась. Сегодня вечером Пол возвращается домой.

Верхняя соль сирены промчалась по Шестой авеню, и неумолчная городская симфония – рокот автомобилей с синкопами неразборчивых разговоров, шаги прохожих под окнами и их голоса, порой резкий речитатив чьего-то смеха – стала тише. Мир продолжал жить без Эви, внешний мир с грохотом неся вперед, а она снова была девочкой, лежала без сна в своей постели, слушая голоса взрослых, эхом разносившиеся по лестнице Большого дома на острове, а рядом в темноте спала ее кузина Мин.

Эви отбросила одеяло, спустила ноги на пол, откинула волосы с лица и села, все еще не стряхнув с себя остатки сна.

Что это было?

За цепочкой темных деревьев мелькало что-то неуловимое, окутанное туманом, оно висело там и никуда не уходило; Эви почти разглядела его в дымке за стволами – оно ходило на цыпочках, словно не хотело ее беспокоить, не хотело ни о чем напоминать, как будто прошлое внезапно подобрело. Что это бродило там, за пределами сознания, что это было?

Ей нужен Пол. Он должен помочь ей во всем разобраться. Он поймет, что это значит. Он объяснит молчание.

На письменном столе звякнул телефон.

«Вальзер, – написал Пол. – Тебе это о чем-нибудь говорит?»

«Танец?» – ответила она, дразня его.

«Имя», – подсказал он.

«Нет», – напечатала Эви и уставилась на экран. «Возвращайся», – подумала она и отправила сообщение: «Счастливого полета».

Лучи утреннего солнца тянулись по коридору, и закрытые двери комнат напоминали отверстия, пробитые на полях тетради, – ее кабинет, кабинет Пола, ванная, спальня Сета, а в конце кухня и

гостиная с окнами на Бликер-стрит. Вдоль всей внутренней стены коридора от пола до потолка выстроились вишнево-красные книжные полки, которые они заказали в Беркли и перевозили с собой каждый раз, когда меняли квартиру или работу. Корешки книг, выстроившиеся по разделам и в алфавитном порядке, рассказывали историю их жизни, цветную и объемную; на полях этих книг Эви могла проследить свой путь от девочки до ученого.

«Ты же понимаешь, что мы живем в библиотеке, да? – ворчал Сет накануне вечером. – Одни только книги, книги, книги».

«И грязные носки», – вставила она.

«Мама, – твердо ответил он. – Кто-то должен поддерживать связь с реальностью».

Эви направлялась в ванную.

– Мама? – позвал ее Сет.

Эви толкнула дверь в его комнату.

– Мне уже пора вставать? – Голос из скомканного одеяла в центре кровати еще звучал полусонно.

Эви улыбнулась в темноту – опущенные шторы не впускали город в комнату.

– Десять минут, – сказала она и приблизилась к краю кровати, не спуская глаз со своего пятнадцатилетнего мальчика, который лежал совершенно неподвижно, обняв обеими руками подушку.

– Мама?

У нее перехватило дыхание – она вдруг поняла, что стоит точно так же, как во сне стояла ее мать.

– Десять минут, – повторила она и вышла, быстро закрыв за собой дверь.

Всю жизнь она сторонилась матери. Эви совсем не походила ну ту замкнутую, молчаливую женщину в центре еще более молчаливого родительского дома – и не будет походить, поклялась она себе. Когда-то с ее матерью что-то случилось, сбило ее с ног, опустошило ее. Потому что Джоан Милтон – в отличие от своей сестры Эвелин, в отличие от своей матери Китти – была какой-то неопределенной. Расплывчатой. Нечеткой.

Поэтому в этот месяц без Пола, раз за разом видя этот сон, который приходил каждое утро, сон, в котором настойчивая, решительная, энергичная женщина брала Эви за руку и вела из

Большого дома на острове Крокетта к новой могиле и что-то показывала... что она могла сделать?

Она следовала за матерью.

Эви была историком, прошлое приносило ей хлеб с маслом. Но ничто, думала она, заходя в ванную и включая воду, ничто не подготовило ее к этому легкому неотступному ощущению, которое в течение месяца делалось все настойчивее, к этому непрерывному дождю где-то на задворках сознания, – к ощущению, будто она что-то упускает, где-то допустила ошибку, будто на ее жизненном пути был какой-то поворот, какая-то дорожка, проход, мимо которого она проскочила. Где-то в прошлом был правильный путь, ведущий к цели, и она его пропустила.

Она подняла взгляд на женщину в зеркале – очень похожую на ее бабушку, Китти Милтон.

Ей требовалось что-то вспомнить. Нечто такое, что она не должна была забывать.

Глава третья

Путь домой занял почти две недели, хотя Огден забронировал место на ближайшем доступном судне. Похороны отложили, дожидаясь его возвращения. На многочисленных рядах скамей в большой каменной церкви сидели представители старого Нью-Йорка, объединенные горем, утешая себя пением псалмов, которые выбрала мать Китти. Христианский воин, кроткий агнец, мытарства... Ряды скорбящих, шляпы, чья шерсть, промокая под майским дождем, испускала пар. Сырость. Тепло.

Огден сидел рядом с Китти, глядя прямо перед собой невидящим взглядом. Мосс и Джоан остались дома, а Недди – которого он носил на плечах, с которым играл в догонялки в парке, маленький мальчик, который хлопал его по руке и со смехом убежал, крича: «Я тебя догнал!» – лежал в дубовом гробу, прямо перед ним, там, где его поставили Огден и распорядители церемонии.

Как?

Пароход причалил позавчера поздно вечером, и домой Огден попал уже за полночь. Он тихо прошел к спальне по длинному коридору мимо двух включенных ламп на комод и толкнул дверь. Внутри была непроглядная тьма, хотя обычно в комнате всегда горел маленький ночник, на тот случай, если детям понадобится их разбудить; Огден протянул руку и, двигаясь вслепую маленькими шажками, стал ощупью пробираться к кровати, наткнулся на нее и чуть не упал. Потом осторожно положил ладонь туда, где предполагал найти руку жены. Но там никого не было, кровать оказалась пуста. Подушка была накрыта покрывалом. Огден хлопнул по выключателю. Китти не было в спальне, постель стояла нетронутая, аккуратно заправленная. Он побрел назад через пустую темную квартиру, заглянул в библиотеку, гостиную, столовую – где же она? Оказавшись на кухне, он заметил свет в дальнем коридоре, в одной из комнат для прислуги. Там он ее и нашел – свернувшуюся калачиком, с прижатыми к лицу ладонями, словно она пряталась во сне.

«Китти, – прошептал он и положил ладонь ей на плечо. – Китти». – Он осторожно отвел ее руки.

Она открыла глаза и посмотрела на него снизу вверх.

«Это Огден. – Голос у него дрогнул. – Это я».

«Огден?» – Больше она ничего не сказала.

И одно-единственное слово, колоколом звучащее у него в голове в течение всего пути через океан, всего пути к дому, так и не прозвучало; он не смог спросить ее: как?

Все советовали положиться на время и тишину. Лучше не говорить об этом. Лучше не застревать в воспоминаниях, сказала его мать. Ужасная случайность. Видимо, было жарко. Окна все время были открыты. Время залечит раны. О некоторых вещах лучше умолчать. Все так, но Огден не мог заставить себя выговорить имя мальчика. Если бы он произнес «Недди», его сердце могло бы выскользнуть изо рта.

Он взял жену за безжизненную руку; тем временем Китти, как и каждый день, бесконечно прокручивала одно и то же в своей голове, возвращаясь в ту комнату и в ту последнюю секунду, когда Недди был еще здесь, еще стоял на сиденье у окна с мишкой в руках, когда она еще могла преодолеть эти десять футов между ними и вырвать его у смерти, а не стоять неподвижно в дверном проеме; ее разум отказывался представить, как он падает там – *там?* – в своем халате и шлепанцах, еще живой. Эти мгновения были невыносимы. Еще живой. Звал ли он ее? Она надеялась, что его сознание отключилось, что мозг сам задернул шторы.

Огден крепче сжал ее ладонь. Им снова нужно встать. Священник поднял руку, благословляя их. Они встали.

Когда Недди упал, она осталась неподвижно стоять в дверном проеме. Конечно, пустое место там, где должен быть Недди, – это неправильно. Конечно, того, что она видела, не могло быть, конечно, кто-то его остановит, кто-то его поймает, кто-то придет, вернет его, закроет окно и...

«Мама?»

С сиденья у окна на нее смотрел Мосс.

Наконец она стряхнула с себя оцепенение. Стремглав пересекла ковер, схватила Мосса, крепко обняла его, шагнула к кровати и опустилась на нее, чувствуя, что ее сердце снова ожило. Мир вновь начал пульсировать, биться внутри ее своим *нет, нет, нет*, и Мосс уткнулся лицом ей в грудь и прижался к шее, а Китти обвила его

руками и, закрыв глаза, стала качать. Она его не отпустит. Никогда не отпустит.

Так что она держала Мосса в объятиях, когда в комнату вошла няня. Держала, когда пришли эти ужасные люди с носилками. Не выпускала его, почти спящего, когда встала с кровати, чтобы выйти в коридор навстречу отцу с матерью.

«Недди с вами?» – спросил Мосс, повернувшись к бабушке и дедушке.

«Недди заболел, – сказала бабушка, склоняясь к внуку. – Его отвезли в больницу».

И Китти осела, рухнула на пол, прежде чем отец успел ее подхватить, словно птица, прямо наземь, подстреленная в небе птица, несчастная птица, и сын все так же крепко обнимал ее за шею, пока она падала.

«Где Недди, мама? – спрашивал Мосс в последующие дни. – Когда он вернется из больницы?»

Китти была не в силах отвечать.

«Он забудет, – утешала ее мать. – Дети забывают. Ему лучше забыть. Правда невыразима».

«Но Мосс был там, – отвечала Китти. – Он видел, как Недди упал».

«Где Недди?» – спрашивал Мосс каждый вечер.

На третий вечер Китти посадила его к себе на колени, собираясь рассказать ему, спросить: «Милый, ты ведь помнишь, что случилось, правда?» Но его маленькое тельце так доверчиво прижималось к ней, что она смогла лишь выговорить:

«Недди улетел».

«Недди улетел?» – Мосс посмотрел на нее.

Она кивнула:

«Недди улетел на небо».

Мосс прижался к ней и задумался:

«С мишкой?»

Китти крепче обняла его.

«Да, – прошептала она, уткнувшись в его волосы. – С мишкой».

– Помолимся. – Священник окончил проповедь.

– Отец наш небесный, да святится имя Твое, – произнесли голоса вокруг.

И Китти попыталась сделать то, на что до сих пор не решилась. Попыталась, но не смогла. Здесь, под сводами церкви, затерявшись среди других людей, она снова попыталась вообразить себе путь Недди до самого конца. Она твердо решила представить себе все до конца, мысленным взором проследить за сыном до самой земли. Не отпускать от себя. Чтобы в момент смерти он был не один. Но ее разум, ее измученный разум быстро убежал от той картины, которую она не желала видеть. Вместо этого она представила, как Джонни поймал мальчика и принес его к ней, и она взяла Недди на руки, а Мосса за руку и уложила мальчиков спать – как обычно. Она поцеловала Недди, пожелала ему спокойной ночи, подоткнула и расправила одеяло, глядя, как он сонно переворачивается на бок и подкладывает ладошки под щеку. А потом она точно так же уложила Мосса, выключила свет и закрыла дверь, оставив своих детенышей, своих мальчиков, в большой комнате высоко над гудящим городом.

– Дорогая моя. – Миссис Уитерс заключила ее в объятия, пропитанные запахом пудры.

Китти позволила притянуть себя, обхватить, а затем отпустить. Миссис Уитерс вглядывалась в ее лицо.

– Тебе станет легче, – прошептала она.

Китти кивнула и улыбнулась. Как же она их всех ненавидела.

Миссис Уитерс повернулась к Огдену, приветствовавшему гостей вместе с Китти, словно это была их свадьба. Китти стояла и улыбалась, принимала соболезнования, понимая, что, если теперь на глазах у всех она даст волю слезам, пути назад уже не будет. Отец был прав. Никаких рыданий. Лучше построить внутри лестницу, лучше шаг за шагом взбираться вверх по деревянным планкам, прочь от этой ужасной, бездонной дыры. Лучше цепляться за лестницу и тащить себя вверх, вверх, прочь от картины, которую она не могла увидеть, но не могла и забыть. Недди на земле среди ног чужих людей – совсем один.

В последующие дни Огден начал ходить на работу, а Китти в церковь, хотя молиться было не о чем. Случившееся невозможно было выразить словами. Недалеко от Лексингтон-авеню она нашла крошечную церковь с обшарпанной дверью и единственным круглым окном над ней. Она приходила и сидела в этой пещере из камня, заполненной голосами незнакомцев. В воздухе реял шепот, он ударялся

в потолок и осыпался вместе с зелеными и синими пятнышками, а в дальнем конце нефа горел пурпур витража. Китти сидела на твердой деревянной скамье и ждала псалмов. Когда начинали петь, она могла плакать. Она приходила в церковь, чтобы открыть рот и снова почувствовать, как сжимается, колотится, подступает к горлу ее сердце, и слезы лились вместо слов, голос прерывался и трепетал, остановленный горем. Прихожане постепенно привыкли к высокой женщине, появлявшейся каждое утро из другой части города. И не мешали ей. Она сидела одна, день за днем, беззвучно пела, и слезы катились по ее щекам, по шее, стекали за воротник платья.

Время залечит раны, говорили ей. Время унесет твою горе.

Однако же вот лежал Недди, ее вечная скорбь, а исчезала она – горе разъедало ее мозг, длинное тело червя буравило туннель, в который она могла провалиться в любую секунду. Извилистая дыра внутри, вид из которой был безжалостен и непостижим.

Огден был не в силах помочь. И никто другой тоже. Она оставила окно открытым. Она открыла окно.

Глава четвертая

Словно голоса, гудящие в телеграфном проводе, подумала Эви. Вот на что похоже преподавание истории. Можно приложить руку, почувствовать вибрацию, закрыть глаза, наклониться и напрячь слух. Если слушать внимательно, можно уловить голоса из прошлого. *Это* и есть Время.

Она стояла на углу Уэйверли и Университи-Плейс. Ее обтекали студенты, торопясь на занятия в приземистые здания, обрамлявшие парк Вашингтон-сквер. В балетках и голубом платье без рукавов, подчеркивавшем густую копну ее серебристых волос, фигура профессора Милтон посреди этой суеты притягивала к себе взгляд. «Царственная», – говорили о ней за спиной более молодые коллеги, и Эви знала, что это одновременно и пренебрежение, и знак уважения.

Медиевист по образованию, исследователь жизни женщин, профессор Эвелин Милтон начала карьеру двадцать пять лет назад, опубликовав монографию «Затворница: основная метафора патриархального дискурса от Средневековья до наших дней». В работе утверждалось, что, хотя основанием любой западной иерархии служит молчаливая женщина – понимаемая буквально в случае затворниц тринадцатого века, монахинь, которых замуровывали в кельях на краю аббатства, чтобы они молились до конца жизни, – это молчание было источником могущества и для церкви, и для монахинь. Затворница обладала властью и славой, но одновременно была жертвой. На дворе были девяностые. Переосмысление женского молчания было последним пискком моды. Книга принесла исследовательнице награды, работу и в конечном итоге постоянную должность, доставив Эвелин на окраину Манхэттена, на исторический факультет Нью-Йоркского университета.

Но теперь слово «метафора» вызывало у Эви желание бежать куда глаза глядят. А кроме того, какую бы власть ни приписывала затворнице теория, в конечном счете она оставалась женщиной, заживо похоронившей себя в каменном мешке.

Метафора – это для молодых, думала Эви, сходя с тротуара, когда на светофоре загорелся зеленый. В любом случае для тех, кто моложе

ее.

Эви открыла двойные застекленные двери исторического факультета, нырнула из горячего яркого дня в прохладу мраморного вестибюля, сдвинула на лоб темные очки и прошла к лифту, кивнув по дороге парочке студентов, чьих имен не могла вспомнить.

Дверь лифта закрылась, и на латунной панели замелькали цифры этажей, вспыхивая и угасая, как недолговечные звезды. Стоя с прямой спиной, Эви понаблюдала за ними, затем опустила взгляд на блестящую стенку и с удивлением понял, что отражавшаяся там женщина с серебристыми волосами – это она.

Она все время забывает. Это *она*.

Эви скрестила руки на груди. «Не бери в голову, – подумала она, разглядывая эту женщину. – Это элегантно». Победно вскинутый кулак. Хватит обманывать себя. В конце концов, ей уже за пятьдесят, она двадцать пять лет замужем, у нее сын подросток. Да и вообще, она никогда не рассчитывала на свое тело, чтобы привлечь к себе внимание, – даже в те времена, когда было на что рассчитывать. Ее муж, Пол, хотел ее, а она хотела его, и этого было достаточно.

– Знаешь, я придумала, как называется наш возраст, – заметила на прошлой неделе Хани Шермерхорн, ее самая давняя и близкая подруга.

– Да? – отозвалась Эви. – И как же?

– Промежуточным.

– Между чем?

– Хороший вопрос. – Хани задумалась. – Между девушкой и старой каргой?

– О господи.

«Но ведь так оно и есть», – подумала она теперь. Для этого периода нет подходящего названия. Эви, которая после выпуска устремилась во взрослую жизнь, словно стрела, которая никогда не колебалась и с самого начала точно знала, чего хочет достичь, в последнее время все чаще чувствовала, что заплутала. Почему-то она уже не была уверена в том, куда идет. И даже сомневалась, хочет ли она туда идти.

Добиться должности, заправить постели, вымыть посуду, вырастить детей – все это было сделано. Колесо остановилось – и что теперь? Где, например, рассказ о сироте средних лет с седой прядью в

волосах, которая с шуршанием извлекала истории средневековых женщин из скрытных и ускользающих страниц, которая твердо знала, что в жизни не бывает predetermined сюжета, и год за годом объясняла это студентам, – и все же в последнее время тосковала именно по этому? Вопреки всякой логике, она тосковала по какому-то четкому направлению, по обещанию закономерности. По *облегчению* – она натянула на плече ремень сумки, – невыносимому облегчению, которое испытываешь, зная: в мире есть всеведущий рассказчик.

Юность, подумала она, с какой-то жестокой радостью распахивая дверь аудитории, *ничего* об этом не знает.

Студенты притихли и посмотрели на нее.

Это было второе занятие летнего семестра по курсу «Введение в средневековую историю», и негласные правила игры еще не определились. Еще требовалось выяснить, что нужно профессору Милтон. Она кивнула и вытащила ноутбук, держась уверенно, словно знала ответ на любой вопрос; тишина ее явно не смущала. Потом достала из сумки маленькую книгу, сжала ее в руках и посмотрела на аудиторию.

– Если бы вы работали во второй башне Всемирного торгового центра и получили бы приказание вернуться на рабочее место после того, как рухнула первая, вы бы подчинились?

В аудитории стало совсем тихо.

– Что бы вы сделали? Я постоянно задаю себе этот вопрос. Встали бы из-за стола и начали спускаться по лестнице? Это паническое ощущение – *что делать, что делать* – и встреча с начальником, который велит вернуться на рабочее место, вернуться и ждать пожарных. Потому что таковы правила... – Она выдержала паузу. – Вы бы все равно пошли вниз? Или вернулись бы?

Эви окинула взглядом студентов.

– А если бы в 1939 году еврей попросил бы у вас укрытия, как бы вы поступили?

Она кивнула, обращаясь к сидящим в первом ряду:

– Стали бы рисковать своей жизнью и жизнью родных ради освобождения человека, превращенного в раба?

Теперь абсолютно все внимательно слушали.

– Если мы можем представить ответы на эти вопросы, значит, мы правильно начинаем семестр.

Она помолчала.

– Я бы вернулась за свой стол, – тихо сказала она. – Я повела бы себя правильно, послушно.

Эви смотрела на своих слушателей:

– А вы? Каждый из вас?

Они не отрывали от нее взгляда. Один парень опустил глаза.

«Хорошо», – подумала она, позволяя своим словам на несколько мгновений повиснуть в воздухе. Затем надела очки и раскрыла книгу.

– «После того как каменщик исчез за стеной, которую он возводил вокруг меня, я еще долго слышала скрежет его мастерка. Он был аккуратен. Старателен. В своем заточении я много часов слышала, как он ставит кирпичи, один на другой, бросает раствор и разглаживает его, бросает и разглаживает, и даже когда я молилась, когда свет померк, а затем исчез, глина и раствор поднимались перед моим мысленным взором. Поднимались к Богу».

Эви остановилась и подняла взгляд от книги.

– Это рассказ Марии, затворницы из Сен-Леро, написанный в 1341 году, – пояснила она и продолжила чтение: – «И я невольно представляла стену, которую он построил, стену, которую он возвел вокруг меня, как будто я стояла снаружи и смотрела внутрь. Кирпичи подобны нотам – тычковая укладка, ложкавая, на ребро, – и стена будет звучать, как песня, которую он складывает из глины, камней и воды. А в центре этой песни, за стеной, в тишине, вместе с кирпичами пело бьющееся сердце. Мое сердце пело Господу».

Она закрыла книгу.

– Мрак, – заметил мальчик, сидевший в центре аудитории.

В каждой аудитории всегда найдется такой студент – неважно, юноша или девушка: самозванный провокатор, который воображает себя бесстрашным, способным бросить вызов закоснелой системе обучения, задавать вопросы, отталкивать руку дающего. Эви это замечала и приветствовала. Когда-то давно она сама была таким мальчиком, скептическим и проницательным, стремилась начертать свое имя на небесах аудитории.

– Мрак? – Эви сняла очки и пристально посмотрела на парня. – В смысле здорово? Или ужасно?

– Ужасно. – Он поморщился. – Что заставляет человека замуровать себя навечно в комнате при церкви?

– Вера, – твердо ответила Эви, – и власть.

Скепсис аудитории был почти осязаем.

– Позвольте мне задать вам вопрос. – Эви отложила книгу. – К каким действиям вас побуждает подобный рассказ от первого лица?

– Вызволить ее оттуда, – ухмыльнулся тот же парень.

– Продолжайте, – сказала Эви. – Как?

– С помощью оружия. Любви. Или денег.

– Или электронной почты, – осмелев, заметил другой. – Если у нее есть вай-фай.

Все рассмеялись. Эви подошла к единственному окну в помещении и открыла его. Затем снова повернулась к аудитории, и студенты увидели, что она все еще ждет ответа.

– А если написать ее историю? – спокойно спросила Эви. – Как насчет истории?

Студенты молча смотрели на нее.

– Когда я была немногим старше вас, библиотекарь дал мне этот молитвенник затворницы, – продолжала она. – Он был маленьким, довольно потрепанным, с посеревшим от старости кожаным переплетом. Страницы стали мягкими, но на них по-прежнему явственно проступали слова. Только на одной странице одно слово у самого края было почти неразличимым.

– Какое? – спросил кто-то.

– Бог, – ответила Эви.

Теперь даже тот парень весь превратился в слух.

– Как это произошло? – спросила она. – И почему? Почему слово на полях исчезло, а все другие остались?

Студенты ждали.

– Я сидела там, в библиотеке самого холодного города Англии, держала в руках молитвенник, смотрела на страницу, и в моем сознании постепенно проступал образ затворницы, этой двадцатилетней девушки, замураванной в келье. И внезапно я поняла. Юлиана стерла слово, постукивая по нему, словно отбивала ритм. Каждый раз, когда читала эту строку молитвенника. *Бог, Бог, Бог*. Она ожила передо мной. Она была живой, была *рядом*.

Эви скрестила руки на груди.

– Но, – запротестовал парень, – откуда вы знаете, что она так делала?

Улыбка профессора Милтон была обворожительна. Впервые по-настоящему осознав сложности взгляда в прошлое, студенты всегда оказываются перед этой калиткой, какими бы умудренными себя ни считали. Разумеется, хорошие студенты. Которые действительно работают головой. Эви пересекла аудиторию и остановилась рядом с ним.

– В чем разница между историей и вымыслом?

– Факты.

– *Факты*. – Эви кивнула. – Очень хорошо.

Парень посмотрел на нее, понял, что она не шутит, вспыхнул и отвел взгляд.

Профессор Милтон вернулась к своему столу и кликнула по изображению, открытому на ноутбуке. На экране над доской появились два покосившихся, покрытых мхом надгробных камня на заросших могилах; на каждом большими буквами была написана фамилия: Крокетт.

*Здесь лежит Луиза, 31 года,
умершая 31 августа 1840,
и двое ее детей, мертворожденных*

*Генри, р. 1846, ум. 1863
Геттисберг, Пенсильвания.
Далеко от дома.*

– Подумайте, – предложила Эви. – Какие мы можем извлечь факты? – Она осторожно, бережно обращалась с этим словом, словно то было слегка подпорчено.

– Всё, – подала голос девушка, выступавшая на первом занятии. – Все указанное действительно произошло.

– Так, – согласилась Эви. – Хорошо. А теперь, где начинается история?

Все снова посмотрели на надгробия.

– Геттисберг, – ответил парень с копной кудрявых, как у горгоны Медузы, волос.

Его соседка покачала головой:

– Далеко от дома.

Эви снова скрестила руки на груди.

– Видите?

Один за другим студенты обратили взгляд на нее. Она улыбалась.

– Вот шестнадцатилетний или семнадцатилетний парень по имени Генри, погибший при Геттисберге, далеко от дома^[14]. Это факты. Но вы, – она кивнула кудрявому студенту, – напишете историю сражения, захватывающую и величественную, я в этом не сомневаюсь.

Она была абсолютно серьезна. Парень почти поверил, что и правда напишет эту историю; профессор не подшучивала над ним.

– А вы, – обратилась Эви к девушке, – можете написать историю о сдвигах той эпохи, о переселении тех парней с Севера на Юг и о том, как это повлияло на Америку конца девятнадцатого века. Ваша история покажет, что такое «далеко от дома». Например, что входит в понятие *дом*? Очень интересно.

– Не только парни, – заметила девушка с афрокосичками, подхваченными шарфом на макушке. – Были еще скитающиеся освобожденные рабы. Что было «домом», – в ее тоне явственно звучала насмешка, – для них? Нужно учитывать и это.

– Совершенно верно. – Профессор Милтон повернулась к ней. – Вы абсолютно правы. Еще одна история.

Она снова обратилась ко всей аудитории:

– Войны, эпидемии, имена на могилах рассказывают нам лишь о том, что произошло. Но *история* прячется в трещинах между ними. В необъяснимых, невидимых поворотах – когда кто-то протягивает руку, толкает определенную калитку, проходит в нее. В человеке, говорящем «нет» вместо «да»; в двух руках, сцепленных на темной улице. В двадцатилетней монахине, которая, закрыв глаза, молится в своей келье, снова и снова прикасаясь к слову *Бог*, оставляя для нас след своей веры в книге, которую мы найдем. В исчезновении этого слова, – Эви выдержала паузу, – кроется личность. Вот что такое история.

Среди юношей и девушек, смотрящих на нее со знакомой смесью недоверия и непонимания, виднелось одно или два лица, которые ответили на ее взгляд, смотрели на нее пристально и чуть нахмурившись, с любопытством, беспокойством и волнением, указывавшим, что они понимают смысл сказанного. Понимают, хотя сами еще не догадываются об этом.

Эви скрестила руки на груди и прислонилась к стене.

– За общей схемой, за великими страницами, сменяющимися одна другую, за провозглашенными и отгремевшими войнами кроются вопросы. Что, если? Что произошло? *Как?* Остерегайтесь широкой властной истории, которая расстилает свой ковер во времени: одно следует за другим, неизбежно приводя к третьему. Остерегайтесь хода истории, телеологии. Нет ничего неизбежного; все опосредованно, все своеобразно, все *человечно*.

Все слушали.

– История внутри нас. Наша история живет в нас. Склонитесь пониже и прислушайтесь, это ваша работа. Важен не сам *факт*, что они жили, – она интонацией выделила это слово. – Важно *как*.

Эви улыбнулась, увлекая слушателей дальше и надеясь, что они последуют за ней.

– Герои – это люди, не поместившиеся в свое время. Большинство из нас, – она снова улыбнулась, – не такие. Историю иногда делают герои, но также ее *всегда* делаем мы. Мы, люди, которые неуклюже бродят вокруг, мешают или помогают герою из преданности, упрямства, веры или страха. Те, кто воздвигает стены, и те, кто их разрушает. Те, кто на фотографии с краю. Люди, которые смотрят. Толпа. *Вы*.

Все внимательно слушали.

– Поэтому сначала нужно познать себя, – подытожила она. – А *затем* оглянуться назад и разобраться в случившемся.

Еще мгновение в аудитории сохранялась напряженная тишина, затем все расслабились. Эви преподавала уже много лет, но удовольствие от этого момента не ослабевало. Теперь курс начался по-настоящему.

Она открыла дверь и кивнула, прощаясь:

– До среды.

Студенты собрали свои вещи и вышли, и в наступившей тишине ее взгляд упал на могилы с острова Крокетт, изображение которых все еще проецировалось на экран. Эви фотографировала их в густом тумане, и вырезанные на камне буквы контрастировали с окружающей дымкой и яркой травой на земле; знакомые серые камни склонялись друг к другу, словно перешептывающиеся брат с сестрой, рядом с гранитными плитами Милтонов, от которых каждое утро во сне отворачивалась ее мать.

Эви вздрогнула.

Познать себя? Ха-ха.

На фотографии не было покрытой лишайником ограды вокруг крошечного кладбища, под которой пролезали Эви с кузенами, чтобы поиграть среди могил. Не было и дорожки, ведущей к Большому дому от кладбища через поле, где она пряталась в детстве, где подростком курила вместе с кузенами, а в двадцать лет по ночам целовалась с парнями с других островов, смеясь над чертополохом, застревавшим в ее длинных волосах. Не было ее, одной из Милтонов, которым принадлежал остров Крокетт – четыреста акров хвойного леса на одной квадратной миле между гранитными берегами, обрывающимися прямо в море, – место, которое держало их и принадлежало только им.

На фотографии не было ее бабушки, Китти Милтон, сидящей на зеленой скамейке у Большого дома и глядящей на лужайку, не было тети Эвелин на гранитных ступенях перед домом, не было ее матери, Джоан, которая стоит между ними и говорит...

Эви.

Что? – раздраженно подумала Эви. Фигуры трех женщин, молча смотрящих на нее, на лужайку, предстали перед ней отчетливо, с могуществом реального воспоминания, словно она наткнулась на причину молчания, которое жило среди них, подобно клятве, подобно брошенной перчатке. Словно в тот момент что-то могло произойти. Словно что-то *действительно* произошло, но только Эви этого не видела.

На протяжении всей своей карьеры Эви с терпеливостью взломщика извлекала жизни людей из дневников, рецептов и эпитафий на могильных камнях, брала крошечные, необъяснимые моменты, чтобы дополнить портрет эпохи, сосредотачивалась на девочках с краю, на обычных женщинах, которые жили без сюжета. И в своей области она стала одной из лучших – это признавали все. Но эти трое... Эви помнила медленный поворот головы матери, нетерпеливые тетины руки, лущившие горох или пакующие корзинку для пикника, изящные движения бабушки Ки, когда та садилась в лодку или ходила на берег; и все же она никогда не могла понять, что связывает этих трех женщин, помимо острова.

(«Ничто на свете не бывает просто, – говорила бабушка. – Разве что ты герой, трус или просто глупец».)

– Ради всего святого. – Эви закрыла ноутбук, и могилы с острова исчезли.

Вот она стояла в своей аудитории и, подобно одному из своих студентов, жаждала определенности одного-единственного момента, как это бывает в старых книгах. Уверенности, что в основе каждой жизни лежит зерно, у каждого события есть начало – выстрел, эрцгерцог Фердинанд падает, мировая война, – есть причина. Угнездившееся в сердце семя, из которого прорастает объяснимая жизнь.

Но это все выдумка, фантазия. Эви знала, как в семьях вызревает и крепнет молчание. Вражда растет медленно и необъяснимо – без всяких корней. Ничего особенного, никакого сюжета. За долгие годы изучения истории Эви отчетливо поняла: она может вытащить из тьмы веков отдельные моменты, указать на точку во времени, на строчку в дневнике, на порвавшуюся синюю ленту на туфельке, соединить все это вместе и сказать: «Вот что произошло».

А история будет стоять за спиной и смеяться, смеяться.

Глава пятая

Год беззвучно менял свои краски в круговороте сезонов. Миновало лето, и зелень стала золотом, а потом серостью, потом потянулась белизна и долго покачивалась зимняя тьма; заколыхался, медленно закрутился и покотился светло-бурый, мышинный серый, и однажды – зеленый шепот, легчайшая мягкая зелень проросла в следующий день, потом в следующий, а потом внезапно, невозможно снова наступила весна. Над газетами, напечатанными и брошенными перед дверью, над афишами на улицах цвели липы и распускали свои свечи каштаны; плотный зеленый орнамент свисал с черных ветвей над Берлином. Гитлер вошел в Рейнланд, Франко двигался на Мадрид, Муссолини бомбил Эфиопию, обрушивал на нее ядовитый дождь, объявляя частью Италии.

Был конец апреля 1936 года.

– Да, буду, – ответила Эльза отцу, спускаясь по лестнице, пока тот запирает дверь. Стоял холодный весенний день, и косые солнечные лучи, проникавшие через железную решетку, не приносили тепла. Эльза укутала подбородок шарфом.

Напротив у своего узкого окна стояла фрау Мюллер, придерживая занавеску. Женщина не скрывала, что разглядывает Эльзу и ее отца, стоящего на крыльце дома.

Эльза подняла руку в приветствии.

Пожилая соседка не шелохнулась. Бернхард Вальзер медленно спустился по ступенькам и остановился перед домом рядом с Эльзой.

– Фрау Мюллер, – окликнул он. – *Guten Morgen*^[15].

Женщина кивнула, поклонилась и задернула занавеску.

– Ну вот. – Вальзер взял Эльзу под руку и решительно повел прочь. – Должно быть, она не видела, как ты ей машешь.

Эльза теснее прижалась к отцу.

– Она меня видела.

Вальзер не ответил.

– Она учила меня печь завитушки, – напомнила ему Эльза и поцеловала на прощание. – Каждую субботу.

– Она сбита с толку, бедняжка.

– *Tschüss*, папа, – шепотом попрощалась Эльза и быстро пошла по Тухольскиштрассе.

Бедный папа, подумала она, глядя на окна домов над головой, а потом отвела взгляд. Человек, привыкший командовать, капитан корабля, ее отец верил в корабль. Верил в людей на борту, верил, что они могут избавиться от всего неправильного. Нынешние дни обнажили зло – эта упорная, драгоценная вера, что все могут ясно его видеть, надежда, что кто-нибудь придет и остановит это, что найдутся люди, которые все прекратят, обрекала всех на гибель. Эльза перешла на другую сторону улицы и влилась в толпу на Фридрихштрассе. Остановить все это могут только они сами.

Воодушевление двухлетней давности, когда казалось очевидным, что выходки Гитлера, его чистки, его *безумства* вызовут бунт в рядах его сторонников и лишат его власти, было погашено безжалостной, неусыпной машиной рейха, действовавшей у всех на виду.

В метро стеклянная крыша над лестницей блестела на холоде. На свет поднимались группки рабочих.

Герхард ждал перед булочной «Бротхаус»; Эльза улыбнулась ему и помахала рукой, словно это было всего лишь свидание влюбленных. Он улыбнулся в ответ, расцепил руки и пошел навстречу. Эльза отметила, что сегодняшний наблюдатель был ребенком, вернее, почти ребенком. Девочкой школьного возраста в синей саржевой фуражке.

Герхард обнял жену, затем развернул, и они пошли в сторону Вильгельмштрассе; муж держал ее за плечи, крепко прижимая к себе. Они шли медленно, молча, соприкасаясь бедрами, – как будто направлялись пообедать в ресторан, а затем, возможно, в темную комнату и постель.

Что ж, герр Геббельс, если евреи – *сифилис народов Европы*, то мы вас заразим, пообещал Герхард. Мы испачкаем ваши стены правдой. В последний месяц по всему городу появлялась одна и та же угольно-черная или мелово-белая фраза, написанная соратниками Герхарда. Достаточно крупная, чтобы привлечь внимание, броситься в глаза прохожим, она быстро распространялась по свежеекрашенным стенам домов; эти черные иголки протыкали нацистский шарик. Черные метки покрывали белые стены нацистского стадиона – белоснежного склепа безумия, просыпающегося зверя, который

вздымался в небо на западе города. Каждую ночь слова закрашивали, и каждый день группа сопротивления писала их снова.

В конце короткого квартала Герхард прижал жену к стене, скрытой от посторонних взглядов углом соседнего здания. Она запрокинула голову, обняла его за шею и притянула к себе. Он крепко прижался к ней, поцеловал. И в это мгновение Эльза чувствовала: она может забыть о том, чем они заняты, может умереть здесь, в его объятиях, ей будет все равно, этот момент искупал все. Его рука скользнула ей за спину, и Эльза слегка выгнулась, чтобы он мог сделать надпись мелом или куском угля, в зависимости от цвета стены.

Герхард писал, крепко прижавшись к ней, писал и одновременно целовал, нежно и настойчиво, так же уверенно, как извлекал из струн долгую ноту своим смычком. Если бы кто-то прошел мимо, то увидел бы целующуюся парочку – плечи женщины прижаты к стене, спина выгнута, бедра упираются в бедра мужчины. И не заметил бы промежутков, в котором мужчина мог писать...

Das Nazi-Paradies ist eine Lüge.

Нацистский рай – ложь.

– *Getan?*^[16] – прошептала Эльза.

Он кивнул и взял ее за руку. Они ушли прочь, не оглядываясь на слова на стене.

В дверь постучали вечером, когда все собирались есть суп. Отец встал и пошел открывать.

– Вам придется подождать, – сказал он стоявшим на пороге людям. Им это явно не понравилось, но они кивнули и остались в коридоре. Со своего места Эльза видела, как они стоят и ждут. Один не снял шляпу. Это испугало ее больше всего. Ему было плевать, где он и чей это дом. Герхард не смотрел на них. Он беззвучно ел. Отец налил бокал вина. Герхард посмотрел ей в глаза. «Ешь», – говорил его взгляд. Вилли, сидевший рядом с ней, сосредоточился на том, чтобы поднести ложку ко рту, не пролив супа. Он очень гордился тем, что сидит вместе со всеми, рядом с отцом и дедом. Ему было шесть, и он только что удостоился привилегии обедать за общим столом. Эльза опустила взгляд. Взяла ложку. Весенний свет постепенно гас в листьях деревьев.

Закончив есть, Герхард вытер рот, отодвинулся и встал. Тесть посмотрел на него и кивнул. Герхард обогнул стол, наклонился и

поцеловал Вилли в макушку.

– Пока, мой мальчик, – с нежностью сказал он.

– Пока, папа, – ответил Вилли, не отвлекаясь от своего занятия.

Эльза отложила ложку, повернулась на стуле и приподнялась, но ладони мужа легли ей на плечи, и она снова села.

– Эльза, – очень тихо произнес он, и она подняла голову, удерживая его взгляд.

– Да, – сказала она и закрыла глаза, когда его губы прижались к ее губам. *Любовь моя.*

Он прервал поцелуй, снял руки с ее плеч и вышел в дверь столовой. Взял пальто из шкафа, снял шляпу с вешалки, достал футляр для скрипки из комода. Эльза не видела, чтобы он укладывал инструмент. Но скрипка была там, ждала. Эльзу передернуло, и ей пришлось убрать руки со стола, спрятать под скатерть, чтобы Вилли ничего не заметил.

– Эльза, – сказал ее отец.

Она замерла.

– Куда папа уходит? – спросил Вилли.

Эльза повернулась к нему, своему малышу.

– На концерт, – ответила она под стук закрывающейся входной двери.

Глава шестая

В Нью-Йорке был обычный вечер среды, и Огден Милтон сидел в кресле в углу читального зала Гарвардского клуба – туда он заехал, чтобы выпить и просмотреть вечернюю газету, сообщавшую о вопиющем пренебрежении границами и законами. Гитлер и Муссолини, не скрываясь, вели захватническую политику. «Внимание», – призывали газетные заголовки. Но в трамваях, на проселочных дорогах, в очередях за бесплатным супом у всех на устах был вопрос: «И что с того?» Мысль о том, что в мирное время страна должна готовиться к войне, казалась людям дешевой и опасной имитацией патриотизма. Американцы не хотели об этом думать. Они были обессилены и подозрительны, а Европа была слаба. Двадцатью годами ранее она ввязалась в Великую войну и теперь была не в состоянии расплатиться по долгам. Какого черта это должна делать Америка? Люди просили соблюдать нейтралитет. НАМ НУЖЕН ХЛЕБ, А НЕ ПУЛИ, – кричали плакаты вдоль шоссе. От Европы, этой пороховой бочки, лучше было держаться подальше.

– Видел статью об обуви? – Гарри Лоуэлл плюхнулся в пустое кресло рядом с Огденом.

– Нет, – ответил Огден, опуская «Таймс» и сдерживая вздох. Они знали друг друга еще с пансиона и вместе учились в Гарварде. – Привет, Лоуэлл.

– Сейчас производится восемьдесят миллионов пар, а до 1913-го – только двадцать миллионов. Крестьяне больше не ходят босые, Милтон.

Подхваченный пьянящим энтузиазмом эпохи, Гарри Лоуэлл публиковал брошюру за брошюрой, расхваливая коммунистический эксперимент. Феодалская страна преобразуется под руководством Сталина! Крестьяне не голодают! У детей есть одежда! Великое общество! Красивый неопределенной, общей красотой, которая привлекает, но не удерживает взгляд, он относился к тому типу людей, с которыми Огден вырос и которых теперь сторонился. Любитель разговоров, напыщенных и, по мнению Огдена, пустых.

– Форпост лучшего мира, – продолжал его приятель, – должен сделать ставку на уничтожение стяжательских классов.

У Гарри над головой на панелях из полированного красного дерева висели трофеи, добытые членами клуба; буйвол Тедди Рузвельта отбрасывал тень на массивный камин.

– Уничтожение? – спокойно переспросил Огден. – Лоуэлл, да ты посмотри, где сидишь.

Гарри не стал оглядываться. В футбольной команде Гротона он играл в защите, и, насколько было известно Огдену, за все брался со страстью взмокшего грузчика, не способного различать нюансы и сложные детали. Высокие окна читального зала безмятежно смотрели на многолюдный город.

– Когда нас прогонят, – Лоуэлл не желал отвлекаться, – это не станет неожиданностью.

– Я никому не дам себя прогнать, – отрезал Огден. – Особенно абстрактным идеям. Я буду полагаться на работу достойных людей. Всегда. Людей, которые знают, чего хотят, людей, которые умеют видеть дальше остальных и понимают, как нужно действовать.

– Ха, – недовольно хмыкнул Гарри. – Аристократия, имя тебе Милтон.

– Ты, как обычно, попал пальцем в небо.

– Разве?

Огден откинулся на спинку кресла и предпочел промолчать.

– Послушай, – протяжно сказал Гарри. – До меня тут дошли кое-какие слухи, которые могут тебя заинтересовать.

– О чем речь?

– Один из островов рядом с нами выставляется на продажу. Крокетт. Я подумал, может, тебе захочется взглянуть на него. Возьми с собой Китти. Потом можете остановиться у нас в Пойнте.

– О, спасибо, Гарри. – Огден задумался. – Огромное спасибо, правда.

– Старик Крокетт хочет полторы тысячи за дом, амбар и четыреста акров земли, и...

– И?

– Понимаешь, Линдберг тоже интересовался этим местом. Хотя, насколько мне известно... – Гарри выдержал паузу, – Линди до конца лета застрял в Европе.

Огден присвистнул.

– И я подумал, что ты мог бы взглянуть первым. – Гарри ухмыльнулся. – Обставить его.

Огден улыбнулся собеседнику длинной, медленной улыбкой. Ничто не доставит ему большего удовольствия, чем подставить подножку Линдбергу. В последнее время Огден с растущей тревогой наблюдал за Линди и ясно осознал: несмотря на бесстрашие, Чарльз Линдберг оставался командным игроком лишь до тех пор, пока ему не отдавали мяч. А затем просто убежал с этим мячом. Он был из тех, кто не в состоянии сделать подачу, когда требуется, из тех, кто готов рисковать игрой, чтобы самому заработать очко. Ненадежных людей. Линдберг разрушал все, что так старательно строил Огден, пытаясь держать все под контролем.

– Линдберг совсем рехнулся, – сказал Огден. – Какого черта он в Берлине поджигает спичку под горелкой?

– Согласен, – ответил Гарри, с любопытством глядя на Огдена.

К ним подошел официант. Не желают ли они выпить?

Оба отрицательно покачали головой.

– Кстати, – сказал Гарри. – Отец говорит, Вальзер отправляет сюда свою коллекцию рукописей для выставки в Гарварде.

В то первое лето, в 1920-м, Гарри с Огденом оба бывали в доме Вальзера на Линиенштрассе; Гарри выполнял какое-то поручение своего отца. Огден уже почти забыл, что его приятель знаком с Вальзером. Он кивнул.

– Я слышал об этом. Очень щедро с его стороны.

Гарри покачал головой:

– Нацистское позерство. Демонстрация мощи рейха.

– Он не обязан делиться своими сокровищами с миром.

Гарри фыркнул:

– Герра Вальзера не волнует мир. Прежде всего он собственник. Готов поспорить, он отправил сюда коллекцию, чтобы та осталась в целости и сохранности.

– Он бизнесмен, – осторожно заметил Огден.

– То есть?

– У бизнеса своя политика.

Гарри снова фыркнул:

– Краткая характеристика положения дел в мире.

– Он хороший человек, – ровным голосом произнес Огден, глядя на собеседника. – Он создал превосходную компанию.

– С хорошими доходами? – Гарри сцепил пальцы и глубже вжался в кресло.

– Очень.

– А его рабочие? – не унимался Гарри.

– У его рабочих есть хлеб и постоянная работа. Вальзер – один из тех, на кого мы можем рассчитывать.

– Чтобы не отдать Германию коммунистам.

– Чтобы Германия оставалась стабильной. – Огден не скрывал своего раздражения.

– Германия – самое стабильное государство на планете, – сухо заметил Гарри. – Избиения на улицах и аресты дают свои плоды. Порядок.

– Вальзер хороший человек, – повторил Огден.

– И нацист, – сурово прибавил Гарри.

– Он состоит в нацистской партии. Есть разница.

– Это синонимы, Милтон. – Гарри нетерпеливо тряхнул головой. – Пришло время изъять все вложения и показать нацистам...

– Что показать, Гарри? – Огден повернулся к нему. – Если мы сейчас выведем капитал, эта пороховая бочка взорвется.

– Да, – с жаром согласился Гарри, – и тогда Гитлер падет.

Огден покачал головой:

– Гитлер в любом случае падет, а немецкий капитал переживет нацистов.

– Значит, ты не будешь трогать свои вложения? – настаивал Гарри. – Милтон, если останешься, станешь одним из них. Разве ты не понимаешь...

– Конечно, понимаю, – спокойно перебил его Огден. – Но я сам себе хозяин, и, что еще важнее, так поступать неправильно. Миру не нужна еще одна банковская паника. Мы не можем себе этого позволить.

– Миру? – Гарри встал. – Теперь ты говоришь от лица всего мира, Милтон?

Огден удерживал его взгляд.

– Мы по-разному видим происходящее, Гарри. Но цели у нас одинаковые.

Гарри смотрел на него снизу вверх.

– Мы по-разному видим происходящее, – повторил Огден.

Гарри надел шляпу.

– Счастливо, Милтон.

– Гарри, – кивнул Огден.

Он смотрел, как приятель медленно пересекает огромный сонный зал и исчезает за дверью.

В детстве отец однажды повез Огдена на канал Эри, чтобы показать это достижение человеческого гения и инженерной мысли. Открытие и закрытие шлюзов, работа сторожа, который впускал, а потом выпускал воду, беготня вдоль узкой баржи, в то время как вода прибывала и прибывала, поворот колеса, а потом грохот водяного потока, который заворожил Огдена, а затем вспоминался все детство и юность; а после двадцати он начал понимать, что вода в шлюзе – это главный принцип, которым он мог руководствоваться в жизни. Ему нравилось представлять себя сторожем шлюза – основательным человеком, который верит в силу потока и понимает, как важно держать створки шлюзов открытыми. Это кредо в большей степени, чем что-либо другое, передавалось от Милтона к Милтону на протяжении многих лет. Милтоны были людьми с капиталом и с сильным характером. Миру – мысленно обращался Огден к Гарри Лоуэллу – требуется больше таких людей, а не меньше. Хорошие люди и разумно вложенные средства порождают мощный широкий поток, поддерживаемый вливаниями тех, кто умеет обращаться с течением.

Он встал и направился к двери.

Медленно спускаясь по широкой лестнице на тротуар, Огден увидел, что на противоположной стороне улицы собралась небольшая толпа. Приблизившись, он увидел в центре толпы мужчину, стоявшего на ящике из-под молока. Массивный, грубый, с загорелыми до локтей руками и усталым лицом, он выкрикивал один и тот же вопрос:

– Ради чего вы готовы отдать жизнь?

Прохожие, мужчины и женщины, обходили его, словно это не имело значения. Но мужчина не сдавался и швырял свой вопрос в окружающий мир, словно бейсбольный мяч в перчатку. Его не волновало, что мяч не возвращается. Он бросал его вновь и вновь, настойчиво и упорно:

– Ради чего вы готовы отдать жизнь?

Огден Милтон замедлил шаг. Этот вопрос взлетал в жаркий воздух, словно специально привлекая его внимание.

– Ради Европы? – выкрикнул оратор.

Огден остановился и принялся вглядываться в окружавшие его лица, внимательно прислушиваясь, словно за этими словами скрывалось что-то еще. Один мужчина кивал головой и раскачивался взад-вперед на пятках, скрестив руки на груди и держа ладони под мышками.

Люди не в состоянии вынести долгой неопределенности, думал Огден, наблюдая за тем, как оратор выбивается из сил на жару. Это ведет к всплеску эмоций. К фантазиям об утопии. К несбыточным мечтам, будто система может тебя спасти, будто нынешний великий катаклизм можно победить сменой правительства. Донкихотство. Скорее всего, этот человек – очередной коммунист.

А рядом реял Гарри Лоуэлл, раздутый шарик совести. Огден выбрался из толпы и продолжил путь, оставив позади кричащего мужчину и настороженные лица. Гарри всегда был смутьяном, мальчишкой, любившим устроить пожар и смотреть, кто его потушит.

И все же гнев Гарри там, в клубе, вызвал в памяти бледное лицо Эльзы в сумерках берлинского парка. Огден расправил плечи.

Они ошибаются. Просто ошибаются. Он остановился на перекрестке.

Загорелся зеленый свет, и, пока Огден переходил улицу, перед ним по ступенькам крыльца с навесом сбежала женщина; стук ее каблуков напомнил о Китти.

Он остановился.

Обладательница длинного прямого носа, волевого подбородка и длинной шеи – когда Китти впервые повернула голову, чтобы посмотреть на него, Огден не смог отвести взгляда. «Чарующая» – такой его мать объявила Китти. И была совершенно права. А Китти из высокой девушки с улыбкой, похожей на летний ветерок, превратилась в элегантную, статную женщину, и у него до сих пор перехватывало дыхание, когда она махала ему рукой из толпы.

Несмотря на прошедший год, несмотря на ее решительный прощальный взгляд каждое утро, когда Огден покидал ее после завтрака, и ее отрешенное лицо каждый вечер, когда он возвращался домой, – она оставалась его путеводной звездой. Она всегда

находилась в центре. Все хорошее, все правильное горело в ней неугасимым огнем. Спокойная и невозмутимая, его жена олицетворяла идею порядка, на который не влияют мода, увлечения или страсти, порожденные эфемерным идеалом. Стройная и решительная, она могла разговорить кого угодно, создать непринужденную атмосферу для любого человека, будь то ребенок, житель Среднего Запада или сикх. Насчет последнего она сама как-то хвасталась, с озорной, такой особенной искоркой в карих глазах; и, хотя он точно знал, что она в жизни не видела ни одного сикха, это восхищало его безмерно.

Этой искорки в ее глазах Огден не видел уже много месяцев.

Люди отмечали, какими стойкими, какими изобретательными были Милтоны в своем горе, как образцово они себя вели. И на первый взгляд так все и было. Казалось, Китти взяла себя в руки и снова швырнула себя в жизнь. Она рассылала приглашения, заполняла квартиру цветами и, грациозная и улыбочивая, обращалась к гостям, одаривая их мягким и доброжелательным взглядом, обещающим приятный вечер.

Огден смотрел, как на другом конце стола она вызывает на откровенность соседа, глядя на него со своей особенной улыбкой. Слушал, как она уводит разговор от опасных берегов, улыбался, когда она улыбалась какой-нибудь глупости или шутке, – и в такие моменты был почти убежден, что она вернулась. И все же Огден слишком часто видел, как она сидит неподвижно, ничего не замечая вокруг, полная решимости вернуться в тот день и прожить его заново. Она стала непроницаемой, пестовала свое горе, словно монахиня в келье, за белыми стенами утешения, белыми стенами своего лица.

«О некоторых вещах лучше умолчать», – советовала ему мать. Поэтому он не тревожил Китти.

Но вопреки себе, вопреки словам матери, он испытывал нетерпение. Что он мог поделать? Что они оба могли поделать? Уже прошел год. Он нуждался в Китти – пусть она вернется, возьмет в руки вожжи, снова сядет на козлы и пустит экипаж в путь. Он хотел, чтобы она вернулась. Полностью. Хотел, чтобы она снова смотрела на него. Только на него. А не на пустое место рядом с ним, куда она поместила их маленького мальчика.

Огден хотел, чтобы Китти смеялась, глядя ему в лицо, как в тот ясный осенний день много лет назад, в саду ее бабушки, когда она

повернулась к нему и со смехом сказала: «Я так люблю яблоки, могу ими наесться до дурноты, хорошо бы мне останавливаться после одного яблока, хорошо бы...» – и он не дал ей договорить, закрыв рот поцелуем. Это был великолепный день, терракотово-золотой, и у них все было впереди. Тот день бился у него в груди ровно и неизменно, вместе с сердцем. Обычный день, но именно тогда Огден понял, что навеки связан с ней.

С фонарного столба на углу вспорхнула чайка. Поднялась, плавно заскользила в воздухе, направляясь вдоль Пятой авеню к краю города, где начиналось море. Огден поворачивался, чтобы проследить за ней, и его горло сжимали спазмы. Подавленный и растерянный, он смотрел на безмолвное терпеливое скольжение морской птицы.

Ради чего вы готовы отдать жизнь?

Он откашлялся, не отрывая взгляда от белой птицы.

Ради нее.

Глава седьмая

Была перемена, и коридорная суматоха вздымалась под каменные своды исторического факультета. Эви прошла по белым кафельным плиткам, отперла дубовую дверь своего кабинета, толкнула плечом, проскользнула внутрь и быстро закрыла за собой дверь. Профессора Милтон не было на месте.

Шум резко оборвался. В кабинете царил необузданный беспорядок, свойственный пытливым умам. Четыре стеллажа стонали под тяжестью книг – пестрый разноцветный узор на всю стену, от пола до потолка. Вторую стену занимал массивный письменный стол, который Эви спасла во время ремонта на юридическом факультете, расположенном по соседству. В углу помещались два удобных кресла, чтобы принимать посетителей. На низком столике между ними стояли электрический чайник и три кружки – все со сколами, все сделанные ее сыном на уроках труда. От верха оконной рамы к противоположному углу тянулась бельевая веревка. На деревянных прищепках висели клочки бумаги, мишура, несколько фотографий и кожаная перчатка, обнажая движение профессорской мысли (что не принижало, а, напротив, возвышало Эви в глазах студентов).

Она бросила ключи на стол, положила сумку, остановилась под веревкой и посмотрела на фотографию Попса и бабушки Ки, найденную в квартире матери во время разбора старых вещей.

Красивые, загорелые Китти и Огден Милтон стояли, неестественно выпрямившись и глядя прямо в объектив; это было в 1936 году, когда они наняли яхту, приплыли в Пенобскот-Бэй и купили остров Крокетт. За спиной ее деда виднелась мачта яхты; закатанные до локтей рукава его суконной рубашки открывали мускулистые предплечья и дорогие тонкие часы на запястье. Одной рукой он обнимал бабушку, у которой на плечи был накинут кардиган, застегнутый на одну пуговицу на шее. Ей был тридцать один год. Ничто их не затронуло. Эти двое и вообразить не смогли бы, что в семидесятых пряжа старого богатства и могущества порвется и распухнет, думала Эви, изучая их профессиональным взглядом историка. Когда биржу реорганизовали, элитарная верхушка «Милтон

Хиггинсон» – инвестиционного банка, основанного ее прапрадедом, – оказалась втянута во всеобщую заваруху и в конечном итоге продана огромному и алчному «Меррилл Линч». Но оттуда, из тридцатых, эти двое смотрели на Эви как хозяйка веселой вечеринки. Словно вся жизнь была веселой вечеринкой. До того, как старая аристократия лишилась своих денег. Когда еще принято было спрашивать: «Где вы проводите сезон?»

Фотография не имела отношения к текущей работе, но почему-то успокаивала Эви. Эти двое были такими уверенными, такими ясными, а их жизнь такой... бесспорной. Снимок напоминал ей о матери и о летних вечерах, когда она, еще ребенок, сидела на корточках на носу «Кэтрин», а стоящий у руля дедушка вез их – мать, тетку, всех кузенов – домой после вечеринки на одном из соседних островов, и огни Большого дома, отражавшиеся от спокойной воды, не обещали ничего, кроме штиля, – на всю оставшуюся жизнь. Свет, вода и попутный ветер.

Именно такие фотографии приводили в бешенство ее мужа, Пола. Вот они стоят, люди благородных кровей, уверенно и беспечно повернув лицо к ветру, твердо положив руки на румпель, аристократия у руля, – и ничего (рассуждал Пол), что это они привели нас во Вьетнам, интернировали американских граждан и отвернулись от евреев, хотя могли что-то сделать.

Все годы, что минули с того дня на фотографии, четыре поколения ее семьи садились за все тот же стол в доме на острове, чокались теми же бокалами, ложились в те же постели и каждую ночь слушали гудки береговой сирены. «Первозданная земля», как называл это место Пол, всегда проводивший границу между той жизнью и тем, как жили они, два профессора с сыном-подростком, – на окраине Манхэттена в университетской квартире.

«Разве ты не видишь, что это за место?» – множество раз спрашивал он.

«Конечно, вижу, – отвечала она. – Оно смехотворное, но в то же время прекрасное и до краев наполненное...»

«Милтонами, – сухо заканчивал Пол. – Там я себя чувствую евреем сильнее, чем в синагоге».

«Мы смотрим на это место по-разному», – говорила Эви.

«Разумеется, по-разному, – соглашался он. – Я не люблю ходить под парусом, не пью скотч, и мне плевать на рынок акций».

С годами он все реже приезжал на остров, отговариваясь тем, что работает в летних библиотеках.

«Не переживай. – Эви скрестила руки на груди, мысленно обращаясь к мужу. – Наверное, в конечном итоге твоя возьмет». Неизвестно, как долго они с кузенами смогут держаться за остров. Незадолго до отъезда Пола в Берлин они обсуждали, стоит ли продать ее долю наследства и использовать эти деньги для жизни – как он выражался, их настоящей жизни. Но в последние несколько дней ей было все труднее представить, что она действительно продаст остров, все труднее представить, кем она станет без него.

– Ты здесь?

Дверь приоткрылась.

Эви повернулась, нисколько не жалея, что ее отвлекли. На пороге стояла ее коллега Хейзел Грейвс, скрестив руки на огромном животе, – она была на восьмом месяце беременности, которая завладевала ее телом, словно оккупационная армия.

– Привет, – улыбнулась Эви. – Как дела?

Хейзел нерешительно топталась в дверях.

– Хочу с тобой согласовать одну идею. – Казалось, она немного нервничала.

– Как лестно.

– Возможно, когда я расскажу суть, ты заговоришь по-другому.

Хотя Эви была на десять лет старше, поддержала Хейзел при приеме на работу и шефствовала над молодым преподавателем в первые два года, у двух женщин сложились теплые товарищеские отношения, лишь изредка буксовавшие на протяжении последних десяти лет; они всегда находили друг в друге внимательного и благосклонного слушателя.

Но, по правде говоря, в последнее время Хейзел словно постоянно намекала: хотя работа Эви признана поворотной, даже фундаментальной, и поворот, и фундамент погрузились во тьму, а факел подхватила она, Хейзел Грейвс – более молодая, черная, блистательная, а теперь еще и беременная.

– Звучит угрожающе, – сухо заметила Эви. – Заходи.

Она указала на одно из удобных кресел, а сама села за стол.

Хейзел неуклюже двинулась вперед и остановилась под бельевой веревкой, привлеченная фотографией Китти и Огдена.

– На прошлой неделе ее тут не было. Что это?

– Закат старой элиты, – не задумываясь, ответила Эви.

– Рубашки поло, брюки галифе и тому подобное?

Так случалось всегда. Стоило только упомянуть белых богачей, как начиналось веселье. Эта группа американцев была легкой мишенью для насмешек, и при этом никто не знал, что она собой представляет. За исключением, разумеется, тех, кто к ней принадлежал. Эви испытующе посмотрела на коллегу:

– Рубашки поло не имеют к ним никакого отношения.

– Неужели? – не сдавалась Хейзел.

– Нет, – твердо сказала Эви. – Рубашки поло – это марка «Ральф Лорен».

Хейзел кивнула с недоверчивым видом.

– Кто это?

– Мои бабушка и дедушка.

– Выглядят счастливыми. – Хейзел рассматривала фотографию. – Когда это было?

– Тридцать шестой. – Эви криво улыбнулась. – В тот день они катались на яхте, устроили пикник на острове у побережья Мэна и купили его.

Хейзел обернулась:

– Остров?

– Он купил остров, чтобы сделать ее счастливой. Так нам всегда говорили.

– Повезло ей, – с сарказмом сказала Хейзел.

– В тридцатые такое можно было себе позволить.

– Богатые и белые могли. Был самый разгар депрессии, – парировала Хейзел.

В голосе Хейзел слышался вызов. Эви внимательно посмотрела на нее:

– Справедливо.

Хейзел перевела взгляд на фотографию.

– И помогло?

– В чем?

– Остров сделал ее счастливой?

Эви задумалась. *Счастливая* – не то слово, которое подходило для описания ее бабушки Китти Милтон. Но так же не подходило слово *печальная, раздражительная* или какое-либо другое прилагательное, способное пустить рябь по глади пруда. «Удовлетворительно», – говорила довольная бабушка Ки. Такая гармоничная.

– Сделал, – ответила Эви.

Хейзел кивнула, не отрывая взгляда от Китти и Огдена.

– Все эти люди внутри нас, – тихо сказала она. – Неудивительно, что эта страна в заднице.

Эви замерла:

– Что это значит?

– Внутри тебя сидят эти двое, которые могут уплыть на яхте и купить остров, пока в стране свирепствует ку-клукс-клан, а семнадцать миллионов людей не имеют работы...

– Боже, они же не были Бурбонами, – перебила ее Эви.

– Но этого и не требовалось, правда? – Хейзел говорила тихо, прижав ладони к пояснице.

Эви с трудом подавила желание сорвать фотографию с веревки, спрятать ее от глаз коллеги.

– А ты? – осторожно спросила она. – В тебе кто сидит?

– Невидимки. – Хейзел повернулась к ней. – Все, кого эти двое не замечали.

Эви смерила ее долгим взглядом.

– «И вместе им не сойтись»?

Хейзел не улыбнулась.

– Как когда, – ответила она. – Но прошлое всегда с нами, и никто не может сказать, когда оно всплывет, правда?

Эви покачала головой:

– Нельзя так упрощать. Ты понятия не имеешь, какими были эти люди...

– Нельзя? – Хейзел повернулась к ней. Две женщины смотрели друг другу в глаза.

Они провалились в пропасть, которая часто разверзалась между ними. Белая. Черная. Эви выдохнула.

– Ладно, Хейзел. О чем ты хотела посоветоваться?

– Это может подождать.

– Нет. – Эви хотелось избавиться от этого неловкого молчания. – Рассказывай.

– Ладно, – кивнула Хейзел, подошла к креслу и приступила к делу: – Это для фестшрифта. В честь двадцатипятилетия я собираюсь немного переосмыслить твою «Затворницу».

– Вот как?

– Немного, – повторила Хейзел непринужденно, но решительно.

– Продолжай.

– Твою интерпретацию молчания.

Эви ждала.

– А что, если власть затворницы определяется не молчанием, как ты предположила, а выбором мужа?

– Это как?

– Попробуем прочесть клятву затворницы буквально. Когда она становится невестой Христа, то заключает выгодную партию. Очень выгодную.

Идея о замужестве как источнике власти красной нитью проходила через феминистский дискурс последнего десятилетия. Авангардная и одновременно обладающая обратной силой. Элегантная. Все дело в том, кто твой супруг.

При взгляде на Хейзел в воображении возникало растение в летнем саду, чьи обильные побеги с бездумной неудержимостью тянутся вверх: я живое, я живу и расту. Эви ощутила усталость.

– Переосмыслить меня? – Она подняла брови. – Скорее похоронить.

– Нет, нет. Разве ты не видишь? Это дань уважения. Развитие твоей мысли. – Хейзел тряхнула головой, сияя своей идеей, улыбаясь и атакуя. – Понимаешь, чем больше я думала, тем больше мысль, будто женщина обретает власть с помощью молчания, казалась такой... – Хейзел нахмурилась, пытаясь найти нужное слово.

– Эксцентричной? – подсказала Эви.

– Надуманной. Точнее, слишком складной, – твердо заключила Хейзел.

– Возможно. – Эви откинулась назад и скрестила руки на груди. – Но всем известно, что власть передается через негласные правила игры, передается теми, кто обладает властью. Как должны себя вести принадлежащие к клубу избранных...

– Например?

Эви пристально вперила взор в коллегу, указывая на фотографию.

– В любое помещение входите с улыбкой – учила нас бабушка. Разговаривайте с каждым, независимо от его положения, как с человеком, разумным существом; это создаст вокруг вас дружелюбную атмосферу.

– Это всего лишь манеры...

– Да. И манеры были *показателем*.

– Чего?

– Хорошего воспитания. Плохого воспитания.

– Плохого воспитания? – Хейзел подняла брови.

– Если у человека есть деньги, он не должен говорить о них, а думать о них он должен как можно меньше, – процитировала Эви, уверенная в своей аргументации, но не до конца уверенная в тезисе. Что она хотела доказать? – Не следует упоминать о Деньгах или о чьей-то Удаче. Или о Неудаче. О Месте человека в этом мире. Не следует говорить о себе, привлекать к себе внимание. Не следует создавать впечатление, будто ты кичишься своей удачей перед теми, кому повезло меньше. Не следует вынуждать людей стыдиться или напоминать им о том, чего они лишены.

– Чтобы можно было это скрывать.

В голосе Хейзел опять звучал вызов. Эви нахмурилась:

– Что именно?

– Правду. Пропасть. Код, который держит всю структуру. Вы делаете вид, что все равны. Прячете правду под хорошими манерами. Вы все участвуете в огромном заговоре, в сокрытии. Молчание защищает историю белой женщины и...

– Обрекает ее, – возразила Эви.

– Только если она захочет.

– Да ладно тебе, Хейзел! – Эви усмехнулась. – Разве не упоминать о своем положении каждый раз, постоянно – это сокрытие? Честно говоря, я не уверена, что все было так просто, и в настоящий момент это точно не так.

Глаза Хейзел широко раскрылись.

– Ты серьезно, Эви? Ты же знаешь, что именно так. Ты посвятила свою научную карьеру тому, чтобы указать на это молчание.

Так и было. «Если видишь – расскажи», – гласил антитеррористический плакат Министерства безопасности, много лет назад висевший на веревке у Эви.

– Возможно, – ответила Эви, не желая уступить Хейзел ни дюйма.

Она смотрела, как коллега выбирается из кресла и идет к двери, удовлетворенная тем, что проявила должное внимание к старшей коллеге. «Это же вопрос власти, дура», – напомнила себе Эви; ей только что сказали, что ее собираются переосмыслить.

Эви прислушивалась к шагам Хейзел, эхом разносившимся по мраморному коридору. На мгновение к ней почти вернулось ощущение последних месяцев беременности – тяжесть и легкость, готовность броситься в атаку с мечом в руке. В тридцать восемь она тоже стремилась придать будущему собственные очертания. Стремилась ринуться в бой с настойчивостью, подпитываемой верой, будто ты и только ты можешь видеть ясно. Хейзел напомнила Эви приятную тяжесть той ясности, той уверенности.

И это воровство – она поморщилась – под названием «переосмысление». Фургон, припаркованный под окном ее кабинета, размеренно гудел в такт ее мыслям. Эви подняла голову и снова посмотрела на бабушку с фотографии на веревке.

«Не обращай внимания. – В голове Эви звучал голос Китти. – Не обращай на все это внимания».

Глава восьмая

«Привлекательная компания», – подумала жена портового инспектора, выглядывая из дверей конторы одним ранним июньским утром, когда на общественном причале в Рокленде, штат Мэн, появились Милтоны и Хотоны – они прибыли ночным поездом из Нью-Йорка. Мужчины вскинули на плечи дорожные сумки и зашагали по сходням к яхте, оставив жен размяться после долгой ночной поездки. Две женщины были совсем разными: высокая и маленькая, стройная и пухлая, светловолосая и брюнетка. Миссис Уинслоу обратила внимание на широкие брюки с высокой талией, как из модных журналов, и решила, что низенькая похожа на пирата, а ее подруга – на королеву пиратов.

Королева окинула взглядом ясное небо и крытую дранкой билетную кассу парома, затем посмотрела на причал, где стояла пришвартованная «Шейла», сверкая бронзовыми поручнями на деревянной палубе; на корме развевался американский флаг. Все заполнял запах моря.

– Бог знает, что там такое. – Китти покачала головой, глядя на Присс; та вопросительно приподнимала парусиновую сумку, доверху набитую и застегнутую на молнию. – Наверное, еда. Пусть Данк ее возьмет.

Присс кивнула и поставила сумку на землю.

– В любом случае тебе нельзя поднимать тяжести, – сухо заметила Китти. – В твоём положении.

– Мне нравится это время, – призналась Присс, опускаясь в старый шезлонг, – хотя я жирею, как свинья.

Точное сравнение. Китти улыбнулась школьной подруге, которая теперь была замужем за ее кузеном. Присс никогда не ограничивалась говяжьим бульоном и солеными крекерами – и тем более сейчас, когда наступила долгожданная беременность.

– Бери «Лаки», а не сласти, – процитировала Китти рекламу сигарет.

Присс фыркнула:

– Мне не нужно худеть; во всем есть своя красота. Хотя в данный момент я бы не отказалась от сигареты.

Она достала книгу и раскрыла у себя на коленях.

Китти кивнула. Женщина из конторы паромной переправы скрылась в маленькой будке в конце причала. Ее собака грелась на солнце, стуча хвостом. Китти вновь посмотрела на мужчин.

Огден осматривал каждый дюйм парусной яхты, поглаживая ее, словно лошадь, и согласно кивая Данку, который что-то кричал ему с носа судна. Чокнутые, подумала Китти, лениво наблюдая за ними. Так серьезно относиться к узлам, канатам и крюкам. Все в порядке. Все на месте. Как будто это все настолько важно.

«Нет. – Она остановила себя. – Нет, нельзя так».

– Говори что хочешь, – Присс вздохнула и закрыла книгу, используя палец в качестве закладки, – но я люблю интересные секреты.

Китти заморгала, не сразу сообразив, о чем идет речь. Это было продолжение разговора, который они вели глубокой ночью в поезде, сидя в крошечном неосвещенном купе, в то время как за окном проносился погруженный в темноту мир. Напротив них лежали мужья, накрыв шляпами лица и скрестив руки на груди, – крепко спали.

– Но не в том случае, если о секрете молчат, – заметила Китти.

– *Особенно* если о нем молчат. Именно потому, что о нем не говорят.

– Но это бессмысленно. Если о нем не говорить, то ты не знаешь о его существовании.

– Да. – Присс улыбнулась. – Но он гноится. Восхитительно.

– Гноится?

– Да не будь ты таким снобом. – Присс закатила глаза. – Да, гноится. Приветствую тьму, приветствую бездну и красную, *гноющуюся* жизнь.

Китти не смогла сдержать улыбки. Данк и Присс посещали вечеринки в Гринвич-Виллидж, где царили красные галстуки, переполненные пепельницы и жаркие яростные споры на самые разные темы, от Москвы до Монтока. Эти двое не только мочили ноги в океане жизни – они в него ныряли. И Китти иногда им завидовала.

– Ты ведь понимаешь, – сказала она, – что начала говорить прописными буквами. Это заразная болезнь...

– Зато честно, – возразила Присс, выгибая спину. – Мы живем в эпоху прописных букв. Тебе тоже надо попробовать.

– Возможно, – весело согласилась Китти. – Поживем – увидим.

Присс фыркнула. Они дружили еще с пансиона. Китти Милтон никогда не пошла бы в какой-нибудь дворик Гринвич-Виллидж, где пили джин с лаймом и часами спорили о Конце цивилизации, о Начале истины, о долгожданном восстании Забытых и Угнетенных, о Голосе масс, – хотя этим летом гнев, клокочущий везде, куда ни посмотри, свидетельствовал: сверкающий меч истории расчищает просеки в зарослях загадочного прошлого.

– Признайся, ты все рассказываешь Огдену? – спросила она, переводя взгляд на мужчин.

– Конечно, – без колебаний ответила Китти.

– Очень плохо, – заметила Присс и повернулась к ней. – Готова поспорить, что в основе прочного брака лежат секреты.

– Ради всего святого, Присс!

Присс усмехнулась.

– Секретам место в книгах, – заявила Китти.

– В хороших книгах. – Присс сунула свою книгу в сумку.

– Какие же они хорошие, если для развития сюжета им нужны секреты? Жизнь не такая.

– Ну, конечно... *жизнь*, – фыркнула Присс.

– Да, – настаивала Китти. – У реальных людей нет секретов, потому что реальные люди не умеют их хранить.

Какая же я лгунья. Вспыхнув, Китти сунула руку в карман брюк и нащупала маленькую игрушечную машинку желтого цвета, которую всегда носила с собой после смерти Недди.

На причале Огден взял конец фала и лизнул его, смачивая, чтобы тот легче прошел через бронзовые проушины вдоль гика. Увидев, как он старается, как сосредоточен, она загрустила.

Весь этот год они провели в тишине, невысказанное имя *Недди* реяло между ними. Китти привыкла к испытующему взгляду мужа, который на мгновение останавливался на ней, а затем ускользал прочь, проверяя ее, читая ее, словно по наклону плеч или повороту головы Огден мог определить, что у нее на душе.

И несколько недель назад, когда он появился на пороге детской с билетами в руках и, пристально глядя на нее, нерешительно спросил

хриплым голосом, не хочет ли она отправиться в небольшое путешествие, уехать ненадолго без детей, – она явственно услышала, словно он произнес это вслух: «Возвращайся».

– Все отлично, дорогой! – крикнула она через весь причал, подавшись вперед. – Просто идеально.

– Черт побери, Китти права, – протянула Присс. – Уже можно подниматься на борт?

Китти направилась по сходням к причалу. Она вовсе не это имела в виду и не хотела, чтобы Ог так думал. Китти не имела в виду «поторопись, отчаливаем». Она сошла на деревянный причал, доски которого начали нагреваться на солнце. Китти не хотела, чтобы муж ее неправильно понял. Особенно теперь. Она собиралась по максимуму насладиться поездкой. По крайней мере, попытаться.

Китти подняла голову и увидела, что Огден улыбается.

– Давай. – Он протянул руку через планшир, и сердце ее затрепетало. Он понял. Три быстрых шага – и Китти оперлась на его руку и забралась в кокпит. Огден легонько сжал ее плечо.

– Эй вы, двое, по стойте! – окликнула их Присс. – Дайте я вас сниму.

Китти и Огден повернулись, улыбаясь для фото, и замерли неподвижно. Краем глаза Китти заметила, как женщина в билетной кассе закурила и бросила спичку в воду, проследив за ней взглядом.

– Готово, – сказала Присс, опустила фотоаппарат на грудь и посмотрела на мужа, который стоял на носу яхты, уперев руки в бедра. – Послушай... – насмешливо крикнула она ему. – Ты собираешься оставить наследника на причале?

Данк Хотон выпрямился и повернулся. Китти, прикрывшая глаза рукой от солнца, видела, как смягчаются его черты. Сильный, стройный, черноволосый, с милым худым лицом, которое Китти знала, как свое собственное, он стал важной шишкой в «Новом курсе» Рузвельта; теперь Данк сидел в пыльном офисе где-то на Манхэттене, заведующим каким-то непонятным, но крайне важным департаментом, и занимался обычной для Хотонов работой: вносил свой вклад в общее дело. Он спрыгнул на причал рядом с беременной женой, подхватил сумку, стоявшую у ее ног, и, поддерживая ее под локоть, провел в носовую часть палубы.

И они отправились в путь. Огден у румпеля, Китти рядом с ним, а Данк и Присс на носу, прижавшись спинами к мачте. Огден осторожно прокладывает путь между большими яхтами, предназначенными для летнего семейного отдыха. Кэббот, Лоуэлл, Холоуэлл – на яхтах, покачивавшихся у причала, можно было прочесть фамилии старого Бостона. Выбравшись из столпотворения, Огден направил «Шейлу» мимо волнолома в Пенобскот-Бэй, где на горизонте виднелась цепочка островов. Волны мягко бились о корпус яхты, которая разрезала воду, слегка подпрыгивая в поисках ветра.

День был великолепный. Они собирались плыть до обеда и устроить пикник на одном из островов, а затем добраться до летнего дома Гарри Лоуэлла и остаться там на выходные. Судя по всему, этот план возник во время одной из внезапных вспышек энтузиазма, которым был подвержен Огден и в которых Китти научилась участвовать, хотя Лоуэллы нагоняли на нее скуку. Они были слишком высокого мнения о себе, словно вдыхаемый ими воздух был чище, их нравственные стандарты – выше, а сама кровь, которая текла в их бостонских жилах, – голубее. Миссис Лоуэлл происходила из Салтонстоллов и роняла имена своих предков через каждые двадцать футов – словно буйки, которые теперь указывали им путь из порта Рокленда.

Это нелепо, думала Китти. Особенно сейчас, когда такие люди, как Огден, нью-йоркские банкиры, вытащили страну из Великой депрессии и направили по «Новому курсу». Все были спасены благодаря дальновидности таких людей. Их ясности мышления. С этим никто не спорил. Огден поднимался над схваткой, над текущим моментом, смотрел в будущее. Всегда. Она наблюдала за ним, устроившись у кокпита.

Огден сидел у румпеля в расслабленной позе: рукава рубашки закатаны до локтей, длинные ноги вытянуты вдоль кокпита и скрещены в лодыжках; линии его тела были изящны и точны, словно вырезанные искусным мастером. В нем чувствовалось с трудом сдерживаемое волнение, какая-то лихость, вызывавшая у нее улыбку. Он что-то задумал. Китти подвинулась к передней части кокпита, не переставая улыбаться. Он задумал что-то хорошее.

– Кливер, дорогая, – сказал Огден, указывая взглядом на парус.

Она повернулась, поймала конец фала и подняла маленький плоский парус, чтобы тот поймал ветер. «Шейла» устремилась вперед. Китти закрепила конец фала и снова села, для устойчивости положив одну ногу на поперечную скамью кокпита.

В небе над ними не было чаек, а на горизонте – ни единого судна. Море вокруг лежало открытое и бескрайнее, словно луг.

Пальцы Данка, сидевшего на носу яхты, скользнули под воротник жены; нежный голубой батист ее блузки подчеркивал загар его тонкой руки. Его всегда отличали такие мелкие знаки внимания. И из-за этого Китти всю жизнь была немного влюблена в своего кузена. Она откинулась на сиденье и закрыла глаза, подставив длинную шею солнцу.

– Давай не будем говорить о Германии? – донесся до нее голос Присс. Данк что-то ответил, но Китти не расслышала.

– Потому что, – сказала Присс, – она там, далеко, а мы здесь. И в данный момент ты ничего не можешь с этим поделать.

Китти открыла глаза.

– Или о Рузвельте, – прибавила она, выпрямляясь. – В эти выходные я не желаю слышать ни о налоге на активы, ни о президенте, ни о банках.

– В любом случае что случится, то и случится, – сказала Присс.

– В банке? – спросила Китти.

– В Европе.

– Не случится, если я помешаю, – пробормотал Данк.

Китти нахмурилась. Кузен всегда был немного слишком горяч, он резво хватался за вожжи, как будто жизнь несли вперед обезумевшие кони и только он мог их остановить. Это было достойно восхищения, даже благородно, но, по мнению Китти, он заходил слишком далеко, себе во вред.

– Говорят, ты взял на работу Вайнберга, – сказал Данк. – Это правда?

– Правда, – ответил Огден.

– Сол Вайнберг? – лениво протянула Присс.

– Ага.

– И что он собой представляет?

– Он еврей, – объяснила Китти.

– Очень умный еврей, – подтвердил Огден. – Чрезвычайно.

– Он учился в Принстоне, да? С Диком Шерманом? Выпуск двадцать пятого года? – уточнил Данк.

– Ага. – Огден повернул парус, ловя ветер. Нос яхты нырнул в волны, затем снова поднялся.

– Слышала, он ухаживает за Сьюзи Банкрофт, – продолжала Присс.

– Пустые хлопоты, – заметила Китти. – Такого, как он, ее мать даже на порог не пустит.

– Такого, как он? – переспросил Данк.

– Не валяй дурака, Данк. Ты знаешь, что я имею в виду.

Данк повернулся и опустил свои длинные ноги в кокпит; теперь он сидел лицом к Огдену и Китти.

– Если он справится, со всем разберется и все такое, ты возьмешь его в долю?

– Без сомнения, – кивнул Огден. – Хороший человек – это хороший человек.

Китти откинула волосы со лба и внимательно посмотрела на мужа. «Делай бизнес со всеми, – сказал бы ее отец, – но на яхту приглашай только джентльмена». Место Сола Вайнберга в их мире было четко определено. Что бы ни говорил Огден, какой бы энтузиазм ни проявлял, статус *хорошего человека* не поможет Сьюзи Банкрофт, если она выйдет за Сола; она навсегда останется девушкой, которая вышла замуж за еврея. Таково было положение дел. Казалось, мужчины никогда о таком не задумывались по-настоящему. Им хотелось обойти острые углы, что-то подправить. Поговорить. А потом женщинам приходилось жить той жизнью, которую они создали.

Парус наполнился ветром.

– Но это только слова, – решительно заявила Китти. – Ты знаешь, что на самом деле все не так. Мир устроен иначе. Ты не пригласишь сына Джо управлять компанией.

Джо был садовником бабушки Хотон.

– Если у него нет должной подготовки, – сказал Данк.

– Даже с подготовкой. – Китти покачала головой. – Например, Солли Вайнберг, – теперь она обращалась к мужу, – что бы ты о нем ни говорил, никогда не получит эту девушку, потому что всегда ведет себя так, словно бьется в какую-то дверь.

– Он ведь действительно бьется, – заметил Данк.

– Возможно, но без правильной девушки такому человеку никогда в эту дверь не войти. Несправедливо, но ничего не поделаешь. Все зависит от того, кто твоя супруга.

– Ничего не поделаешь, – повторил Огден, глядя на нее.

На долю секунды Китти показалось, что она перегнула палку.

– Он часть перемен, которые нас ждут, – сказал Огден.

– Каких перемен? – не отступала она.

– Новые области.

Она покачала головой.

Огден удивленно поднял брови.

Она все видела. Разговоры о том, как лучше, не оставляли ее равнодушной; Китти понимала эту необходимость. Тем не менее это были всего лишь разговоры. Болтовня. А вот что было *действительно* необходимо – это держаться за лучшее, за то, что уже доказало свое превосходство. И сделать так, чтобы все это видели. Видели этих людей, видели, насколько они хороши, насколько правы. Эти мужчины держали руль в своих руках, они знали, как следует поступать. С самого начала знали.

– Послушай, ты и Данк – лучшее, что у нас есть. Новых людей нам не нужно. Нужно больше таких, как вы.

На носу яхты Присс молча вскинула руку в шутливом салюте.

Но Китти не сомневалась в своей правоте. Мужчин нужно оберегать от их собственного энтузиазма. Женщины должны держать кубок высоко, иногда вне досягаемости мужчин, чтобы те не разбили его в чрезмерном воодушевлении.

– Тебе надо поговорить об этом с Гарри Лоуэллом, – улыбнулся ей Данк. – Вчера вечером в клубе он был явно доволен. Ты слышал его, Ог? Стяжательским классам приходит конец, и все такое.

Огден кивнул.

– Очаровательно, – заметила Присс.

– Хотя равновесие недостижимо, – вставил Данк. – Кому, как не Лоуэллу, это знать.

– Клуб, – невпопад пробормотала Китти. – Я думала, Лоуэллы никогда не покидают Бостона.

– Еще как покидают, – весело отозвался Данк. – Они любят время от времени приезжать в Нью-Йорк.

– Гарвардский клуб – это не совсем Нью-Йорк.

– А ты как думала? Неспроста до клуба всего пятьдесят шагов от Центрального вокзала, – улыбнулся Огден, натягивая кливер-шкот и поворачивая к себе румпель.

Китти рассмеялась.

– Ну вот. – Прищурившись от солнца, она с улыбкой смотрела на мужа. – Ты нарушил мое правило.

– Какое? – непринужденно поинтересовался он.

– Не говорить о работе или о глобальных проблемах – и вот пожалуйста. Только о них и говорим.

– Это неуважительно, – вставила Присс. – Нелюбезно.

– Дорогая моя, семейная политика никогда не бывает любезной, – возразил Данк.

– Эй, ты, – обратилась к мужу Присс, – думаешь, тебе эти шуточки сойдут с рук?

– Да. – Голос у Данка был бархатистый, низкий, на лице сияла улыбка. – Ты же знаешь, я опытный шутник.

Он неотрывно смотрел на Присс, и его любовь к жене была очевидна каждому. Она протянула руку, коснулась его щеки, и взгляд, которым обменялись супруги, потряс Китти до основания. Она повернулась к Огдену, наблюдавшему за ней.

– Послушать тебя, – Огден склонил голову, – вылитая мать с ее вечными разговорами о правилах.

– Я ни капли не похожа на твою мать. – Она улыбнулась и подняла руку, заслоняясь от солнца. – Я реалист.

– О чем, черт возьми, мы тут говорим? – спросила Присс.

– Ни о чем, – ответила Китти, не отрывая взгляда от Огдена. – Правда, дорогой?

Огден крутанул румпель, и у него на губах сверкнуло предвестие улыбки; он покачал головой и, положив руку на румпель, запрокинул голову и взглянул на грот. Сердце у нее в груди забилося чаще. Словно она выбралась из леса, где блуждала весь прошедший год, и нашла его. *Вот мы и пришли. Да, мы пришли. Огден.* Она высоко подняла руки и потянулась, переполненная этим удивительным, тревожным счастьем, поймала взгляд Огдена и улыбнулась.

Он подмигнул. И Китти ощутила это точно в центре своего существа. Она подмигнула мужу в ответ и села прямо; ее сердце летело вперед вместе с яхтой, через синюю рябь к серо-зеленой гряде

на горизонте, которая теперь постепенно разделялась на отдельные острова.

– Куда мы направляемся? – спросила она.

– Прямо туда. – Он указал на карту, расстеленную на деревянной скамье и прижатую алюминиевой жестянкой с сэндвичами и бутылкой джина, между которыми Китти увидела надписи: «Виналхейвен. Суонс. Крокетт. Норт-Хейвен».

Она кивнула и поставила локти на планшир. Волны плескались о борт.

– К повороту! – Огден отпустил румпель и распустил парус, повернув яхту кормой к ветру, который подхватил их и понес вперед, стремительно, под защиту островов, мимо первого скалистого мыса Виналхейвена, самого большого острова. На самом высоком дереве тяжело лежало гнездо скопы, склонившись вправо, – как будто нарисованный детской рукой человечек снимает шляпу, подумала Китти.

Яхта вздрогнула и замедлила ход. Огден снова сменил курс, поймал ветер, и они заскользили вперед, наискосок, к центру пролива Нэрроуз, который был обозначен на карте как довольно мелкий. Огден подтянул паруса, а Данк взял весло, лежавшее под планширом, и вскарабкался на нос, чтобы отталкиваться, если они слишком близко подойдут к скалам.

Они легко скользили к полоске земли, казавшейся сплошной, но пролив вдруг раздался вширь, и перед ними показался остров, длинный скалистый берег которого изгибался дугой прямо напротив четверых людей на яхте. Огромные глыбы гранита складывались в естественные дорожки к морю от леса, нависавшего над кромкой воды. Вдоль всего берега тысячи камней поменьше галечной шкурой выстилали пляж. А прямо по курсу, в конце бухты, от крытого дранкой сарая в воду тянулся узкий причал.

Огден присвистнул:

– Вы только посмотрите.

Сменив галс, он без труда повернул яхту по ветру и направил к причалу.

Данк спрыгнул с носа и удерживал судно, пока Огден отвязывал грота-фал. Парус захлопал вокруг гика с таким звуком, будто птица била крыльями по воде. Присс отвязала фал кливера, чтобы спустить и

его. И все замерло. После стремительного движения, после свиста ветра в заливе они как будто выпали из этого мира.

Прямо перед ними к одной из свай было прикреплено рукописное объявление:

ПРОДАЕТСЯ – Р. КРОКЕТТ

Поросший травой склон позади навеса для лодок вел к большому белому дому, примостившемуся на вершине холма; из покато́й черной крыши торчали две трубы, выделяясь на фоне летнего неба, словно башни замка. Неожиданный и величественный, дом производил впечатление спокойной основательности; он явно господствовал над этим холмом и этой лужайкой не меньше сотни лет.

– Что можно делать в таком месте? – спросила Присс.

– Жить, – без промедления ответил Огден.

– Жить? – Китти удивленно посмотрела на мужа.

– Почему бы и нет? – Он широко улыбнулся ей.

– Здесь? Так далеко от всех?

– Все приедут к нам. – Он выпрыгнул из яхты и стал привязывать ее к железному кольцу на пристани.

– Все это часть плана, – объяснил Данк с заговорщической улыбкой.

– Плана? – Китти вглядывалась в лицо Огдена. – Какого плана? Огден, что ты задумал?

Он протянул руку, чтобы помочь ей сойти на берег.

– Нельзя же так просто взять и пойти туда, – запротестовала она. – Это неудобно.

– Конечно, можно, – настаивал Огден. – Пошли.

– А люди, которые там живут?

– Вот и познакомимся, – беспечно ответил он. – Давай.

Китти медленно взяла его руку, переступила через планшир и сошла на причал. Присс и Данк спрыгнули с носа, и все четверо поднялись по сходням на пирс. В сарае на колышках были развешаны буйки для ловли омаров, свернутые удочки и фонари; пахло сырым деревом и солью, из бочек резко тянуло керосином – свидетельство того, что сараем пользовались. У стены над старой лодкой,

перевернутой набок, стояли весла. Звук шагов по старым деревянным доскам смешивался с плеском волн о камни внизу.

Через открытые ворота они вышли на зеленую лужайку, расстилавшуюся до самого дома на вершине холма. Шиферная крыша разрезала синее небо. Вниз смотрели восемь окон в обрамлении темно-зеленых ставен. Рядом с дверью, где в качестве крыльца были уложены гранитные блоки, росла сирень. Все просто и основательно – королевство мечты. Везде гармония. Все на своем месте.

– Интересно, есть ли здесь электричество? – задумчиво произнес Данк.

– И горячая вода для ванны? – спросила Присс у Китти, а потом взяла Данка за руку и потянула за собой. Они стали подниматься по склону. На плече у Данка висела парусиновая сумка с вареными яйцами, коробкой сэндвичей, термосом кофе и бутылкой джина.

Китти с Огденом остались внизу, в тени лодочного сарая. Слева от дома виднелся маленький гранитный обелиск и округлые верхушки четырех надгробных плит. Могильное семейство. В резкой вспышке Китти представила годы, которые проведет здесь. Дом на холме, частокол елей вдаль, просторные зеленеющие поля, где трава покачивается, словно девушки на ярмарке.

А Недди мертв. Ее глаза затуманились. Недди всегда будет мертв.

Огден подошел сзади и обнял ее, и она прислонилась к нему, чувствуя его дыхание в своих волосах.

– Он будет твой, если хочешь.

– Если я хочу? – Китти посмотрела на мужа. Соль собралась в уголках его глаз, сиявших пронзительной синевой. Утренняя морская прогулка словно сделала его ярче.

– Я хочу это место, – тихо сказал он. – Хочу, чтобы этот дом стал нашим. Чтобы все, кто проплывает мимо, знали, что он наш. В этом будет некий важный смысл. Люди будут смотреть и думать: вот дом Милтонов. Китти и Огдена Милтон. Милтонов с острова Крокетт.

Он смотрел ей в лицо, страстно желая, чтобы она стряхнула с себя горе и боль прошедшего года, устремилась вперед, к краю гранитного берега, навстречу елям и свету.

– Пойдем. – Он взял ее за руку и потянул за собой вверх по лужайке. А она с дрожью представила себе будущее: сколько раз они будут подниматься по склону к этому дому вместе с детьми, а

возможно, и с детьми своих детей. Воплощенная мечта Огдена. Прямо здесь. И Китти пошла к дому на холме, точке во времени, куда в последующие годы она будет возвращаться, как к камешку в кармане, который всегда можно погладить.

Глава девятая

Эви повернула на Бликер-стрит, к дому; густая стена послеполуденного тепла вызывала в памяти все июни, проведенные на этой улице, прямо здесь, во влажном зное, который занавесом падал перед ней, – весна закончилась, пришло лето. И как всегда, городское лето навевало воспоминания о своей противоположности: тропинка в лесу на острове, туман на лугу между Большим домом и амбаром, несмолкающие гудки береговой сирены в заливе. Всю ее жизнь этот контраст незримо оттенял каждое лето, словно прохладный квадрат пола под ногами. И всегда где-то за жарой, грязью и душными ночами сиял манящий свет Мэна. В конце лета всегда был остров.

Вздвогнув, она нащупала ремешок сумки на плече; слова Хейзел не шли у нее из головы.

Большому дому требовалась новая крыша. Пристани – новые понтоны. Амбар, у которого не было фундамента, проваливался в землю. Тридцать лет после смерти бабушки и дедушки дом кое-как держался, красивый, обветшалый и требующий постоянной заботы; Джоан и Эвелин вели жестокую и необъяснимую битву из-за любых изменений или переделок: Джоан отвергала предложения Эвелин и в конце концов победила, пережив сестру на год. Но теперь, после смерти Джоан, остров и его содержание перешли к Эви и ее кузенам, из которых лишь одному удалось получить профессию, приносящую какой-то доход. И остров Крокетт болтался там, в Пенобскот-Бэй, словно знак вопроса или кулак – как посмотреть.

Словно мухи в янтаре, они застряли в этом месте, где время остановилось. Там было потускневшее серебряное ведерко для льда с инициалами Эвелин и датой, сентябрь 1959-го, – свадебный подарок. Там были дверные упоры в форме буйков. Мебель, купленную бабушкой и дедушкой в тридцатых, перетягивали и чинили – хотя даже это в последний раз делали где-то в начале семидесятых, – но никогда не меняли. Остров собирал, а затем хранил их летние дни. Коллекция камней Сета выстроилась на подоконнике желтой спальни наверху, присоединившись к коллекции кузена Гарри, которая, в свою очередь, продолжала собрание дяди Мосса. Дети там катались на лодке, лазали

по деревьям, собирали мидии, а в конце каждого летнего дня, умытые и переодетые, к шести часам приносили на пристань лед в серебряном ведерке, виски и печенье в виде рыбок, а затем стояли на щербатых досках и смотрели на белых рыбин, мелькающих в воде, пока взрослые за их спиной пили, а солнце опускалось в море. Милтоны с острова Крокетт.

Это был абсурд. Нелепая чопорность. Нечто нереальное. Тем не менее без всего этого лето не было настоящим летом. Год не мог смениться новым без каникул на острове.

Впереди, в конце квартала, тень деревьев в крошечном треугольном парке уже переходила в вечер, обещая прохладу. Трое чернокожих мужчин сидели на единственной скамье, вытянув ноги; их широкие рубашки липли к потной груди. Один из них курил и наблюдал за приближением Эви без всякого интереса, без какого-либо движения в ее сторону – белая женщина средних лет, не молодая и не красавица, просто идет.

Она пристально смотрела на него через темные очки, шагая вперед, и через какое-то время он отвел взгляд. Эви видела его раньше, на этом же месте, и, как с ней часто случалось в этом городе, ощутила присутствие множества слоев, этих знакомых незнакомцев, которые скользят по поверхности жизни друг друга, видимые и невидимые, подобно рыбе в чистом пруду. Дверь ее подъезда с щелчком открылась, впуская Эви в прохладную мраморную тишину, а потом, захлопнувшись, приглушила звуки города. Много лет назад, когда они с Полом только переехали в эту квартиру, она долгими и душными летними ночами лежала в постели, настезь распахнув окна, чтобы впустить легкий ветерок, плавала где-то между сном и явью, и голоса людей в парке за окном доносились до нее, словно радиопередачи из другого мира, успокаивающие и непостижимые – человеческие звуки в темноте.

Она толкнула входную дверь, ведущую в длинный коридор, который проходил через всю квартиру и упирался в бабушкино зеркало в овальной золотой раме. Из дальнего конца коридора доносился стук клавиш на компьютере Сета.

Звуки смолкли.

– Мама?

– Привет, дорогой, – автоматически ответила Эви, разглядывая письмо со штемпелем «экспресс-доставка», которое лежало на коврике у нее под ногами.

Через минуту стук клавиш возобновился.

Она подняла конверт. Дорогая бумага и надпись от руки – *от руки!* – фиолетовыми чернилами. «Мисс Эвелин Ладлоу Милтон». На мгновение ее имя показалось ей чужим – впрочем, так оно и было. Так звали ее тетю, ее двоюродную бабушку и двоюродную прабабушку. С некоторой опаской Эви перевернула конверт и вскрыла его. Письмо было адресовано ей и ее кузенам: «Позвольте напомнить вам о встрече, назначенной в офисе “Шерман, Троуп и Дефорест” в пятницу, 29 июня».

Прошло шесть месяцев со дня смерти матери. 29 июня – это следующий понедельник. Их приглашали обсудить, что делать дальше. Эви сбросила туфли, сняла через голову сумку и швырнула ключи на столик, где они прокатились по старому дереву и с глухим стуком упали на ковер. Что же *дальше*? Она сомневалась, что им с Полом это будет по карману, а если придется еще и платить, он наверняка откажется. И что тогда? Это ведь не просто остров, это часть их самих; это мама.

Женщина в зеркале, которая шла к ней по коридору с письмом в руке, была копией бабушки Ки. Ей на глаза попался торчащий из рамы зеркала поляроидный снимок, и Эви протянула руку и взяла его.

Мосс, Джоан и Эвелин Милтон в солнечный полдень перед Большим домом на острове Крокетт.

Мосс стоит чуть в стороне, короткие темные волосы растрепались, правый кулак поднят в подобии салюта, улыбка на лице кажется окончанием только что брошенной кем-то шутки. На вид ему двадцать с чем-то. На нем полосатая куртка поверх белой рубашки навыпуск, в левой руке зажата сигарета, он смотрит прямо в камеру, словно бросает вызов.

Рядом с ним длинноногие, с красиво подстриженными короткими каштановыми волосами Джоан и Эвелин Милтон, девушки чуть старше двадцати, безмятежно смотрят в будущее, обняв друг друга за талию, а их головы обрамляет знакомая линия окон на фасаде дома. Одеты в узкие шорты и рубашки без рукавов, изящные и непринужденные, они явно связаны узами родства. Сестры. Девочки

Милтон. Девочки, которых приучили говорить «да». Да – родителям, да – миру вечеринок и танцев и зеленым надеждам на другой стороне лужайки.

Мама.

Эви вглядывалась в улыбку Джоан – в это радостное, открытое доверие ко всему, что ждет впереди. Эви никогда не видела этого выражения на лице матери. Ни разу. Женщина, которую она знала, не имела ничего общего с этой девушкой.

Непревзойденный мастер молчания, ее мать входила в любую комнату с такой опаской, словно в ней спрятана бомба, нерешительно переступала порог, тихо присоединялась к разговору и так же тихо покидала его. Подростком Эви большую часть времени пребывала в состоянии едва сдерживаемой ярости, готовая вспылить по малейшему поводу, жила в головокружительной смеси своей правоты и гнева, решительно настроенная взорвать все бомбы, какие только можно. Она поклялась быть ничем не похожей на мать. Ее жизнь была неправильной, жизнью вхолостую, словно нужная бобина с пленкой так и не была захвачена зубцами проектора и их с отцом существование просто не началось – совсем. Эви не могла объяснить, откуда у нее это ощущение; отец и мать одевались так же, как другие, ели ту же еду, а сама Эви ходила в те же школы. Складывалось впечатление, что родители унаследовали свою обыденность, а не выбрали ее, решили обойтись имеющимся, – а потому скорее заполняли комнаты, чем жили в них, словно призраки в собственной жизни.

Но здесь, на снимке, поворот головы и открытая улыбка принадлежали молодой женщине, устремленной в будущее. Радостной. Свежей. Живой и исполненной надежд, как летнее утро. Именно с описания таких героинь начинаются романы определенного жанра. Сияющие красотой и энергией, они появляются на белом крыльце красивого дома в начале дня. «Какая ласточка! Какой полет!»

Что же случилось?

Внизу фотографии была надпись аккуратным почерком матери: «22 августа 1959, утро, когда...» – и два восклицательных знака.

«Что произошло в то утро, мама?» – спрашивала Эви.

«А? – Лицо матери туманилось. – Я не помню».

Не день рождения и не годовщина – Эви могла это вычислить. Ничем не примечательный летний день на острове в конце пятидесятых.

Но именно эту фотографию мать попросила принести этой зимой, когда она умирала. И еще она звала свою сестру, хотя Эвелин умерла годом раньше – умерла в мрачном молчании, отказываясь разговаривать с Джоан. Эви понятия не имела, что у сестер произошла размолвка. Но складывалось впечатление, что в последние дни жизни Эвелин была переполнена злобой, словно слепившей ее своеволие в клубок ярости, против которого Джоан сражалась на своем смертном одре, вновь и вновь повторяя имя сестры. И печаль, которую вызывало это воспоминание, необъяснимая подлость произошедшего проявлялись именно в такие моменты, как теперь, – когда Эви разглядывала двух сестер, безмятежно смотрящих в будущее.

– Мама?

– Что?

– Ничего. – Голос сына зазвучал глуше. – Уже нашел.

Эви вернула фотографию на место.

Она не видела кузенов с самых похорон. Завещание мамы теперь утверждено. К этому времени у них должен был появиться план. Но все пребывали в парализованном состоянии, которое усиливала молчаливая, но настойчивая кампания кузена Генри, старшего «от Эвелин», как их называли; Генри желал утвердить свое естественное право – он считал его естественным – распоряжаться на острове, потому что его мать всегда этим занималась. Тетя Эвелин хозяйничала. Эви могла высказывать свое мнение, но она была «от Джоан». Их было четверо против нее одной, и кроме того, как не уставал напоминать Генри, тетя Джоан, хоть и очень милая, никогда не руководила делами острова. Эви почти никогда не соглашалась с Генри, но тут он был прав. Ее мать никогда ни на чем не настаивала – за исключением одного: чтобы ничего не менялось.

До того дня, за неделю до ее смерти, когда Эви, зайдя в спальню матери, увидела, что та сидит в постели и держит в руке эту фотографию.

– Я хочу, чтобы меня похоронили на острове Крокетт, – сказала Джоан, повернувшись к дочери.

– Хорошо, – с трудом произнесла Эви. Тогда впервые было проговорено, что мать умирает.

– На краю площадки для пикников.

Эви поставила поднос на кровать.

– И на камне должна быть надпись: «Здесь».

– «Здесь»? – удивилась Эви. – Не «Джоан Милтон»?

– «Здесь», – повторила мать. – Одно слово.

– Ладно, – с трудом произнесла Эви. – Но почему?

Джоан повернулась и пристально посмотрела на дочь – как будто, чувствовала Эви, не до конца в ней уверена.

– Но я же тебе говорила. Уже говорила.

Что она ей говорила? Эви ничего не понимала. Когда?

– Обещай мне, Эви.

– Обещаю, – ответила она. – Я все сделаю, мама.

– Эвелин это не понравится, – заметила мать.

– Тетя Эвелин мертва, – тихо сказала Эви.

Джоан кивнула, поставила фотографию к лампе на прикроватной тумбочке, сложила руки на выцветшем шелковом покрывале у себя на груди и закрыла глаза.

Тогда ей легко было сказать: «Обещаю. Я все сделаю, мама». Легко, просто и правильно. Но теперь ничто не было легким, простым и правильным.

– Мама?

– О господи! – воскликнула Эви резче, чем хотела. – Сет, а ты не мог бы подойти ко мне, а не кричать с другого конца Бликер-стрит?

Ее сын появился в двери своей комнаты – шесть футов роста, на широком плече рюкзак с его вышитым именем, который он носил с пятого класса. Она улыбнулась. Он улыбнулся ей в ответ – пятнадцатилетний парень во всем своем великолепии и очаровании – и сквозь мужское тело еще сиял мальчик.

– Я в библиотеку.

Эви кивнула.

– Деньги у тебя есть?

– Ага. На связи.

Она откинулась на спинку стула.

– В смысле пока.

– Я знаю, что означает это выражение.

– Ладно. – Он выскользнул в коридор. – А Бликер-стрит гораздо длиннее.

– Подожди! – крикнула она ему вслед, улыбаясь. – Я тебя подвезу.

Он остановился, вскинул голову, и на его лице появилась удивленная ухмылка, совсем как у Пола.

– Правда?

Она кивнула.

– Я сейчас.

Сет бегом спустился по ступенькам, и его кеды скользили по линолеуму с тем особенным, резким, высоким звуком, от которого в памяти всегда всплывал урок физкультуры со свистками учителя.

– Знаешь, мама, что профессор Конклин сказал нам вчера? – Он ждал ее внизу.

– Что?

– На все главные вопросы физики уже получен ответ, – радостно объявил Сет и потянул на себя входную дверь.

Эви посмотрела на него:

– Это ужасно.

– Это прогресс.

– И что это значит для физики?

– Это значит, что мне не нужно ее учить. Ну правда, зачем мне заниматься физикой, раз она закончилась?

– Вряд ли совсем закончилась.

– Совсем, мама. – Он ухмыльнулся. – В любом случае я смогу использовать свободную пару для домашней работы. И у меня будет больше времени на русский, а потом я смогу сказать, что говорю на двух реально сложных языках.

«А потом», – подумала Эви, разглядывая его. Машина была припаркована в случайном месте в конце квартала – свидетельство того, что мысли Эви были заняты другим. «А потом» вытягивалось в длинную, насыщенную жизнь. Сначала одно, потом другое. Она села за руль. Каждый день что-нибудь будет происходить, каждый день что-то новое. И потом, и потом. Она помнила это настойчивое стремление двигаться все дальше и дальше. Эви влилась в поток машин и перестроилась в полосу для поворота. Все стремились к какому-то неизвестному, прекрасному концу.

На пешеходном светофоре загорелся зеленый, и Эви ждала, положив руку на рычаг переключателя скоростей, пока дорогу перейдет пожилая женщина. Юбка, жакет, сумки с продуктами в руке. Сначала Эви не обратила на нее внимания, высчитывая, когда можно тронуться с места и повернуть так, чтобы не испугать женщину и не выглядеть невежливой. Сет на пассажирском сиденье смотрел прямо перед собой. Женщина ступила на проезжую часть, не отрывая глаз от светофора, и медленно пошла на противоположную сторону, стремясь перейти улицу в один прием, не останавливаясь, хотя Эви видела, каких усилий это ей стоит. В ее гостиной, подумала Эви, наверное, есть кресло или другая опора, у которой можно немного отдохнуть. Минетта-Лейн, все ее тридцать футов, были для женщины огромным расстоянием, которое требовалось преодолеть, прежде чем сменится сигнал светофора.

– Какая отвага, – пробормотала Эви.

Сет вопросительно посмотрел на нее.

– Нужно немалое мужество, чтобы каждое утро вставать и выходить в этот мир, когда ты стар или болен.

– Знаю, мама.

– Я серьезно.

– Знаю, мама, – ласково повторил Сет. – Ты говорила.

К глазам вдруг подступили слезы.

– Правда?

Она сидела в машине рядом с сыном, ждала – и вдруг осознала: эта женщина впереди на дороге двигается так же, как Джоан в последний год ее жизни, прежде чем они поняли, что рак оплел ее кости и тянет назад, замедляя движения.

Сет кивнул. Машина позади них просигналила. Женщина почти преодолела половину пути – оставалось чуть-чуть. «Давай, – услышала Эви свой шепот. – Не останавливайся». Это было невыносимо. Сколько ей лет? Может, она не была такой уж старой. Может, просто больной. А где ее семья? Машина сзади снова просигналила.

– Мама!

Эви открыла дверцу, выскочила на дорогу, подбежала к женщине и протянула руку, чтобы взять у нее сумки – не раздумывая, не

обращая внимания на водителя позади, который теперь сигналил непрерывно.

Женщина, которая оказалась гораздо старше, чем думала Эви, остановилась и посмотрела на нее.

– Эй! – крикнул водитель, высунувшись из окна.

– Давайте помогу? – Эви указала на сумки.

Женщина опустила взгляд и молча передала сумки. Если бы Эви могла, она подхватила бы старушку и пронесла остаток пути, чтобы та быстрее оказалась в безопасности.

– Держитесь. – Она подставила локоть.

Женщина медленно взяла ее под руку. Держа сумки с продуктами в одной руке, Эви повернулась к ней, и они медленно преодолели последние десять футов. Эви оценивала ситуацию: дверца ее машины широко распахнута, Сет, обернувшись, смотрит на остановившийся за ними автомобиль и водителя, который что-то кричит. Она все видела и слышала, но сосредоточилась на том, чтобы доставить женщину на другую сторону.

Они ступили на тротуар.

– Спасибо, дорогая. – Женщина указала на сумки. – Вы так добры.

Эви кивнула и поспешила к машине. Ни разу в жизни она не делала ничего подобного для матери, ни разу. Она проскользнула на водительское сиденье, захлопнула дверцу, тронулась с места и поехала прочь, вперед, мимо женщины на тротуаре, которая теперь ждала на светофоре, чтобы перейти Шестую авеню.

– Мама?

– Все в порядке, Сет, – сказала Эви. А потом просто заплакала. Сын, напрягшись, сидел рядом. В молчании они свернули на Шестую авеню и двинулись в потоке машин на север. Ее мать мертва, но еще не похоронена. Сын смотрел прямо перед собой, по ее щекам текли слезы.

Эви шмыгнула носом. Женщина совсем не походила на мать, ни ростом, ни фигурой. За исключением почти детской сосредоточенности, когда она переходила улицу, решимости во что бы то ни стало добраться до места назначения. Никто тебя о таком не предупреждает. Никто не говорит: «Остерегайся эха. Остерегайся призраков».

– Мама, – подал голос Сет. – Все нормально?

Она кивнула и попыталась улыбнуться. У входа в библиотеку Сет выскользнул из машины, взбежал по каменным ступеням и быстро обернулся, чтобы взглянуть на мать, пока та не уехала. Их взгляды встретились через стекло, и он помахал ей.

Эви снова кивнула и наконец-то улыбнулась. Потом смотрела, как он поднимается по лестнице, распахивает массивную дверь и исчезает внутри. Ветер шелестел листьями двух старых кленов, которые часовыми застыли по обе стороны от входа.

Полгода назад, зимой, на деревьях все еще оставались листья, другие листья на тех же деревьях. Рак ее матери был агрессивен и безжалостен. Слишком сильный враг для такой уязвимой мишени.

Не обращай внимания.

«Она будет спать все больше и больше, а однажды перестанет пить, и тогда вы поймете, что она решила умереть».

Эви кивнула больничной медсестре, не желая выглядеть невежливой, но ей показалась абсурдной и слишком простой идея, будто умирающий так легко примирится со смертью. За окном опускались сумерки, в парке через дорогу сгущалась зимняя тьма, а ее мать становилась все бледнее и бледнее, и простыни покрывали ее белыми лужайками. Снег на снег, очень тихо – она сторонилась жизни до своего последнего утра, когда проснулась и широко раскрыла глаза, полные страха.

– Эви, – прошептала она. – Я умираю? Мне приснилось, что я умираю.

– Все в порядке, мама, – сказала Эви, глядя ей прямо в глаза. – Ты здесь.

Как бы хорошо ты ни заботился об умирающем, как бы ни старался находиться рядом каждый день, каждую минуту, в конечном счете он должен уйти, а ты остаться. И ты отмахиваешься от него. Лжешь.

Глава десятая

Дом нуждался в покраске. На ставнях не хватало планок. На гранитных плитах, служивших ступенями крыльца, курчавился мох. Но в сирени у парадной двери жужжали пчелы, а стрелы ирисов, на которых созрели семена, раскачивались на ветру вдоль низкого бордюра под окнами.

Огден постучал в деревянную дверь и подался вперед, прислушиваясь.

– Пошли, – сказал он, опустил задвижку, и все последовали за ним в пустую прихожую.

– Эй! – крикнул Огден. Китти потрогала балясину на серой крашеной лестнице, круто поднимавшейся на второй этаж. – Мистер Крокетт?

Никто не отзывался. Обитатели дома давно уехали отсюда. Обои над окнами гостиной висели бахромой, подоконники были усеяны дохлыми мухами. По углам стояли четыре массивных деревянных стула с торчащей набивкой – здоровяки на закате жизни. В центре – выцветший круг серо-зеленого плетеного ковра. Все четверо прошли в столовую с длинным дубовым столом посередине. Ни стульев вокруг, ни ковра под ножками; этот основательный стол показался Китти брошенным. Боковые окна выходили на широкое поле, заросшее высокой тимофеевкой, покачивавшейся на ветру. В столовой было много дверей: в прихожую, в коридор, в нечто вроде кладовки и еще одна, снятая с петель, за которой виднелись ступени лестницы черного хода.

– Пахнет, как в амбаре, – сказала Присс.

У Китти не шли из головы мысли о Златовласке и трех медведях. Этот дом так явственно нес отпечаток хозяев. Так явственно хранил воспоминание о семье, о множестве семей, которые жили в этих комнатах. Где сейчас Крокетты? Свет из окон светлыми прямоугольниками ложился на крашеный пол. Китти прошла в кладовку, где на трех открытых полках стояли тарелки, а потом в темную кухню с крошечным окном на задний двор, без стекла. Из окна был виден огромный валун, похожий на спину белого кита.

Голоса остальных рассыпались по дому; сначала Огдена, потом Данка. Китти поднялась по узкой лестнице на второй этаж, проведя ладонью по истертому шишаку перил. В комнатах наверху стояли кровати с продавленными и рваными матрасами, плетеные кресла, фарфоровые умывальники; на окнах висели ветхие белые занавески. Раковину покрывал слой грязи, а когда Китти открыла кран, тот плюнул коричневой водой. Плюнул и тут же иссяк. В доме давно никто не ночевал. Но яркий, чистый свет полуденного солнца, проникавший через боковые окна и падавший на доски пола, действовал умиротворяюще. Дом ждал. Китти остановилась в центре одной из спален и представила свежевывкрашенный остов кровати в углу, новенькие занавески на окне и тумбочку рядом с кроватью.

Она подвязала штору, медленно спустилась по черной лестнице в кухню и вышла на плоскую скалу за домом, где уже устроились Присс и Данк: прислонившись к коленям мужа, Присс вытянула скрещенные в лодыжках ноги. С другой стороны дома появился Огден с сумкой, в которой лежали бутылка и жестянка с сэндвичами.

– Воды в доме нет? – спросил Данк.

– Боюсь, я могу предложить ребенку только джин. – Огден поставил сумку на землю и достал из нее бутылку и четыре серебряные рюмки.

– Ладно. – Присс взяла наполненную Огденом стопку. – Всего капельку.

В тени дома, в тишине, они ели сэндвичи. Сверчки наигрывали свою мелодию. От жары и джина всех стало клонить в сон. Китти растянулась на траве.

Пальцы Огдена сомкнулись на ее ступне. Китти открыла глаза, приподнялась на локте и улыбнулась мужу. Он крепче сжал ее ногу. Она села прямо.

– Пойдем прогуляемся, – предложил он. – Эй, вы, двое, поднимайтесь.

– Идите, – сонно ответила Присс. – Я немного вздремну.

– Хорошо. – Огден вскочил, помог подняться Китти и, крепко держа ее за руку, повел прочь от дома к деревьям, окаймлявшим поле на краю лужайки.

Кладбище, которое они видели с яхты, располагалось на склоне холма по дороге к лесу, и они остановились у железной ограды вокруг

четырех могил Крокеттов. Кто-то недавно скошил траву вокруг надгробий, отметила про себя Китти. *Руфус, кораблестроитель*, и его брат *Инкриз, капитан и фермер*, лежали в передней части крошечной площадки. А дальше, прямо за братьями, находились еще две могилы:

*Здесь лежит Луиза, 31 года,
умершая 31 августа 1840,
и двое ее детей, мертворожденных*

и

*Генри, р. 1846, ум. 1863
Геттисберг, Пенсильвания.
Далеко от дома*

Они постояли минутку, затем Китти взяла Огдена за руку, они повернулись и пошли через поле. Узкая тропинка привела их в прохладный лес, где в зеленых ветвях застревали солнечные лучи. Огден притянул жену к себе, обвил одной рукой ее плечи, и они зашагали рядом, переступая заросшие мхом корни, сухожилиями протянувшиеся поперек тропы.

Они уходили все глубже, прочь от Данка и Присс, от всего мира. Мох был таким плотным, что заглушал шаги, и они ступали по гранитным камням совершенно беззвучно. Китти показалось, что они вдвоем попали в другой мир, в густую, глубокую тьму, и, когда Огден на мгновение замешкался, она буквально задохнулась от желания закрыть глаза и почувствовать на губах его поцелуй. Остановить время.

Китти положила ладонь ему на грудь, а Огден поднес ее пальцы к губам и поцеловал. Другой рукой он привлек жену к себе, крепко прижал, и она улыбнулась, почувствовав в его дыхании запах джина.

Он уткнулся лицом ей в шею и потерялся об нее. Со слабой улыбкой она отдалась его поцелуям. Огден становился все настойчивее, крепче сжимал ее в объятиях.

Она улыбнулась:

– Огден.

– Идем, – хрипло прошептал он и потянул ее дальше.

Впереди, между поредевших деревьев она увидела полуденный свет, отскакивавший от воды. И здесь тропинка обрывалась. Они стояли, держась за руки, на краю ровной поляны, которая спускалась к гранитной отмели. Начинался отлив, и вода тихо плескалась о камни. С этих гигантских камней можно было соскользнуть в море, а затем выбраться из него – сквозь черный ободок мидий, уже выступавший из воды.

Огден потянул ее назад, под редкий навес опушки леса, под сосны.

– Давай сделаем маленького островитянина.

– Здесь? – Китти улыбалась.

Он обхватил ее талию ладонями и притянул к себе.

– Здесь, – сказал Огден и медленно высвободил ее блузку из брюк; она подняла руки, позволяя ему стянуть хлопковую ткань через голову. – Китти.

Она кивнула, подчиняясь его губам, его рукам, которые расстегнули бюстгальтер, подставляя ее кожу воздуху. Китти расстегнула брюки, позволив им соскользнуть на землю, и стояла перед ним, закрыв глаза.

– Китти, – прошептал он, снимая с нее трусы и прижимая к себе. На нее нахлынуло все томление этого утра; она крепко зажмурилась, и окружающий мир словно перестал существовать.

Одно за другим к ней возвращались чувства. Ветерок обдувал их тела, принося запах моря. Они лежали рядом, и его рука покоилась на ее бедре, в пятнах солнечного света. Они покинули пристань в Рокленде, каким-то образом приплыли сюда, где мир отступил в сторону, и вернулись друг к другу.

Сверху доносился крик скопы, ветер шевелил верхушки деревьев. Сердце Огдена стучало рядом с ее сердцем.

Открыв глаза, Китти увидела, что Огден смотрит на нее.

– Здравствуй, милая, – тихо сказал он.

Она коснулась его лица.

– Обещай мне, – прошептал он, – обещай, что больше не покинешь меня.

Ее глаза наполнились слезами.

– Здесь начало нового, – шепотом произнес он, заправляя прядь волос ей за ухо. – Наше начало.

– Начало чего?

– Нашей жизни. – Он улыбнулся. – Всего. Всего прекрасного. Мы купим этот остров и начнем заново. – Он прижал ее к себе и, уткнувшись в ее волосы, стал шепотом рисовать картины будущего.

Мосс и Джоан научатся ходить под парусом и собирать мидии себе на ужин. Дети будут мечтать об этом месте всю зиму, шептал он, оно станет золотым самородком, который они будут хранить внутри, который сделает их Милтонами. А по приезде в начале каждого лета, когда они, выпрыгнув из лодки, будут стоять и смотреть на дом, и лодочный сарай, и обелиск на кладбище – все точно такое же, каким его оставили, – окажется, что они перехитрили Время. Совсем немного. И так будет снова и снова.

– Перестань. – Китти подняла глаза к небу. – Время невозможно перехитрить.

– Жизнь, – он коснулся ее щеки, – сильнее времени.

Китти повернула голову. Между деревьями поросшая травой поляна расстилала свою зелень к большим валунам. Огден звал ее вперед, оттаскивал за руку от минувшего года. От Недди. И она должна была выбрать. Вперед или назад. Это было яснее ясного – не какой выбор сделать, а что он необходим.

Кусочек ее сердца оторвался и упал вниз. Она повернулась и снова посмотрела на Ога.

Он наклонился, поцеловал ее в плечо, затем перекатился на бок, взял брюки, быстро натянул их и встал. Солнце сияло у него над головой, затемняя лицо.

– Пошли, – с улыбкой сказал он.

Кивнув, Китти села. Воздух охлаждал ее кожу. Она указала Огдену на отброшенную блузку, встала на колени и отыскала брюки. Рядом с ними лежала игрушечная машинка Недди; она выскользнула из кармана и устроилась во мху, желтое пятнышко среди зелени. Синица на ветке. Потерявшийся ребенок.

Огден опустился на землю рядом с Китти. На мгновение отец и мать замерли. Затем он осторожно склонился, подобрал машинку, нащупал руку Китти, повернул ладонью вверх, вложил машинку и сомкнул пальцы жены на желтом металле.

Сдерживая подступившие слезы, Китти вернула игрушку в карман брюк, надела блузку и молча застегнула ее. Затем встала, натянула

брюки и застегнула молнию.

– Готова? – спросил Огден.

Китти посмотрела ему в глаза и кивнула. Он пальцем смахнул слезы с ее щеки. А потом они повернулись спиной к воде и, держась за руки, пошли в глубь острова сквозь деревья; оказавшись на неожиданно ослепительном солнце, супруги постояли там минутку. Никого не было видно. Самый высокий карниз дома углом врезался в небо, и Китти вдруг показалось, что они отсутствовали несколько лет.

Огден сжал ее руку. Дверь кухни была открыта, и они вошли внутрь; Огден потянул за ручку, закрывая за собой дверь – уже бережно, уже с хозяйской заботой. Они миновали кладовку и столовую и вернулись в прихожую, которая, как теперь увидела Китти, была голубой, серовато-голубой.

– Боже, кто это там?

На дальнем краю лужайки у лодочного сарая Присс и Данк разговаривали с женщиной в узкой юбке и желтом кардигане.

Огден остановился за спиной Китти.

Она подняла на него взгляд.

– Огден?

Одним быстрым движением он распахнул дверь с проволочной сеткой и вышел на крыльцо. Дверь закрылась, загредев деревянной рамой.

Данк махнул рукой, указывая на дом, и женщина обернулась. Перепрыгивая через ступеньки, Огден сбежал на лужайку.

Женщина была миниатюрной, с узким лицом в обрамлении черных кудрей. Она подняла руку, прикрывая глаза от солнца; ее взгляд был прикован к Огдену.

Позади нее из лодочного сарая стремительно выбежал худенький, жизнерадостный мальчик, засмеялся и потянул мать за руку. Затем проскочил мимо нее на лужайку, упал в траву, перевернулся на спину и замер, скрестив руки на груди; его радостные вопли выплескивались из него волнами.

Китти взялась за ветку сирени, которая росла рядом с дверью; у нее затуманились глаза при виде резвого маленького мальчика в свете солнечных лучей, из которого фонтаном била радость.

– Мама! – позвал мальчик, лежащий у ног матери.

Но женщина не смотрела на него. Она не отрывала глаз от Огдена, который шел ей навстречу, протягивая руки. Она шагнула вперед.

Китти видела, как муж напрягся и на мгновение замешкался, и ей показалось, что эта женщина – тень на лужайке, которая чего-то требует, которая тянется к Огдену; и это чувство не исчезло, даже когда он шагнул ей навстречу, взял ее руку, притянул к себе, наклонился и поцеловал в щеку. Китти видела, что в его теле словно сжалась пружина. Они были знакомы, и близко знакомы.

Китти замерла в дверях дома, глядя поверх их голов на волны, шуршащие на гальке. «Начнем заново», – шептал он ей всего полчаса назад. Она вздрогнула.

Из лодочного сарая вышел Гарри Лоуэлл с корзинкой для пикника в руке; он двигался лениво и в то же время настороженно, с видом человека, который что-то затеял.

– Привет, Милтон.

Она не слышала, что ответил Огден.

Мальчик вскочил и снова побежал – ноги болтаются в коротких штанишках, руки в шотландском свитере широко раскинуты в стороны, – на этот раз прочь от матери, вверх по склону, к Китти.

«Нет, – мысленно умоляла она. – Нет, нет, уходи».

Но он бежал прямо на нее, радостный и свободный. Вверх и вперед, с низким рычанием, которое Китти сразу узнала. Самолет. Машина. Поезд. Посмотри на меня.

Мальчик внезапно замер, уставившись на нее – высокую женщину в дверях старого дома.

Такая же копна непослушных кудрей, как у женщины внизу. Расстегнутый воротник рубашки под зеленым шерстяным свитером.

– *Ich bin Willy*^[17].

Он был мельче и смуглее Недди. Не такой высокий. Но такое же жадное до жизни лицо. Такое же самозабвение...

– *Und*, – он повернулся и указал на женщину, – *das ist Mama*^[18].

Китти смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

Мальчик повернулся и устремился вниз по склону, к Огдену и женщине. И тоска на лице Огдена, который смотрел на бегущего к нему мальчика, ударила Китти, словно пощечина.

Невыносимо было осознавать, что этот мальчик не Недди. Невыносимо видеть, что этот мальчик бежит по траве там, где должен

быть Недди. Она опустила руку в карман брюк и нащупала машинку сына.

– Китти! – окликнул ее Ог. – Иди сюда, познакомься с Эльзой.

Глава одиннадцатая

Чуть старше Китти и, возможно, чуть старше Огдена, и вовсе не красавица, решила Китти. Невысокая. Вьющиеся волосы и подвижное, живое лицо, полное невысказанных эмоций, задумчивые темные глаза и смеющийся рот. От такой ничего не скроешь, отметила Китти. Пожимая ей руку, женщина окинула ее оценивающим взглядом.

– В точности, как они вас описывали, – улыбнулась ей Эльза.

– Кто «они»?

– Милтон, – Эльза покосилась на Огдена, – и Гарри.

– Мы с Эльзой старые друзья, – заметил Огден. – Я веду дела с ее отцом.

– Когда вы приехали? – спросила Китти.

– На прошлой неделе, – ответила Эльза, наблюдая, как Огден крепко обнимает Китти.

– Надолго?

– Нет.

– На сколько? – спросила Китти.

– Пока не выполню поручение отца, – сказала Эльза и перевела взгляд на скопу, парящую высоко в безоблачном небе.

– Не ожидал ее увидеть, – ответил Огден Данку, когда они вчетвером, уже вечером, удалялись от причала на яхте. Гарри и Эльза с сыном отплыли раньше. – Забыл, что Гарри ее знает.

Казалось, он полностью взял себя в руки. Того шока, который Китти ощутила, стоя в дверях, словно и не было. Китти смотрела, как он уверенно держит в руке грота-фал. И все же Огден был потрясен. Это было не сексуальное или романтическое переживание, а нечто иное. Эта женщина занимала какое-то место в сердце ее мужа.

– Рассказывай, – поторопила Присс Огдена. – Почему она здесь одна?

Огден повернул к себе румпель и склонился ниже гика, чтобы посмотреть на воду.

– Она замужем за евреем. Думаю, это связано с ее мужем... – объяснил Данк.

– Его арестовали, – сказал Огден.

– Постой. – Данк резко повернулся и посмотрел на него. – Бернхард Вальзер член партии. Он глава «Немецкой стали».

Огден достал из кармана рубашки трубку и выбил ее о корпус яхты.

– Совершенно верно.

Парус трепетал над ними.

Китти наблюдала за Огденом, который с помощью румпеля пытался поймать ветер.

– В таком случае Хоффман должен быть в безопасности, – в голосе Данка явно сквозило беспокойство.

– Значит, этот маленький мальчик – еврей? – спросила Присс.

Огден кивнул:

– Чистокровный.

– Чистокровный? – Присс удивленно посмотрела на него. – Эльза еврейка?

– Ее мать была еврейкой. Но Вальзер ариец, – объяснил Огден. – С деньгами. И влиянием. Так что она защищена.

– Этого недостаточно, Огден, – возразил Данк. – Эльза *Mischling*^[19].

– Будем надеяться, что все не настолько мрачно. – Огден сунул мундштук трубки в рот и посмотрел на Данка, явно встревоженный.

– Где теперь Хоффман?

– В Заксенхаузене, – ответил Огден.

– Что это? – нахмурилась Китти.

– Центр предварительного заключения. Рядом с Берлином.

Данк посмотрел в глаза Огдену, и на его лице появилось страдальческое выражение.

– Этого будет недостаточно, Огден, – повторил он.

Китти нахмурилась. Ее кузен всегда любил драматизировать, даже слишком.

– Послушай, Данк. Ты всегда видишь черное там, где на самом деле всего лишь коричневое.

– Ты совершенно права. – Он с усмешкой повернулся к Китти. – Но в данном случае я предпочел бы коричневому черное.

– К повороту! – скомандовал Огден и повернул яхту к ветру. Они неслись вперед, рассекая волны, пока на мысу за деревьями не

показалась крыша летнего дома Лоуэллов, окруженного другими коттеджами поселка на острове Норт-Хейвен.

Когда они, умывшись и переодевшись, вышли на большую веранду летнего дома Лоуэллов, уже смеркалось. Со стороны залива доносились гудки береговой сирены, а на вершинах елей повисли первые завитки вечернего тумана. Гарри помогал смешивать напитки своему отцу, Гарри-старшему, бодрому, полному жизни мужчине с широким лицом и подвижными бровями, которые разлетались в стороны и вверх, демонстрируя искренний интерес к собеседнику. Эльзы нигде не было видно.

– Что вам налить? – крикнул мистер Лоуэлл.

– Вермут. – Китти улыбнулась. – Со льдом.

– Огден? – спросил хозяин дома.

– Что-нибудь коричневое... – Огден взял Китти за руку. – И побольше.

– Настоящий мужчина, – одобрил мистер Лоуэлл и радостно повернулся к тележке с напитками.

Они образовали нечто вроде полукруга, лицом к морю: женщины – сидя в ротанговых креслах, мужчины – стоя возле них. Солнце опустилось еще ниже, прохладный ветерок теребил рукав платья Присс, поднимая и опуская его, словно мечтательный поклонник. Данк стоял рядом, положив ладонь на спинку ее кресла. За широкими водами залива виднелся материк.

Такой же широкий и многообразный, как фасад его летнего дома, Гарри Лоуэлл-старший лично раздобыл для Гарвардской библиотеки один из шести сохранившихся экземпляров Библии Гутенберга, первые сборники исторических пьес Шекспира, а совсем недавно – превосходно сохранившийся экземпляр первого издания «Анатомии меланхолии» Бертона. Теперь, оценив размах коллекции Вальзера для летней выставки, он пребывал в крайнем воодушевлении. Именно ему Эльза должна была передать библиотеку отца – и поэтому находилась в тот вечер в его доме, объяснил мистер Лоуэлл, передавая Китти вермут.

Китти удивленно подняла брови. Эльза приехала сюда вовсе не за этим. Даже она это понимала.

– Библиотеку ее отца?

– Боже мой, коллекция Вальзера – одно из лучших в Германии собраний редких рукописей. Разумеется, я о ней слышал, но никогда не видел. Нацисты очень толково делают себе рекламу перед летними Олимпийскими играми. Чтобы покончить с рассказами о зверствах.

– А почему они не устраивают это представление ближе к дому?

– Демонстрация коллекции – способ обезопасить ее, – сказал Огден.

– И поделиться ей со всем миром, – великодушно прибавил мистер Лоуэлл. – А, вот и вы, миссис Хоффман... и Вилли.

– Эльза, – поприветствовал ее Гарри, когда она вышла на веранду, держа Вилли за руку.

После ванны мальчика завернули в синий хлопковый халат, а на ноги надели мягкие кожаные шлепанцы такого же цвета. Приглаженные волосы, слабый запах мыла, исходивший от его тела, сияющая от тепла и мочалки кожа – все это было так знакомо, что Китти пришлось отвести взгляд. Эльза села в свободное кресло и взяла сына на колени, притягивая все взгляды, словно пламя костра.

Это было необычно. Неслыханно. Время коктейлей – не для детей.

– Вам неудобно, – заметила миссис Лоуэлл.

– Думаю, это самое удобное место на веранде, мама. – Гарри протянул Эльзе стакан. Она улыбнулась ему и взяла напиток.

– Но мальчику лучше лежать наверху, в постели, – не сдавалась миссис Лоуэлл. – Уже, наверное, пора.

– Пора, – согласилась Эльза, устремив взгляд на пожилую женщину. – Но он слишком напуган.

– Прошу прощения?

– После ареста отца, – Эльза откинулась на спинку кресла, – он не может заснуть один.

– Бедняжка.

– Знаете. – Мистер Лоуэлл покачал головой. – Будь я евреем, я сбежал бы оттуда как можно скорее...

– О боже, евреем!

– Ты бы не сбежал, папа, и ты это знаешь. Ты бы остался, чтобы сражаться.

– Мне хотелось бы так думать, – ответил мистер Лоуэлл. – Хотелось бы думать, что я поступил бы правильно.

– Правильным было бы, – впервые подал голос Данк, – надавить на Халла, чтобы открыть квоту для евреев.

– Совершенно верно, – согласился Гарри.

– Не получится, – покачал головой Огден. – Меньше пяти процентов нашего населения согласны с повышением квот.

– Но они же беженцы, а не иммигранты.

– Они евреи.

– Не все.

– Большинство, – сказал Огден. – А девяносто процентов коммунистов в Америке – евреи.

– Но при этом нельзя сказать, что девяносто процентов евреев – коммунисты, – возразил Гарри.

Огден покачал головой:

– Я знаю. И ты тоже. Но это не имеет значения, разве ты не понимаешь? Люди в это верят.

Вилли теснее прижался к матери, прислушиваясь к звукам чужого языка; его взгляд, словно мячик, перескакивал между говорящими, голова лежала на плече матери, шлепанцы свисали с ног.

– Зачем этим несчастным людям снова ехать в страну, где их встретят *недружелюбно*? – подала голос миссис Лоуэлл.

Гарри посмотрел на нее, словно не веря своим ушам:

– Недружелюбно?

– Знаю, дорогой, я просто хочу сказать, что им следует ехать туда, где им будут рады. Это несправедливо по отношению ко всем, а к евреям особенно.

– Я согласен с Гарри. – Данк сделал большой глоток и отставил стакан. – И я знаю, что, когда бизнес хочет чего-то добиться, когда нечто ему выгодно, он это получает. Я всего лишь маленький винтик в правительстве. В отличие, – он посмотрел на Огдена, – от тебя.

– Независимо от того, что хочет или что решил бизнес, в нашей стране люди настроены так. – Голос Огдена звучал бесстрастно. – Мы *не* гостеприимны. Рузвельт это знает. И не будет давить.

– Тогда вы должны надавить на него, – сказала Эльза.

Звон льда у Китти в бокале подчеркнул наступившую тишину.

– Никто не может надавить на Рузвельта. – Мистер Лоуэлл тяжело переступил с ноги на ногу. – Этот человек не будет плясать под чужую дудку.

– Как вы думаете, что может заставить вашего президента сменить мелодию? – спросила Эльза, глядя на Огдена.

– Ощущение угрозы, – задумчиво произнес Данк. – Для обычного американца.

– В этом нет нужды. Безумие скоро закончится. – Мистер Лоуэлл опустил кубик льда в свой стакан и повернулся к Эльзе. – В вашем правительстве слишком много хороших людей. Ваш отец – один из них. Мне он всегда нравился.

– Гитлер играет со всем миром, мистер Лоуэлл, – покачала головой Эльза. – Одной рукой подписывает мирные соглашения, а другой толкает нас к войне. Мы все это видим. Прямо перед собой. Он превосходный фокусник. – Ее голос дрогнул. – И мы не отводим глаза. Наоборот, мы пристально вглядываемся, не в силах поверить тому, что видим. Мы думаем, что зрение нас подводит.

– Как же так получается? – спросил Данк.

– Мы *хотим* обмануться. У людей снова есть хлеб. И работа. – Ее голос стал тише: Вилли закинул руки за голову и притянул щеку Эльзы к своей. Она негромко прибавила: – В этом его гениальность.

– Гениальность Гитлера: занять Рейнскую область, все время декларируя мирные намерения, – заключил Гарри.

– Тем не менее войну удалось предотвратить, – заметил Огден.

– Да, – согласилась Эльза, пристально глядя на него. – А теперь все сталелитейные заводы Рура в его руках.

Огден не отвел взгляда.

– Никто не хочет войны, – ответил он после секундной паузы.

Эльза аккуратно поставила стакан на столик.

– Значит, нам конец.

Внезапно Огден покинул собеседников и удалился в глубь веранды, присоединившись к мистеру Лоуэллу у тележки с напитками.

– Я не могу понять, почему люди не протестуют, – нахмурился мистер Лоуэлл.

– Есть много способов протестовать, – ответила Эльза, глядя на Огдена, стоявшего к ним спиной.

Огден не повернулся, но Китти показалось, что между ним и Эльзой словно натянулась струна. Что она имеет в виду?

– Фюрер говорит: «Я не диктатор. Я лишь упростил демократию», – процитировала Эльза.

– Блестяще, – выдохнул Данк рядом с Китти.

– Да, блестяще, – признала Эльза. – И в этом беда. Очень многие видят в нем только головореза. И не замечают гения. И поэтому все происходит быстро, без остановки. За несколько месяцев. Прямо у вас перед носом.

– Боже правый! – взволнованно воскликнула миссис Лоуэлл. – Вы же не хотите сказать, что это может случиться здесь?

– Прошу прощения, миссис Лоуэлл. – Эльза повернулась к ней со слабой улыбкой. – Но неверно думать, будто новости происходят где-то в другом месте. С другими людьми. Новости – это всегда о вас. Вы просто должны поставить себя на их место. Должны понять, как... вы должны быть бдительны.

– Миссис Хоффман, у нас есть законы, которые защищают слабых. – Миссис Лоуэлл не собиралась сдаваться.

– Защищают. – Эльза помолчала, пристально глядя на пожилую женщину. Потом продолжила, и голос ее звучал тихо: – Кто защищает тех негров, которых выволакивают из тюрем и вешают на деревьях?

С таким же успехом она могла бы швырнуть бомбу, подумала Китти. Наступила потрясенная, внезапная тишина. Ужасная картина, *непроизносимая* – и вот она, прямо у них перед глазами.

– Но ведь это другое, совсем другое, – запротестовал мистер Лоуэлл.

– Разве? – спросил Гарри.

– Не надо поддевать собеседников, – с достоинством сказала миссис Лоуэлл. – Ты знаешь, что другое.

– Оставим это, – перебил ее мистер Лоуэлл. – Но, миссис Хоффман, человеку с вашим положением, с положением вашего отца не о чем беспокоиться...

– Нет, – печально улыбнулась Эльза. – Мой отец не беспокоится. Он верит в хороших людей.

– И это к добру, верно? – не отступала миссис Лоуэлл.

– В наши дни добро напугано, миссис Лоуэлл.

Огден наконец повернулся к ним, внимательно прислушиваясь.

– Слишком много разговоров, – сказала Эльза. – Так много разговоров. Но никто не *действует*.

На лице Огдена промелькнула тень раздражения. Наблюдая за ним, Китти впервые пришло в голову, что ему, возможно, вовсе не

нравится Эльза. Ее захлестнуло чувство облегчения. Это было чересчур. Эта женщина, обнимающая своего сына и рассуждающая о войне, явно переходила границы. Было совершенно очевидно, что Огден тоже так считает.

– И с каждым днем все становится проще, – тихо продолжала Эльза. – Теперь стало совсем просто. Повсюду только разрозненные, единичные акты героизма или трусости.

– А не может быть чего-нибудь без крайностей? – спросила Китти, переводя взгляд на Эльзу. – Промежуточного?

– Промежуточного? – с едва скрываемой насмешкой переспросила Эльза.

– Вы должны уехать, моя дорогая. Почему вы не уезжаете? – вступил в разговор мистер Лоуэлл, прежде чем Эльза успела ответить.

– Мы не можем оставить Германию нацистам.

Гарри вышел из тени и прислонился к арке веранды.

– Сейчас самое подходящее время, – сказала Эльза. – Сейчас, в разгар подготовки к Олимпиаде, когда призывы против евреев убираются с улиц, особенно вокруг стадиона, мы должны доказать его лживость, мы должны...

– Мы? – От волнения и неловкости Китти расплескала вермут на деревянный пол.

Эльза кивнула ей:

– Вы должны действовать.

– Действовать. – Китти раздраженно встала и покинула полукруг кресел, направившись к балкону. Солнце, подрагивая, висело прямо у гладкой поверхности воды. Эта женщина, сидящая там, и мальчик у нее на коленях, словно уголек, пылающий так настойчиво и жарко, – они угрожали беседе, веранде и этому часу, предназначенному для того, чтобы просто выпить коктейлей перед ужином.

С ножки Вилли соскользнула тапка, и Эльза не глядя молча надела ее обратно. Этому мальчику место наверху. Мальчику нужно лежать в постели. Он явно устал. И слишком мал. Китти заставила себя отвести взгляд.

– Не секрет, что Гитлер намерен вооружить страну, – продолжала Эльза. – Но понимаете ли вы, что это делается уже много лет? Отцовский завод давно выпускает спусковые механизмы для гаубиц.

Теперь все внимание было приковано к ней.

– А лафеты? – Огден скрестил руки на груди.

– В Дюссельдорфе.

– Стволы?

– В Эссене.

Что-то между ними решается, это очевидно, подумала Китти.

– Но как это возможно? – с удивлением спросил Данк.

– У Гейдриха есть система предупреждения, – объяснила Эльза, глядя на Огдена. – Перед приездом французских инспекторов на конвейеры запускают шпильки для волос и краны.

– Так-так, – сказал Огден.

– Хуже того, – она подалась вперед, – в прошлом месяце на заводе начали отливать маленькие пропеллеры для самолетов, которые приводятся в движение потоком воздуха и издают ужасающий звук.

– Для чего они?

Она умолкла, подбирая нужные слова.

– Каждый бомбардировщик «Штука» над Англией будет завывать...

– *Англией?* – переспросила Присс.

– Англия, – подтвердила Эльза. – Потом Россия.

– Есть доказательства? – спросил Огден.

Эльза медленно кивнула, глядя ему прямо в глаза.

Огден поморщился и отвел взгляд.

– Слышали? Жаль, я не могу добыть такие доказательства, – сказал Гарри. – Тогда бы мы приступили к делу, и началась бы эта война. Было бы правильным...

– Правильным, – сказала Китти, решительно шагнув к ним с края веранды, – будет прекратить разговоры и посмотреть на небо. Просто посмотрите, – настаивала она, заметив недовольство на лице Данка, охваченная желанием стереть его, спрятать в карман, как носовой платок. – Посмотрите вокруг.

Солнце замерло, перед тем как окончательно скрыться, и за верандой на краю лужайки над темной синевой вечернего моря разливалось золотое сияние, выплескиваясь на скалы. Гранит сверкал.

Китти почувствовала на себе взгляд Огдена, оглянулась и одарила его ослепительной улыбкой. Она не понимала, какую битву он ведет, но она будет сражаться вместе с ним. Эльза просила у него чего-то, что

он не мог ей дать, что шло вразрез с его убеждениями. И Китти будет рядом. Она вернулась к нему. Она с ним – здесь и сейчас.

Огден улыбнулся, явно тронутый.

– Китти права, – сказал он и шагнул ей навстречу из глубины веранды.

– Китти не *права*, – добродушно заметила Присс, вставая и потягиваясь. – Но Китти сделала то, что она умеет лучше всего: увидела благо и красоту. А все остальное сейчас неважно.

– Внимание! – воскликнул Данк, поднимая бокал. – За благо и красоту. – Он одним глотком осушил бокал, поставил его на низкий столик, взял Присс за руку и повел на широкие ступени веранды, чтобы полюбоваться закатом.

Все молчали. Солнце медленно опускалось в черную бездну. Еще секунда – и оно исчезло. Солнце скрылось за морем, но оставило после себя такой горячий яркий шлейф, что казалось, будто небо пламенеет розовым огнем, жарким и пышным, как роспись купола в барочном соборе.

Оглянувшись, Китти увидела, что Эльза положила руку на голову Вилли и что-то шепчет ему, почти касаясь губами его щеки.

Руки маленького мальчика обмякли, и он заснул на коленях у матери. Как же Китти тосковала по тяжести ребенка на своей груди. Как же ей хотелось обнять его.

– Пора приступать к омарам, Гарри, – сказала миссис Лоуэлл, вставая с кресла и направляясь в столовую. – Повар машет мне из коридора.

Мистер Лоуэлл принялся собирать бокалы и ставить их на тележку. За его спиной столовая постепенно наполнялась светом: миссис Лоуэлл обходила вокруг длинного и широкого стола, зажигая свечи. Служанка принесла огромную дымящуюся миску и поставила ее на край стола. Другая расставила хрустальные чаши с растопленным маслом. На блюде подрагивало томатное заливное. Над столом нависал деревянный сводчатый потолок, купол из соединенных в шпунт досок, словно комната находилась на верхней палубе шхуны. Большое зеркало в глубине столовой еще больше расширило пространство вокруг стола.

– Гарри? – донесся голос миссис Лоуэлл из открытой двери.

Гарри с неохотой отлепился от стены.

– Я помогу, – предложил Огден и вошел в дом вслед за ним.

Эльза и Китти продолжали молча сидеть. Китти с трудом различала темные фигуры Присс и Данка, прижавшиеся друг к другу на неосвещенном краю веранды.

Служанка внесла дымящееся блюдо с красными омарами, поставила на приставной столик, и Гарри с Огденом надели фартуки, которые подала им вторая служанка. Огден что-то сказал, и Гарри повернулся к нему с одобрительной улыбкой. Двое мужчин были отчетливо видны в проеме застекленной двери. Гарри надел кухонные рукавицы и принялся отрывать хвосты от туловища. Огден молотком разбивал клешни.

– Это место идет Милтону, – задумчиво произнесла Эльза. – Только сейчас заметила.

Китти присела на низкую ограду веранды. Огден и правда хорошо вписывался, подумала она, хотя ей не понравилась непринужденная фамильярность Эльзы.

Какой-то человек с фонарем появился из-за дома, пересек темную лужайку и прошел сквозь зеленую изгородь. Китти смотрела, как между деревьями мелькает маленький огонек, удаляясь в сторону пристани. Она чувствовала, что Эльза за ее спиной тоже смотрит. Фонарик несли, судя по всему, до самого конца пристани. Потом вспышка – и над темным мерцанием воды появился второй огонек. Первый луч света двинулся в обратный путь, а второй остался сиять на дальнем конце пристани.

– Как здесь мирно и спокойно, – тихо сказала Эльза.

Человек с фонарем появился в дальнем конце сада и прошел по дорожке за дом. Фонарь на пристани продолжал гореть.

Тени на веранде стали еще гуще, и Эльза подвинула спящего у нее на коленях мальчика, теснее прижимая его к груди.

– Вы верите, что у каждого из нас есть только одна-единственная история, которой мы должны следовать? – спросила Эльза.

– Что-то вроде судьбы? – Китти повернулась к ней.

– Если хотите.

– Нет, – ответила Китти. – Не верю. Это слишком жестоко.

Эльза окинула ее взглядом и в задумчивости откинулась на спинку кресла.

– Хорошо, – прошептала она. – Это хорошо.

Китти смотрела на нее.

– Тогда Бог? – продолжила Эльза. – Всевидящее око сверху? Которое присматривает за всеми нами?

Китти покачала головой.

– Не верю, – призналась она.

Эльза с сочувствием посмотрела на нее:

– Из-за вашего ребенка?

– Моего ребенка? – Китти оцепенела.

Эльза кивнула.

– Никто не смотрит за нами. Нет заботливой руки. Никого нет. Только мы. Мы с вами это понимаем, правда?

«Нет, – возмущенно подумала Китти. – Вовсе нет». И что она имеет в виду, когда говорит *мы*? Не могло быть никаких *мы* с этой женщиной, которая все напирала и напирала, заставляя Огдена сделать что-то такое, чего он не хочет, – и держа маленького сына на руках.

Эльза продолжала испытующе смотреть на нее:

– Между тем вы весь вечер не спускали глаз с Милтона и с меня. Что же, по-вашему, вы увидели?

– Что вы опасны, – ответила Китти, вскинув голову.

Она совсем не то хотела сказать. А Эльза, вероятно, совсем не то ожидала от нее услышать, потому что у нее вырвался тихий понимающий смешок. Тем не менее Китти стало стыдно.

– Опасна? Я не опасна. Я не... нисколько.

Китти покраснела, невидимая в темноте.

– Омары готовы, – объявила миссис Лоуэлл, появившись на пороге веранды. – Все за стол.

Присс и Данк разомкнули объятия и вышли из тени к освещенной двери.

– Идете? – спросила Присс.

– Через минуту, – ответила Китти и, пытаясь взять себя в руки, повернулась спиной к Эльзе.

– Китти? Миссис Хоффман?

– Идем! – отозвалась Китти, но не двинулась с места.

За ее спиной скрипнуло кресло – Эльза наклонилась вперед.

– Я видела, как вы смотрели на Вилли.

У Китти перехватило дыхание. Потому что там был сонный Недди, который поворачивал голову на подушке в своей кровати.

Недди говорил: «Спокойной ночи, мама». Это он спал у нее на руках.

– Возьмите его, Китти, – произнесла Эльза быстрым шепотом, подбросив эти три слова в тишине.

– Прошу прощения? – Китти повернулась к ней.

– Возьмите его. – Эльза протянула руку поверх своего сына и сжала локоть Китти. У нее было совершенно белое лицо. – Защитите его. Вы можете уберечь его от войны?

Войны? Потеряв дар речи, Китти стояла перед Эльзой.

– Но никакой войны нет, – услышала она свой голос.

– От войны, которая приближается и которая заберет нас всех, – настаивала Эльза. – Он такой же, как ваш.

Такой же? Китти замерла. Недди был белокурым и высоким, с улыбкой, которую он бросал в мир, словно монету, а этот мальчик совсем другой, темноволосый, худенький... и еврей.

– Но он не такой. Совсем не такой.

Две женщины смотрели друг другу в глаза.

– Где он будет спать? – спросила Китти.

– Где он будет спать? – растерянно повторила Эльза.

Китти вспыхнула.

– Мы с Огденом не смогли бы понять, как с ним себя вести. Наверняка вы предпочли бы отдать его людям, которые лучше знают, как воспитывать...

– О. – Эльза вздрогнула, как от удара. – *Вот* оно что. – Она крепче обхватила мальчика, словно Китти могла причинить ему боль, словно *она* была опасной.

И весь идиотизм прошедшего года, все ее ответы людям, которые воображали, что понимают, все, что она складывала, прятала и задвигала подальше, вместо того чтобы достать, вытряхнуть, выставить напоказ, – все это всколыхнулось в Китти, пока она смотрела на эту женщину, посмевающую вообразить, будто хоть что-нибудь знает о ней.

– Нет. Ничего подобного, – возразила Китти. – Как вы смеете так обо мне думать? Вы не понимаете, о чем просите.

– Как я смею? – Эльза встала, поддерживая повисшего на ней Вилли. – Смею. Я смею все... все. – Ее голос дрожал. – Пока вы развлекаетесь, покупая острова, королевства посреди моря...

– Китти? – В дверном проеме стоял Огден.

– Все не так просто, черт возьми, – с жаром сказала Китти.

– Нет, просто. – Эльза пристально смотрела на нее; ее голос завораживал. – *Очень* просто. Проще не бывает. И правая рука притворяется, будто не знает, что делает левая.

Затем она повернулась и молча прошла мимо Огдена в дом, а Китти, которую била дрожь, осталась на темной веранде.

Утром Эльзы и Вилли уже не было.

Глава двенадцатая

Милтоны распорядились покрасить большой белый дом, вырубить ели, закрывающие вид на море, посадить герань и маргаритки в старом загоне для овец и следующим летом приехали на остров вместе с Моссом, Джоан и новорожденным младенцем, Эвелин – *нашим ребенком из скал*, как они ее мысленно называли; с ними были няня и Джесси, кухарка. Мосс, словно воробей, выскочил из лодки на причал и, смеясь, побежал вверх по широкой зеленой лужайке, а Джоан следом, почти не отставая. Здесь было еще красивее, чем помнилось Китти. Широкие белые скалы, темный лес, где с деревьев свисал светло-зеленый мох, словно волосы ведьмы. Для детей это было настоящей сказкой. Огден оказался прав.

Они прошли через лодочный сарай на лужайку и стали медленно подниматься на холм; Огден толкал перед собой нагруженную тачку. Подходя к дому, Китти вспомнила, как в прошлом году Присс и Данк стояли в тени высокой крыши, и Данк смеялся, крепко обнимая Присс. А когда поднялась на гранитные ступени крыльца и оглянулась, то представила Эльзу в дальнем конце лужайки и Вилли, который, заразительно смеясь, бежал к ней.

Вздвогнув, Китти поняла, что тот первый день навсегда останется здесь. Каждый приезд, каждый год будет заключать их в себе. Остров сохранит их всех.

– Мама! – Мосс выскочил из-за угла дома, держа камень в виде стрелы. – Мама! Мама, посмотри!

Ее мальчик. Она улыбнулась ему.

Стены они покрасили в белый цвет, а полы в серый; оставили ту мебель Крокеттов, которая еще годилась; они спали на новых матрасах и сидели на старых стульях, и в то первое лето ели с фарфоровой посуды, найденной на чердаке под широкими стропилами. Между гранитных уступов позади дома Китти посадила ревень и салат-латук, и друзья из города, поднимаясь вверх по склону, восклицали: «Как мило! Какая ты мастерица!»

«Вовсе нет», – возражала довольная Китти, встречая их на пороге дома.

По утрам морской воздух пробирался в комнаты через открытые окна вместе с первыми лучами солнца, реял над декоративной панелью в ванной, стелился по покрытому царапинами линолеуму в кухне, будил Милтонов, а первым приветственным звуком всегда был далекий гудок береговой сирены в заливе. Летние дни шли друг за другом, словно по волшебству. Каждый вечер в деревянных ящиках, привязанных к пристани, появлялись омары, а каждое утро – бекон и молоко. Милтоны просыпались и спускались вниз, на запах яиц, тостов, крепкого кофе, и сразу же выходили на солнце – если светило солнце. Они ходили под парусом. Карабкались на громадные скалы в поисках места для пикника. Плавали в бухте. Вязали. На веслах пересекали узкий пролив. Гуляли. А в сумерках снова собирались на пристани или на каменистой площадке для пикника, пили бурбон и вермут, щелкали орехи. Темнота здесь не обрушивалась резко, она действовала неторопливо, уступала славу дневному свету, который медлил, не желая уходить.

Они стали Милтонами с острова Крокетт. Это выделяло их среди других, делало особенными. В гостиных Манхэттена и на теннисных кортах Лонг-Айленда остров, *их* остров, словно придавал Китти и Огдену Милтон особый блеск. И хотя город призывал их к себе каждую зиму – ужины, танцы, театры, прощание с Огденом каждое утро и его возвращения вечером, школа, мальчик и две девочки в лифте, – каждый из них в январе мог, завернув за угол, внезапно увидеть луч света, падавший из окна библиотеки на зеленый диван, и вспомнить темную, густую зелень леса. Остров пронизывал их городскую жизнь, словно барабанная дробь. Слово колокольчик.

И дни росли, вытягивались в длинную череду, складывались в годы. Каждое лето дом открывала дочь Крокетта, Полли Эймс; белые кисейные занавески крахмалили и возвращали на окна, мух сметали с подоконников, оконные стекла протирали от соли, которую приносила с моря зимняя ярость, а гостевую книгу миссис Милтон, присланную из города, извлекали из обертки и помещали на стол гостиной, готовую к новому году: 1938. Оставшиеся от Крокетта снасти для ловли омаров, которые хранились среди стропил лодочного сарая, сменили белые паруса, обернутые вокруг мачт красного дерева. Колодец углубили. 1939. Ветер теребил занавески на окнах, туман расползлся по лужайке, и каждое лето, выскочив из лодки, дети Милтонов видели

обелиск на кладбище Крокеттов, изогнутую линию елей и неизменное гнездо скопы на верхушке самого высокого дерева.

И каждый сентябрь, когда Китти выходила на порог и закрывала дверь, чтобы не пускать в дом зиму – непредставимую зиму, – ее сердце замирало. *Мы вернемся?*

(Ее взгляд падал на зеленую кепку Огдена, висевшую на крючке после вчерашней прогулки под парусом. Может, ее следовало убрать?)

Кепка висела на стене, и ее длинный коричневый козырек напоминал утиный клюв. Китти поворачивалась. Оставляла ее на крючке, как обещание – возможность, которая будет всегда. Завтра. Послезавтра. Или позже.)

А в доме росли дети. Здесь они завтракали свежим утром, и их босые ноги барабанили по деревянным ножкам стульев. Духовка нагревалась, потом остывала, тарелки мыли, прополаскивали и расставляли в сушке. Возможно, кто-то наверху вскрикивал, а двое в главной гостиной пытались читать под ворчание и треск старой печи. Дом помнил их. Вот место у поворота лестницы, где в то утро Эвелин споткнулась и набила здоровенную шишку. (Но никто ее не слышал – все были на улице, – хотя она долго плакала. А через какое-то время она встала, держась за перила, вытерла нос и медленно спустилась вниз.) Лестница помнила, лестница осталась, и выросшая Эвелин, уже все забыв, инстинктивно ускоряла шаг на этом месте, словно лестница могла ударить ее.

Как-то раз Мосс построил шалаш из плавника и веревок, а девочек снарядил собирать мох и ракушки для окошек; колокольчики Джоан висели на ловушке для крабов, которая дрожала на ветру, позвякивая ракушками. Июльской ночью, в самой середине лета, когда в короткие часы темноты окна были распахнуты настежь, Джоан и Эвелин лежали рядом на широких кроватях с балдахином, в полудреме, не засыпая, – было так жарко, – а из темноты доносился тихий стон, нескончаемая одинокая нота береговой сирены. А потом, в тишине между гудками, слышался плеск волн о гальку на берегу. Скалы и ветер. Сон. Джоан вертелась в кровати.

Где-то далеко шла война. Там воевал сын миссис Эймс.

На другом берегу пролива жил мальчик по имени Фенно Уэлд. Он приезжал с родителями. Фенно приплывал к ним на лодке, и трое

Милтонов обращали к нему взгляд, а он стоял и ждал их. «Привет, Уэлд, – говорил Мосс. – Как дела?»

Делать здесь было нечего, но времени на ничегонеделание не хватало. День сменялся днем. Джоан нарисовала карту тропинок, проложенных отцом, и четверо детей назвали Бродвеем широкую центральную тропу, рассекавшую остров. Кольцевой маршрут получил имя Шайба.

«Почему Шайба?» – возмущалась Эвелин, уже тогда главная вопрошательница, хотя, возможно, она просто требовала буквальности, стремилась к реальному. «Почему бы и нет?» – отмахивался от нее Мосс.

Почему бы и нет? Почему бы в полночь не взять лодку, чтобы остановиться посередине Нэрроуз, лечь головой на треугольное сиденье на носу и смотреть в ночное небо, которое нависает над тобой громадными складками и стреляет падающими звездами, в эту заряженную энергией черноту. Почему бы не покрасить в голубой грядку камней вокруг площадки для пикника. «Почему бы и нет», – думала Джоан.

После войны, когда отменили карточки, Огден привез с материка генератор и установил в курятнике на гранитном уступе за домом. После чего – в том году и в следующем – начались вечеринки. Летний воздух был пронизан светом. Мосс привозил парней из колледжа, и с ними были девушки с короткими стрижками и голыми ногами, которые рассуждали о Платоне, играли в теннис, набрасывали кардиганы на обожженные солнцем плечи и шли вниз к пристани, где каждый вечер в шесть часов их ждали напитки. Было пение. Были танцы в амбаре на холме выше Большого дома, были шарады в гостиной до поздней ночи, стук сетчатой двери, когда друзья выходили под звездное небо, рокот лодочных моторов и голоса женщин, летящие над темной водой. Были лунные дорожки до самой середины пролива, были утренние купания и прогулки на яхте в тумане.

Летними ночами Большой дом сиял всеми восемью окнами фасада, и его можно было увидеть с Виналхейвена, если сесть в лодку и обогнуть мыс. Эти огни мерцали в темноте и, казалось, сулили только спокойные воды. Только свет, воду и безмятежное плавание по широкой синеве пятидесятых. Хотя, если оглянуться назад,

становилось понятно: все таилось прямо на поверхности, прямо под кожей.

«Ну вот», – думала миссис Эймс, доставая первую посылку с летними вещами Милтонов, завернутую в коричневую бумагу и туго перетянутую узловатой бечевкой, позаимствованной на почте у Фрэнка Уоррена. Гостевая книга миссис Милтон. Миссис Эймс положила ее в корзинку с занавесками, выглаженными и готовыми отправиться на остров Крокетт. Было еще холодно. Она сняла чехлы с дивана с набивкой из конского волоса и трех мягких стульев, которые, как выяснилось, погрызли мыши, и прошла в столовую, где стулья стояли вплотную к широкому столу в напряженном внимании.

– Вольно, – тихо сказала им миссис Эймс.

Много лет назад ее сын вернулся домой с кусочком Франции в ноге. Он рассказывал, как бежал, бежал под дождем в темноте к амбару, это ему запомнилось, шел дождь, и он хотел добраться до края поля, до амбара, который им приказали занять, и он был почти там, почти, когда амбар взлетел на воздух и балки полетели во все стороны, обрушиваясь на парней вокруг него. Больше он никогда не бегал. «Вольно» – так он тогда пытался шутить с матерью. Мой мальчик. Книгу в кожаной обложке темно-зеленого цвета, с выбитыми цифрами нового года она положила на столик в передней, возле кресла миссис Милтон – неудобного, с откидной спинкой – и закрыла дверь. Мой бедный мальчик.

Это было первого июня 1959 года.

A капелла

Глава тринадцатая

– Здесь, – решительно сказала Джоан Милтон, – прямо здесь.

Фенно Уэлд с сомнением посмотрел на нее.

– Давай, – поторопила она, остановившись на краю Овечьего луга в Центральном парке. – Испытай меня.

Стоял знойный день. В парке жара пахла травой, и сквозь тень и медленное колыхание деревьев город – где посверкивали серебристые «бьюики» и синие «понтиаки» – казался ей далеким, как сверкающая река.

Уэлд пристально смотрел куда-то за ее плечо, стесняясь взглянуть ей в лицо.

– Манда, – начал он.

– Манда, – повторила она ровным голосом, ковыряя носком туфли плитку на дорожке.

– Хер, – он осмелел.

– Хер, – произнесла она.

– Анальный, – с вызовом сказал он, встречая ее взгляд.

– Анальный, – выдавила из себя Джоан, чувствуя, как румянец заливает щеки. – Черт! – фыркнула она.

Лицо Фенно в удивлении смягчилось.

– Ты запнулась на слове *анальный*? Почему?

Она покачала головой и скрестила руки на груди.

– Почему? – настаивал он.

Она пожала плечами.

– Ты покраснела, – сказал он, пристально глядя на нее.

– Правда? – Она подняла голову. – Это плохо.

– Но это подтверждает мою теорию, – серьезно сказал он. – Прилагательное – это спусковой курок. Нажми, и он выстрелит прямо тебе в сердце. А «манда», «хер», «клитор» – это всего лишь слова. Всего лишь пули. Ничто.

– Грязные пули, – уточнила она.

– Грязные, – согласился Фенно. – Но только потому, что кто-то заставил нас так думать. Лоуренс говорил, что только тупые козлины выискивают непристойности.

– Он также считал, что каждая женщина должна быть немного шлюхой, а иначе она просто сухая палка, – заметила Джоан. – Это уже перебор.

Фенно кивнул, слегка смущенный.

– Давай. – Она подставила щеку. – Мне пора домой.

Фенно наклонился и поцеловал ее. От него пахло сигаретами и лосьоном после бритья.

– Счастливо, – сказал он.

Он отстранился и кивнул ей на прощание, а она чуть сморщила нос; потом стояла и смотрела ему вслед. Высокий и немного нескладный, он шел так, словно не смог полностью овладеть своим телом, словно взял его напрокат. У него был очень низкий голос. Джоан помнила то лето, когда он ломался. Фенно ненавидел привлекать внимание, а новый тембр голоса в сочетании с темными кудрями заставлял умолкнуть всех присутствующих. Большую часть того лета Фенно провел в яростном молчании.

Она повернула к выходу из парка. Фенно Уэлд был хорош во всех отношениях, и это было его недостатком. Чересчур усердный, размышляла Джоан: всегда готовый взять на себя ответственность, вмешаться и предложить помощь, руку, сигарету, выпивку. Чересчур обходительный. Она узнавала эту черту в большинстве юношей, с которыми росла, знала, что у них просто не было выбора – Мосса воспитывали точно так же.

Хотя в Моссе было кое-что еще, подумала она. Что-то скрытое, некое тайное место, куда он как будто уходил, а возвращался немного другим. В этом была его притягательность. Он обещал новый взгляд на тот мир, в котором все они жили. Никто не мог предугадать, к каким выводам он придет.

«Бедняга Мосс, – думала она, выходя из-под деревьев, – ему придется несладко».

Начиналось последнее настоящее лето, «конец начала», как любил говорить ее отец, цитируя Черчилля. Осень начнет новую страницу для всех: Эвелин выходит замуж, Мосс будет работать в отцовской фирме, а она наконец добилась у родителей разрешения выйти на работу, которая ей подвернулась.

На светофорах загорались зеленые огни, и машины стремительно неслись по улице. Джоан шла быстрым шагом, держась в тени.

«Всего лишь машинопись, – ответила Джоан на вопрос отца. – Но у меня будет занятие».

«Почему, черт возьми, ты хочешь целый день печатать на машинке?»

«Карманные деньги», – неопределенно улыбнулась она.

«Женский ум непостижим. – Огден Милтон пристально смотрел на дочь. – Похоже, никакое образование не научит девушку логике».

Но Джоан смогла четко и ясно изложить свои аргументы, и он согласился – факт, который она прибавила к списку своих тихих побед в 1959 году. Накануне она подписала документы на квартиру в старом доме на Восточной Восемьдесят первой улице, в одном квартале от Метрополитен-музея. Ключ лежал на дне ее сумки, и ничто не приносило ей такого удовлетворения, как этот маленький кусочек металла. Она могла закрыть дверь и запереть ее на ключ. Квартира полностью принадлежала ей.

Двадцатипятилетняя девушка в широкой юбке и облегающей хлопковой блузке, перетянутой поясом на узкой талии, она могла быть одной из многочисленных сверстниц, выпускниц частных пансионатов, которые поступили в колледж ассоциации «Семь сестер», а теперь приезжали в город, чтобы развлечься. Но нет. Она закончила Фармингтон, как и ее мать Китти Милтон, пела те же школьные песни, а на выпускном, одетая в белое платье, подбрасывала в воздух букет маргариток, – как и ее мать, а до этого мать ее матери. Но Джоан Милтон не была похожа на мать или бабушку. Она твердо решила быть другой. Жизнь широко расстилалась перед ней, и Джоан намеревалась сделать ее интересной. Она хотела делать в этом мире что-то *осмысленное*, раз не могла выйти замуж.

Она замедлила шаг, отбросив эту мысль и решительно вытеснив ее другой. Тут ничего нельзя было поделать. Из-за болезни она не могла иметь детей. Врачи в один голос говорили, что она бесплодна. И поэтому ей не приходилось выбирать. Выбор сделало тело, ее неисправное тело. Мужчина хотел видеть в своем доме жену и детей. А она не могла. Так уж случилось. И было бы нечестно лишать этого мужчину. Поэтому она не выйдет замуж.

Но она могла любить. Могла работать. И ничто не помешает ей делать и то и другое. Она шла, вздернув подбородок, и ее каблучки стучали по залитому солнцем тротуару.

В песне поется: «Если девушка умней, парень не подкатит к ней», но Джоан это не беспокоило. В пансионе она научилась печатать на машинке, готовить голландский соус и упаковывать льняную юбку так, чтобы та не помялась. Из этих навыков два оказались полезны, а вот третий был настоящим выигрышным билетом. Быстрая и точная, Джоан умела печатать как никто другой; слова текли сквозь нее, словно музыка. Когда Изобель Дэй узнала, что маленькое издательство ищет машинистку, Джоан предложила свои услуги – и оказалась в самом центре огненной бури. Она работала на Барни Россета, человека, который обманул почтовую службу США и законы Комстока и отправил полную версию «Любовника леди Чаттерлей» в печать, а затем в продажу, но все экземпляры довольно быстро изъяли из магазинов. Теперь судьба романа находилась в руках окружного судьи, и решение ожидалось в следующем месяце.

Она никому не сказала, где на самом деле работает. Всеобщее внимание было приковано к Эвелин и ее сентябрьской свадьбе, которую собирались сыграть под большим белым шатром в Ойстер-Бэй. И это вполне устраивало Джоан, потому что роман Дэвида Лоуренса был для Россета только началом. Издатель имел виды на Генри Миллера, на Уильяма Берроуза, на все выдуманые ограничения, которые установлены в этом мире и которые, по его словам, он собирался уничтожить. Что было неприличного в совокуплении мужчины и женщины? Почему желание прикоснуться к другому человеческому существу считалось грязным? Об этом постоянно говорили в крошечном тесном офисе, где сидело четверо мужчин; на всех поверхностях лежали стопки рукописей, на полу валялись журналы, столы стояли косо, а сотрудники курили, хватали и бросали трубки телефонов, прокладывали себе путь с такой энергией и силой, каких она никогда не видела.

На перекрестке Джоан остановилась. Только что в парке, с Фенно, она краснела от смущения, но это была не игра. Нанимая ее, мистер Россет сказал, что, по его мнению, именно она может оказаться им полезной – молодая женщина с безупречной родословной, девушка с «Мейфлауэра», из первых пилигримов. Становой хребет королевства. «Можно устроить читку, – сказал он. – Если вы сумеете произнести эти слова и показать, что неприличными их делает лишь наше лицемерие, это может попасть в газеты – разумеется, мы обратимся за

поддержкой и к известным людям». Она кивнула, проскользнула за стол, который он ей указал, поставила сумку на пол и придвинула к себе пишущую машинку, решив промолчать о том, что она не из первых пилигримов и не слишком умелый оратор. «Ничего страшного», – подумала Джоан. Все это было неважно, главное – она была на борту, вместе с командой из четырех неуживчивых человек, и корабль несся на волне через створки шлюза.

– Я вычитываю, – сказала она сегодня утром, подняв глаза на мистера Россета. Он взял ее экземпляр со стола, раскрыл на странице с закладкой, кивнул и снова закрыл.

– Ну как, *непристойно*?

Джоан пристально смотрела на босса. Он присел на край ее стола и скрестил руки на груди. «Непристойно» – именно такое обвинение предъявлялось им в суде.

– Смело, – ответила она.

– Да.

– Но не цепляет, – сказала Джоан.

Улыбнувшись, он снова раскрыл книгу, на этот раз на первой странице, и вслух прочел предложение: «В столь горькое время выпало нам жить, что мы тщимся не замечать эту горечь»^[20]. Потом захлопнул книгу.

– Какое здесь ключевое слово?

– Горечь, – без колебаний ответила она.

Россет пристально посмотрел на нее:

– Нет. Не замечать.

На Пенсильванском вокзале она открыла большие латунные двери и остановилась на верхних ступенях мраморной лестницы, рассматривая огромный зал внизу. Сюда пробиралась дневная жара, висевшая над асфальтом, от которой никли букеты сирени в корзинках цветочниц и газеты в киосках, никли люди, выходявшие из поезда; они не могли снять шляпы с потемневшими от пота лентами, пока в конце длинного дня не доберутся до прохладного бара или скамейки в пригородном парке под тенистыми вязами. Гул голосов волнами накатывал на Джоан, и, хотя рабочий день уже приближался к концу, люди внизу по-прежнему куда-то спешили и только воздух, жара и мраморная арка вокзала отделяли их от неотложных дел.

С рекламы «Клэррол» на стене вокзала ей подмигивала девушка: ЕСЛИ У МЕНЯ ОДНА ЖИЗНЬ, Я ХОЧУ ПРОЖИТЬ ЕЕ БЛОНДИНКОЙ.

Джоан подмигнула ей в ответ; темные волосы обрамляли бледный цветок ее лица. Скрестив руки на груди, она прислонилась бедром к балюстраде, лениво наблюдая за мужчиной, одетым в костюм в тонкую полоску; он прокладывал дорогу через толпу, собравшуюся вокруг справочного бюро. Мужчина без труда пробирался вперед, к своей цели. Взрыв смеха из толпы, затрепетав, взмыл под огромный купол вокзала, и Джоан вдруг представила себя одним из ангелов-наблюдателей, которых обычно изображают в углах потолочной росписи собора. Она расцепила руки и наклонилась вперед.

Стройная, с рельефными плечами спортсменки, она ловко бросала мяч в софтболе и умело орудовала битой. Она великолепно стреляла из лука, выигрывая все состязания в Ойстер-Бэй. И хотя Джоан нельзя было назвать красивой – по всеобщему мнению, это была вотчина ее сестры, – в такие моменты, как этот, она притягивала взгляды.

Мужчина в полосатом костюме стоял перед газетным киоском совершенно неподвижно. Она присмотрелась к нему. Костюм в полоску, коротко подстриженные волосы, невозмутимость, намекающая на Лигу плюща, – ухоженный, но не безупречный. Высокий, отметила она, когда он снова смешался с толпой, но воспринимает свой рост легко и радостно, словно получает удовольствие от того, что сверху ему видно все.

– Очень милый. – Эвелин ущипнула ее за руку. – Но не твоего поля ягода.

Хотя Эвелин была на три года младше, она всегда стремилась играть первую скрипку, и Джоан, как правило, уступала. У сестер были одинаковые высокие скулы и маленький округлый подбородок, одинаковые темные глаза под пушистой каштановой челкой, но черты лица у Эвелин были резче, более отчетливыми, словно вырезавший их мастер, потренировавшись на Джоан, решительно взялся за дело.

Теперь две пары темно-карих глаз оценивали мужчину внизу – словно кошки на шкафу.

– Не похоже, что он умеет обращаться с теннисной ракеткой или роялем.

– Может, ему это просто не интересно, – ответила Джоан.

– Может. Но это скучно. Ты спросила Фенно?

– О чем? – Улыбка на лице Джоан погасла.

– Может ли он сыграть на укулеле на моей вечеринке в августе.

– Черт. – Джоан покачала головой. – Совсем забыла. Но он приезжает каждое лето. Уверена, он не откажется. – Боковым зрением она заметила, что мужчина положил газету на место и повернулся.

Эвелин фыркнула.

– Нет. – Джоан раздраженно повернулась к ней. – Даже и не думай. Я его видела мельком и не успела с ним поговорить. Я сидела одна и слушала, как Ирвин Гинзберг читает стихи. Фенно сидел далеко от меня, в первом ряду, он же организатор. В любом случае я не испытываю к нему никаких *чувств*, Эвелин, и ты это знаешь. Хорошо бы он это понимал.

Эвелин выгнула бровь:

– Без объяснений он не поймет.

Джоан издала стон и непроизвольно снова посмотрела вниз; мужчина теперь поднимался по лестнице на мраморный балкон.

И Джоан, привыкшая к тому, что всеобщее внимание всегда быстро и само собой переключается с нее на сестру – люди здоровались с ней за руку, кивали, а затем переводили взгляд на Эвелин и уже не отрывали от нее глаз, – с удивлением поняла: этот мужчина смотрит не на сестру, а на нее. Пристально смотрит. На мгновение она оцепенела.

– Боже. – Эвелин толкнула ее локтем. – Он с ума сошел?

Не обращая внимания на сестру, Джоан слегка склонилась в изящном и шутовском поклоне. Она увидела удивление, затем улыбку, но его смех растворился в густом воздухе. Мужчина снял шляпу и высоко поднял. Не приподнял в приветствии, не поклонился, а просто держал ее, как воздушный шарик. Джоан тоже рассмеялась и отступила от балюстрады, с улыбкой повернулась к сестре и хотела что-то сказать об этом мужчине, о его пристальном взгляде и о том, как хороши летом костюмы в полоску, – но тут внезапно начался приступ, как всегда стремительный, и сбил ее с ног прежде, чем она успела охнуть.

Волны обрушились на Джоан, и она сопротивлялась, сотрясаясь от каждого нового прилива воздуха, пыталась позвать Эвелин, пыталась прижать руки к груди, чтобы защититься от безжалостных

потоков. Она почувствовала, как ее тело падает на мраморный пол, услышала удар, от которого у нее перехватило дыхание, на мгновение отчетливо увидела страх на лице сестры. Мир вокруг стал черно-серо-белым и безмолвным. Словно выключили все звуки мира, кроме настойчивой пульсации в голове. Она тонула с открытыми глазами, а Эвелин оставалась на поверхности и кричала, беззвучно шевеля губами. Какая-то сила разжала ее зубы, и Джоан ощутила во рту что-то холодное. Она содрогалась в волнах, беспомощно дергалась и извивалась, не отрывая взгляда от Эвелин, казавшейся такой далекой. Она открыла рот, чтобы сказать: «Не упади, Эвелин». Пятна света мерцали высоко вверху, выше Эвелин, толкаясь и подмигивая на черной поверхности мира, *как переливчатая амальгама*, – фраза всплыла и утекла прочь. Джоан трясло. Воздух сгустился. *Джоан...*

Эвелин потянулась к ней через водянистый воздух, и на этот раз Джоан ее услышала, звук добрался до нее, и голос сестры потянул ее за собой, словно на веревке, медленно и постепенно вытаскивая ее наверх. *Джоан. Джоан.*

Приступ сходил на нет. Она поднималась вверх, обратно на поверхность времени, назад к жаре и дневному свету, на пол Пенсильванского вокзала, где она лежала, жадно хватая ртом воздух, к своему телу, и волны отступали, выбросив ее на сушу. Джоан закрыла глаза.

– Уходите, – прошипела над ней Эвелин маленькой кучке зевак, которые остановились посмотреть. – Пожалуйста. Все прошло. Вас это не касается. Оставьте нас в покое.

– Может, вызвать скорую? – спросил мужской голос.

Дыхание Джоан выровнялось. Она снова ощущала пол под собой, свои ноги в туфлях, свои пальцы, сжимавшие подол юбки.

– С ней все в порядке? – спросил тот же мужчина.

– Теперь все хорошо.

– Это происходит не в первый раз, – тихо произнес он. – Правда?

– Просто жарко, вот и все.

– А *вы* как?

– Нормально, – буркнула Эвелин. – Пожалуйста...

Джоан открыла глаза и увидела, что мужчина в полосатом костюме и ее сестра смотрят друг на друга, склонившись над ней.

– Эвелин?

– Я здесь. – Сестра похлопала ее по плечу. – Не волнуйся, Джоан.

Джоан снова закрыла глаза и стала ждать, пока пройдет приступ тошноты. Пол был теплым, и тут она с изумлением поняла: тепло исходило от ладони мужчины, который уверенно держал ее за руку под складками юбки. Она открыла глаза.

– Сесть сможете? – спросил он.

Джоан повернула голову на голос, остановила взгляд на подбородке мужчины, потом на паре синих глаз. Он ждал, когда она сосредоточится на его лице. Джоан смотрела на него, все еще не в состоянии сфокусировать взгляд. Вблизи он казался даже еще привлекательнее, а в синих глазах мерцали зеленые искорки. Его пальцы по-прежнему сжимали ее ладонь.

– Вы врач? – спросила его Эвелин.

– Упаси бог. – Его довольно серьезное лицо расплылось в улыбке. – Леонард Леви. Лен.

Джоан пошевелилась, и он убрал руку.

– Сядь, Джоан, – взмолилась Эвелин. – Пол грязный.

Джоан с трудом села. Она не могла заставить себя посмотреть на Лена Леви. Теперь он был человеком с именем. А она – девушкой с конвульсиями. Больной. Румянец залил ее щеки.

– Ни слова маме, – предупредила она сестру.

– Договорились, – кивнула Эвелин.

– Она не знает? – спросил Лен.

– Знает. – Эвелин задумчиво посмотрела на сестру, затем перевела взгляд на мужчину и использовала свою знаменитую улыбку, чтобы предотвратить дальнейшие вопросы. – Но не любит скандалов.

Джоан подобрала под себя ноги и встала, не опираясь на протянутую руку Лена. Она все еще не пришла в себя, и вертикальное положение казалось ей странным. Все трое стояли, смущенно переминаясь с ноги на ногу, как гости после вечеринки, ожидающие такси. После недолгой паузы Лен приподнял шляпу, прощаясь с сестрами, и одновременно Джоан протянула руку, чтобы поблагодарить его. Он посмотрел на нее, пожал руку, а она вдруг шагнула к нему и быстро поцеловала в губы.

Потом отступила и рискнула посмотреть ему в глаза:

– Спасибо.

Казалось, он лишился дара речи. Молча отпустил ее руку и кивнул.

А через мгновение он уже спускался по широким холодным ступеням навстречу толпе, которая становилась все плотнее и громче – приближался час пик.

– Что это было? – спросила Эвелин.

Джоан смотрела, как мужчина идет под сводами вокзала.

– Благодарность.

– Да уж.

Он ответил на ее поцелуй. Джоан вздрогнула и, не глядя на Эвелин, снова застегнула пуговицы на кардигане, кроме трех нижних. У него были теплые губы.

– Сразу видно, что он человек с положением.

– По костюму?

– По манерам. – Джоан насмешливо улыбнулась сестре. – *Благородная и прямая осанка.*

– Готова поспорить, с острова Эллис^[21]. Итальянец или еврей.

– Согласна. Теневая аристократия.

– Определенно теневая, – сморщила нос Эвелин.

– Не будь снобом, Эвелин. – Джоан изогнула бровь. – Это неблагопристойно.

Любимое словечко матери заставило их улыбнуться, вернув к обычной жизни. Но теперь между ними встала Китти.

– Может, тебе сходить к доктору Саутворту, Джоан? – осмелилась предложить Эвелин.

Джоан решительно тряхнула головой:

– В этом нет необходимости.

– Второй раз за последние несколько месяцев.

– Не волнуйся. – Джоан вздернула голову и посмотрела на сестру. – Лично я не волнуюсь.

Но сестра была права – нужно сходить к врачу; если приступы вернулись, придется увеличить дозу. Хотя это случилось лишь дважды, и оба раза Эвелин была рядом, и оба раза все быстро закончилось. Если бы приступ настиг ее в офисе мистера Россета, или в ее квартире, или на пешеходном переходе... думать об этом не хотелось.

Но что ж поделаешь. Такие ей достались карты. Она справится и без посторонней помощи. Существуют пределы. Лекарства только

ослабляют ее; она и так уже чувствует себя какой-то оглушенной и заторможенной. Джоан подтянула сумку на сгиб локтя и посмотрела на сестру.

– Порядок? – просила Эвелин.

– Полный, – кивнула Джоан и взяла сестру под руку.

Девочки Милтон медленно спустились по лестнице и, нырнув в толпу, стали пробираться к поезду на Ойстер-Бэй. Интересно, размышляла по дороге Джоан, в какую сторону пошел Лен Леви, куда он едет, и главное, не жалеет ли он ее. Она взъерошила свои темные волосы и сжала руку Эвелин. Ей чертовски хотелось, чтобы он не испытывал к ней жалости.

Но вовсе не о жалости думал Лен Леви, когда шел по вокзалу, удаляясь от сестер. Неожиданное прикосновение девичьих губ все еще чувствовалось на его губах; когда девушка отпрянула, у нее был такой испуганный, такой милый вид, какого Лену не доводилось видеть никогда. Ее взгляд, ласковый и какой-то дерзкий, пронзил его насквозь. Лен ощущал его в паху. Как она хотела поделиться каким-то секретом с ним и только с ним. «Случайности, – как любил повторять его отец, – не случайны».

Лен свернул в облицованный мрамором коридор, ведущий на Седьмую авеню. Одни девушки осознают свои преимущества, другие нет. Эта понятия о них не имела. А вот ее сестра точно знала, куда целиться, и точно знала, как это продемонстрировать. И конечно, она и не подумала представиться, когда благодарила его. Впрочем, такие никогда этого не делают. Такие девушки своими пальчиками в белых перчатках берут под руку мужчин по фамилии Ханникатт или Пирс и идут с ними по жизни, грациозные и вежливые, ослепительно сияя. Как будто весь мир – роскошная вечеринка. Как будто роскошь никогда не умрет. И хотя Леви мог получить приглашение на вечеринку, его рука никогда не подойдет для такой девушки, даже если он будет очень стараться.

Такова жизнь. И ничего с этим не поделаешь.

Лена, выросшего на окраине Чикаго, учили видеть предел так же отчетливо, как горизонт Среднего Запада, – и это умение ему пригодилось.

Он распахнул стеклянные двери вокзала, открывавшие путь в Нью-Йорк – в *мир*.

Средняя часть острова напоминала ему родной город: широкие, равноудаленные авеню образовывали с улицами предсказуемый узор, и этот порядок нарушала только диагональ Бродвея. Если идти на юг, то справа на пятьдесят кварталов тянулся парк; на углах летом колыхались зеленые верхушки деревьев, а зимой белое небо над серыми зданиями опиралось на голые ветви. После парка ты попадаешь в решетку городских улиц, где по-прежнему мог представить себя руководителем, вокруг которого медленно вращается мир, – двадцать кварталов на милю, свет в конце каждого квартала и здания, устремленные прямо к горизонту у тебя над головой. Там ты можешь пройти почти сотню кварталов, а затем попасть в веселую преисподнюю Виллиджа.

Поезд из Чикаго привез сюда Лена десять лет назад; он поступил в Колумбийский университет и жаждал всего. И знал, что желаемое, каким бы оно ни было, находится прямо здесь. Все. Четыре года он провел в университете Лиги плюща, в этом беспокойном месте, где старые добрые американские ребята учились бок о бок с сыновьями евреев из Бруклина и в спорах придавали миру новые очертания. Они спорили и шатались по улицам Нью-Йорка в поисках своей судьбы. В поисках своего будущего. Нетерпеливые. Рвущиеся в бой.

В 1953 году он получил диплом с отличием и отправился в Корею, движимый долгом чести, желанием отблагодарить страну, которая приняла его отца и мать, бежавших из Германии. А вместо этого он проводил время, стоя в очередях в душной столовой, ожидая еды, и видел вокруг себя лишь таких же парней, как он, надолго вырванных из стремящейся вперед жизни, скучающих, усталых и испуганных. Он не видел вообще ничего до тех пор, как однажды утром на их дивизию не обрушился неожиданный удар, после чего он очнулся в мешке воздуха под кухонным мусором, тупо глядя на лежащего в метре от него мертвого парня, которому он только что передал кофейник.

По возвращении Лен твердо знал, что, каким бы ни был его долг, он расплатился сполна. Он с ревом ворвался в город. Устроился на летний период в фирму, где работал его сокурсник, собираясь лишь слегка прощупать почву, но обнаружил в себе талант к числам и, что еще важнее, умение открывать дверь и проникать в следующий

кабинет. Лето превратилось в год, в конце которого он поступил в Гарвардскую школу бизнеса.

«Я точно знаю, кто вы, – как-то с усмешкой сказал его научный руководитель. – И куда вы стремитесь».

«Куда же, сэр?»

«Я бы сказал, на самый верх. Но остается один вопрос, Леви: вы хотите быть агнцем среди львов или львом среди агнцев?»

«Сэр?»

«Выбирайте, Леви. Выбирайте цель».

Лен понял. Ищи самую легкую мишень и делай лучший выстрел. Месяц назад, получив гарвардский диплом, он отклонил предложение Ротшильдов и устроился в «Милтон Хиггинсон», возглавляемую представителями старой элиты, которые вели свою родословную чуть ли не от «Мейфлауэра»; было известно, что фирма занимается надежными инвестициями, без лишнего шума и какой-либо рекламы. «Если вы о нас не знаете, – шутили сотрудники, – значит, мы вам не нужны». Но Лен был твердо намерен заявить о себе, причем очень скоро. Лен хотел стать львом.

Девушка на противоположной стороне улицы остановилась, едва сойдя с тротуара. Мимо пронеслось такси, а на светофоре тем временем желтый сменился красным; водитель нажал на гудок, прозвучавший словно ругательство, загоня покрасневшую девушку обратно на тротуар. Лен смотрел, как она поправляет волосы, и снова подумал о девушке с Пенсильванского вокзала, о том, как она тряхнула темноволосой головой и поприветствовала его, а потом лишилась чувств. В тот момент он рванул вверх, расталкивая спускавшихся по лестнице людей. И увидел, как она неподвижно лежит на полу, а над ней склоняется сестра. Почему он взял ее за руку? Те несколько минут он сжимал ее ладонь, словно пойманную птицу. В те несколько минут ему больше ничего не было нужно.

Загорелся зеленый, и Лен сошел с тротуара и влился в толпу на Бродвее; эта асфальтовая лента тянулась до самого конца Манхэттена, в Виллидж, куда он и направлялся и где уже зажигали огни кафе и бары, хотя было еще светло, а небо пылало жаром.

На углу Хадсон и Бэнк-стрит бакалейщик-итальянец опустил решетку перед витриной, и металл лязгнул о тротуар, желая хозяину

спокойной ночи. Дневная жара все еще висела над улицами легким покрывалом, и девушки в летних платьях мелькали в дверях, под руку с мужчинами или держась особняком, будто дразня, так что мужчинам хотелось протянуть руку и дотронуться до них, словно персонажам рассказа. Да это и был рассказ – рассказ о летнем вечере и городе, который ревел за порогом маленьких убежищ, куда любой мог войти в поисках тишины и холодного пива.

Мосс Милтон сидел на своем обычном месте в глубине таверны «Белая лошадь» и сквозь завесу табачного дыма наблюдал за столиком писателей. Свободный союз мужчин, которые склонялись друг к другу и рассказывали что-то, чего Мосс издалека слышать не мог; их силуэты, наполовину скрытые дымом, то сближались, то отдалялись, а разговоры и взрывы смеха подчинялись какому-то рваному ритму. Мосс наблюдал за ними, словно невидимка, да он и был невидимкой – просто очередной молодой человек в роговых очках, аккуратно одетый, с зачесанными набок густыми черными волосами.

Если бы ему удалось выразить все это в песне – этот дым, эти разговоры летним вечером, темные деревянные стены таверны над разгоряченными, покрасневшими лицами. Один из мужчин с закатанными рукавами что-то доказывал, размахивая сигаретой. Содружество. Один голос, чистый и красивый тенор, потом еще один; они сплетались и расплетались. Третий голос, выше на треть тона, птицей порхал на ветвях первых двух. Затем четвертый. А капелла. Люди легко соединялись и распадалась, но были устойчивы и сильны – все было возможно, все летело на крыльях песни. Если бы песня смогла все это, смогла бы тебя увлечь, заставляя остановиться и слушать, передала бы сплетение и соединение нитей и эта серебряная дорожка, эти десять аккордов, где сливаются все голоса, все ноты, протянулась бы к одному такту, потом к другому, превращаясь в широкую милю звука, несущуюся на этих тактах вперед, – тогда все действительно стало бы возможным, как это казалось Моссу в последние дни. В последние дни страна висела неподвижно, затаив дыхание, словно ныряльщик в высшей точке своего полета. Это была бы песня для Америки – для нынешней, настоящего момента, – и он почти слышал ноты в своей голове.

Почти. Двухударное слово. Мосс закрыл глаза и допил последний глоток виски. Слишком поздно. Почти.

У него были деньги и старинная фамилия. У него было все, чтобы преуспеть в мире каркасных коттеджей и вечерних поездов до загородного дома, сухого мартини перед ужином и тщательно завитых кудрей надушенных жен. У него были костюмы из добротной ткани. Однако он был непростительно одержим духом противоборства. Будущее лежало перед ним, словно каменная темница – прочная, неотвратимая – посреди широкого луга, прежде безмятежного. Стояло последнее лето, последнее настоящее лето – для Мосса. Осень положит конец всем песням. И он не видел, как этого избежать.

Откинувшись назад и скрестив руки на груди, он почувствовал лопатками спинку стула. Последние несколько месяцев он держался достаточно бодро: когда нужно, надевал костюм, раз в неделю приходил к отцу на ланч в «Милтон Хиггинсон», уверенный, что что-то сдвинется с места – что-то же должно сдвинуться – и одну из его песен заметят, опубликуют, или, что еще лучше, ее сыграет один из знакомых парней в какой-нибудь местной забегаловке. Но сегодня все это казалось несбыточной мечтой, а он сам – мечтательным дураком.

Картина перед его глазами словно зазвучала иначе, когда к компании за столом присоединилась стройная брюнетка. Мужчины приветствовали ее, кто-то повернулся, схватил пустой стул и подвинул к ней, так что ножки со скрипом проехали по плиткам пола. Она улыбнулась одному, пошутила с другим и села, не переставая говорить, и ее легкий, высокий голос летел поверх других звуков к Моссу, словно пена на гребнях волн.

Он читал ее статьи в «Войсе», и они вовсе не походили на пену – четкие и ясные фразы, стрелами разящие в цель. Мосс вспомнил, что пару раз она приходила с Мейлером, который сегодня не сидел в центре стола, как это часто бывало. И Мосс обрадовался. Такие люди, как Норман Мейлер, меняли контуры песни, приглушали центральные части, устойчивые темы, ведя мелодию по накатанной колее.

Мосс встал и на волне голосов и смеха двинулся сквозь толпу разгоряченных посетителей к бару. Это прекраснее любой птичьей трели, решил он, одновременно размышляя, сумеет ли он записать мелодию нотами. Подняв стакан, он кивнул бармену – повторить. Птичья трель и смех. Не похожие друг на друга. Не отражение и не повторение друг друга. Сплетение. На пороге таверны замерла девушка, раздумывая, куда сесть; ее силуэт выделялся на фоне

вечерних огней улицы. Как цапля, подумал Мосс, наблюдая за ней. На скалах в дальнем конце острова Крокетт. Высокое сопрано. Как его сестра Джоан.

За спиной девушки, у самого тротуара худощавый негр направил объектив новомодного «поляроида» в сторону компании портовых рабочих. На их длинном столе, занимавшем тротуар возле бара, стояло несколько кувшинов пива. Белая рубашка фотографа мерцала в сумерках. Но мужчины за столом его не замечали; они подались вперед, подначивая одного из своих приятелей, который сидел, уперевшись локтями в стол, улыбался и кивал, – Мосс видел, что он терпит, но злится. Это была проверка на прочность: он не выдержит или им надоест? Мосс пил. Насмешки не стихали. Мужчина сидел неподвижно и улыбался.

Мосс наблюдал за приближением кульминации, автоматически прикидывая, как бы он выразил это в музыке – *legato* и *piano* – постепенно, шаг за шагом. Небо медленно темнело.

Чернокожий мужчина с камерой ждал, все еще оставаясь незамеченным. Мосс нахмурился. Где-то он его видел, но не мог вспомнить где.

Внезапно – конец игре – загнанный в угол рабочий с ревом вскочил, не выдержав издевательств, остальные тоже вскочили, улыбаясь, крича, исполненные жажды крови, готовые к драке, и тут один из них заметил чернокожего парня и указал на него, перенаправляя волну гнева.

Яркая вспышка камеры. Теперь внимание всей компании сосредоточилось на фотографе; послышались возмущенные крики, двое мужчин отодвинули стулья и встали.

Мосс поставил свой стакан на стойку.

Чернокожий парень опустил камеру.

Все замерли. Неужели он дразнит этих людей?

Не отрывая взгляда от стола, фотограф извлек снимок из камеры и молча ждал.

«О господи», – подумал Мосс.

– Сядьте, – сказал крупный мужчина, который все это начал, и опустился на свое место. – Сядьте, – повторил он двоим, которые все еще оставались на ногах.

Мосс смотрел, как черный парень, пятясь, сошел с тротуара и двинулся прочь от мужчин за столом, не отрывая от них взгляда, а затем – убедившись, что никто его не преследует, – повернулся к ним спиной. Его запястье подрагивало: он сушил снимок, который держал в руке.

Редж Полинг уходил, широко улыбаясь и не видя ничего вокруг; адреналин бурлил у него в крови, так что он не замечал ни своих ног, ни дрожащих рук, ни смеха облегчения; ему могло не поздоровиться, он это знал, и страх сначала нахлынул на него, сжал тисками, а потом отпустил. Но возбуждение было таким сильным, что он мог добежать, смеясь, до дальнего конца острова. Ему это удалось. Удалось запечатлеть это на снимке – неважно, как его назвать, это мгновение в голове тех рабочих, когда они его увидели. Он поймал этот взгляд. Поймал перемену в глазах парня, когда тот увидел Реджа, увидел *негра* и отгородился от него, словно закрыл коробку у себя в голове и задвинул ее на место, к остальным, а затем повернул ручку.

Именно в этом заключался смысл мгновения, которое хотел запечатлеть Редж; он хотел, чтобы человек увидел свой взгляд. Истинно американский момент.

Заткнись, чувак. Редж фыркнул, останавливая себя.

Кого он обманывает? Если люди вообще замечают такое, то по большей части одновременно с ударом кулака или палки.

САДИСЬ И ЕЗЖАЙ! – приглашал рекламный щит над станцией Кристофер-стрит. САДИСЬ И ЕЗЖАЙ! На пляж, в горы, в жаркий, ярко освещенный город: мальчик-брюнет и девочка-блондинка на заднем сиденье новенького «плимута», спереди – симпатичный мужчина и его белокурая жена, с улыбкой указывающие на воображаемую дорогу перед собой. В таком автомобиле возможно все. Семья из четырех человек может ехать по новым автострадам, останавливаться в новых отелях «Холидей Инн», обедать в новых ресторанах «Говард Джонсон», бросать друг другу фрисби на только что заасфальтированных парковках. Фруктовые салаты, стейк и картошку фри с горошком они заедают яблочным пирогом с мороженым и запивают кофе. Свежим утром они едут через недавно построенные пригороды, где соседи переговариваются поверх зеленых изгородей, называя друг друга по имени, а девушки в косынках и с

завитыми волосами направляются в деловую часть города. Если ты белый.

Редж стоял перед плакатом, давно привыкший к этой сорочьей трескотне, к почти непрекращающемуся разговору с самим собой. Беззаботная, наивная вера в то, что можно сесть в свою машину и *просто поехать*, – это главная американская ложь, и он вернулся домой после двух лет жизни в Европе именно для того, чтобы запечатлеть эту ложь. Тонкие различия и оттенки смысла видны только в гуще родного языка. В родной стране. Потому что краски этой страны – Редж глубже засунул руки в карманы – заложены в американском варианте английского. Черный и белый. И вид этого плаката, протянувшегося через улицу, приносил ему странное удовлетворение, словно он снова застал страну со спущенными штанами; улыбнувшись, он отвернулся от рекламного щита и пошел прочь.

Невысокий, но пропорционально сложенный, Редж Полинг в любой обстановке предпочитал носить белые оксфордские рубашки с темно-синим галстуком, а при разговоре слегка сгибался в поясе, наклоняясь к собеседнику, что воспринималось как обходительность и от чего он никак не мог избавиться (но затем прекратил попытки, обнаружив, что это привлекает к нему людей, и белых, и черных). Привычка не говорить, пока к тебе не обратятся, терпение и умение слышать невысказанное вслух – все это тоже оказалось полезным. Важный инструмент для писателя. А для чернокожего – возможность смотреть всем прямо в глаза.

Навстречу шли парень и девушка, слегка касаясь друг друга. Руки Реджа потянулись к висевшей на шее камере, хотя он понимал, что не успеет поймать этот момент – слишком быстро все должно произойти. Взгляд девушки скользнул по нему, словно тротуар перед ней был пуст, но мужчина не спускал с него глаз, а когда они поравнялись, расправил плечи, как будто мог стряхнуть с себя Реджа, словно жука.

«Смотри внимательно», – подумал Редж, резко повернувшись и снимая парочку; каблуки девушки громко цокали по тротуару.

«Каждый американский писатель должен уехать из Америки, чтобы найти Америку в себе», – сказал Реджу четыре года назад на прощание Джимми Болдуин, посоветовав возвращаться домой тогда, когда ему будет что сказать. И он уехал. Реджинальд Полинг,

выпускник Гарварда 1953 года, сын врача из чикагского Саут-Сайда, отправился в послевоенную Европу, где на местах бомбежек в Берлине строились детские площадки, а бреши в лондонских кварталах по-прежнему напоминали о смертельном граде. Он присылал зарисовки, портреты послевоенной жизни, для «Эбони» и «Джет», а также три коротких очерка для проекта Нормана Мейлера «Виллидж войс». Он описывал невероятный, головокружительный эффект американских денег, даже теперь, через десять лет после принятия плана Маршалла. В продаже снова появилось мясо. Строились жилые дома. Европа расцветала и со счастливым смехом бежала вперед, словно ребенок, оправившийся после жестокой лихорадки.

Когда на улице в Берлине белый мужчина впервые скользнул по нему безразличным взглядом, Редж остановился как вкопанный, повернулся и смотрел мужчине вслед, пока тот не скрылся из виду. Затем женщина. И еще. Люди проходили мимо, бросая на него быстрые любопытные взгляды, но страх, который он замечал на замкнутых лицах немцев, никак не был связан с ним. Он не был евреем. Он не был немцем. Он не имел отношения к этой истории. И поэтому был свободен.

Но Редж все равно чувствовал себя несчастным. И не мог сказать почему.

Со своим итальянским и азами немецкого он мог купить себе ужин в магазине, заказать кофе в баре; он допоздна вел застольные беседы, легко и свободно бродил по улицам Европы. Американец. Непостижимый человек. Книга без обложки, животное без признаков, воспринимаемое с безразличием, с которым он никогда не сталкивался дома.

Три месяца назад он стоял рядом с американской супружеской парой на *terrazza* знаменитого экспата, который то и дело устраивал вечеринки во Флоренции. Стройная женщина в белом льняном платье свободного покроя и мужчина в голубой рубашке и с красноватым загаром, характерным для людей этого круга, заинтересовались им после того, как услышали магическое и невозможное слово «Гарвард»; и, желая проявить дружелюбие, полагая, что это способ показать свое истинное лицо – так люди, стремящиеся причинить вам вред, приближаются с поднятыми вверх руками, – начали объяснять ему, каково это – «быть негром».

– Вы так много *боролись*, – сказала жена, пристально разглядывая его. – Думаю, благодаря борьбе вы смогли пробиться.

– Смогли обрести личность, – поправил ее муж.

Ее впалые щеки залились румянцем.

– Можно и так сказать, – согласилась она.

Они приехали в Италию на год. В творческий отпуск. И свобода – мы тут инкогнито, сказал он; невидимки, прибавила она, – безбрежная свобода, возможность выйти из квартиры и просто закрыть за собой дверь ошеломила их. Никаких обязательств. Никаких ожиданий.

– Я бы хотела, чтобы это никогда не кончалось.

Стоя там, под выющим виноградом, в свете угасающих сумерек, кивая в ответ на ее слова, Редж со всей отчетливостью понял разницу между теми, кто бежит к цели, и теми, кто убегает. Он был свободен без истории. Но без истории нет свободы. *Его история* – Америка.

Поэтому он вернулся домой. Поздним апрельским вечером вышел из самолета в Айдлуайлде – повиснув на кожаной ляжке городского автобуса, пригнувшись к окну, с пишущей машинкой под ногами, – взгляды в контуры домов на горизонте, которые становились все ближе и ближе, и улыбался Нью-Йорку. Вслед за своими рассказами он вернулся в город, в который их отправлял. Лен Леви, его старый приятель, снимал квартиру в доме без лифта в Гринвич-Виллидж, и, когда в первую же неделю после возвращения появилось объявление о вакансии литературного редактора в «Хотон Миффлин» – выпустившем «Словарь американского наследия», – он подал заявление, был принят и начал работать. У Реджа была хорошая, стабильная зарплата, а его дни заполняли слова.

На первую же зарплату он купил «полярOID».

Легкий ветерок с реки Гудзон на западе, влажная прохлада посреди пекла несла с собой воспоминания о летних ночах детства. Редж поравнялся с треугольным сквером, справа, где в сочной зелени листьев притаилась надвигающаяся тьма. На скамейке под деревом сидели трое белых мужчин – стариков, каких можно увидеть на каждой городской площади, уже без семьи, уже без работы, которые молча сидели и наблюдали. Их взгляды словно толкнули его в спину, между лопаток, – *проходи, не задерживайся*. Он кивнул. Ни слова. Слова тут не нужны.

Родная страна? Даже молчание здесь имеет цвет.

На детской площадке работал дождеватель, и влага в горячем воздухе принесла с собой воспоминания о вечерах в Чикаго, где он бегал сквозь струи воды – точно так же, как эти итальянские мальчики и девочки, что с визгом носились туда-сюда через влажный туман, с прилипшими к голове волосами и каплями воды на коже, охлаждающими, отгоняющими жару.

– *Buonasera*^[22], – вежливо поздоровался Редж с их матерью, которая, повернувшись, посмотрела на него.

Не останавливаясь, он прошел сквозь стайку ребятишек, прикрыв рукой камеру. Когда он вынырнул из влажного облака, вода стекала у него по щекам и с макушки прямо за воротник, и воздух сразу же стал прохладнее; Редж двинулся дальше по улице, улыбаясь сам себе и чувствуя влагу под плечами своей летней куртки.

На углу Бликер и Десятой улицы Редж взошел на крыльцо многоквартирного дома, вставил ключ в замочную скважину, придерживая ручку, чтобы открыть старый, плохо поддающийся замок. В прохладной темноте коридора голоса детей, игравших на крошечном внутреннем дворе, смешивались со звуками кларнета и запахом жареной рыбы. Было жарко, и он не спеша поднимался по лестнице.

Они с Леном занимали крошечную квартиру на самом верху. Обстановка была спартанской, как в армейской казарме, но люк рядом с их квартирой вел к лестнице на крышу. Там не было ни настила, ни ограждения, только площадка, крытая рубероидом, и, похоже, больше никто из жильцов сюда не заходил, так что друзья привыкли считать крышу своей. Там они смотрели, как огни усыновившего их города стеной поднимаются к ночному небу на север, к Мидтауну, или стелются на запад в сторону их детства, к темной реке, через зеленые поля Нью-Джерси, через Пенсильванию и широкие просторы Огайо и дальше к Чикаго, где они еще мальчишками встретились в средней школе, известной как своими преподавателями, так и блестящими учениками. В тот год Леви сидел вместе с Полингом, потому что детей, чьи фамилии начинались на «М», «Н» и «О», распределили в другой класс параллели.

Их дружба была такой же бездумной и знакомой, как монеты в их карманах – каждый знал, не глядя, по весу и размеру, сколько у него денег. Они нашли друг друга в тот первый день, когда в 1939-м объединились «П» и «Л». Вместе они могли верить, что мир

принадлежит им и они могут его покорить, если сосредоточатся, будут смотреть на него широко открытыми глазами. А не полуприкрытыми, как у его отца. («Не зевай, – говорил отец, – но не высовывайся». И тогда попадешь куда надо.)

Но куда? Редж окончил среднюю школу Абернати в чикагском районе Саут-Сайд, переходя из класса в класс вместе с Леном – четвертым по успеваемости в своем классе. «Куда попадешь, – хотелось ему спросить у отца, – если все здесь?»

Он так и не спросил, а отец так и не рассказал, но когда в национальных новостях всплыло тело – изуродованное детское тело – Эмметта Тилла, черного парнишки из Чикаго, который попался на глаза не тому человеку, Редж понял, что ответил бы ему отец – *туда*. Иди до этой границы, и не дальше.

«Будь они прокляты», – написал Лен в телеграмме Реджу. Будь *оно* все проклято. Лен всегда понимал, что лишь по случайному стечению обстоятельств географии и времени они не мертвы и не в цепях. Редж привык к этой его ясности мысли и находил в ней опору. Они дружили так долго, что Редж уже не представлял себя без Лена. Каждый день его жизни, начиная с самого первого, когда они встретились и обменялись быстрыми оценивающими взглядами, как это умеют дети – друг или не друг? – Лен был рядом, и именно к нему обращался Редж, чтобы проверить себя. Редж был черным, Лен – белым, но вместе они не имели цвета. Или, скорее, были обоих цветов сразу. Они служили щитом друг для друга. И Редж без всяких объяснений знал, что Лен видит то же, что и он, что Лен понимает его, вместе с ним проходит через боль, обиды, молчание. Лен *видел* его. Самыми одинокими годами в жизни Реджа были четыре года в Гарварде, которые он называл «ссылкой».

Лен еще не вернулся, а все окна были распахнуты настежь, чтобы поймать ветерок с реки. Квартира состояла из маленькой кухни, гостиной и отдельной спальни, где друзья поставили две кровати у противоположных стен.

Редж достал из кармана поляроидный снимок из «Белой лошади» и прикрепил булавкой к стене комнаты рядом с остальными. Потом снял куртку, закатал рукава рубашки, достал из холодильника бутылку пива и прижал ко лбу. Потом медленно провел ей по шее сзади, по

предплечьям, откупорил и сделал глоток. И пошел в спальню, чтобы сменить рубашку и галстук.

У нижней части зеркала на его туалетном столике стояло ежегодное письмо от Лоуэллов. Он взял конверт и сел на кровать, снял один ботинок, потом другой и отбросил их, так что они пролетели пять футов к кровати Лена, ударились о нее и упали рядом.

Не споткнуться о них было невозможно. Редж ухмыльнулся, довольный собой.

Он расстегнул рубашку и распечатал письмо. Знакомая открытка с аккуратным почерком миссис Гарольд Лоуэлл, с легким наклоном вправо. В очередной раз – как и каждый год начиная с 1953-го – она приглашала Реджа приехать к ним в гости на Норт-Хейвен. «Мы будем очень рады, – писала она, – если вы примете приглашение».

Редж снял рубашку, открыл дверцу платяного шкафа, и это движение запустило по комнате слабый ветерок. Лоуэллы проявили к нему интерес много лет назад, когда он в 1949 году впервые приехал в Гарвард. Миссис Лоуэлл наткнулась на него, жавшегося к стене, на коктейльной вечеринке в Лоуэлл-Хаус в честь начала семестра, протянула руку и представилась как Салли Лоуэлл.

– Редж Полинг, – сказал он, пожимая ей руку.

– Хорошо. – Она смотрела ему прямо в глаза. – У вас хорошее, крепкое рукопожатие. С вами все будет хорошо.

– Приятно слышать, – кивнул он и натянуто улыбнулся.

Дневная жара все еще мерцала над черным гудроном, когда он выбрался с лестницы на крышу. Лен стоял в дальнем конце и смотрел на юг, на оконечность Манхэттена. Его высокая фигура всегда служила Реджу своего рода ориентиром: где бы они ни были, Лен был выше остальных, и в любой комнате его можно было найти без труда.

– Здесь настоящая Сахара, черт бы ее побрал.

– Привет. – Лен повернулся, приветствуя друга. Редж остановился у края крыши.

Перед ними вилась серебристая лента реки. Наступило время ужина, и из открытых окон до них доносилось звяканье столовых приборов. Ветра почти не было, лишь легкий намек. Город под ними дышал светом и жаром, непрерывный гул от него поднимался к ним наверх, словно биение сердца, где-то погребенного и невидимого. Небо прорезал одинокий след реактивного самолета.

– Все нормально? – просил Лен после недолгой паузы.

Редж кивнул.

– А у тебя?

– Я тут размышлял о том, какое это нежное место, – Лен указал на подбородок друга. – У девушек. Нежное и одновременно твердое.

– О господи.

Лен улыбнулся:

– Сегодня я встретил девушку.

– Ага. – Редж внимательно посмотрел на него. – И как она выглядела?

– Девушка в блузке без рукавов, с большой сумкой и сестрой.

– И?

– Она посмотрела на меня.

Редж усмехнулся:

– Ты попался, парень.

– Да? – Лен улыбнулся и щелчком пальца отправил сигарету вниз. – Возможно.

Глава четырнадцатая

Эви припарковала машину за три квартала от своей квартиры и пешком пошла домой. Пол, наверное, уже приземлился и прошел паспортный контроль. Если не случилось никакой задержки, он должен быть дома.

На первом курсе университета под влиянием феминистских идей конца 70-х Эви решила взять девичью фамилию матери, Милтон, несмотря на возражения и матери, и бабушки. «Ты очень обидишь своего отца», – сказала Китти Милтон. «Он не будет возражать», – настаивала Эви. И действительно, услышав наконец эту новость, он посмотрел на нее странным взглядом, в котором при желании можно было прочесть одобрение, словно выбирать себе фамилию – это вполне нормально. В любом случае ее решение никак не было связано с отцом. Это был удар по патриархату: она будет Эвелин Милтон, и точка. Она и предположить не могла, что ее фамилия будет вызывать иронические комментарии однокурсников и профессоров в первый день занятий по каждому предмету в университете и аспирантуре, за исключением семинаров по афроамериканской поэзии под руководством аспиранта Пола Шлезингера – человека, в которого она влюбилась (то ли за его молчание, то ли за пристальный взгляд, а может, и за то и за другое) – и за которого вышла замуж.

«Он глазееет на тебя, – будничным тоном сказала ей одноклассница во время экзаменационной недели. – Весь семестр глаз не спускал».

«Вовсе нет», – улыбнулась Эви. Хотя знала, что это правда.

Внутренняя жизнь Пола, специалиста по Джеймсу Болдуину и поэтике черной расы, проходила среди книг, и Эви представляла, что книги расставлены у него в голове, как стремянки у стены, ведущие к высоким окнам. Казалось, он читает все подряд и у него есть мнение обо всем прочитанном. Более того, он мог сплести паутину, связывающую прочитанное с тем, что он видел в супермаркете или слышал по радио. Дилан, дело Дрейфуса, поэзия трубадуров, «Одно лето в аду» – неважно. Стоило его зацепить, и мысли Пола мгновенно развертывались в предложения, которые легко складывались в абзацы.

В нем помещался весь мир. Мягкий со студентами и беспощадный к собственным слабостям, он был, по общему мнению, великолепным преподавателем, настоящим чудом.

Через два дня после экзаменов он позвонил на телефон в общежитии Эви. «Тот самый аспирант», – сказала девушка, ответившая на звонок, и передала ей трубку. И за те несколько секунд тишины, прежде чем он заговорил, Эви все решила.

– Привет, Эви, – поздоровался он.

– Да, – сказала она. – Что бы это ни было. Да.

Они сблизились легко и быстро, как будто давно ждали друг друга. Они понимали друг друга, и им были не нужны слова, хотя он был евреем с окраины, а она (подтрунивал Пол) принадлежала к тем семьям, которые купили Манхэттен за горсть ракушек^[23]. «Неправда», – протестовала она, улыбаясь, хотя в этом была доля истины. Многие хотели сидеть – и сидели – за их столом долгими вечерами. Их союз был неопровержимым доказательством того, что в мире интеллекта царит демократия, а также свидетельствовал (думала Эви), как не похожа она на свою семью.

Когда Эви впервые назвала родителям фамилию Пола, мать удивленно заморгала.

– Шлезингер? – повторила она. – Он еврей?

– Да, мама.

Джоан расхохоталась, не отводя взгляда от дочери, и этот тихий беспомощный смех заполнил пространство между ними; Джоан пыталась прикрыть рот ладонью, но тщетно – в конце концов она опустила руку, не в силах сопротивляться рвавшемуся наружу смеху.

– Ради бога, мама. Это не шутка, – сдержанно сказала Эви. – Если ты хотела меня оскорбить, то выбрала наилучший способ.

– Нет. – Джоан открыла глаза, пытаясь сдержать смех. – Нет, конечно, это не шутка. Все это не шутка. – Она помолчала. – Просто я ничего не замечала.

– В таком случае добро пожаловать в двадцатый век, – язвительно заметила Эви. – От него не убежишь.

– Мне все равно, сколько ученых степеней ты получишь, – размахивая вилкой, рассуждал приятель ее отца на званом ужине, – сколько денег ты заработаешь, сколько раз ты будешь рисковать ради

успеха – все это неважно. Все сводится к тому, чтобы заполучить подходящую девушку. Вот главный секрет. Секрет успеха.

Но Эви не стала задавать вопрос, на который он намекал, хотя была первой женщиной в семье, переступившей порог университета Лиги плюща – хотя бы и Йеля. Эви улыбнулась ему и кивнула, словно они были заговорщиками. *Заполучить подходящую девушку.* Она повела себя так, как ее научили вести себя со старшими. Согласилась.

Но все равно вышла замуж за Пола Шлезингера.

В их первое лето они снимали комнату в общей квартире – два письменных стола у противоположных стен, матрас на полу под единственным окном. Они работали в полной тишине, но рано или поздно один из них не выдерживал, поворачивался, преодолевал расстояние между столами – и супруги перемещались на матрас. В те дни их молчание было наполнено желанием, даже когда они куда-то выходили или работали в разных помещениях.

А в конце дня они разговаривали. И за их словами было будущее. За их словами было движение – к ужину и к ночи. Они защитили диссертации. Начали преподавать. У них родился Сет. Они купили квартиру, получили постоянные должности в университете, приобрели известность. Годы приходили и уходили. Они работали дома, но поздним утром она поднимала голову и видела его, стоящего в двери ее кабинета.

Ей его не хватало, поняла она в тот вечер, поднимаясь в лифте в свою квартиру. Он слишком долго отсутствовал. Пожилая женщина на улице, Сет, взбегающий по лестнице в библиотеку, мать, каждое утро приходившая к ней во сне, – жизнь продолжалась во всем ее разнообразии. И Пол требовался ей, чтобы поставить все эти фрагменты на место.

– Пол? – Она замерла на пороге, прислушиваясь.

– Я здесь! – откликнулся он из своего кабинета.

Он стоял спиной к двери, собираясь прикрепить фотографии к пробковой доске над письменным столом. Эви увидела, что он сделал что собирался, и сделал хорошо.

– Привет. – Она остановилась в двери и улыбнулась.

– Привет. – Пол повернулся, посмотрел на нее и улыбнулся в ответ. Его темные волосы уже начали серебриться, но куртка сидела так же элегантно, как и в двадцать пять, придавая ему спортивный вид,

хотя он всю свою жизнь только и делал, что читал. Эви подошла к мужу, он притянул ее к себе, и она словно растворилась в его объятии. От него пахло самолетом и долгой дорогой, но самое главное – им. Комната исчезла. Эви крепче прижалась к нему.

Он напрягся, как будто ее прикосновение напомнило ему о чем-то, и осторожно отстранился.

Эви подняла голову. По его лицу пронеслась буря, яростная и стремительная.

– Пол?

– Послушай. – Он сунул руки в карманы и опустил взгляд.

– Что? – спросила она немного испуганно. – В чем дело?

Прозвенел дверной звонок.

– Что? – Ее глаза широко раскрылись. – Что происходит?

– Это Дэрил, – объяснил Пол.

– Дэрил? Зачем?

– Он позвонил мне, когда я ехал в такси. Я сказал, чтобы он приходил.

– Но только с дороги.

– Знаю. – Он смягчился. – Но я хотел показать ему вот это... –

Пол указал на фотографии, которые прикреплял к стене.

– «Камни преткновения»?

– Да, – кивнул он.

Звонок прозвенел снова.

– Иду! – крикнул Пол.

Эви несколько мгновений смотрела на то место, где только что стоял ее муж, потом подняла рассеянный взгляд на ряды фотографий на стене. Что случилось?

– Привет, дорогая. – На пороге возник Дэрил Нортона с бутылкой вина в руках.

Дэрил, один из многочисленных рыжеволосых мальчишек, которые как трава росли по всему Соединенному Королевству, двадцатилетним уехал в Штаты, где сделался очаровательным и ядовитым английским цветком – экзотическим растением в теплице аспирантуры, где они с Эви дописывали свои диссертации. Он был одним из самых надежных спарринг-партнеров и для Эви, и для Пола, желающий и умеющий находить даже намек на претенциозность в

новой идее. Перед публикацией любая идея проходила через стадию «черновика для Дэрила».

– Привет. – Она подставила щеку для поцелуя, все еще несколько растерянная.

– Дэрил принес китайской еды! – донесся голос Пола. – Давайте поедим. Я умираю от голода.

Их друг исчез за дверью.

Эви ничего не оставалось, как последовать за ним через коридор в столовую, где Пол вытаскивал из пакета горячие контейнеры и палочки для еды, расставлял тарелки и бокалы. Казалось, он наэлектризован усталостью и волнением. Дэрил откупорил бутылку, и все сели за стол. Через распахнутые окна в квартиру струился июньский вечер.

Эви отпила глоток вина и, не отрывая глаз от Пола, сидевшего напротив, приняла у него тарелку с едой. Дэрил о чем-то спросил, потом еще, и к разговору присоединилась Эви. Все расслабились.

Но Эви продолжала наблюдать за мужем, бросая на него короткие взгляды, словно сквозь деревья в лесу. Они перешли на привычный, понятный только им жаргон, подчеркивавший их близость. И все же сегодня в атмосфере присутствовало что-то еще, что-то новое. Рвение и стремительность, словно Пол спускал Эви с утеса на раскаленном канате, который было невозможно удержать, и Пол смотрел на нее и снова отводил взгляд. Внимательно слушая Дэрила, он склонял голову, словно улавливал за словами друга музыку. Эви хорошо знала эту позу, означавшую, что муж внимательно слушает и в то же время почти ничего не слышит. Склоненная голова, кивок, устремленный на собеседника внимательный взгляд – все это было неотразимым, гипнотически притягивало людей. Эви видела, что он пропускает слова Дэрила мимо ушей, прячется под рассуждениями собеседника, думая о чем-то своем.

Именно в такие моменты отчетливее всего проявлялась их связь; она смотрела, как Пол слушает, и понимала, что происходит у него в голове, – в отличие от остальных. Он мог кивнуть, сделать паузу, а затем повернуться, чтобы встретить ее взгляд, и это было как удар током, как прикосновение к сердцу.

Теперь она наблюдала за ним, знакомым незнакомцем. Он не поднимал на нее глаз.

– А что теперь висит на бельевой веревке профессора Милтон? – Дэрил повернулся к ней, закончив расспрашивать Пола. – Я целый месяц тебя не видел.

В памяти всплыло сегодняшнее утро в ее кабинете, скепсис Хейзел, и Эви вспыхнула, внутренне ощетинившись.

– Конец моего племени, последних из четырех сотен, – небрежно сказала она. – Маленькая монография с предварительным названием «Закат старой элиты».

– Твоего племени? – Пол наконец посмотрел на нее.

– Шучу, – сказала она.

– Четырех сотен чего? – спросил Дэрил.

– Семей старого Нью-Йорка, которые помещались в бальной зале миссис Астор и на страницах светского справочника.

– А вот и название для книги, – заметил Дэрил. – «Все дальше от бала у Астор».

– Но некоторые владеют половиной острова в Мэне, – вставил Пол. – Так что не слишком далеко.

Эви нахмурилась. С ее стороны все это было не всерьез. Зачем он упомянул об острове Крокетт?

– Никому из нас это не по карману, – парировала она. – Неизвестно, как долго мы сможем его сохранить. Это старый захламленный дом на скале посреди океана.

Именно в таком тоне она привыкла говорить об острове, практично и равнодушно.

– Ты в это не веришь, и сама это знаешь, – сказал Пол. – Ты ни за что бы так не сказала, если бы думала, что действительно его лишишься.

– Но такая возможность вполне реальна, – ответила она, глядя ему в глаза. – Потому что из всех моих кузенов только один хоть сколько-нибудь зарабатывает.

– Но, – возразил Пол, – всегда находится тетушка Мод или двоюродный дедушка Джонатан, которые умирают в самый подходящий момент, оставляя в наследство приличную сумму.

– Да, верно, – кивнула она и покраснела. Куда он клонит?

– Восемьдесят лет назад Милтоны купили его за полторы тысячи долларов, – объяснил Пол. – Одно из этих королевств в Новой Англии, где каждый вечер рыбаки оставляют вам в ящике омаров, словно

молоко. Огромный кусок скалы, такой красивый, что от него невозможно отказаться.

– Эви, – протянул Дэрил, – я и не подозревал. Ты это от меня скрывала.

– Прямо уж, королевство, – запротестовала Эви, глядя на Пола, хотя прекрасно понимала, что это безнадежная битва.

– А что вы там делаете? – спросил Дэрил.

– Плаваем на яхтах. – Она сделала глоток вина. – Пьем. Играем в «захват флага».

– Правда?

– Разве ты не так это себе представляешь? – шутливо спросила Эви. – Летний дом патрициев, загорелые лица, обращенные к ветру, ладони на румпеле, аристократия у руля. Так ведь?

Дэрил, подняв брови, посмотрел на Пола.

– Остров, – произнес он и присвистнул. – Твоя семья владеет целым островом. – Он заново наполнил свой бокал. – Как необычно, как изысканно-старомодно.

На глазах у Эви фантазия обретала реальность. Остров производил свой обычный эффект, становился больше чем островом.

– Не совсем, – ответила она. – Туда всегда кто-нибудь приезжал, кого нужно было развлекать, поить чаем или виски. Постоянно новые лица.

По лицу Пола пробежала тень.

– Как неудобно, – сухо заметил Дэрил. – И так по-американски.

– Точно. – Эви наклонилась вперед и пальцами прижала воск на краю одной из больших свечей, не позволяя ему стекать вниз.

– Кто им владеет?

– Я и мои кузены. После смерти наших родителей.

– Но Эви собирается продать свою долю, – тихо сказал Пол, глядя на нее через стол. – По крайней мере, собиралась.

Эви не поднимала на него глаз.

– Во что обходится его содержание? – настойчиво расспрашивал Дэрил.

– Точно не знаю, – сказала она. – Этим занят трастовый фонд.

– Не знаешь? – удивился Дэрил. – И не интересовалась?

Эви покачала головой.

– И что будет потом?

– Что ты имеешь в виду? – Эви не хотелось, чтобы разговор крутился вокруг острова. Не хотелось его обсуждать.

– Что будет, когда в фонде закончатся деньги? Как вы его сохраните?

Это уже было слишком. Она в упор посмотрела на Дэрила:

– Мытьем или катаньем. Пустим по миру своих детей. Сами станем нищими.

– Неплохой план. – Он весело рассмеялся и поднял бокал. – За будущее прошлого.

Эви слабо улыбнулась, подняла свой бокал, выпила, затем взяла тарелки Пола и Дэрила и вышла через створчатую дверь на кухню.

В кухне на всех поверхностях не было ни сантиметра свободного места. Сплошное нагромождение тарелок, оставшихся от завтрака, и упаковок от китайской еды. Какой-то последний день Помпеи. Эви поставила тарелки на плиту, чувствуя себя раздраженной и незащищенной. С какой целью Пол завел разговор об острове? Что это с ним сегодня? Она открыла шкафчик, взяла стакан, наполнила водой из крана и залпом выпила.

Когда Эви вернулась, столовая была пуста. Она прошла по коридору на звук голосов, в кабинет Пола. Там мужчины рассматривали фотографии «каменей преткновения», прикрепленные над письменным столом. Тысячи подобных камней были вмурованы в мостовые и тротуары Берлина, обозначая места, где жили или работали евреи до депортации или помещения в концентрационный лагерь. Три «камня преткновения» были установлены перед дверью дома, где снимал квартиру Пол, и когда он позвонил Эви на следующий день после приезда в Берлин, то не мог говорить ни о чем другом.

– Это очень трогательно, – сказала она.

– Не просто трогательно, – возразил он. – Это объясняет все. Все, о чем я думал...

– Как?

– Не знаю. – Его голос звенел от волнения. – Пока не знаю.

– До холокоста, – объяснял Пол Дэрилу, – если кто-то спотыкался о камень мостовой, то говорил, что *здесь, должно быть, похоронен еврей*. Таким образом, «камни преткновения» сделали старую

поговорку буквальной. – Он скрестил руки на груди и прислонился к краю стола. – Я когда-то слышал об этом проекте, но потом забыл.

– Истории на тротуарах, – задумчиво произнес Дэрил.

– По всему городу. – Пол кивнул.

Эви подошла и встала рядом с ними. Аккуратные ряды маленьких латунных табличек у них над головами были похожи на наборный шрифт. *Здесь жил* или *Здесь работал*. Потом имя. Дата рождения. Дата депортации и, последняя, дата убийства.

– Эти были на улице перед квартирой в Шёнеберге, где я жил, – Пол указал на верхние три имени, похоже родственников.

*Hier arbeitete
Arthur Kroner,
JG 1874,
Gedemutigt,
Flucht in den Todd, 1941*

Рядом лежал камень его жены: *Hier wohnte Sophie Kroner, JG 1878, Gedemutigt, Flucht in den Todd, 1941*; а ниже их дочь: *Mildred Kroner, JG 1925, Deportiert, 1941, Ermordert in Auschwitz, 1942*.

– Здесь жили и работали Артур и Софи Кронер. – Дэрил умолк. – *Gedemutigt?*

– Унижены, – перевел Пол. – И доведены до смерти, 1941.

– То есть?

– Вероятно, покончили с собой, не дожидаясь ареста.

Эви вздрогнула. Похоже, примерно в это же время депортировали их дочь. В тот же день? Раньше. Не думать об этом было невозможно.

– После того как я увидел первые три камня у моей двери, я начал фотографировать все, которые попадались мне на пути, а потом уже не мог остановиться. Я раздобыл список мест, где установлены камни, и попытался найти каждый, просто постоять там, на том месте, где стояли они, перед тем, как их увезли.

1930. Родился. *Deportiert*, 1942. 1943. Депортирован. Каспар Баер. Паула Баер. *Ermordet in Auschwitz. In Dachau. In Sachsenhausen*. Родился. Жил. Работал. Арестован. Убит. Юлиус Оппенгейм. Фрида Трю. Эфраим Ворман.

Последний ряд фотографий замыкали три камня, похоже установленные в память об одной семье. «Здесь жили Эльза, Герхард и Вильгельм Хоффман», – прочла Эви. Отца забрали первым, в 1936 году, и вскоре убили. Мать забрали в июле 1941-го, убили в 1942-м. А их сына... Эви подалась вперед.

– Да, – сказал Пол, заметив, куда она смотрит. – Отец умер первым, в Заксенхаузене, мать в Плетцензее. Это берлинские тюрьмы. Но посмотри на последнюю табличку – мальчика.

– *Ermordet Hier*, – прочла Эви.

Убит здесь.

– Мальчика убили перед его домом на Линиенштрассе, в Митте, в самом центре города. На том месте, где я стоял.

Они все смотрели на фотографию.

– Ему было одиннадцать. – Боль в его голосе казалась осязаемой. – Именно эта табличка меня потрясла больше всего. Я возвращался к их камням – они жили недалеко от института, – и чем чаще я проходил мимо этого камня, над этим камнем, вокруг этого камня, тем чаще спрашивал себя: видел ли кто-нибудь, как это произошло? Кто? Я представлял людей на улице, которые стояли на том же месте, может в нескольких шагах от него. Мужчина, проходивший мимо. Женщина, выгуливавшая собаку. Те, кто видел, как людей забирают.

Дэрил внимательно слушал, склонив голову.

– И я начал воображать другие камни, установленные по всему городу вокруг «камней преткновения». – Пол отвернулся от фотографий. – Камень для каждого очевидца. Камни для толпы.

Он скрестил руки на груди и умолк.

– Но я не понимаю, – после короткой паузы сказал Дэрил, – какое отношение все это имеет к теме твоей работы.

– Где у Генри Джеймса евреи? – спросил Пол со слабой улыбкой.

– Насколько я помню, у Генри Джеймса нет евреев, – сухо ответил Дэрил. – За исключением Деронды.

– А почему? Вокруг него повсюду были евреи. В Лондоне, в Венеции. И уж точно в Нью-Йорке...

– Продолжай.

– А черные у Натаниэля Готорна? Где они? – наступал Пол.

– Он писал не о них, – возразил Дэрил.

– Совершенно верно, – кивнул Пол. – Именно это я и хочу сказать. У Готорна нет черных, потому что он должен был увидеть их реальными людьми, представить их, поместить в свой сюжет.

– Ради бога, Пол, – сказала Эви. – Разумеется, он считал их человеческими существами...

– Разве? Тогда где они?

Эви не ответила.

– Все, кого нельзя увидеть на поверхности. *Вот* в чем суть. Но они присутствуют, незримо. – Голос Пола звучал уверенно. – Вот о чем напоминают нам «камни преткновения». Мы были там.

– И?

Пол повернулся к Дэрилу:

– Что, если место может помнить, что произошло? Что, если место может говорить? Что, если память заставит нас остановиться на бегу?

– Так. – Дэрил внимательно смотрел на него. – Продолжай.

– Что, если бы мы рассказали о том, что происходило на этой земле? Как немцы. Что, если бы эта страна поставила камни в память о каждом рабе – имена, места, откуда их привезли, места, где их продали, – по всему Югу, на каждом невольничьем рынке Юга? Что, если бы эта страна бросила нам под ноги все, что было, и сказала: «Вот. Смотрите. Смотрите сюда. Не проходите мимо». Джозеф, продан. Анна, продана. Харриет, продана. – Он выдержал паузу. – И перепродана. А потом... – Он заговорил медленнее. – Что, если установить камни для всех остальных? Что, если установить камни всем? Камень в память о том, кого продавали, *а также* камень в память о тех, кто смотрел. Смотрел и отворачивался. Что, если бы мы это сделали?

– Ну, во-первых, тогда бы у нас не было искусства, – возразил Дэрил. – Потому что искусство раскрывает тайны.

– Но у нас была бы правда.

– Да, – согласился Дэрил. – И что потом?

– Точно. – Лицо Пола расплылось в улыбке. – Именно об этом я и размышляю. Каково станет искусство, когда все, что произошло, выставлено на всеобщее обозрение? Когда то, что было похоронено, высечено в камне, и все его видят? Какой была бы литература этой страны, ее живопись, ее фильмы и стихи, если бы не требовалось

снова и снова раскрывать американскую тайну: это было, и это происходит *теперь*.

– Бог мой, – присвистнул Дэрил. – Послушал бы ты себя.

«Перестань», – с раздражением подумала Эви. Камни. Память. Раса. Нагромождение слов. «Давай прекратим это», – мысленно взмолилась она. Но Пола было уже не остановить.

– Рабство не было тайной, – подала голос Эви. – И теперь не тайна.

– Нет. Но на улице в Южной Каролине, Кентукки или Вирджинии черного мужчину, женщину или ребенка вели на поводу, как лошадь, и белый мужчина – или женщина, или ребенок – отворачивались. Вот что я имею в виду. Этот момент сидит в каждом из нас, белом и черном, история передается внутри нас. Болдуин писал об этом шестьдесят лет назад. Я теперь отчетливо это вижу. И мы бесконечно, снова и снова, воспроизводим это привычное, повседневное зло безразличия. Первородный грех Америки. И мы все застряли в нем. Черный смотрит на белого и говорит: «Ты, ты, ты», – а белый смотрит на черного и думает: «Не я, приятель, я тебя не покупал».

– Они отвели взгляд. – Эви поняла, куда он клонит.

Пол кивнул.

– Но не все, – заметил Дэрил.

– Не все, – согласился Пол. – Но мы повторяем то, о чем не знаем, или говорим, что не знаем, – и пока мы это не поймем, мы обречены все повторять снова и снова...

– Мы же все время это признаем. О чем ты говоришь?

– Конечно, – кивнул Пол. – Мы преподаем историю в школе. Говорим об этом. Но все равно в этой стране при знакомстве с черным приходится доказывать, кто ты, правда?

Она нахмурилась:

– Что ты имеешь в виду?

– Ты должен доказывать... вы оба должны убедиться... что ты не *такой* белый человек.

– Нужно доказывать, что ты не расист?

Пол кивнул:

– Мы должны отринуть тот момент на рынке, который сидит в нас. Но не можем. Это американская история.

Эви озабоченно покачала головой:

– Слишком примитивная аналогия.

– Какая?

– Немцы и белые американцы. Все не так просто.

– Почему бы и нет? – возразил Пол.

– Потому что люди – это люди. – Эви посмотрела ему в глаза. –

Их жизнь сложна. *Жизнь* не укладывается в выбор между черным и белым. Люди слепы, но исполнены добрых намерений и видят настолько далеко, насколько могут.

Пол не отрывал от нее взгляда.

– И, – продолжала Эви, – большинству людей в этой стране не нравится, когда им напоминают.

– Большинству белых людей, – уточнил Пол.

– Да. Но зачем так формулировать? Это обрывает разговор.

– Потому что это правда, – повторил он.

Эви раздраженно тряхнула головой:

– Бабушка Ки часто повторяла, что о некоторых вещах лучше умолчать.

Дэрил фыркнул:

– Но ты ведь в это не веришь, правда? Ты не оказалась бы там, где ты теперь, если бы сидела смиренно и помалкивала.

– Знаю. – Щеки Эви залил румянец. Хейзел утром говорила ей то же самое. – Но иногда я задумываюсь над тем, *как* мы говорим то, что говорим...

– Твоя бабушка также называла меня «евреем, который женился на Эви», – напомнил ей Пол.

– Ого, – сказал Дэрил.

– Послушай, Пол, это нечестно, – вспыхнула Эви, уже не скрывая своего раздражения. – Мы прекрасно знаем, как это было в тридцатые. Ни один человек из того поколения не выражался политкорректно. Даже письма Элеоноры Рузвельт изобилуют маленькими вспышками раздражения по поводу «того или этого еврея на вечеринке».

– И как это было?

Не отводя взгляда, Пол достал из кармана куртки фотографию и протянул ей.

Пикник в парке, явно много лет назад: несколько человек сидят на солнечной полянке, повернувшись к камере и явно радуясь, что их фотографируют. Мужчины в костюмах и галстуках, женщины сидят,

поджав ноги, в юбках, кажется, по моде тридцатых годов. У одной из женщин темные вьющиеся волосы словно вырвались на свободу и волной ниспадают на шею. Сидящий рядом мужчина повернулся к ней, как будто пытается расслышать, что она говорит.

Эви склонилась ниже.

– Что ты мне хочешь показать? – спросила она, нахмурившись.

Пол ткнул пальцем в каждого мужчину, сидевшего на траве:

– Нацист. Нацист. Нацист...

«Попс, – подумала она, поднимая взгляд на Пола. – Это же Попс».

– Да, – сказал он, глядя ей в глаза. – Вот как это было.

Глава пятнадцатая

День был вялым. Лучи то появлялись, то пропадали, по мере того как солнце двигалось по небу и играло с облаками. Надеть или снять шляпу? Жара последних дней несколько не ослабла, и окна в кабинетах «Милтон Хиггинсон» были подняты до отказа, насколько позволяли их узкие направляющие; деревянные рамы пучились от зноя, поднимавшегося от реки и сгущавшего воздух. Движение денег замедлилось. Брокеры закрывали сделки сидя. Фасад дома номер 30 по Брод-стрит выходил на север, утром тут была тень, и секретарша Огдена Милтона печатала так быстро, как только могла. Солнце повернет и после обеда начнет медленно опускаться в противоположном окне, доберется до нее и прикончит. Она печатала. В кабинете мистера Милтона было тихо. Секретарша прекратила печатать и прислушалась. Возможно, слишком тихо, подумала она, вновь принимаясь за работу.

Огден Милтон сидел, задумавшись, за тем же полированным письменным столом «Шератон», за которым работали его отец и дед; если поднять глаза, взгляд упирался в те же самые книжные шкафы с полным собранием сочинений Макколи и Гиббона и папками с проспектами прибыльных компаний. По правую руку тянулся ряд окон, так что со своего места Огден мог видеть остров Манхэттен, гранитную лужайку из зданий, тянущуюся до точки слияния Иста и Гудзона, где громадные суда из Европы медленно плыли вверх к докам Бруклина и причалам Челси. Старый Свет по-прежнему не утратил своей величавости.

И шестидесятилетний Огден, и его фирма держались на плаву благодаря сильным и устойчивым ветрам, которые приносили им удачу после войны. Огден заседал в трех советах директоров и был президентом Американского музея естественной истории. У них с Китти была небольшая квартира для ночевки в городе и просторный кирпичный дом в Ойстер-Бэй с видом на пролив Лонг-Айленд, так что большинство вечеров Огден проводил у большой воды. Поэтому он постоянно чувствовал присутствие моря, даже вдали от острова

Крокетт. Встав из-за стола, Огден подошел к окну, где ему думалось лучше всего.

Через просветы между зданиями он видел парус, разрезающий голубую ленту Гудзона на подветренном галсе, – какой-то счастливчик вышел в море до обеда в середине рабочей недели.

Он почувствовал, как горло сжали спазмы. «Счастливчики, – говаривал Данк, – всего лишь пара тупых парней, которым улыбнулась удача». Огден следил за белым треугольником паруса, пытаясь отогнать мысли о Данке. Просто сердце разрывалось от того, что происходило с его старым другом. Яхта скользила медленно и грациозно, парус все больше надувался ветром, принося воспоминания о Крокетте и полосе неподвижного воздуха в центре залива сразу же за оконечностью острова, – если поймать ветер, то можно набрать скорость раньше и проскочить дальше, за мыс, к Ричу. Они с Данком обычно разгоняли яхту и со смехом поворачивались друг к другу. Но это было много лет назад.

Бесполезно. Огден прижался лбом к стеклу. Он не мог избавиться от воспоминаний.

Далеко внизу парус все так же скользил по воде.

– Папа?

Огден оглянулся:

– Мосс.

Молодой человек в очках с роговой оправой, одетый в узкие брюки и белую рубашку – но без галстука, отметил Огден, – приоткрыл дверь и просунул голову внутрь.

– Не мешаю?

– Я тут витаю в облаках, – с печальной улыбкой признался Огден. – Входи. Рад тебя видеть.

– Я пришел пригласить тебя на ланч.

– С удовольствием. Но боюсь, не сегодня, – ответил Огден, и одновременно у него на столе прозвенел звонок. – Это наш новый сотрудник.

– Мне уйти?

– Нет-нет, останься. Вам будет полезно познакомиться.

– Полезно для меня? – небрежно поинтересовался Мосс.

Огден ответил не сразу:

– Да, Мосс. Надеюсь, и для него тоже.

– Как ты любезен.

Огден проигнорировал иронию Мосса.

– Да, пожалуйста. – Он кивнул миссис Мичем, которая заглянула в кабинет. – Пригласите его.

Огден был за границей, когда пришла телеграмма от Прока Смедли с советом нанять Лена Леви. «Вы не пожалеете, – писал Смедли. – Черт возьми, возможно, вы даже сделаете его партнером». Смедли обладал превосходной интуицией, которая никогда не подводила – доказательством служил тот факт, что Лен Леви, проработав всего шесть недель, уже попросил встречи с Огденом.

Напористый? Можно не сомневаться, подумал Огден, выходя из-за стола и одной рукой застегивая пиджак.

– Сэр?

– Входите, Леви, – пригласил Огден. – Входите.

Первое впечатление от Леви: высокий парень, солидный, опрятный, с обезоруживающей улыбкой, крепким рукопожатием и быстрым кивком в ответ на предложение Огдена сесть.

– Это мой сын Мосс. Мосс, мистер Леви.

– Рад познакомиться. – Мосс протянул руку.

– Мистер Милтон, – сказал Леви, отвечая на рукопожатие.

Мосс поморщился:

– Просто Мосс. Пожалуйста.

– Мосс выходит к нам на работу в сентябре, – сказал Огден, глядя на сына. – Возможно, вы окажетесь за соседними столами. Я обещал Моссу последнее лето перед гильотиной.

– Гильотиной? – удивленно вскинул брови Лен.

Мосс опустил во второе кресло перед столом Огдена.

– Совершенно верно. Гильотина. Мясорубка. Хомут.

И работа, подумал Лен.

Огден отошел от окна, где краем глаза, прежде чем отвернуться, заметил маленький треугольник паруса, который миновал буй, обозначавший фарватер, и вышел в море.

– Вы яхтсмен, Леви? – спросил он.

– Простите?

– Умеете ходить под парусом? – Огден обогнул стол и направился к своему креслу.

– Нет.

Огден сел.

– Хотя в колледже я занимался греблей, – прибавил Лен.

– Садитесь, – махнул рукой Огден. – На каком номере? Думаю, загребным; у вас сильные плечи.

– На самом деле вторым.

Огден поднял брови. Обычно на носу располагались более легкие гребцы.

– Это была восьмерка, – с легкой улыбкой уточнил Лен.

Огден кивнул:

– Колумбийский университет?

– Совершенно верно.

– Надеюсь, вы не были в команде, которая в пятьдесят четвертом победила Гарвард? – спросил Мосс.

Лен покачал головой:

– В пятьдесят четвертом я был в Корее.

– Армия?

– Да, – сказал Лен. И этим ограничился.

Мог бы еще что-то сказать, подумал Огден. Его удивило крайне необычное спокойствие этого молодого мужчины, который, как казалось, не испытывал потребности объясняться – в отличие от многих своих сверстников. Слово он был рожден для того места, где находился, словно ничто не преграждало ему путь. Огдену подумалось, что именно это свойство характера гарантирует результат.

– Тогда все в порядке, – пошутил он. – Боюсь, это не подходящее место для победоносного Льва^[24].

– Понимаю. – Лен улыбнулся и откинулся на спинку кресла, положив руки на колени.

Интересно, что именно он понимает, подумал Огден.

– Я не помешал? – В дверях показался Джек Хиггинсон.

– Привет, Джек. – Огден махнул рукой, приглашая партнера войти.

Хиггинсон проскользнул внутрь и протянул руку. На нем был синий блейзер и галстук-бабочка, словно он заглянул сюда по дороге в яхт-клуб. Мосс и Лен встали.

– Привет, Мосс. – Джек сжал его руку. – И... Леви? Что вас сюда привело?

– У меня есть идея, которую я хотел изложить мистеру Милтону, – спокойно ответил Лен, – но поскольку вы оба здесь...

«Напористый», – снова подумал Огден.

– Думаю, мне пора, – сказал Мосс.

– Останься, Мосс, – попросил Огден. – Я хочу, чтобы ты послушал идею Леви.

Мосс посмотрел на Лена и снова сел.

– Выкладывайте, – сказал Огден, игнорируя удивление партнера.

– Прошу вас, – буркнул Джек Хиггинсон и устроился в пустом кресле Лена.

Впервые за все время Лен как будто колебался. Огден размышлял – то ли это нервы, то ли подготовка к удару. И вдруг понял, что испытывает удовольствие от этой нерешительности. Давно уже его никто так не очаровывал.

Лен не стал садиться.

– «Милтон Хиггинсон» – один из крупнейших инвестиционных банков, один из самых старых... И один из лучших, он распространил свое влияние на всю страну, консультирует самые разные компании, от мелких до довольно крупных. – Леви выдержал паузу. – Но «Милтон Хиггинсон» опускает большой кусок пирога.

Приехали. Мосс с трудом сдержал улыбку.

– В каждой из этих компаний есть наемные работники, – продолжал Лен, – и эти люди вполне могут вкладывать в рынок акций.

– Что? – воскликнул Джек. – Наемные работники?

Лен кивнул:

– Мне кажется, сэр, что для нас это неосвоенный рынок. Мы уже консультируем банки относительно инвестиций; почему бы не предложить свои услуги мужчинам – и, если уж на то пошло, женщинам, в том числе секретарям, – которые там работают?

– Мы этим никогда не занимались, – предупредил Джек.

Лен снова кивнул:

– В том-то и смысл, сэр. Что, если вы сойдете с проторенной дорожки? Откроете новые возможности? Создадите новых клиентов?

– Интересная идея, – согласился Огден. – Вы предлагаете рядовым работникам банков – клеркам, бухгалтерам и даже уборщикам – вкладывать в рынок акций?

– А мы будем их консультировать.

– Блестяще! – воскликнул Мосс. – Открыть Уолл-стрит. Пригласить всех...

Лен кивнул, удивленно глядя на него.

– Судя по всему, мой сын – демократ, – заметил Огден с легкой улыбкой.

– Все это очень хорошо, – фыркнул Джек, – но наша фирма этим не занимается.

Лен пристально смотрел на Огдена:

– Вы не пожалеете.

– Конечно, – сказал Огден с веселым блеском в глазах. – Потому что я вам ничего не обещал.

– Но вы слушали.

Именно в этот момент Огден почувствовал силу, исходящую от этого молодого человека; предложение Лена Леви было только началом, до сих пор он сдерживал себя, а теперь лишь немного отпустил вожжи. Огден улыбнулся.

– Верно. Но у меня просто такая привычка – слушать, – сказал он.

Если Леви и услышал предупреждение, это его не остановило. Огден видел, что он не откажется от своей идеи; не задумываясь и сам до конца не понимая причины, он встал и протянул руку.

– Мы еще поговорим об этом, – пообещал он и заметил тень разочарования на лице молодого человека.

– Да, сэр. Я на это надеюсь, – ответил Лен, пожимая руку Огдену, а затем повернулся к Джеку Хиггинсону и тоже пожал ему руку.

– Послушайте... – сказал Огден.

Лен замер и повернулся к нему.

– Мы рады, что вы в нашей команде, – закончил Огден, хотя собирался сказать совсем другое.

– Спасибо. – Лен был серьезен. – И я намерен принести пользу.

– Хорошо, – кивнул Огден, и тут ему в голову пришла идея: – Почему бы на следующей неделе вам не заглянуть в архив миссис Мичем? Она проводит вас в хранилище документов. Там в коробках хранится все, чем мы когда-либо занимались. Покопайтесь. – Он подался вперед и улыбнулся. – Посмотрите, найдутся ли там подходящие кандидаты для вашей идеи. Составьте для меня список.

Вот так. Он кое-что подкинул Леви. Показал парню, что услышал его.

Лицо Лена расплылось в улыбке, и он распахнул дверь.

– Будет сделано, сэр. Спасибо.

Мосс тоже поднялся.

– Я с вами, – сказал он и вслед за Леном вышел из кабинета.

– Хорошая работа, – сказал он.

Лен выжидающе смотрел на него.

Мосс кивнул:

– Вы молодец.

– Спасибо, – улыбнулся Лен.

Двери лифта открылись. Лен протянул руку.

– Каждую пятницу у меня вечеринки. – Мосс пожал ему руку. – Приходите. Номер двадцать девять на Западной Двенадцатой. – Он зашел в кабинку, и двери лифта закрылись.

В кабинете Огдена партнеры остались вдвоем.

– Наглец, – присвистнул Джек.

– Мне он нравится, – сказал Огден, разглядывая собеседника.

– Он предлагает отправить «Милтон Хиггинсон» в публичную сферу.

– Похоже. – Огден был спокоен.

– На мой взгляд, это слишком.

– «Меррилл Линч» так не считает.

– Мы не «Меррилл Линч», – возразил Джек. – И слава богу. Хотя жиду не понять, что мы не консультируем наемных работников.

Вздвогнув, Огден сосредоточил все внимание на человеке в синем пиджаке, сидевшем по другую сторону стола:

– Зачем ты хотел меня видеть, Джек?

– Эдди спрашивает, будете ли вы с Китти в клубе в эту субботу.

– Я узнаю, какие у Китти планы.

– Ладно. – Джек поднялся со стула. – Похоже, собирается дождь, – сказал он, глядя в окно за спиной Огдена. – Избавит нас наконец от этой адской жары.

Дверь за ним закрылась. Огден остался сидеть в своем кресле.

Джек Хиггинсон – дурак.

Прошло больше двадцати лет с тех пор, как Огден взял на работу Солли Вайнберга – и он ни разу об этом не пожалел. Он нанял человека, которого считал гением в области инвестиций. А не еврея.

Огден откинулся на спинку кресла. Он верил в справедливость. Хороший человек мог быть кем угодно. Огден не испытывал иллюзий насчет происхождения. Ни родословная, ни деньги не имеют значения

– всегда найдется человек, который проложит себе путь из конюшни в салон, человек, рожденный со способностью видеть дальше края своей колыбели. Такие люди – надежда мира, а Огден верил в лучший мир, построенный людьми.

И почему еврей должен чем-то отличаться? Не должен. Эта молодежь, прошедшая через Лигу плюща, впечатляет. Их не смущает отказ. Они выходят за границы привычной практики, спрашивают: «Почему бы и нет?» Свежая струя. Фирме это пойдет на пользу.

Он и полчаса не провел с этим молодым человеком, а уже ждет новой встречи, хочет, чтобы Мосс работал рядом с ним. Леви может оказать огромное влияние на его сына. И неважно, кто он и откуда.

На прямой вопрос Огден честно ответил бы, что воевал не ради спасения евреев. Он пошел на фронт сражаться с Гитлером, чтобы спасти Англию и Францию. То, что произошло с евреями, было частью войны, с ее смертями и жестокостью, вплеталось в общую канву. Что бы ни говорил Данк, на чем бы он ни настаивал, в то время евреям нельзя было помочь. Следовало делать максимум, исходя из имеющейся информации. И по возможности протягивать руку помощи. Это было правильно; это было достойно. Но война окончена, и теперь следует помогать там, где эта помощь необходима. Хотя Огден был уверен, что молодой человек, только что вышедший из двери его кабинета, будет презирать такого рода внимание. Опека намекает на слабость. А этот человек, который ни в чем не уступал Огдену Милтону, похоже, не нуждался в том, что мог ему дать Огден, за исключением, возможно, открытой двери.

А это я ему могу дать. Огден занялся документами, лежавшими у него на столе. *И у него все получится.*

Джоан Милтон закончила печатать письмо и вытянула лист из каретки. Послеполуденное солнце переместилось с конца ее стола в середину комнаты, горячим пятном расплескавшись на старом ковре. Вскоре оно взберется по столу Уита Лорда и будет светить ему прямо в глаза, и тогда он протянет руку и наденет темные очки, не отрываясь от разговора, чтения или сигареты. За дверью находился коридор и маленький кабинет, где мистер Россет проводил большую часть времени, откинувшись в кресле и положив скрещенные ноги на стол. Со своего места Джоан могла видеть носки его ботинок.

В офисе царил зловещая тишина; все ждали решения судьи. И хотя у прессы было много других тем, всех не покидало ощущение, будто они армия на привале: шляпы сняты, ремни расстегнуты, ружья и сабли сложены на землю. В любой момент могла прийти долгожданная весть – либо их закроют, либо они изменили правила игры.

«Слова – всего лишь одежда, – сказал ей мистер Россет, когда она только устроилась на работу, – сшитая в конкретное время конкретным человеком. Например, мы больше не носим гольфики, или турнюров, или узких корсетов. Лоуренс снимает одежды. Лоуренс учит нас смотреть на тело без покровов. Телесная любовь всегда была облачена в слова, которые пытались скрыть ее. Но невозможно подавить или скрыть умалчивая. И если мы победим, если добьемся снятия запрета, то изменим взгляд на вещи, покажем истинное положение дел: неприлична *одежда*, а не тело».

Джоан кивала, слушала и не задавала вопрос, к которому подталкивала эта маленькая лекция.

Но он с усмешкой наклонился к ней:

«Вы ведь не согласны, правда?»

Она посмотрела ему в глаза и покачала головой.

«Хорошо, – сказал он. – Расскажите почему».

«Мне кажется, что нам нужна одежда. Мы не можем просто ходить *голыми*».

«Почему бы и нет?» – возразил он.

Ответа она пока не нашла.

– Я уйду! – крикнула она теперь, обращаясь к его ботинкам на столе.

– Вернешься? – спросил Уит Лорд.

Она остановилась и посмотрела на него.

– Черт. – Он надел темные очки и кивнул.

– Мисс Милтон? – окликнул ее Барни Россет.

– Да, сэр?

Из кабинета послышался звук двух ударившихся об пол ног.

– Мисс Милтон?

– Да. – Она шагнула к кабинету, в дверях которого появился мистер Россет. – Я здесь.

– Куда вы собрались?

Она вздернула подбородок.

– Моя сестра...

– Ах да, конечно. – Босс махнул рукой, отпуская ее. – Платья. Матери...

Джоан колебалась.

– Идите. – Он нетерпеливо повернулся к своему столу. – Идите. Чрезвычайно важное дело.

Покраснев, она шагнула к двери. Он отмахнулся от нее, словно от маленького ребенка.

– Ради бога, Милтон, – тихо поддел ее Уит, когда она проходила мимо его стола. – Он шутит.

Джоан сдержанно кивнула, но промолчала.

Выходя на улицу, она поняла, что собирается дождь, а зонтик остался под ее столом наверху.

«Ну и ладно», – подумала она и решила не возвращаться.

И действительно, через несколько минут с неба хлынули потоки летнего дождя. Небо обрушилось вниз с вершин серых зданий, и дождь молотил по тротуарам кастаньетами капель, отбивая ритм. Китти Милтон ждала своих дочерей в фотостудии мистера Бакарака, волнуясь, что девочки промокнут.

В пятьдесят четыре она по-прежнему оставалась прямой и стройной, но красивую голову на длинной шее теперь венчали седые волосы. Она старела, как танцовщица, грациозная, элегантная, всегда в форме. Если ей суждено превратиться именно в такую женщину, думала она, пусть будет так.

Она удобнее устроилась в мягком кресле, прислушиваясь к шуму дождя и радуясь, что у нее есть немного времени, пока не пришли девочки; ланч с Присс Хотон ее расстроил.

Они пошли в женский клуб «Колони-Клаб» – обычное место встреч, когда они обедали в городе. Присс пришла раньше и ждала Китти в одном из розовых кресел, всегда повернутых друг к другу, предполагавших склоненные головы, шепот и улыбки. Днем первый зал наполнялся женщинами, с их сумками, сигаретами, шляпами и перчатками. Кофе, ланч, чай – здесь, в клубе, не нужно было накрывать на стол и убирать посуду, не нужно было решать, пора ли уже перетягивать стулья; зал просто оставался таким же, как в детстве,

когда их впервые допустили на чаепитие вместе с бабушками. Китти давным-давно пришла к выводу, что эта атмосфера покоя и безмятежности в немалой степени создается золотистыми шелковыми шторами. В солнечный день свет из высоких окон пробивал эту ткань, золотил стены цвета слоновой кости, навевал воспоминания о лете, о послеполуденной неге, когда мужчины устраиваются в гамаках, а женщины сидят в тени.

Присс встала, увидев входящую в зал Китти; посторонний человек мог бы подумать, что юбка и мягкие туфли без каблука выбраны этой милой полноватой женщиной из соображений удобства. Но Китти видела, что Присс тщательно следит за собой.

Пятьдесят лет – жестокий возраст, думала Китти, садясь за маленький круглый столик и расправляя салфетку на коленях. Каждая печаль, каждое сожаление оставляет свой след. Вот они все, на виду. Бедная Присс. Для нее было бы лучше, если бы Данк погиб на войне. Он утратил что-то очень важное, но Китти не смогла бы сформулировать, что именно. Деньги он по-прежнему умел зарабатывать – Хотоны были очень состоятельными людьми, в этом Китти не сомневалась, – но очень изменился. Данк вернулся надломленным, без внутреннего стержня. И так и не смог восстановиться.

– Что случилось? – тихо спросила она.

Присс положила руки на стол, по обе стороны от ножа и вилки, и не отрывала взгляда от скатерти.

– Как Огден? – спросила она.

– Прекрасно.

– А Мосс?

– Хорошо.

– Девочки?

– Присс, – ласково сказала Китти. – Что случилось?

Присс рассеянно двигала нож по скатерти, нарушив порядок среди разложенных приборов. Китти пристально всматривалась в лицо подруги.

– Скажи, можно ли умереть от воспоминаний? – Присс не поднимала взгляда от скатерти. – Потому что мне кажется, что Данк умирает.

– Нет, – тихо сказала Китти. – Он не умрет. Мы ему не позволим.

Присс молчала.

Китти коснулась ее руки, чтобы она перестала непрерывно переворачивать нож. Присс замерла.

– Сейчас стало хуже. Так всегда бывает, – сказала она. – Что-то запускает воспоминания, и он исчезает.

– Что ты имеешь в виду?

– Исчезает в прошлом.

– Какие воспоминания?

– Он не говорит. Никогда. Просто понимаешь, что его нет.

Китти молчала.

– И этот жуткий *возраст*. – Присс наконец посмотрела подруге в глаза.

– То есть?

Присс покачала головой:

– Мне пятьдесят пять. И только теперь я начинаю понимать.

– Что понимать, Присс?

Присс продолжала качать головой:

– Недавно я сидела в машине, ждала поезд, на котором должен был приехать Данк, и смотрела, как дети играют на маленькой площадке, там, в деревне. Матери сидели рядом, на скамейке. Такие беззаботные. Они не осознавали, какие они молодые. Какие красивые. Какие *живые*.

Китти накрыла ладонью руку подруги.

– Мне хотелось опустить стекло в машине и крикнуть им... – Присс умолкла.

– Присс! – испуганно вскрикнула Китти.

– *Держите*. – Голос Присс дрогнул. – Мне хотелось крикнуть всем им, сидящим на скамейке, ничего не подозревающим. Хватайте и не отпускайте. *Держите крепко*.

– Миссис Милтон. – Официантка поставила перед Китти тарелку.

Присс торопливо вытерла глаза.

– Миссис Хотон.

Присс кивком поблагодарила официантку, но не притронулась к еде и не поднимала взгляда.

– Жизнь только одна, Китти, – с грустью прошептала она. – И в ней один шанс. Можно поступить правильно. Или неправильно. И мы

этого не знаем, пока мчимся по жизни. Никогда. А однажды понимаешь, что...

Она подняла взгляд на Китти, которой ничего не оставалось, как кивнуть.

– Мама!

Китти встряхнулась и повернула голову к Джоан, сияющей, но мокрой. Дождь оставил влажные потеки на ее юбке. «Ничего страшного», – подумала Китти. Фотографировать будут не ее. Девушка, которую к ним приставили, принесла пушистое белое полотенце, и Джоан энергично растерла руки.

– Привет, мама. – В дверях салона появилась Эвелин, непринужденная, в абсолютно сухой одежде – она взяла такси. За ней вошла Сара Пратт, мать жениха.

– Я слышала, она устроилась на работу в «Брентано», – говорила Сара Пратт. – Несмотря на то, что до свадьбы осталось всего два месяца.

– Кто? – Китти заставила себя улыбнуться. Сара так и не выучила простых правил относительно начала, середины и окончания разговора. Каждый разговор она начинала как попало и зачастую не заканчивала.

– Так что вам повезло, – заключила Сара Пратт, обнимая Китти.

Китти кивнула, недоумевая, чему это Сара завидует.

– Кто устроился на работу? – спросила она.

– Эмми Лорд.

– Ага. – Наконец Китти поняла. – Как легкомысленно.

– Что именно? – спросила Джоан и взяла мать под руку.

– Эмми Лорд пошла работать в тот момент, когда она очень нужна матери.

– Но это же программа обучения, – заметила Эвелин. – Ей пришлось.

– Эгоизм – вот как это называется, – заявила Сара. – Начать с того, что у Эмми Лорд нет никакой необходимости работать, и уж точно не за шесть недель до собственной свадьбы.

– Может, ей так хочется, – сказала Джоан, бросая полотенце на спинку маленького кресла.

– *Хочется...* – презрительно произнесла Китти и перевела взгляд на мистера Бакарака, который шел к ним, вытянув руки.

Джоан посмотрела на Эвелин, выгнув бровь, и та улыбнулась ей в ответ.

– Эвелин, – сказала Китти, поворачиваясь к дочери. – Твое платье готово.

Маме важно, чтобы везде был идеальный порядок, подумала Джоан, а Эвелин идеальна и в полном порядке. А самое лучшее – Джоан скрестила руки на груди, наблюдая, как сестра идет в гардеробную, кивая и улыбаясь маленькому вежливому мужчине, который делал все свадебные фотографии, каждое воскресенье появлявшиеся в «Таймс», – что Эвелин влюблена. Открывая две последние страницы газеты и разглядывая девушек, которые смотрят на тебя с постановочных черно-белых снимков, девушек из Верхнего Ист-Сайда, Гринвича и Ойстер-Бэй – от мисс Барр до мисс Латроп и от мисс Шулер до мисс Саутворт, – невозможно быть в этом уверенным. Но Пратты были давними друзьями семьи и вдобавок из Гринвича, по другую сторону пролива Лонг-Айленд, друзьями, которые, как и Милтоны, покинули Нью-Йорк еще в тридцатые в поисках деревьев и лужаек в часе езды на поезде от города.

Можно было предположить, что Дикки влюбится в Джоан – она была старшей, – но взгляд Дика скользнул по старшей Милтон, остановился на ее двенадцатилетней сестре и уже не отрывался от нее. Эвелин выросла под этим взглядом, медленно раскрываясь ему навстречу, – когда тоже уехала в Фармингтон, когда тряхнула головой в ответ на его приглашение на выпускной бал в Йеле, но потом писала ему каждый день, пока он был в Корее; поэтому, после того как Дик вернулся с войны, ответом могло быть только «да».

Это придавало их истории приятный оттенок неизбежности, словно она была написана давным-давно, а фраза «созданы друг для друга» означала, что две души, выросших в одних водах, слепо плывут в объятия друг друга и, встретившись, соединяются в чистой радости с примесью триумфа. Наблюдая за Эвелин и Дикки, Китти всегда сравнивала их с победителями забега. В последние дни младшая дочь буквально цвела и лучилась уверенностью. Она добилась успеха. Молодец.

– Превосходно, – улыбнулась Китти своей младшей дочери, которая вышла к ним в белом шелковом платье, обхватывавшем и

подчеркивавшем тонкую талию, с красивой линией плеч, мягко спускавшейся в блестящую ткань рукавов.

– Да, – согласилась Джоан, улыбаясь Эвелин, которая вытянула обе руки вперед и поворачивалась перед зеркалом, чтобы видеть, как складки шлейфа с шуршанием летят над светлым ковром.

Дождь на улице прекратился так же внезапно, как и начался; капли на окнах сверкали и скатывались вниз по стеклу. И, оставшись одна, Джоан вдруг почувствовала, как сердце ее переполняется благодарностью.

Глава шестнадцатая

Воспоминания о девушке, прислонившейся к перилам балкона на Пенсильванском вокзале за мгновение до того, как сестра взяла ее под руку, снова и снова возвращались к Лену на протяжении нескольких недель, обрушиваясь на него внезапно, словно обрывки песни, которую он даже не помнил. Интересно, увидятся ли они снова, размышлял он и приходил к выводу, что нет. Он вспоминал слабое биение пульса у нее на шее, когда она лежала на полу вокзала, приходя в себя. Вспоминал ее руку в своей руке. Если верить фильмам, то любовь настигает тебя как удар молнии. Раньше он думал, что фильмы лгут.

Теперь же каждый день, сидя за рабочим столом, а затем шагая по раскаленному от зноя Манхэттену, Лен понимал, что никакой фильм не способен отразить всю глубину этого чувства. Он был потрясен до самого основания, словно расколот надвое, – и хотел, чтобы эта молния ударила его снова и снова. Встряхнувшись, Лен занялся отчетами, разложенными перед ним на столе.

В отличие от своего партнера Джека Хиггинсона, презрение которого явственно проявилось в тот день в кабинете мистера Милтона, Огден Милтон, вне всякого сомнения, стремился извлекать прибыль из мозгов человека вне зависимости от его происхождения. За те несколько месяцев, что Лен проработал в фирме, Огден Милтон дал ему ясно понять свое расположение, уделяя ему все больше и больше внимания. За ним внимательно наблюдали, это было очевидно, и теперь, в самый разгар лета, когда июнь подходил к концу, Лен почувствовал потенциал для роста и решил, что примет предложение мистера Милтона, брошенное ему в конце их первой встречи. Если удастся убедить Милтона дать ему зеленый свет, он покажет старику тропинку – Лен в этом не сомневался – к широкой и прибыльной магистрали возможностей.

Поэтому в один из дней в конце месяца он вслед за миссис Мичем вошел в комнату, где хранились папки со всеми транзакциями банка «Милтон Хиггинсон» и вежливо кивал, выслушивая ее инструкции – *естественно, выносить ничего нельзя, мистер Леви,* – а затем

улыбнулся, когда она вышла, а он остался посреди канцелярских шкафов, занимавших все четыре стены. «Наверное, здесь найдутся десятки подходящих компаний», – подумал он. Лен точно знал, какого рода компанию он предложит мистеру Милтону: среднего размера, за пределами Манхэттена, с солидной выручкой. Компанию, которая хочет вознаградить своих работников и которой руководят люди, считающие себя прогрессивно мыслящими, способными на добрые дела – практичными, но добрыми. Он открыл ближайший шкаф и достал несколько папок, сунул под мышку, выключил свет и закрыл за собой дверь.

С этого дня по пятницам после обеда он оставался работать за своим столом высоко над Манхэттеном, после того как большинство сотрудников разошлись, чтобы не опоздать на свои поезда до Файер-Айленда, Род-Айленда, Фишерс-Айленда (любой остров, кроме Кони-Айленда, шутил Лен в разговоре с Реджем), и в офисе оставалась лишь секретарша – по коридору разносился стук одинокой пишущей машинки, словно ленивая чечетка танцора на опустевшей сцене. Леви листал списки банков, с которыми работал «Милтон Хиггинсон», трастов, которые консультировала фирма, и компаний, выросших до внушительных размеров из маленького семечка идеи (в папке, относящейся к одному из крупнейших в стране коммунальных предприятий, лежала салфетка из отеля «Эксельсиор» с заметками Огдена). Огден Милтон, казалось, был вездесущ: в Германии в 1927 и в 1929 годах, в консультативном совете Федеральной резервной системы в 1932-м; он направлял фирму в прибыльные воды во время краха фондовой биржи, банковского кризиса и депрессии. Лен читал историю фирмы и видел, где ее руководитель действовал блестяще, а где, по его мнению, останавливался на полпути. История компании была историей ограниченного успеха и умеренности – стабильного роста, а не прорыва. Читая документы и заметки, оставленные Огденом на полях, Лен видел человека, которым Огден был тогда и которым хотел бы стать он сам. Только лучше. Умнее. Богаче.

По вечерам Лен и Редж встречались после работы и отправлялись туда, где можно было найти холодные бары с мраморными стойками, ездили на надземке на пляж в поисках ветра и свежего воздуха. У Реджа был новенький фотоаппарат «поляроид», и он, прицеливаясь, нажимал на спуск – в точности как в рекламе. Поэтому они часто

бродили по раскаленному городу молча, потому что глаз Реджа был прижат к объективу. После возвращения в Редже ощущалось какое-то скрытое, новое для Лена беспокойство, как ночью перед самым рассветом, перед первыми трелями птиц, прежде чем с улицы донесется рокот первого автомобиля. Иногда Лен видел то же самое, что и Редж: женщину на ступенях крыльца и ребенка между ее ног, изможденных, наблюдающих за улицей, или мужчину, стоявшего неестественно прямо в очереди на автобусной остановке. Но зачастую Лена казалось, что в снимках Реджа ничего нет – просто ребенок, оглянувшийся на него на улице, или мужчина, сверливший его взглядом.

Потом они возвращались домой, и Редж аккуратно прикреплял кнопками снимки, продолжая ряд на стене гостиной.

– Ты им не нравишься, – сказал Лен, указывая на фотографию трех подростков, возвращающихся с бейсбольной тренировки: перчатки охотничьи трофеями свисают с бит, выражение глаз не оставляет сомнений.

– Точно, – согласился Редж, уперев руки в бедра. – Им не нравится то, что они видят.

– Ты нарываешься, – предупредил Лен.

Редж не ответил.

– И что ты собираешься делать со всеми этими фотографиями? – спросил Лен.

– Использовать.

– Для чего?

– Пока не знаю. – Редж покачал головой. – Просто собираю.

– А потом?

Редж ухмыльнулся:

– Будет представление.

– Будь осторожен, Редж. – Лен встал рядом с ним. – Эти парни не стоят того. – Он махнул рукой, указывая на стену с фотографиями. – Ни один из них.

– А вот и нет. – Редж поправил фотографию. – В том-то и смысл.

Вечером в пятницу в самом конце июля жара выгнала их из дома на поиски пива и свежего воздуха, и они оказались в парке Вашингтонсквер, куда стекались люди, заполняя сеть улиц с открытыми дверями

модных кафе и переполненных джаз-баров в шестиэтажных кирпичных зданиях, нависавших над улицами Бликер, Макдугал, Хадсон, Грин и Гэнсуорт в Гринвич-Виллидж. В такие теплые ночи тихий каменный фонтан в центре площади, редко включавшийся, словно расцветал, притягивая к себе мужчин и женщин, которые разговаривали, курили и спорили, бесконечно спорили. Это можно почувствовать, думал Редж, когда они проходили мимо, почувствовать движение, драйв – и найти слова, выражавшие то, что происходит. Но что *именно* происходит? Появляется новый мир. Теперь пришло время сказать это. Пора. В эти летние дни вся остальная страна набивалась в телефонные будки или старые автомобили, валялась на белых пляжах, потягивала сладкую газировку, сидя на хромированных табуретах. Но здесь, на улицах Гринвич-Виллидж и в прокуренных комнатах Нью-Йорка, они танцевали и разговаривали – о сексе или о русских, о Майлзе Дэвисе или о Фрейде, о боях Кассиуса Клея, о романе «Пейтон-Плейс» и о самых дешевых заведениях, где можно было найти холодное пиво и горячие мидии.

Они шагали по Бродвею, затем по Хьюстон-стрит в потоке других людей, вышедших на улицу в этот душный вечер, а свет и музыка из кафе и баров выплескивались на тротуары, в густой горячий воздух, который обволакивал каждое движущееся тело; затем миновали светящиеся гирлянды Маленькой Италии, Чайна-тауна и оказались в Бауэри, где на перекрестке перед кафе «Файв Спот» шум транспорта перекрывали громкие звуки трубы. Редж открыл дверь. Внутри было жарко илюдно, и сквозь неподвижно висевший над головами дым тянуло потом и виски. Они постояли минуту на пороге полутемного зала без столиков, затем повернулись и пошли дальше – здесь было слишком жарко.

Именно тогда Лен вспомнил о приглашении Мосса Милтона.

Когда они туда добрались, вечеринка уже выплеснулась на крыльцо дома 29 по Двенадцатой Западной. Под печальные и настойчивые звуки саксофона Орнетта Коулмана они поднялись по ступенькам и вошли в открытую дверь. В коридоре перед квартирой на первом этаже собралась настоящая толпа. Справа стояла блондинка с прямой челкой, уткнувшись лбом в грудь высокого чернокожего мужчины, а тот гладил ее обнаженные плечи и что-то шептал. Она

улыбалась, закрыв глаза; эти двое были совершенно одни посреди толпы.

В большой гостиной было жарко от разгоряченных тел – несмотря на распахнутую настежь дверь в сад.

Здесь были девушки из Нижнего Ист-Сайда и с Парк-авеню, мужчины, явившиеся на вечеринку прямо из офиса, ударник из «Блу Ноут», которого узнал Редж, бурно жестикулирующие любительницы развлечений и спокойные, серьезные радикалы в очках, без которых не обходится ни одна светская гостиная. Гул голосов, дым, обнаженная кожа, раскрасневшиеся лица и вездесущий саксофон Коулмана.

Редж заметил молодого мужчину, которого помнил по колледжу, хотя не знал его имени. Если ему не изменяла память, парень входил в состав певческой группы; дождливым вечером, после ужина, в октябре или в мае в центре громадных залов Гарварда со сводчатыми каменными потолками эти ребята становились полукругом, чтобы слышать звук своих голосов, и начинали петь, посылая в пространство ноту за нотой – просто пели ради самого пения. Редж обычно пересекал мраморный зал не останавливаясь, раздраженный их навязчивостью, выталкиваемый из помещения их голосами.

А в один из вечеров они устроились в конце узкого коридора рядом с главным читальным залом библиотеки и загородили проход. Их было двенадцать, и они стали в круг, словно обнявшись, спиной к Реджу. Этот парень стоял в центре, задавая тон и ожидая реакции певца. Он встряхивал головой и издавал ноту за нотой, а солист снова и снова пытался повторить их. *Так*, словно кивало его тело, когда солист не фальшивил. *Вот оно.*

А потом он отступил назад, остальные образовали полукруг и замерли в ожидании. Он еще раз кивнул, и на волне мужских голосов к куполу взлетела «Миссисипи». Редж остановился в тени портика, слушая, как поют одиннадцать белых мужчин, рассказывая о Юге, о воображаемом Юге с его черными и хлопком, и их голоса исполнены печали, но не ужаса. Прошое, трагедия на театральной сцене, далекая, как сама мысль об ужасе, – то, что они могут представить, но не носят внутри. И этот парень, их руководитель, возводил гармонию, словно каменщик стену, нота за нотой, пока они не добрались до финальной, одинокой и чистой, и все части песни наконец объединились в этом последнем слове.

Тогда Редж повернулся и зашагал через библиотеку, мимо людей за длинными столами читального зала, мимо библиотекарей, и вышел в заднюю дверь. В тот момент он ненавидел их всех, этих парней, которые думали, будто что-то понимают, потому что поют эту песню, потому что знают ноты.

Хотя та нота, последняя, в которой слились все двенадцать голосов, была прекрасна.

Это он, их руководитель, понял Редж, когда они с Леном начали проталкиваться через толпу вспотевших мужчин и покрасневшихся женщин; он ходит по прокуренной комнате с бутылкой и пластиковыми чашками. Повернувшись, он заметил их.

– Боже правый! – удивленно воскликнул Мосс. – Тот фотограф.

Редж вздрогнул.

– И Леви? – Мосс перевел взгляд на Лена. – Лен Леви?

Он поставил бутылку на стол и пожал Лену руку.

– Замечательно! – воскликнул он, снова повернулся к Реджу и протянул руку; он был явно заинтригован.

– Мосс Милтон, – представился он. – Твое лицо мне кажется знакомым.

– Редж Полинг. – Редж пожал протянутую руку.

– А ты, случайно, не учился в Гарварде?

– Учился, – ответил Редж.

– Выпуск пятьдесят третьего года? – Лицо Мосса расплылось в улыбке.

Редж кивнул и улыбнулся ему в ответ.

– Я тоже, – сказал Мосс. – Провалиться мне на этом месте.

Все трое умолкли.

– Ну ладно, что вам принести выпить?

– Мне пива, – сказал Лен.

– Два, – поддержал его Редж. – Как минимум. Каждому.

– Легко, – отозвался Мосс и пошел на кухню.

«Провалиться мне на этом месте», – снова подумал он, открывая холодильник. Вот почему в тот день в «Белой лошади» ему показалось, что он знает этого парня. Редж Полинг был одним из немногих чернокожих на их курсе в Гарварде и отличался молчаливостью. Все его называли нелюдимым. Но теперь Мосс видел, что нелюдимым он был, наверное, потому, что никто с ним не говорил, – потому, что и

рука, которую он только что пожал, и его глаза говорили о силе, любопытстве и открытости. В зеркале над мойкой он видел, как Лен качает головой в ответ на какую-то реплику Реджа, и было очевидно, что они легко понимают друг друга без слов. Мосс отвел взгляд.

Когда он вернулся с пивом, с новыми гостями беседовал Прес Банкрофт, под курткой которого выпирал наметившийся животик. Он работал в банке «Милтон Хиггинсон» и воображал себя писателем, потому что сразу после окончания Йеля опубликовал роман. Его второй роман был на редактуре в издательстве «Хотон Миффлин», в котором работал и Редж Полинг. Мосс никогда не приглашал Преса на свои вечеринки, но тот неизменно являлся.

– Погано выглядишь, Леви, – говорил Банкрофт. – Слишком много работы?

– Точно, – бесстрастно ответил Лен и взял у Мосса пиво.

– Везет, – сказал Банкрофт и отпил глоток из своего стакана.

– Готов поспорить, ты считаешь себя образцово воспитанным, Банкрофт, – заметил Леви.

– Да, я образец хороших манер. – Банкрофт улыбнулся.

– Чья это резолюция? – вмешался Редж.

– Ишь ты, «резолюция». – Прес посмотрел на него. – Молодец, Полинг, хорошо владеешь словом.

– У меня много талантов, – спокойно ответил Редж, прихлебывая пиво.

– Ну и парня ты привел, – фамильярно сказал Прес, поворачиваясь к Лену. Тот ничего не ответил.

Банкрофт сделал дружелюбное лицо, словно говоря: *Ладно, без обид*, – и отошел.

Втроем они смотрели, как он прокладывает себе путь сквозь толпу.

– Этот парень – пустозвон, – произнес Лен.

– Он *притворяется* пустозвоном, – сказал Редж.

– И что это меняет? – возразил Лен и выпил. – Твое здоровье.

– Это делает его опасным, – объяснил Редж.

– Он не опасен, – покачал головой Мосс. – Он болван.

– Неужели? – Редж постучал по своей бутылке. – А что ты скажешь на это: на днях он представил меня как «чертовски хорошего литературного редактора, который оказался негром»?

Что в этом опасного? Мосс посмотрел на Реджа. Разве это не так?
– Его невозможно раскусить, – продолжил Редж.
– Черт с ним, – сказал Лен, отворачиваясь от них и разглядывая толпу. – Кто тут еще есть?
– А ты умеешь раскусывать? – спросил Мосс Реджа.
– Приходится. – Редж слабо улыбнулся, словно хотел сдержать улыбку, но не смог. Мосс почувствовал, что ему нравится этот парень.
– Черный должен знать, с кем он разговаривает, – продолжал Редж.

Слово «черный» привлекло внимание Мосса, словно показавшийся на мгновение раздвоенный змеиный язык. Он не мог отрицать, что поначалу отреагировал на правильную речь Реджа точно так же, как Прес Банкрофт.

– Больше, чем кто-либо другой? – напрямую спросил он.

Редж посмотрел ему в глаза:

– Да.

Мосс скрестил руки на груди, но не отвел взгляда:

– Почему?

Лен достал сигарету и посмотрел на Реджа.

Что-то неуловимое промелькнуло между ними.

Редж наклонился вперед и похлопал Мосса по руке:

– Теперь я понимаю.

Мосс замер:

– Что именно?

– Ты задаешь вопросы, которые приглашают к разговору.

– Мне интересно, – парировал Мосс, испытывая облегчение. –

Просто интересно.

– Такие, как ты, редко задают вопросы.

– Такие, как я? – нахмурился Мосс.

– Огден Мосс Милтон-младший, – торжественно произнес Лен.

– Это всего лишь имя, – запротестовал Мосс.

– Точно, – сухо заметил Лен. – Как и *Лен Леви*.

– Ладно. – Мосс кивнул и достал сигареты. – Согласен.

– Для негра единственный способ выжить в этой стране – выделять как можно больше яду, – сказал Редж. – Все время.

– А вот *это* выглядит опасным. – Мосс предложил собеседникам сигареты.

Редж покачал головой:

– Опасно судить белого человека по его манерам.

– Думаю, это справедливо для Юга, – предположил Мосс.

Выражение лица Реджа не изменилось, но он замер, и Моссу показалось, будто он наткнулся в голове Реджа на заполненную людьми комнату, где шел жаркий спор, и его слова заставили всех умолкнуть и обратить взгляды на него.

– Юг везде, а мечта о Севере – всего лишь мечта.

Мосс задумался.

– Ты действительно в это веришь? – наконец спросил он.

Редж медленно поднял бутылку и сделал большой глоток.

– Это правда, – ответил он.

Лен усмехнулся, скрестил руки на груди и ногой отодвинул от себя пустую бутылку на деревянном полу.

– Думаешь, правда сделала его свободным?

Мосс закатил глаза.

– Конечно нет, – ответил Лен самому себе, – потому что это куча дерьма. Правда никого не делает свободным. В этой стране свободу дают деньги. И закон.

– Тогда по всем меркам я должен быть самым свободным... – сказал Мосс.

– А ты не свободен, – закончил за него Лен.

Мосс покачал головой.

– Ты заблудшая душа, Мосс Милтон, – поддел его Лен. – Но мы все равно с тобой выпьем.

На лице Мосса промелькнула тень.

– Значит, за меня. – Он поднял стакан и залпом выпил.

– Послушай, – сказал Лен, – я пытаюсь убедить твоего отца насчет той идеи, которую предлагал тогда в его кабинете.

– И что его останавливает? Ты ему явно нравишься.

– Откуда ты знаешь?

– Он спросил, ходишь ли ты под парусом.

Лен кивнул.

Мосс скрестил руки на груди.

– Хочешь научиться?

Лен внимательно посмотрел на него:

– Если это необходимо, чтобы...

Редж фыркнул.

– Брось, Редж, – отмахнулся от него Лен. – Я хорош на воде. И ненавижу гольф.

– Папин вопрос – это хороший знак, – признал Мосс.

– Почему?

– Он мыслит в терминах яхт. Людей и яхт, – поправился Мосс. – И у него есть принципы, которыми он руководствуется: обозначить цель, проложить маршрут и придерживаться его. Существуют прочерченные линии. И долг. Например, я последние шесть лет не должен был тратить время впустую, царапая ноты на бумаге.

– Почему?

– Из этого ничего не вышло. Три мои вещи играют здесь, в Виллидж, и есть еще парень из Чикаго, который хочет мою песню, но...

– А как насчет музыки? – спросил Редж.

– Да. – Мосс с улыбкой посмотрел на него. – Из этого вышла музыка. И начало моего собственного имени. Но для моего отца это ничего не значит. И времени у меня осталось мало.

– Значит, никакого шекспировского «будь верен сам себе»?

– Полоний, – сухо заметил Мосс, – был датчанином.

Редж засмеялся:

– Там, откуда я родом, верность самому себе не в чести. Сначала семья, затем страна, а затем, в самом конце, ты сам. Меня воспитывали для того, чтобы я *что-то* сделал, *кем-то* стал. Не ради меня самого, ты понимаешь, а ради остального мира. В противном случае я неудачник, увядший на ветке виноград, чокнутый. – Он умолк, завершив список.

– Твой отец был честен со мной, – сказал Лен.

Мосс кивнул.

– Он честный человек. Верит, что побеждают лучшие. Искренне верит.

– И в чем загвоздка? – спросил Редж.

– С моим отцом? Ни в чем. – Мосс удивленно посмотрел на Реджа. – Так его воспитали... такие у него убеждения. Честь. Мужество. Достоинство. Правда.

– Звучит, как удары колокола, – задумчиво произнес Редж.

Мосс вздрогнул. Колокол. Да. *Колокол*.

Вот оно, подумал Мосс, но тут у него из-за спины вынырнули две руки и закрыли ему глаза, кто-то шутливо толкнул его. Он убрал чужие ладони с глаз и повернулся.

– Эй, привет, Джин. – Он улыбнулся новым гостям: стройной девушке с мальчишеской стрижкой и ее спутнику.

– Я принесла джин, – сказала девушка, демонстрируя бутылку. – Тоник у тебя есть?

– Конечно! Редж, Лен, познакомьтесь с Джин. Я мигом. – И Мосс мгновенно исчез в толпе.

– Не вернется, – задумчиво произнесла Джин.

Она оказалась права. Ее немногословный спутник, оказавшийся болгарин, отправился на поиски тоника, а Лена оттащила в сторону двое знакомых, которых он давно не видел, так что Реджу пришлось беседовать с Джин о Гинзберге, поколении битников, всех этих воплях, – Джин закатывала глаза, – об их хвастовстве, об их сошедшей с рельсов поэзии.

– Тебе нравятся рельсы, – заметил Редж.

– Рельсы необходимы, – лукаво возразила она. – Иначе никуда не доедешь.

Он удивленно выгнул бровь:

– Что бы это ни значило.

– Рельсы нужны, чтобы проложить собственный путь. Например, нельзя просто взорвать здание, – сказала она, становясь серьезной. – Нужно сначала его показать – стены, потолки, полы, – а затем показать, как ты из него выходишь, как...

– Чем ты в жизни занимаешься? – перебил он девушку; на его губах играла легкая улыбка.

– Я секретарь, – ответила она. – Днем.

– А ночью?

– Ночью я трахаю болгарина и пишу стихи.

– О зданиях?

– О пейзажах, – ответила она и отошла.

Вечеринка распаивалась и замыкалась в себе, словно огромный рот что-то выкрикивал в жаркую ночь. Двух друзей разлучали, вовлекали в разговоры, наливали выпить, уводили в разные комнаты. Ближе к концу вечера Редж вышел в сад в поисках Лена, нашел его в дальнем конце в окружении каких-то незнакомых мужчин и вернулся в

дом. Он прислонился к стене, закурил и стал смотреть, как Мосс Милтон ставит пластинку в проигрыватель и снова начинает бродить по дому с бутылкой, а комнату заполняет «Мемфис Джаг Бэнд» – банджо, щелчки, хлопки в ладоши, голоса. *Tear it down, slats and all, tear it down, hear the baby squall*^[25]. Таких, как он, в Гарварде было полно – из хороших семей, свободных, воображающих, будто могут смотреть на мир с улыбкой. Но, несмотря на кривую, очаровательную улыбку, честные голубые глаза на длинном, угловатом лице, выражение которого менялось легко и быстро, Редж видел, что Мосс не обманывает. В нем была легкость, игра. Но он вовсе не играл. Все в этой комнате были для него своими. Мало кто из знакомых Реджа мог, как Мосс, ни капельки не меняться в лице, обращаясь к чернокожему, – как теперь, когда он повернулся к нему, подняв бутылку.

Выпьешь? Мосс отсалютовал ему бутылкой.

Редж покачал головой.

Tear it down, взлетала песня, *o-o-o*.

– Слышишь? – крикнул ему Мосс через всю комнату.

Come on out of my folding bed, 'cause the devil want to tear it down^[26].

Редж кивнул:

– Да.

Мосс кивнул ему в ответ и продолжил свой путь.

– Сломать все, – взволнованно сказал он. – Все. До основания.

– Что – все? – Редж смотрел на него, скептически улыбаясь. –

Кровать, дом?

Мосс дернул головой в сторону музыки.

– Этот человек готов разрушить все и начать заново.

Редж посмотрел на него и покачал головой.

– Ты слышал всю песню целиком? «Большой черный ниггер лежит в моей кровати». Она о том, что белый мужчина приходит домой и застаёт жену в постели с черным.

– Ее смысл гораздо глубже, – возразил Мосс. – Гораздо глубже.

«Куда уж глубже», – подумал Редж, но промолчал.

А потом, когда большинство гостей уже разошлись, Редж с Леном повернулись у подножия лестницы, чтобы попрощаться с Моссом – тот сидел на подоконнике, подтянув колени к груди и прислонившись к стеклу. Редж поднял руку.

– Пока! – сказал он.

– Сломай все. – Мосс улыбнулся ему и помахал рукой.

– Что, черт возьми, он должен сломать? – спросил Лен, когда они удалялись от дома.

Душный ночной воздух прорезал вой сирены скорой помощи. Они шли сквозь этот звук навстречу тишине.

Мимо прошли две девушки, цокая высокими каблуками по тротуару и не обращая внимания на мужчин. Фонарь над их головами высветил блестящие белокурые волосы и белую юбку одной из них. Редж не ответил, и Лен внимательно посмотрел на друга, но в темноте не смог разобрать выражение его лица.

– Думаю, ему не нужно то, что у него есть, – наконец произнес Редж.

Лен кивнул и выбросил сигарету.

– Это такие люди, Редж.

– Какие?

– У них есть все, что нужно. И они должны грести деньги лопатой.

Редж удивленно посмотрел на него.

– Но они не решаются, Редж. Я постоянно с этим сталкиваюсь.

Редж похлопал себя по карману рубашки, достал пачку «Кента» и вытряхнул две сигареты, одну себе и одну Лему.

– Они могут сорвать огромный куш.

Редж прикурил и поднес зажигалку к сигарете Лена.

– Почему же они этого не делают?

– Не знаю. – Лен выдохнул дым со звуком, похожим на удивленный смешок. – Потому что так нельзя. Не принято.

– Почему? – снова спросил Редж.

– Они как будто стоят перед дверью... и говорят друг другу...

После вас. Нет, только после вас. Все эти церемонии. – Лен покачал головой. – Это их тормозит.

– Может, им нравится не спешить...

– Нет. Я в это не верю. Я не верю, что они даже понимают, до какой степени они тормозят. – Лен был явно озадачен. – *Покупай только у определенных людей. Обедай только с ним. Но не с ним. И не с ней. Можно я заработаю немного денег? Да, пожалуйста.* И в каждом совете директоров один или два пьяницы.

– Выглядит очень мило.

– Ага, мило. Так они просто останутся на обочине.

Редж усмехнулся.

Но мысль, не дававшая Лену покоя с того дня в кабинете Огдена Милтона, когда он столкнулся с едва скрываемым презрением мистера Хиггинсона, теперь окончательно оформилась.

– Но не я, – поклялся он.

– Нет. – По голосу Реджа можно было понять, что он улыбается. – Я знаю.

– И, по правде говоря, и не этот старик. Таких, как Огден Милтон, один на миллион. – Лен выдохнул. – Я бы хотел ему показать.

– Что показать?

– Как взять этот чертов поезд и сдернуть его с наезженной колеи, – сказал Лен.

Редж посмотрел на него:

– Вы послушайте этого парня из Чикаго.

– Да, это я.

Они остановились на углу Бликер-стрит и Седьмой авеню и ждали, пока загорится зеленый сигнал светофора.

– И все же я бы не стал недооценивать Мосса Милтона, – сказал Редж. – Он чертовски серьезен.

Именно это в нем и привлекало. Мосс явно верил, что любой человек может войти в любую дверь; он свято в это верил, и, когда Редж находился рядом с ним, ему тоже хотелось верить. Как будто дверь, которую Мосс держал открытой, была настоящей дверью, а он – настоящим привратником. Мысль о том, чтобы войти в нее рука об руку с Моссом, выглядела соблазнительно.

Но это была бы дорога в сон, подумал Редж, сходя с тротуара.

Глава семнадцатая

Проснувшись на следующее утро, Эви увидела, что Пол стоит перед открытым шкафом, спиной к ней. Он выбирал рубашку. Раньше она бы отбросила одеяло, прошлепала босыми ногами по полу и прижалась к его знакомому длинному телу. Он надел трусы. Эви лежала, пытаясь понять, настроена ли она на ссору.

– Привет, – тихо сказала она.

– Привет, – ответил он.

Со вчерашнего ужина между ними выросла стеклянная стена, тонкая, как дыхание.

– Кофе будешь? – спросил он, глядя в зеркало.

– Да. Спасибо.

Пол закрыл дверцу шкафа, но не поворачивался.

– Прости, – сказал он.

Эви посмотрела на него:

– Я не видела тебя целый месяц, а ты что устроил?

– Я поторопился. Вообще-то я не собирался тебе это показывать вчера вечером.

Он подошел, сел на кровать и взял ее за руку.

– Прости, – голос его звучал мягче.

«Моя жизнь как будто мне больше не принадлежит, – хотела сказать она, пристально глядя на Пола. – Моя жизнь слетела с катушек».

– Помнишь то чувство... то чувство, когда мы были подростками. Можно было включить в машине музыку и просто уехать: песня гремит, ветер шумит, а ты мчишь куда угодно... куда угодно.

– Да. – Он улыбнулся.

– *Это* было счастье, – сказала она. – *Открытые* окна, Пол.

Он молчал.

– Куда делось то чувство? Вот чего мне не хватает.

– Это было детство, – тихо сказал он.

Она с грустью кивнула.

– У меня из головы не выходит одна фраза из свода правил для затворниц: «Мои возлюбленные сестры, любите окна как можно

меньше».

Пол ждал.

И она рассказала. О розовой комнате, о темноте и о стоявшей там матери в своих белых кедах. О спящем доме и двери у подножия лестницы... о своей матери, Джоан, которая настойчиво уводила ее из дома на кладбище. Она рассказала о старухе, переходившей улицу, и о Сете, который оглянулся на ступеньках библиотеки и смотрел, как она уходит. Рассказала о жизни и всех ее фрагментах. Жизни, которая продолжалась, пока его не было. Пол слушал, глядя ей в глаза, и именно этого молчания она ждала, именно по нему она скучала.

Эви взяла его руку и прижала к своей щеке. Через какое-то время она попыталась встать.

– Подожди. – Пол обнял ее и притянул к себе.

Когда она снова проснулась, кровать была пуста, а Пол возился в кухне в конце коридора.

– Ты не слышала, Сет встает? – спросил он, когда она вышла в коридор.

– Сегодня суббота.

– А, точно.

Прислонившись к дверному косяку, Эви смотрела на движения его быстрых и ловких рук. Он достал перец, лук, яйца и потянулся за ножом.

– Итак, – осторожно начала она, – *когда* ты хотел мне показать?

Он повернулся:

– Фотографию? Не знаю. Сегодня.

Она покачала головой:

– Этому должно быть какое-то объяснение. Причина.

– Вспомни, твой дед стоит вместе с Хиссом.

– А его лучший друг освобождает концентрационные лагеря, возвращается домой и спивается.

– Чувство вины.

– Или больная душа.

Пол взял луковицу и принялся ее чистить.

– Что он там делает, в 1935 году, на пикнике, вместе с главой «Немецкой стали», главой «Дойче банка» и одним из героев люфтваффе времен Первой мировой войны?

- Не знаю.
- Как он заработал свои деньги?
- Инвестиции. – Эви взяла с полки кружку и налила себе кофе. –

Ты это знаешь.

Пол отодвинул в сторону луковичную шелуху и посмотрел на нее.

– А ты не хочешь знать?

«Нет, – подумала Эви, – не хочу».

– Да, конечно, – сказала она.

Пол снова повернулся к разделочной доске.

– Когда они купили остров?

– Что?

– В тысяча девятьсот тридцать шестом, да?

– И что?

– В разгар депрессии. Подумай об этом, Эви.

Он был осторожен. Берег ее.

– За последние два дня ты уже второй, кто напоминает мне об этом.

Пол оглянулся на нее:

– Кто еще?

– Хейзел. Вы оба подталкиваете меня к тому, чтобы я увидела что-то *плохое*. А я думаю, что не все так просто, Пол.

– Почему? – Он снова отвернулся и принялся резать лук. – Что тут сложного?

«Пожалуйста, давай остановимся, – подумала она. – Не будем начинать этот разговор».

– Пол, – тихо спросила она. – Что там произошло?

Он ответил не сразу. В воздухе между ними повис равномерный стук ножа о разделочную доску.

Потом он медленно выдохнул:

– Я все понял, Эви. Наконец.

– Что понял?

– Есть преступление, а есть молчание.

Он казался недостижимо далеким, хотя их разделяло только пространство кухни. И Эви видела, что он не шутит.

– И в чем состоит преступление?

– Сделки. Рукопожатия. Кивки. Остров, купленный за нацистское золото.

– Ты этого не знаешь наверняка.

Пол повернул ручку газовой плиты и удерживал ее, слушая треск искры, пока не зажегся огонь.

– Нет, не знаю.

– Но я тут ни при чем. Это не я, – сказала Эви.

Пол взял оливковое масло.

– Как ты сказала вчера вечером? Пустим по миру своих детей?

– Ты знаешь, что я имела в виду.

– Тогда откажись, – сказал он, поворачиваясь к ней.

Она замерла.

– В твоей семье никто бы не сказал: *откажись*.

– Я говорю не о твоём прошлом, – спокойно возразил он. – Или истории. Речь идет о летнем доме.

– А я говорю. *Я* говорю об истории. Нашей истории. Моей. Она живет в этом месте.

– Это не твоя история, Эви. Это легенда. А опасность семейной легенды в том, что тебя приучили в нее верить.

– Не история?

– Историю можно верифицировать. Что случилось, когда и с кем. Герой был незаконнорожденным. У матери была чахотка. Остались документы.

– Перестань, – фыркнула она. – История – это рассказ, который нужен нам, чтобы объяснить, как мы оказались *здесь*.

– Послушай, Эви, твое представление об этом месте – что без него ничего не будет, что без него не будет тебя, – опасно. Хуже того. – Он помолчал. – Оно ошибочно.

– Но я так не думаю, – раздраженно запротестовала Эви. – Совсем.

Пол удивленно поднял брови:

– Мы уже это обсуждали, Эви. Нам он не по карману.

– А может, по карману. Не знаю, возможно...

– Эви, перестань, – взмолился он. – *Остановись*.

Она опустила взгляд.

– Ладно. – Она кивнула. – Но я не могу отказаться от всего из-за какой-то твоей теории...

Пол молчал.

– Я знаю, – взорвалась она. – *Знаю*, понимаешь? Я знаю, как ты все это ненавидишь – всех нас, кто носит фамилию Милтон. Как будто это так ужасно.

– Эви. – Голос его был еле слышен. – Очнись.

– Оставь этот снисходительный тон. Я все прекрасно понимаю. – Она отвернулась. – И я их не защищаю. *Нет*.

Ее кабинет был залит утренним солнцем, а позади красной герани ярким пятном выделялся зеленый подоконник. Эви протянула руку, сорвала алый цветок, опустила в рабочее кресло и закрыла глаза.

«Эви, – прозвучал в голове голос матери, – нам нужно идти».

Глава восемнадцатая

Весь месяц Лен то и дело оказывался на Пенсильванском вокзале, где бродил в поисках той девушки, распахивая инкрустированные латунию двери с нетерпением, граничащим с радостью. Это было нелепо, и он это знал. Но даже день за днем пересекая огромный многолюдный зал и обзывая себя глупцом, он смотрел на часы, отмечая точное время своих скитаний, словно пытался найти в глупости логику.

А потом, в один из вечеров в начале июня Лен, совершавший свой обычный обход вокзала, увидел ее. Она стояла на том же месте, что и в прошлый раз. Лен остановился. Она ли это? Он двинулся вперед. Затем обернулся. Она или нет? Он знал ответ. Это была она. Лен остановился позади справочного бюро в центре зала, чтобы она не могла его видеть. И смотрел, как она ждет, прислонившись к перилам балкона и скрестив обнаженные руки. Вряд ли кого-то особенно важного, решил он, потому что в ее взгляде, устремленном на толпу, была какая-то рассеянность, словно она просто ждала, а не надеялась на нечто необыкновенное. Смотреть на нее Лену хотелось даже больше, чем говорить с ней. Он не сомневался, что никогда не поймет ее, и одного этого было достаточно, чтобы продолжать смотреть. Только теперь Лен осознал, что хотел именно этого – тайны.

На ней было темно-синее льняное платье по фигуре, которое, закрывая ее, в то же время подчеркивало плечи и длинные, тонкие руки – теперь пришедшие в движение, когда она открыла сумочку, достала оттуда носовой платок и быстро, едва заметно чихнула.

Он вышел из-за своего укрытия и зашагал к лестнице, глядя прямо перед собой, как будто спешил и думал о чем-то своем, сосредоточившись на том, чтобы дойти до лестницы, а затем подняться, прыгая через ступеньку. Она стояла слева от него, и он заставил себя не поворачиваться к ней, а просто шагать и шагать. Остановится он, только если она окликнет его. Лен почти поравнялся с балконом, и сердце выскакивало у него из груди. Двери на улицу наверху лестницы приближались.

– Леви!

Даже повернувшись на звук удивленного голоса к тому месту, где стояла она и откуда донесся этот голос, даже понимая, что это не ее голос, он продолжал надеяться.

Мосс Милтон шагнул вперед и, широко улыбаясь, втащил Лена на последние две ступеньки.

– Лен Леви, – повторил он. – Рад тебя видеть!

Лен видел, что девушка за его спиной увидела его – и узнала.

Мосс повернулся к ней.

– Джоан, – сказал он. – Познакомься с Леном Леви... – Он все еще держал локоть Лена. – А это моя сестра Джоан.

– Привет, – улыбнулась она.

«Господи», – подумал Лен.

– Мы уже встречались. – Он позволил себе посмотреть на нее, а затем пожал ее руку, на том же самом месте, что и в первый раз. – Прямо здесь.

– Правда? Невероятно. – Мосс продолжал улыбаться.

– Хотя это вряд ли можно назвать знакомством, – сказала Джоан Мосу, высвобождая руку. – Я валялась на полу. Мистер Леви помог мне встать.

Она тряхнула головой и улыбнулась, сверкнув белыми зубами.

– Хотя в моей голове все слегка перепуталось.

Ее помада была подобрана идеально. Темные волосы с пробором посередине заколоты на одну сторону, подчеркивая красивую шею, поднимавшуюся из мягкого воротника платья. Лен смотрел на это место со смесью страха и желания.

– Понятно, – неуверенно произнес Мосс.

– Со мной была Эвелин, – объяснила ему Джоан.

– Ага. – Мосс посмотрел на Лена, беспомощно качая головой. – Это все объясняет.

– Вы ждете поезда? – спросила она.

– Нет. – Лен с усилием сглотнул.

– Тогда пойдем. – Мосс взял сестру под руку и повернул к дверям. – Пойдем в «Алгонкин», там можно выпить чего-нибудь холодного и посидеть в мягких креслах.

Лен был не в силах сдвинуться с места. Девушка с вокзала, девушка, которую он осмелился представить своей, оказалась сестрой Мосса Милтона. Дочерью Огдена Милтона. Джоан и Мосс оглянулись.

– Может, в другой раз. – Лен кивнул брату и сестре.

– А куда вы теперь? – спросила она.

– Домой.

– Почему бы не выпить по пути? – настаивал Мосс.

Лен не нашелся что сказать. Он вышел вслед за Милтонами через массивные двери. Но на яркой и раскаленной улице он поднял руку, махнул на прощание, повернулся и быстро пошел прочь.

Джоан смотрела, как он исчезает в послеполуденной толпе, направляясь на восток, к Тридцать третьей улице. Она забыла его голос. Забыла, как ей хотелось его слушать. Забыла эти большие, сильные ладони.

– Кто он?

– Надежда фирмы, как говорит отец.

– В смысле?

– Милтон. Хиггинсон. – Мосс пропел каждую фамилию, словно ноту.

Она стиснула его руку:

– Он работает у папы?

– Он работает у папы, – кивнул Мосс. – А ты, – он обнял ее за талию и повел в сторону «Алгонкина», к прохладному бокалу хорошего джина со льдом, – дочь босса.

– Теперь я знаю свое место.

– Эта история стара как мир.

– Я думала, он твой друг.

– Не совсем, – ответил Мосс. – Хотя он мне нравится. Чертовски амбициозен, вот что я тебе скажу.

– Понятно, – сухо отозвалась она. – Значит, вот о чем этот разговор.

– Что?

– Слова, слова, слова. Можно смотреть, но не трогать. Ты можешь открыть дверь, но упаси бог, чтобы в нее вошел кто-то неподходящий.

– Джоан, – с укоризной сказал он. – Это нечестно. Ты моя сестра.

– Неважно. – Она потрянула головой. – Можешь не волноваться. Мне кажется, что в этой истории он охотится на льва, а не на девушку.

– Не знаю, – с сомнением в голосе произнес Мосс. – У таких, как он, нет отбоя от девушек.

Джоан задумалась.

– Знаешь, я его поцеловала...

Мосс резко остановился. Она кивнула, а потом, увидев его изумление, рассмеялась своим грудным смехом.

– А что тут такого?

– Не думаю, что он тебе подходит.

– Что это должно означать? Потому что он еврей?

– Да, – сказал Мосс. – Это замечательно. Вы оба замечательные.

Пойдем выпьем.

Лен прошел несколько кварталов, не видя, куда идет, – мысли у него путались. От тротуара под ногами поднимался горячий воздух. Она Милтон. Он еврей из Чикаго. Его отец бакалейщик. Ее отец – его босс. Перед ним двое мужчин в костюмах от «Брукс бразерс» свернули с тротуара и поднялись по ступеням Гарвардского клуба, алый флаг которого свисал с крыльца; чуть дальше располагался Йельский клуб. Эти здания. От них не сбежать. Нью-Йорк полон ими.

Он медленно повернулся и пошел прочь от флагов, в «Алгонкин».

Милтоны сидели в кабинке в глубине зала, и, когда Джоан подняла голову и заметила Лена, сердце у него замерло.

– О, – выдохнула она, и Мосс проследил за ее взглядом.

– Ага. – Он улыбнулся, встал и помахал Лену.

– Мне нужно убить время, – объяснил Лен, подходя к их столику и расстегивая пиджак. – Да, – кивнул он официанту, который мгновенно появился перед ними. – Мне то же самое, что и им.

– Джин с лаймом, – сказал Мосс. – Ему джин с лаймом.

Лен сел в кабинку рядом с Джоан.

– Мосс говорит, что вы работаете у папы, – сказала она, слегка отпрянув от него.

– Да, – кивнул Лен.

– И как он?

– Осторожно, Джоан. – Мосс посмотрел на Лена. – Мы же не хотим нарушить...

– Один на миллион, – просто ответил Лен. – Таких людей один на миллион. Я пойду за ним куда угодно.

Джоан повернулась к Моссу.

– Видишь? – с вызовом спросила она.

– Это не имеет значения, – покачал головой Мосс.

В ямке на шее у нее была родинка. Лен заставлял себя следить за разговором брата с сестрой, чья связь казалась легкой и прочной. Он не понимал, о чем речь, но хотел, чтобы их разговор продолжался. А он бы просто сидел в кабинке рядом с этой девушкой. Ее юбку и его брюки разделяло три дюйма; ее обнаженная рука лежала на столе.

Официант поставил на стол коктейль для Лена.

– Не говори так, Мосс. Это неправда.

– Правда. – Мосс пожал плечами. – Но Лену не обязательно слушать мою печальную историю. Лучше выпьем. – Он поднял бокал. – За конец начала.

Лен удивленно посмотрел на нее.

– В последнее время это любимое выражение папы. Наша сестра выходит замуж в сентябре, – объяснила Джоан.

– Та девушка, которую я видел? – спросил Лен.

Джоан кивнула.

– А вы? – продолжил он.

Лицо девушки, повернутое к нему, было спокойным и ясным. Серьезным.

– У Джоан, – сказал Мосс, махнул официанту и поднял вверх три пальца, – есть *ам-би-ци-и*. – Каждый слог в этом слове звучал как удар колокола.

– Не только. – Джоан покачала головой. – И ты это знаешь, Мосс.

Точность для нее очень важна, понял Лен.

Она посмотрела на Лена.

– В данный момент я работаю. Машинисткой.

– Где?

– У одного сумасшедшего, – поддел ее Мосс. – И гения.

Она не поддавалась на провокацию:

– Я работаю у мистера Россета в «Гроув пресс».

Лен покачал головой:

– Я должен его знать?

Джоан кивнула и улыбнулась:

– Только если вы сторонник свободы самовыражения.

– Или неприличных книг, – фыркнул Мосс.

– Барни Россет судится с почтовой службой города Нью-Йорка, чтобы получить задержанные книги и опубликовать оригинальную

версию – *без купюр* – «Любовника леди Чаттерли». Мы ждем решения Верховного суда.

– Куда катится мир, – сухо заметил Мосс, вращая лед в своем бокале.

– Все должно быть без купюр, – серьезно сказала она, обращаясь к Лену. – Все должно быть открытым, вы согласны?

В ее спокойном голосе Лен услышал вызов.

– У каждого из нас есть тело, а каждое тело имеет свое... – Она искала слово «*выражение*». Она умолкла, глядя на сидевшего напротив Мосса. – Например, мой брат поет. И эта его улыбка... растерянная улыбка, словно он ее стесняется. – Она указала на Мосса, который с готовностью улыбнулся. – Это все его.

– И будь я проклят, если кто-то захочет меня отредактировать, – ухмыльнулся Мосс.

Но сбить Джоан было непросто. Лен видел, что она полна решимости настаивать на своем. Она была спокойной и уверенной, и он точно знал, что не хочет ее останавливать.

– А ваша сестра?

– Моя сестра умеет приковать к себе взгляд любого. В отличие от нее я так и не научилась этому. Она способна войти в любую комнату и покорить ее. И она, и наша мать прекрасно знают, как привлечь к себе внимание.

– А вы?

– Я? – Она посмотрела на Лена, сидевшего рядом с ней на банкетке. – В моем теле имеется трещина, прямо по центру. Вы ее видели. Линия разлома. Я некондиционный товар.

– Перестань, Джоан, – запротестовал Мосс.

– Да ладно. – Она пожала плечами. – Всем этим может заняться Эвелин. У меня не все в порядке. И никогда не будет.

– На мой взгляд, все у вас в порядке, – тихо сказал Лен.

Она не смотрела на него. Рука, лежавшая на столе рядом с его рукой, взяла арахис из вазочки и принялась играть с ним, вращая орешек в длинных пальцах.

– Но в конечном счете, – сказала она, – я хочу преподавать.

– Что именно? – К Лену наконец вернулся голос.

– Я хочу учить детей чтению.

– И что они должны читать?

– Вообще-то все, – твердо сказала она. – Диккенса. Даже Лоуренса. Остин. Я люблю Джейн Остин. Сначала думаешь, что у нее ничего не сработает, а потом понимаешь, что ошибся. Но сначала... – она рискнула посмотреть прямо на Лена, – просто книги, много-много книг.

Лен кивнул; джин и охлажденный кондиционером воздух были для него настоящим благословением, и он хотел окунуться в них, с благодарностью слушая ее голос. Вот в чем отличие таких девушек, подумал он. Жизнь разворачивается наподобие книги – первая глава, вторая, третья. Человек может ускориться или замедлиться, на происходящее можно влиять, жизнь можно планировать. Интересно, что она подумает о жизни его отца, если прочтет ее... день за днем в бакалейной лавке... каждый божий день... хлеб, соленья, салями, хлеб. Неумолимая, тяжелая поступь. Жизнь, которая идет кругами, на одном месте, по одной и той же колее.

– Я бы хотела, чтобы они читали о других людях, – говорила Джоан. – Чтобы поняли, вообразили что-то другое.

– Других людей? – Лен допил свой коктейль.

– Да, – кивнула она. – Ральф Эллисон, Сол Беллоу...

– Лен из Чикаго, – сказал Мосс.

– Ой! – воскликнула она. – Что вы думаете о «Приключениях Оги Марча»?

– Не читал, – покачал головой Лен и, увидев ее разочарование, прибавил: – У меня вообще нет времени на чтение.

– Но эту книгу вы должны были читать, она вышла много лет назад... о мальчике из Чикаго.

– Тем не менее я ее не читал.

Она умолкла, глядя на стол между ними.

– А должен был? – тихо спросил он.

– Да. – Джоан повернулась и посмотрела на него. – Я кое-что из нее узнала... о том, что значит быть евреем. Каково это.

У нее были темно-карие глаза. Они не отпускали Лена. И возможно, ощущение, что они втроем плывут в лодке, защищенной от жары и вихрей, бушевавших за порогом бара, не дало ему промолчать:

– Да? И каково же это?

Джоан вспыхнула, и Лен увидел, что она восприняла его вопрос как вызов, и колебалась, не понимая, шутит он или нет. В этом брат с

сестрой были похожи – они словно застывали на невидимом пороге, ожидая, когда их пригласят пройти. Для Мосса это – проклятие, потому что так он никогда не добьется успеха, подумал Лен. А ее это делает еще более привлекательной.

– Это... – Она искала нужные слова. – Многословно.

– *Многословно?* – Вопрос прозвучал слишком резко, но Лен ничего не мог с собой поделать.

– Никто ничего не скрывает, все прямо говорят обо всём – и со всеми. Это так... захватывающе. Все на поверхности. Такая своеобразная честность.

– Честность?

Джоан опустила взгляд.

– Вся честность мира не изменит фактов. – Он покачал головой.

– Каких фактов?

– Мой отец – еврей из Германии, владелец бакалейной лавки, – сказал Лен, глядя в глаза Моссу. – Мы живем в еврейском квартале города, потому что риелтор сказал отцу, что остальные районы нам не подойдут. Если бы я учился в Университете Иллинойса, то вступил бы в еврейскую студенческую организацию – для евреев это единственный вариант. В городе есть две еврейские юридические фирмы и еврейский банк. Вот что значит расти в Чикаго. И поэтому когда наступил мой черед, когда я окончил школу, то бежал оттуда со всех ног и приехал сюда.

Сам того не желая, он изменил настроение за столом. Джоан неподвижно сидела рядом с ним и внимательно слушала, глядя в свой стакан. Мосс смотрел на него, и у Лена возникло ощущение, что он ступил за борт лодки в разгар бури.

– И это было моей лучшей школой: когда мне было десять, я узнал, что мальчиков моего возраста убивают, как котят. На их месте мог быть я. Мой дядя, моя тетя, мой отец. Ты растешь, зная это, и видишь непрерывную борьбу между тем, кто ты и что ты *делаешь*. Что я делал и делаю? Бегу. Я сбежал сюда, где я не Леви из Скоки. Я просто Леви. Сам по себе.

Он сказал слишком много. Гораздо больше, чем хотел, – более того, он даже не подозревал у себя таких мыслей. Зачем? Зачем говорить все это двоим людям, которые нравились ему больше, чем он

мог сказать? Зачем тыкать их в это носом, когда ему просто хочется взять ее за руку?

Лен полез в карман за бумажником, не осмеливаясь взглянуть на девушку, сидевшую рядом. Мосс протянул руку и сжал плечо Лена.

– Я плачу, – небрежно бросил он, по-прежнему глядя в глаза Лену. – Моя сестра пьет как лошадь.

– И этой лошади нужно бежать, – сказала она, придвигая к себе сумочку. Лен молча встал, пропуская ее. Она ему по ключицу, вдруг понял он. В туфлях без каблуков. Будь на ее месте другая девушка, он мог бы обнять ее за плечи и притянуть к себе. Но он стоял и беспомощно смотрел, как она наклоняется и целует Мосса на прощание.

– Посадите меня в такси? – Она отвернулась от брата и посмотрела на Лена. Ее карие глаза стали еще темнее, и в этот момент он понял, что недооценивал ее. Она вовсе не играет с ним, как кошка с мышкой.

– Конечно, – ответил он, сглотнув ком в горле.

– Пока, Леви. – Мосс протянул руку.

Джоан шла через бар к двери.

– Пока. – Лен надел шляпу и поспешил за ней, наблюдая, как грациозно движется ее тело под льняной юбкой. Кожа у нее была цвета бледного золота. Жалея, что не видит ее лица, не видит разворота ее хрупких плеч, чтобы понять ее реакцию на все, что он только что сказал, он протянул руку над ее головой и открыл дверь. Джоан оглянулась, но тут же отвела взгляд. Они окунулись в жаркий вечер и молча стояли на тротуаре.

Лен поднял руку, и такси, перестроившись в потоке машин, направилось к ним. Через минуту она уедет, подумал Лен, и он уже никогда не возьмет ее за руку. Никогда не проведет ладонью по этому округлому плечу – больше всего на свете ему хотелось именно этого.

Такси остановилось прямо перед ними. Лен наклонился, открыл дверцу, и Джоан села, подобрав юбку, затем посмотрела на него.

– Вы верите, что жизнь человека может перевернуться в одно мгновение?

Она что-то пытается ему сказать, понял Лен. Пытается что-то сказать самой себе.

– Нет, – ответил он серьезно. – Не верю.

Джоан покраснела.

– Ждите меня завтра, – быстро сказала она. – В Метрополитен-музее.

– Хорошо, – с трудом выдавил из себя Лен.

Она вскинула голову:

– Хорошо? И это все, что вы можете сказать на предложение посмотреть сокровища прошлых эпох?

От его взгляда у нее перехватило дыхание.

– Хорошо, – едва слышно сказала она. – В шесть часов.

Не в силах произнести ни слова, он аккуратно закрыл дверцу такси.

Машина отъехала от тротуара. Лен смотрел ей вслед, и вдруг все понял. Она принадлежит ему. Она его девушка. Единственная в этом мире, и она его ждала. Собственная уверенность даже испугала его. В животе стало тепло. Она будет его девушкой. На то не было ни одной причины, но он верил, и его уверенность была непоколебима, как вера в Бога.

Джоан откинула голову на кожаное сиденье и не шевелилась, пока такси не проехало несколько кварталов. Когда они стояли на тротуаре и ждали такси, его тело, совсем рядом, вызывало у нее странное чувство, от которого путались мысли, и теперь она делала над собой усилие, чтобы не оглянуться и не выставить себя душой. Чуть выше отца, на голову выше ее самой, он не стеснялся своего роста. Но эта непринужденность, которая сразу же бросалась в глаза, дополнялась внимательностью, почти настороженностью, что придавало ему какую-то животную грацию, новую для нее. Ей хотелось, чтобы он положил ладони ей на плечи и притянул к себе. Ни к кому ее еще не тянуло с такой силой. Сидя рядом с ним, она не отводила взгляда от Мосса, слушала свой голос и удивлялась своей выдержке, когда рука Лена лежала на столе рядом с ней. Складка у него на рукаве. Легкая дрожь его ноги под столом совсем рядом с ней. Он тоже избегал ее взгляда. Неважно, кто он; она уже знала его. Наблюдая, как он крутит ложку между большим и указательным пальцем, она поняла, что там, наверху, уже пришел в действие механизм и открывается дверь; она представляла себе, как медленно распахиваются створки – и вот он перед ней, вход, а ей нужно всего лишь кивнуть.

Она опустила стекло и с наслаждением подставила лицо ветру.

Глава девятнадцатая

Следующим вечером Лен шел к Метрополитен-музею, почти уверенный, что она не придет. Тот факт, что девушка, о которой он думал, была той самой, его девушкой, а не просто какой-то, что он ее знал, пугал его и гнал вперед, словно ему вручили ключи от рая. Как будто он должен был пройти через дверь в другой мир. Но сформулировав эту мысль, он тут же отбросил ее. Он идиот. И поэтому он ничего не рассказал Реджу – ни о встрече с ней, ни о предстоящем свидании.

Но она пришла, она стояла на ступенях Метрополитена. Увидев его у подножия лестницы, она повернулась и стала подниматься по ступенькам. Она чувствовала жар его взгляда, упершегося ей между лопаток; сильный и уверенный, словно ладонь, этот взгляд толкал ее вверх. Она вошла в громадные двери и, теснее прижав к себе сумочку, с облегчением окунулась в прохладный воздух музея. Когда она оглянулась, он был уже рядом.

Она показала ему все, что любила, – сначала итальянцев, затем голландцев. Он шел за ней по широкой мраморной лестнице – а потом по залам с зашторенными окнами, где другие посетители стояли, смотрели и шептались. Он стоял рядом с ней и кивал, когда она на что-то указывала, но не слышал ни единого слова. Воины и мадонны смотрели на него. Он смотрел на них. Шел мимо них. Она была в центре земли, и, отделившись от нее, он провалился бы во тьму. Ему казалось, что они перемещаются назад во времени, до мраморных греческих статуй.

Это было почти невыносимо. Их нагота, их мраморные тела нависали над ними. Он видел, как Джоан смотрит на их красивые формы, на спокойную, непринужденную наготу, и понимал, как она жаждет обнять мужчину, прикоснуться к мужчине. Она не смотрела на него, почти не смотрела, но ее рука, та, которая была ближе, слегка коснулась его, когда она указывала на очередную деталь, объясняя, как история мальчика запечатлена в камне.

– Не нужно слов, – тихо сказал он.

Они молча стояли перед прекрасным мраморным мальчиком. Пространство между ними, всего несколько сантиметров, закручивалось и бурлило, притягивая их друг к другу, все ближе и ближе. Ее обнаженные руки и изящное темно-розовое платье возбуждали его.

Он обхватил пальцами ее запястье, и она почувствовала, как вскипает кровь. Ничего не видя, она шла за ним по длинному коридору с греческими статуями, потом вниз по широкой центральной лестнице музея к прохладным сводам вестибюля, потом на отступающий вечерний зной, к гудкам такси и золотому глазу неба над головой. Он повернулся, и она шагнула в его объятия.

Они стояли там, на верху лестницы, не произнося ни слова, и она успела почувствовать, как пахнет его кожа, а он впервые понял, какая она хрупкая, какая маленькая; их сердца бились в унисон, тела притягивались друг к другу. Их губы встретились и слились в жадном поцелуе. Город исчез.

Наконец они оторвались друг от друга.

– Пошли на паром. – Он смотрел на нее сверху вниз и улыбался.

Они спустились по ступеням Метрополитен-музея, сели в такси и поехали на другой конец Манхэттена. В окна врвался горячий ветер, и Лен протянул руку и наполовину поднял стекло рядом с ней. Этот заботливый жест был как декларация. Он будет лелеять ее. В молчании они доехали до паромной переправы на Статен-Айленд и вышли из такси. Он расплатился с водителем. Ее юбка развевалась на ветру, хлопая по коленям. Он взял ее за руку, осторожно, словно боялся разбить.

Над черными как сажа сваями причала летали голуби и чайки. Пассажиры спешили подняться на борт парома, пока не закрылись железные ворота. Все вокруг беспрестанно двигалось. Джоан казалось, что рядом с ним время остановилось, как будто в музыке пропустили такт. Она ничего о нем не знала. Но это не имело значения. С этим миром ее соединяла только его рука, сжимавшая ее пальцы, и ей этого было достаточно. Они были связаны, просто и неотвратно – так, как бывает в сказках. Мужчина и женщина идут, взявшись за руки, и живут долго и счастливо, до самой смерти.

В темноте они поднялись на борт, сели на скамью ближе к корме, и остров Манхэттен постепенно удалялся от них. «Усталые и веселые,

впервые сбежав из дому, всю ночь мы ходили взад и вперед по парому»^[27], – с улыбкой продекламировала она. Потом они долго молчали, под тархтенье двигателя под ногами, под разговоры поздних пассажиров и парочек, вроде них, а над их головами мягкими складками висел летний вечер.

– Завтра вечером? – спросила она, когда они ждали автобус, который отвезет ее в центр города.

Он кивнул, и, когда автобус остановился перед ними и открыл двери, она сжала его руку и взбежала по ступенькам. Автобус тронулся, и ее голова и плечи проплыли над улицей, а он еще долго стоял не шевелясь.

На следующий вечер Лен купил билеты на спектакль «Десятый человек» в одном из бродвейских театров; он вышел из офиса в шесть часов и прошагал всю Пятую авеню, чтобы встретить ее.

Сегодня она выбрала светло-зеленый шелк, шелестевший при ходьбе, и на ней было жемчужное ожерелье, которое отец подарил ей на двадцать первый день рождения и которое всегда придавало ей уверенности в том, что ее любят и ценят. Когда Лен, ждавший в вестибюле здания, где располагалась редакция, увидел ее, у него перехватило дыхание. Ему захотелось снять эту нитку жемчуга, воротником обнимавшую нежную шею.

Эта была странная, многословная пьеса, все говорили со всеми, иногда через голову друг друга – так обычно делают люди, но не персонажи спектакля. Лен и Джоан сидели молча и не слышали ни слова. В середине первого акта он взял ее за руку, чувствуя биение ее пульса через хлопок перчаток. Она сидела неподвижно, смотрела прямо перед собой, слегка приоткрыв губы. Через минуту она пошевелила пальцами в перчатке, высвободила их, затем нежно обхватила его ладонь обеими руками и положила к себе на колени. Его палец прижимался к ее ноге, и от этого места по ее телу расходились волны, словно лучи света.

Она повернулась к нему в темноте и встретила его взгляд. Затем они снова стали смотреть на сцену.

Когда спектакль закончился, они, держась за руки, спустились в метро, и в переполненном вагоне Джоан стояла, тесно прижавшись к нему. Двери открылись, и они, обнявшись, поднялись по лестнице и

вернулись в сверкающую огнями жаркую ночь, на ступени Метрополитена, похожего на утес из песчаника, на ярко освещенную дюну. Ее квартира была совсем рядом, за углом. Они не разговаривали. Лен отодвинул решетку крошечного лифта, она вошла в кабину, он за ней, потом задвинул решетку. Кабинка вздрогнула, и Джоан упала в его объятия.

Дверь в квартиру открылась легко, она вошла первой и потянулась к выключателю, но он остановил ее. Это была студия с одним огромным окном, из которого виднелась крыша соседнего дома, а над ней – подсвеченные колонны музея. Джоан осталась в дверях, наблюдая за тем, как Лен выглядывает в окно и рассматривает комнату. Кровать в углу. Крышка на ванне, которую она использовала в качестве полки. Одно мягкое кресло. Он повернулся, шагнул к ней, одним движением подхватил на руки и улыбнулся – улыбка переросла в неудержимый смех, который захватил и ее, и она тоже засмеялась. Все так же смеясь, он посадил ее на доску, закрывавшую ванну, раздвинул ей ноги, так что они обхватили его талию, и начал целовать, очень медленно, обхватив ладонями ее подбородок и поднимая ее лицо к своим губам. Она закрыла глаза, подчиняясь ему, и не расцепила ноги, когда он наконец понес ее к кровати в углу.

Осторожно и нежно он расстегнул ее платье, а когда она подняла руки, чтобы он стянул платье через голову, наклонился и поцеловал ее грудь. Она задрожала. Он снял брюки и трусы и повернулся к ней.

– Иди ко мне, – прошептала она, ложась на край кровати.

Он протянул руку и обвел пальцем ее сосок, который от этого прикосновения сразу затвердел.

– Посмотри на меня.

Она прикусила губу.

– Смотри. – Он лег рядом и притянул ее к себе. Она была такой легкой, такой нежной.

Она обняла его за шею и смотрела в его глаза, которые стали совсем темными, и не шевелилась. Они лежали неподвижно, глядя друг на друга.

А потом она потянулась к нему.

Позже, когда она вернулась в этот город, в эту жару и эту комнату и увидела, что он по-прежнему смотрит на нее сверху вниз, то впервые в жизни поверила, что не умрет (как считала всегда) от приступа

эпилепсии, жалкая, в судорогах. Он будет рядом, будет ждать ее возвращения. Она улыбнулась ему. Он перекатился на бок, приподнялся на локте и повернул ее лицо к себе. Свет от уличного фонаря падал на стену прямо над ее головой, подсвечивая волосы и отражаясь в глазах.

– Привет, – сказал он.

– С кем это ты встречаешься, приятель? – спросил Редж через пару недель. Жара не давала уснуть, и они лежали, мокрые от пота, в своих кроватях; оконные рамы были подняты до отказа, и комнату заполнял густой шум города. Была середина июля.

– С девушкой.

– Должно быть, особенная девушка.

В темноте спальни замерцал огонек – Лен затянулся сигаретой.

– Да.

Вентилятор медленно вращался, но почти не приносил облегчения. Если бы Лена спросили, кого он защищает, скрывая ее имя, он не смог бы ответить.

Они встречались так часто, как только могли, жаркими вечерами. Они ничего не могли с этим поделать. В конце вечера он или она спрашивали о следующем, и так продолжалось бесконечно. Ей нравилось, как он пристально смотрит на нее, перед тем как наклониться и поцеловать. Ей нравилась тень от его темных очков, прикосновение ладони, когда он вел ее через этот день к следующему. Она ничего о нем не знала, кроме того, что он рассказал ей в тот первый вечер с Моссом, и не хотела знать больше. Она хотела лишь почувствовать его руки, словно понимавшие, как найти ее в темноте. Она хотела только его.

Он приходил встречать ее после работы, на ступени Метрополитена, где она сидела и ждала его. И Джоан, сидящая снаружи, – хорошенькая брюнетка в темных очках на ступеньках музея, – стала ассоциироваться у него с полотнами, которые она ему показывала. И до конца жизни, когда он входил в музей, в любом городе мира, в первые несколько минут тишина, прохлада и внезапное исчезновение городского шума соединялись с каким-то странным чувством, ощущением, что она стоит рядом с ним, указывая на что-то, что, по ее мнению, он должен был увидеть.

– Не отвлекайся, – говорила она, толкая его локтем. – Ты все пропускаешь.

– Ничего я не пропускаю. – Он притянул ее к себе и был вознагражден проблеском ее зубов, прикусивших губу: она пыталась сдержать улыбку.

– Меня это совсем не волнует, – однажды сказал он. – Все это.

– А *должно*.

– Почему?

– Потому что. – Она умолкла, не желая произносить очевидное. Потому что ты *должен вписаться*, подумала она.

Но он никогда не впишется. Она улыбнулась. Каждый день она сидела на ступеньках и ждала его, а он появлялся в конце квартала – высокий, темноволосый, поджарый. Как будто в любой момент он мог взять рюкзак и пойти в горы. Он был похож на Мосса, вечно в движении, беспокойный, переполненный ищущей выхода энергией, к которой она привыкла в брате. Но в Лене не было скромности, приглушавшей его сияние, – только большой здоровый аппетит, как у большой кошки, дикого животного, преследующего добычу. И она знала, что именно это не понравилось бы ее матери – отсутствие скромности, способности скрывать свою суть. Когда он с улыбкой смотрел на нее и она видела, как сверкает его широкая белозубая улыбка, она понимала, что он хочет ее.

Она хватала сумочку и бежала вниз по мраморным ступенькам, едва не падая, потому что ноги не поспевали за телом. Но его руки обхватывали ее, прежде чем она достигала подножия лестницы, и он поднимал ее в воздух и прижимал к себе. Запах сигарет, лосьона после бритья и свежестиранного воротника рубашки обволакивал ее, она закрывала глаза, когда он притягивал ее к себе, мягко держа за плечи, лишая сил, вызывая желание сесть, лечь, вобрать его в себя. Рядом с ним она впервые в жизни чувствовала себя такой, как все, без изъяна. С ней все в порядке. И жизнь наполняла ее, как живая пульсирующая артерия, распускаясь и расцветая под его ладонями.

В те первые дни Джоан иногда останавливалась и вытягивала руку, как будто, замерев в потоке людей, могла почувствовать движение вокруг себя, почувствовать, что захвачена этим потоком, почувствовать, что противостоит ему – этому жаркому, взрывоопасному лету, которое подожжет безмятежные золотые ворота

осени. Она стояла посреди пекла и знала, что эта безмятежность больше никогда не вернется.

Глава двадцатая

Без Лена Редж все чаще бродил по городу в одиночестве. Летний зной не ослабевал, и, даже если Реджу хотелось расширить круг своих блужданий, в конце дня в жарком офисе на верхнем этаже мысли у него еле ворочались, в голове гудело, и поэтому его прогулки ограничивались небольшими улочками Виллиджа, когда он шел домой с работы, из дома поужинать или выпить, а затем снова домой.

Проходя вечером по Хадсон-стрит мимо таверны «Белая лошадь» – город уже четыре дня подряд изнывал от тридцатиградусной жары, – Редж заметил Мосса Милтона, который в одиночестве сидел за столиком внутри.

– Привет, Милтон, – с улыбкой сказал Редж и поставил кувшин и два бокала перед Моссом.

– Редж Полинг.

Лицо Реджа расплылось в улыбке.

– Как дела?

– Так себе. – Мосс печально покачал головой, подвинул к себе кувшин и налил пиво. – Твое здоровье.

– Твое здоровье. – Редж приподнял свой бокал.

Вечер вступал в свои права. Секретарши и их боссы сменились любителями выпить, мужчинами и женщинами, которые заскакивали, чтобы пропустить пару стаканчиков, оставались на ужин, а потом и позже. За столом писателей сидели несколько человек, которых Редж знал в лицо, но не по имени.

– Как-то раз я тут встретил Джимми Болдуина, – сказал Редж после недолгой паузы. – Я болтался здесь в поиске сюжетов, а он сел за тот столик, спросил, как меня зовут, а потом поинтересовался, о чем я хочу писать, и я ответил, что об Америке. – Редж усмехнулся. – А потом он посмотрел на меня своими большими черными глазами... – Он вздохнул, вспоминая. – Глаза Джимми затягивают тебя, и в них можно утонуть.

– Как это?

– Он смотрит на тебя, и в эти мгновения тебе кажется, что раньше никто никогда тебя не видел по-настоящему, – задумчиво объяснил

Редж. – Ни мать, ни отец, ни возлюбленная...

Мосс не отрывал от него взгляда.

– «Ты хочешь писать об Америке? – спросил Джимми. – Тогда тебе придется уехать отсюда». Так он мне сказал. «Уезжай из страны».

– Что?

Редж кивнул.

– И?

– Я уехал. – Редж посмотрел на Мосса и, улыбнувшись, пожал плечами. – Эта идея выглядела не хуже, чем остальные, и месяцев шесть я зарабатывал себе на билет во Францию.

– И?

– Следующие три года я прожил в квартирах без горячей воды и лифта, от Рима до Вены и Берлина, спал на диванах, а один раз в квартире содержанки с видом на Сену.

– Мило.

– На какое-то время.

Мосс испытующе посмотрел на него.

– И ты нашел Америку?

– Я нашел тоску по дому. – Редж посмотрел ему в глаза.

– По чему именно?

– В частности, по словам. – Редж откинулся на спинку стула. – *Английским словам, любимым... Говяжься отбивная. Вставайте и сияйте. Все по пять центов. Прорва.*

– *Прорва?*

– *Прорва*, приятель. *Прорва*. Мне нравится это слово. – Редж поднял бокал. – *Кеннинг. Сокровища языка.* Из меня получился бы неплохой англосакс.

Мосс поперхнулся пивом. Он представил огромного белокурого воина, шагающего по болотам, совсем не похожего на хрупкого черного парня, который сидел перед ним, и в восторге ударил себя кулаком в грудь.

– Рад, что тебе понравилось, – ухмыльнулся Редж и поставил локти на стол. – Всегда к вашим услугам.

– И что потом?

– Потом я вернулся домой.

– А теперь?

– Теперь... – Редж пожал плечами. – Я здесь.

– Вот за это и выпьем, – сказал Мосс и отсалютовал бокалом. Им было легко друг с другом.

Под широкой аркой дверей несколько девушек сняли туфли и стояли рядом с мужчинами в синих рубашках. Один из них приподнимался на носках, словно упражнялся за балетным станком, и Мосс снова представил синкопированный ритм, только медленный; так поднимаются и опускаются крылья хищной птицы. За соседним столиком, прямо за спиной Реджа, девушка сдернула берет с копны рыжих волос. В полутемной таверне появилось яркое пятно.

Правая рука Мосса на краю стола выстукивала ритм, тот ритм, который он услышал, – девушка, яркое пятно.

– Что ты играешь?

Мосс убрал руку со стола.

– «На скалах».

– Песня такая?

– Я ее сочиняю. – Мосс откинулся на стуле и скрестил руки на груди. – Пытаюсь, все лето. Чтобы она передавала такие моменты, как этот.

– И какой же это момент? – спросил Редж, прихлебывая пиво.

Мосс задумался.

– Время, в которое мы живем, время перед важными переменами. Я хочу написать такую песню. – Он печально покачал головой. – О *моей* Америке.

Редж ждал.

– Моменты, которые содержат в себе будущее, – снова попытался объяснить он.

– Будущее настоящего?

– Хорошо сказано. – Мосс с уважением посмотрел на него. – Что-то вроде.

Редж кивнул:

– И что же нас ждет?

Мосс улыбнулся и покачал головой:

– Новые ноты.

Редж удивленно изогнул брови.

– Я почти их слышу, – вздохнул Мосс.

Редж проследил за взглядом Мосса.

– Вон, смотри. – Мосс указал на женщину, голова которой оказалась в пятне света от уличного фонаря. – Видишь, какое красивое сияние, как оно украшает ее, вызывает желание обнять ее, словно она огонь, – это ревущие ре.

Девушка что-то серьезно говорила мужчине за дальним столиком у самой стены. Она не флиртвала. Вжавшись в стул рядом с ним, она о чем-то ему рассказывала.

– Или те портовые рабочие, за соседним с ней столиком. Они пили тут весь вечер, – продолжал Мосс. – Они ноты си, глухое си. А вон там столик самозванных классных парней, писателей, а здесь мы.

Редж кивнул:

– Белый и черный.

– Ну да. – Мосс нахмурился. – Но не только.

Редж скрестил руки на груди.

– *Комната*, парень. Мы в комнате. – Мосс наклонился к нему. – Вот мы сидим, разговариваем. Мы все в одной комнате, чего не могли представить мои родители и мои бабка с дедом. Но мы все теперь здесь. Новые ноты.

Редж снова повернулся к нему:

– Но где же басовая партия? То, на чем все держится. Я не могу найти тональность, стержень, который пронизывает все. Внутреннюю логику. Ноты не соединяются.

– Может, ты просто не видишь.

Мосс нахмурился.

– Это все та же страна, которая выбрала Эйзенхауэра, – заметил Редж. – Дважды.

Мосс по-прежнему молчал.

– Это все та же страна, которая восстанавливает Европу и позволяет негритянскому народу...

– Негритянскому народу?

Редж кивнул и погасил сигарету.

– Я провел там несколько лет и видел, как плоды американских инвестиций прорастают благодаря плану Маршалла. *Деньги, деньги, деньги* – и ни *цента*, чтобы посадить те же семена здесь.

Мосс пристально посмотрел на него:

– Ты должен об этом написать.

– И напишу. – Редж не отвел взгляда.

Мосс откинулся на спинку стула.

– Но что ты скажешь о нас, сидящих за столом и разговаривающих? Мы сидим за столом и разговариваем.

– И что?

– А то, что это новое, так ведь... такого еще не было.

Редж покачал головой:

– Это Гарвард, приятель. И случайность. Большинство людей в этой стране, войдя сюда, увидят черного, который сидит там, где ему не место.

– Мы сидим вместе, и это факт. – Мосс упрямо тряхнул головой. – Теперь может произойти все что угодно. Возможно все. Прислушайся, парень. Ты должен прислушаться.

Редж посмотрел на него:

– Ты идеалист.

– Виновен, – с улыбкой выдохнул Мосс.

Редж кивнул и погасил сигарету.

– В таком случае *ты* опасен.

Было непонятно, шутит он или нет. Он встал и потянулся за шляпой.

– Но мне нравится, как звучат твои новые ноты, – сказал он. – И я бы не прочь послушать, когда ты их найдешь.

Улыбка, обращенная к Моссу, была широкой и дружелюбной.

– Пока.

– Пока, – ответил Мосс. Наблюдая за тем, как Редж пробирается сквозь толпу и проходит в дверь, он чувствовал странное стеснение в груди.

Глава двадцать первая

Пол купил котлету, три картофелины и замороженную фасоль – как будто у них все еще был маленький ребенок, заметила Эви.

– Или как в семидесятые, – сказал Сет, бросая свой рюкзак в коридоре.

Но всем было уютно – запах картошки из духовки, Пол, читающий книгу в столовой, сумеречный июньский свет из окна. За ту неделю, что прошла после его возвращения, они заключили нечто вроде перемирия, выбирая протоптанные дорожки и обходя образовавшуюся трещину.

Эви поставила перед Полом бутылку вина, и он протянул руку, не отрывая взгляда от страницы. Темный стол красного дерева, когда-то принадлежавший бабушке и стоивший не одну тысячу долларов, но теперь немилосердно поцарапанный, был накрыт на троих. Вокруг стола располагались шесть виндзорских стульев, которые мать Эви прислала из Калифорнии, когда та училась в аспирантуре, – защита против той дикости, в которой Эви, по представлениям Джоан, жила со своим мужем. Под сиденьем каждого стула на полоске клейкой ленты Джоан написала: *Тетя Минерва, 1893–1968*. Теперь они, в той или иной степени обветшания, стояли вокруг стола.

– Привет, мама. Мне в лагерь нужны носки для лакросса.

– У тебя есть носки.

– Нет, мама. Носки для лакросса. – Сет раскрыл каталог, который взял в коридоре. – Я могу заказать их прямо сейчас.

– Тебе не нужны специальные носки. Это глупо.

– Мама.

Эви посмотрела на сына:

– Ладно, но не закрывай журнал, чтобы я посмотрела адрес сайта. Потом взгляну.

– Не нужно никакого адреса. Просто набери «носки для лакросса» и нажми «ввод». – Он улыбнулся. – Видишь, почему наше поколение лучше. Мы просто гуглим. Нам не нужно искать адрес – мы просто туда идем.

– Да, а если вся система поломается, вы потеряетесь, и возможно, – она похлопала его по руке, – возможно, мы придем и вызволим вас из тьмы.

– Сомневаюсь, – весело возразил он. Потом взял тарелку из рук матери и сел за стол. – Вопрос: мы средний средний класс, верхний средний класс или нижний высший класс?

Эви бросила взгляд на Пола, поставила бутылку вина и удивленно вскинула брови:

– С чего бы это?

– Просто интересуюсь. – Сет ложкой положил фасоль на печеную картофелину. – Нам только что раздали вопросы для экзамена, и...

– Мы вполне обеспечены, – уклончиво ответила Эви. – Можешь не беспокоиться.

– Я не *беспокоюсь*. – Сет отложил ложку и потянулся за солью. – Просто хочу знать, что написать в ответах.

– Верхний средний, – сказала она.

– Но у нас есть остров, – возразил Сет. – Я хочу сказать, что никто из наших знакомых не владеет островом, целым островом.

Теперь Пол прислушивался к разговору, хотя и не поднимал головы.

– Да, – согласилась она, глядя на Пола, – у нас есть остров...

– А Ларкина Рида я бы определил в нижний высший класс, да? – Сет посмотрел на мать.

– Почему?

– У них столько всего.

– Деньги можно унаследовать. Можно заработать. Это нормально. Богатство. Мерзкое, вонючее богатство, – весело сказала она и выдержала паузу. – А еще есть люди, которые кое-что умеют лучше других.

– Что именно? – спросил Сет.

– Не тратить деньги.

– Значит, мы обеспечены и лучше других умеем не тратить деньги?

– В общем, да, – согласилась Эви.

– А лучше кого? – подал голос Пол. – Кого ты лучше?

– Никого. – Эви нахмурилась. – Мы никого не лучше; просто так говорят.

– Сет, спроси маму, что ей всегда говорила бабушка.

– Что? – Эви пыталась прочесть выражение лица Пола.

Сет ждал, переводя взгляд с отца на мать.

– *Всегда помни, что ты Милтон...* – подсказал Пол.

– Дальше, – попросил Сет.

Эви повернулась и посмотрела на него:

– «Вы Милтоны. Не Лоуэллы. Не Ренселеры, Хейвмейеры или Стронги. Нормальные, не чокнутые. Настоящие мужчины, хорошие парни».

– Ого. Круто, – сказал Сет. – Что значит «чокнутые»?

– Лоуэллы, – ответил Пол. – Они чокнутые. Гениальные, но это не имеет значения.

Эви вспыхнула.

– А кто были Милтоны?

– Были? *Есть*. Ты Милтон.

– Я Шлезингер, – возразил Сет.

– Наполовину, – уточнила Эви.

Пол поднял голову от книги.

– Значит, таким был твой дедушка? – спросил Сет. – Хорошим парнем?

– Да, – быстро ответила Эви. – А еще главой крупного инвестиционного банка, предвидевшим конец Великой депрессии и реализовывавшим план Маршалла.

– Значит, он был знаменит.

– Да, – подтвердил Пол. В его взгляде не было иронии. – В каком-то смысле он был великим человеком.

– Он делал то, чему его учили, – поправила его Эви.

– Чему учили? – Сет переводил взгляд с отца на мать.

– Брать на себя ответственность. – Эви пыталась найти нужные слова. – Работать ради общего блага. Нас всех этому учили. – Она помолчала. – Но ты это знаешь.

– На самом деле нет, мама. – Сет выпрямился на стуле.

– Мальчики должны были продолжать дело отцов – управлять банком или уехать в Вашингтон и поступить на государственную службу. Быть полезными.

– Возглавлять страну, – прибавил Пол.

– И они это делали не одну сотню лет. От них этого ждали, они сами к этому стремились – и делали.

– *Все? Все мальчики?*

– Подавляющее большинство, – кивнула Эви.

– И никаких проколов?

– Проколов?

– Парней, которые не делали... того, что полагалось.

Эви покачала головой.

– А как насчет твоего дяди Мосса? – спросил Пол.

– Мосс? – Она помолчала. – Никто не обсуждал Мосса. Думаю, он был немного склонен все драматизировать. Играл на пианино.

– А как насчет девочек? – спросил Сет, откидываясь назад, так что передние ножки стула оторвались от пола.

– Девочек? Мы должны были украшать. Украшать и добавлять.

– Добавлять что?

– Что-нибудь важное... цвет в комнате, приятный разговор... изящество, – сказала Эви голосом бабушки, глядя в глаза Полу.

– Это жутко раздражало твою мать.

Эви кивнула.

– А если ты собиралась заводить детей, их должно было быть трое, а не четверо... упаси бог уподобляться католикам... а двое выглядят немного жалко.

– А один? – спросил Сет.

– Мм... Невообразимо. – Она улыбнулась сыну. Он еще сильнее откинулся назад, прислонившись к стене.

(«Я прекрасно понимаю, – фыркнула бабушка, когда Эви подарила ей экземпляр своей первой книги, – почему у тебя могло возникнуть желание преподавать, но зачем, скажи на милость, писать то, что никто не захочет читать... Что за метафора, господи боже? Не понимаю».)

Мимолетный оценивающий взгляд, затем молчание. И ты понимала, что разочаровала ее, но не могла определить, насколько сильно. словно рядом с тобой был близнец, идеальный близнец, которым бабушка была довольна и, более того, гордилась. Рядом с тобой сидел тот, кто был ей на самом деле нужен.)

– Мама?

Она посмотрела на Сета, возвращаясь к действительности.

– В любом случае, – закончила Эви, – бабушка называла всех нас интересными, и мне кажется, под этим она подразумевала, что никто из нас не поддержал традицию, не подхватил факел.

– Точно, – продолжил Сет, – и я даже не знаю, какие были правила. Так что все действительно закончилось. Тот факел погас.

– Господи, Сет, – с раздражением сказала Эви. – Перестань качаться на стуле тети Мин.

Он опустил на пол все четыре ножки стула.

– Факелы гаснут не просто так. Готов поспорить, где-то прячется мрачная тайна.

– Правда готов?

– Всегда найдется что-нибудь этакое. – Сет задумался. – *Гноящееся*. – Он улыбнулся, погрозив пальцем.

– Неужели?

– Я серьезно. Обязательно что-то случается, и – бум – весь мир переворачивается с ног на голову. Возьмите, например, Первую мировую войну.

Эви покачала головой, не в силах сдержать улыбку. Ее сын был похож на всех ее студентов.

– История учит только одному – в ней ничего не случается. Никогда. Ни единого эпизода. Просто все люди поступают так, как считают наилучшим, не осознавая, что, черт возьми, они делают.

Сет удивленно вскинул брови – это его явно не убедило.

– Например, атомную бомбу? – улыбнулся он.

Эви фыркнула. Ее взгляд упал на его тарелку, где нож и вилка были брошены как попало, словно у какого-нибудь водопроводчика, а не лежали наискосок, параллельно друг другу.

– Стотысячный раз тебе говорю, положи их правильно.

Улыбка исчезла.

– Какая разница, мама.

– Есть разница.

Сет закатил глаза:

– Папа. Скажи маме. Ведь все равно, как лежат нож и вилка. Так или иначе они попадут в раковину.

– Есть разница между правильным и неправильным, – настаивала Эви. Она совсем не хотела так заканчивать ужин, но ничего не могла с собой поделать. – Всего лишь.

– *Papa*, – он обратился за поддержкой к Полу, – это же нелогично.

Вместо ответа Пол очень медленно передвинул нож и вилку у себя на тарелке, чтобы они лежали параллельно друг другу. Сет так же демонстративно встал, взял свою тарелку и тарелку отца, отнес на кухню и поставил в раковину.

Затем выскользнул из кухни и вернулся в свою комнату. Эви и Пол услышали стук закрывающейся двери.

Эви встала со своей тарелкой в руке и вдруг почувствовала себя чужой за собственным столом – нелепость какая-то. Она вышла на кухню и повернула ручку крана, чтобы горячей водой смыть с тарелки жир.

Пол встал из-за стола и последовал за ней.

– Мне не нравится, что Сет совсем не умеет себя вести.

– Он подросток.

– Но он думает, что это смешно, что хорошие манеры не для него.

Пол не ответил.

– Несколько поколений его предков знали, как вести себя за столом, когда каким ножом пользоваться, когда поворачиваться к соседу справа, когда задавать вопрос, как наклонять супницу... – Она умолкла. Потом собрала остатки мяса и фасоли, застрявшие в сливе раковины, и вода из крана с громким стуком ударилась о металл. Сверкал алюминий. В голове звучал голос бабушки, которая наставляла их всех, когда они сидели за столом на острове Крокетт. Она прекрасно помнила их лица. А Сет не имел представления, кто они такие. *Я Шлезингер*, сказал он.

«*Как быстро мир нас забывает*, с болью подумала она. Два, возможно, три поколения мы были живы. А потом осталось только имя или – ее взгляд упал на стулья двоюродной бабушки Минервы, которые часовыми стояли вдоль стены, – немного мебели».

– Господи, – вслух сказала она. – Послушай меня.

– Я слушаю.

Она повернулась и увидела, что Пол пристально смотрит на нее; он стоял совершенно неподвижно и ждал, пока она разберется со своими мыслями.

– Я не враг, – тихо сказал он.

– Но ты не видишь того, что вижу я, – с грустью возразила она. – Так было всегда.

– Раньше ты вела борьбу с миром, со своим миром. Что случилось с Эви на бастионах?

Она покачала головой.

– Ты сражалась, Эви, а теперь...

– Что теперь?

– Ты отступаешь, Эви... и я не знаю, как тебя остановить.

– Что? Вовсе нет.

– Ты хочешь раствориться в прошлом.

– О. – Она прищурилась. – Я поняла. Это снова об острове.

– Нет. Гораздо шире.

Она пристально разглядывала его.

– Пожалуй, да.

– Хочешь поговорить об острове? Если отвлечься от того, откуда он у тебя, он просто нам не по карману, и это главное, – тихо сказал Пол. – Не по карману.

– Тогда мы проиграли. Я проиграла.

Он застонал.

– Ты не понимаешь, – беспомощно произнесла Эви. – Все именно так. Мы должны держаться за него, а иначе...

– Что здесь понимать? Твоя мать умерла, и тебе ее не хватает. В этом все дело.

Ее сердце гулко стучало в груди.

– Не только.

– Тогда в чем?

– Ты слышал Сета. – Она скрестила руки. – Ты слышал, что он сказал.

– Что именно?

– У нас есть остров, – повторила она. – Как будто это знак отличия. Или талисман.

– Он ребенок. Для ребенка там рай. Он многое забывает. – Пол покачал головой. – Но ты же помнишь, как все было? Бабушка на одном конце стола смотрит, как твой отец все время подливает себе виски. Мать и тетя Эвелин стараются поддерживать разговор. На всех давит эта тяжесть – *быть* Милтонами. *Мы делаем это, но не делаем то.* И твой отец продолжает пить, пока не падает со стула. Если хочешь переделать это место под себя, вперед. Но я за это платить не буду. Я не собираюсь «пускать по миру» Сета, чтобы все это

сохранить. Я отказываюсь. Это гиблое место. Ты совсем не такая – и это бессмысленная битва, Эви.

– Пошел ты, – устало огрызнулась она.

– Ну вот. – В его голосе слышалось облегчение.

– А если все же не бессмысленная? – тихо спросила она. –

Мамина битва.

Пол покачал головой:

– Насколько я мог видеть, твоя мать ни с чем не сражалась. Когда я думаю о ней, то представляю себе человека, который встречает сильный ветер с улыбкой на лице.

Эви знала, о чем он думает. Ее мать входила в любую комнату, высоко подняв голову, вздернув подбородок, с улыбкой на губах. Решительная. Во всеоружии.

– В любом случае я не могу все бросить прямо сейчас. Понимаешь, не могу.

– Почему?

– Из-за мамы. Без острова... она исчезнет. Просто исчезнет. Как дым. А я кое-что ей задолжала.

– Что?

– Не знаю. – Эви покачала головой. – Единственное, что я знаю, – на острове мама оживала. Становилась собой.

Она умолкла.

– И она ускользнула от меня. Всю жизнь я старалась не быть такой, как она, чтобы меня не принимали за нее, а теперь, когда ее нет, мне больше всего хочется усадить ее рядом с собой и спросить.

– Что?

– *Что случилось?*

Пол молчал.

– Что с ней случилось? – продолжила она. – Огонек жизни в ней все слабел и слабел, а последние годы едва теплился. Как будто вообще не зажигался.

– Но она же вышла замуж. У нее была ты.

– Но должно быть что-то еще, – сказала она, с трудом подавляя подступившие слезы.

– Эви, – простонал Пол. – Но почему? Почему должно быть что-то еще? Ты скучаешь по ней. По *ней*, а не по острову. Каким образом сохранение острова сохранит и ее?

Эви в отчаянии покачала головой. Причина была неуловимой, по другую сторону сознания, где-то там, далеко, недоступная, но ощутимая. На острове. Это место хранило ее, хранило их всех. И именно это она не могла объяснить Полу, потому что в этом не было *смысла*.

– Я не могу продать остров, пока не узнаю, что случилось, – твердо заявила она.

– Господи? Тебе нужна история? – Он покачал головой. – Все старо как мир. У ваших закончились деньги. Истощились энергия. Огонь, который они хранили, потух. И народ захватил замок.

– Ваши? – повторила она. – Ты говоришь о моей матери и моей бабушке. Ты знал обеих. И обе знали тебя.

– И обе они были отражением своего времени.

– Это твое мнение. – Она сдержанно кивнула. – Так ты мне говорил. Но если верить, что мы не всего лишь продукт своего времени, то... что-то случилось. Что-то должно было произойти.

Пол покачал головой.

Эви посмотрела ему в глаза:

– Думаешь, что-то происходит прямо сейчас?

– Что ты имеешь в виду?

– Между нами, – сказала она.

– А именно?

Это, хотела сказать она. Этот момент, который никто не видит. Решающий.

– Послушай, – сказал он. – Нет никакой истории, пока мы не умрем. А потом ее рассказывают наши дети. Мы просто живем. Твоя мать просто жила. Перестань искать то, чего нет. Ничего такого не случилось... случилась жизнь. Реальность – не история.

– Значит, истории есть только у людей на тех камнях?

Пол замер.

Эви покачала головой и отвернулась.

– Моя мать хочет надгробие. Почему она хочет надгробие?

– Эви. Не надо.

– Здесь, – напомнила она. – Хочет слово «здесь». И не где-нибудь, а именно на острове. *Здесь* означает на острове.

– Эви...

– Разве это не твоя теория? – ее голос звучал резко. – Не твоя грандиозная идея? Место хранит то, что случилось, камень указывает на факт. А такие факты, *обоснованные факты*, позволяют нам осмыслить их и двигаться дальше.

Кажется, она разозлилась. Черт.

Пол целую минуту молча смотрел на нее, потом его лицо расплылось в широкой улыбке. Он наклонился и взял ее за плечи.

– Вот *именно*, Эви.

– Знаю, – язвительно ответила она. – Я не идиотка. Я слушала.

Он притянул ее к себе, и она позволила себя обнять, постепенно оттаивая, раскрываясь ему навстречу. Они стояли обнявшись.

– А если Генри предложит выкупить твою долю и разрешить тебе... нам... приехать туда? – спросил он.

Эви отстранилась.

– Это не одно и то же.

– Владеть важнее, чем просто пользоваться?

– Да.

Он испытующе посмотрел на нее:

– Почему?

– Если я все брошу, я не настоящая Милтон.

– Но ты не хочешь быть настоящей Милтон... и никогда не хотела.

Она скрестила руки на груди:

– Разве? Мне теперь кажется, что я жила за ширмой.

– Послушай меня. – Он был настойчив. – Ты не настоящая Милтон.

– С чего ты это взял?

– С того, что ты вышла за меня. – Пол положил ладони ей на плечи и встряхнул. Она испуганно смотрела на него. – За меня. – Он какое-то время держал ее за плечи, глядя в глаза, а потом поцеловал.

Глава двадцать вторая

Джоан с Леном гуляли. Сидели в кафе. Разговаривали. О судебном процессе. О людях, которых она наблюдала и с которыми работала. О тех, с кем работал он. Джоан рассказала Лену, что, когда пришло решение суда в пользу мистера Россета, босс подхватил ее и начал трясти, смеялся, и все тоже смеялись. «Джинн выпущен из бутылки! – кричал он. – Назад возврата нет». Лен рассказал ей о Джеке Хиггинсоне и Джеке Слейде и о том, что они его избегают. Рассказал о Дикки Пратте, принятом на работу в прошлом году и помолвленном с сестрой Джоан, Эвелин, – не слишком умен, с сожалением признал он.

– У меня есть идея, как увеличить его комиссионные, – сказал он. – Могу ему показать. Никто не узнает.

– О некоторых вещах лучше помалкивать, – предупредила она. – Особенно с такими, как Дикки Пратт.

– Такими, как Дикки?

Она кивнула, но не стала ничего объяснять.

Джоан всех их знала – по имени, репутации или кратким репликам отца. Она ничего не понимала в бизнесе, но точно знала, как все устроено, знала правила, которые ничего не значат, но которые все равно следует соблюдать.

И все же она нарушала все правила, существовавшие для таких девушек, как она. Она хотела его. Так, что у нее перехватывало дыхание. Никаких хитростей, никаких тайных уловок, вообще ничего, кроме ее губ, прижатых к его губам, ее рук, крепко обхвативших его спину. Она обнимала его, и тихий смех рождался у нее внутри, рвался наружу.

За гранью этого времени, в начале августа, она уезжала в Мэн. Он не мог думать о том, что будет дальше. Эти недели они провели в узких пространствах, похожих на койки на корабле. Их собственном корабле.

– Мы, – как-то сказала Джоан, – похожи на солдат иностранного легиона.

– Оккупационные силы?

– Нет. – Она прижалась к нему. – Мы из дальних земель...

– Разве это не твой город?

Мой, подумала она и кивнула.

– Но не с тобой – с тобой это другая земля.

Где-то на границе, подумала она, где-то на границе знакомой жизни.

Он внимательно посмотрел на нее:

– Эй.

Она улыбнулась ему. Он поднял ее со скамьи и прижал к себе.

– Давай пройдемся, – сказал он, обнимая ее.

Сегодня вечером он был другим: необычная жадность его губ, когда он целовал ее, какая-то тревога в глазах.

– Что-то случилось?

Он теснее прижал ее к себе, качая головой. Они шли между деревьями по широкой аллее в центре парка.

– Не могу понять твоего отца.

– Что ты имеешь в виду?

– Твой отец не использует слабость противника, – озадаченно объяснил Лен, вспоминая утреннюю встречу с клиентом. Огден попросил Леви внимательно следить за лицом клиента во время переговоров. – Этого я не понимаю.

Джоан кивнула:

– И не будет.

– Я бы использовал. Из этого парня можно было выжать почти в два раза больше.

– Мы не такие, – просто ответила она. – Мы не считаем правильным пользоваться ситуацией. Чтобы хапнуть денег.

Мы? Он остановился.

– Хапнуть? – уточнил Лен. – Я бы выразился иначе – заработать.

Она не ответила.

– А как насчет первых Милтонов? Кому-то когда-то приходилось хапать.

Джоан задумалась:

– Я бы не назвала нас алчными.

– Тебе этого не приходилось делать; у тебя все и так было.

– Я хочу сказать, – задумчиво произнесла она, – что мы не стали бы хапать даже при необходимости.

– Ты действительно в это веришь? – Лен был осторожен.

– Конечно, – твердо заявила она. – Мы выше всего этого.

– Всего этого. – Он покачал головой. – Чего? Денег?

Она нахмурилась:

– Речь не о деньгах. А о том, кто ты.

– А мне кажется, что все дело в деньгах.

Она игриво толкнула его локтем.

– Если у человека есть деньги, он не должен говорить о них, а думать о них он должен как можно меньше.

– Ты шутишь.

– Наполовину. – В ее взгляде читался вызов. – Деньги для нас не главное.

Он фыркнул.

– Так и есть, – настаивала она.

– Вы *думаете*, что они не главное. – Лен прижал ее к себе.

Такие разговоры тревожили ее и одновременно заставляли задуматься. То, что он сказал о евреях, когда они сидели с Моссом в баре отеля «Алгонкин», потрясло ее. Слушая Лена, Джоан чувствовала, что его представлению о мире нельзя полностью доверять, что оно может быть не до конца правдивым, хотя в то же время оно было правильным. Евреев не принимали, она это знала. Все это знали. Но *почему*? Они не играли по правилам. Они не знали, как войти в комнату, как сохранять невозмутимость. Но откуда бы им знать правила? Откуда им узнать правила, если их никуда не допускали?

И она хотела дать Лену не только саму себя, хотела что-то принести ему в своих ладонях. С той самой секунды, когда она открыла глаза на Пенсильванском вокзале и увидела его лицо, ей хотелось ему что-то дать. Чем больше она его слушала, чем больше гуляла с ним по улицам, тем сильнее хотела объяснить ему правила. Чтобы победить. Но что он получит в результате этой победы... ее саму? Она не была в этом уверена.

– Знаешь, твой отец предложил мне заглянуть в архивы фирмы, – сказал Лен после недолгого молчания.

– Увлекательное занятие.

Он улыбнулся, и его ладонь скользнула вниз по ее руке, к локтю.

– На самом деле да.

– Но?

– Почему я? Зачем мне там рыться? Наводить порядок?

– Он тебе доверяет.

Лен покачал головой:

– Что, по его мнению, я должен там увидеть?

Она рассмеялась:

– А что там вообще можно увидеть?

– Как нужно управлять фирмой. Наверное. – Он выдержал паузу. –

Или как не нужно.

– Ты ему нравишься. Вот в чем причина. С ним такое бывает редко.

Лен с некоторым беспокойством посмотрел на свою спутницу.

Они дошли до кофейни на первом этаже ее дома. Джоан открыла дверь, не глядя на него, а он обнял ее за талию, и они вошли внутрь.

– Знаешь, отец спас мне жизнь. – Джоан оглянулась.

Он сел за столик рядом с ней. Воздух в кафе был жарким и липким.

– Что произошло?

Она повернулась и посмотрела ему в глаза:

– Мы с Моссом ныряли за морскими звездами, и я уже оторвала одну от скалы и поднималась к поверхности...

Лен ждал.

– Это был мой первый приступ. – Она вздрогнула. – Я задыхалась...

– Он нырнул за тобой?

Джоан кивнула.

– А где был Мосс?

– В воде. – Она покачала головой. – Не мог сдвинуться с места.

Он был парализован страхом.

– Бедняга.

Они молчали.

Затем он наклонился к ней и взял за руку.

– Если с тобой снова случится приступ, что я должен делать?

Она замерла. Никто, кроме близких родственников, никогда не говорил с ней о припадках. А Лен упомянул о них так, словно это что-то обычное, вроде головной боли или даже смены колеса в машине. Должно быть, он давно хотел задать этот вопрос. Джоан смотрела на него, а он не выпускал ее руку.

– Когда это случится, вставь ложку мне между зубов, – тихо сказала она.

Лен кивнул. Принесли гамбургеры. Они передавали друг другу кетчуп и соль. Джоан прихлебывала кока-колу. Лен ел. Их окружали голоса. На секунду она представила их двоих – он знает, и он рядом, – когда она выпадает из этого мира. Вспыхнув, она склонила голову и принялась за еду. Потом он попросил счет, а она набросила шарф на голову и направилась к двери, вышла из кафе, повернулась и стала ждать. И увидела, что он, наклонившись над столом, чтобы положить деньги, незаметно сунул в карман ложку.

Потом они лежали в постели и дремали, сбросив простыни; легкий ветерок обдувал его тело и шевелил волосы на его груди, а в воздухе словно витал едва слышный шепот, похожий на колебания воздуха над мхом в лесу. И Джоан неожиданно для самой себя начала рассказывать о тропинке на острове, мысленно проходя мимо старых фундаментов и наклоненной ели, ступая по мху, такому глубокому, что не было слышно шагов.

– Когда ты оглядываешься, – сказала она в темноту, – кажется, что ты здесь впервые.

Лен слушал ее голос, описывающий Большой дом: тесные комнаты, стену над лестницей, где медленно и неторопливо двигались блики света. Джоан рассказывала все это с благоговением, словно зачарованная.

– Там нечего делать – нужно просто быть.

– Быть чем?

Джоан сморщила нос.

– Нами, – сказала она после недолгого молчания и посмотрела на него. – Милтонами.

Лен задумался.

– Это единственное место на земле, где я чувствую себя нормальной, – тихо сказала она.

– Нормальной?

– Нет, неправда. – Она приподнялась на локте и погладила его лицо. – Здесь, в этой постели я чувствую себя нормальной. Тоже.

– Тогда я не покину эту постель, пока ты не вернешься.

Она прикусила губу. Лен смотрел ей в глаза. Они еще об этом не говорили. Что будет потом. После Мэна. После лета. Осенью.

– Будешь лежать здесь и ждать?

Он кивнул, и его губы медленно растянулись в улыбке.

– Я тролль, который в конце концов уведет принцессу.

– Двухметровый тролль? – Она рассмеялась. – А что, если принцесса не захочет идти?

– Я тролль, который умеет убеждать.

Глава двадцать третья

Китти ехала в лифте с охапкой свежих роз из сада в Ойстер-Бэй. Она неподвижно стояла в кабине, наедине со своим отражением в полированной латуни. Ей не хватало лифтера, непринужденного молчания, ощущения веса и цели, когда он поворачивал колесо, не хватало решетки в дверях кабины, которую он поднимал и опускал. Теперь все стало тихим и быстрым.

Двери лифта открылись в крошечный коридор с бледно-желтыми шелковыми обоями, столом в стиле Регентства и двумя каминными креслами по бокам. Нежно-розовая гортензия в вазе на столе казалась слегка увядшей, отметила Китти, открывая дверь в квартиру.

Внутри было тихо. Китти стояла в центре прихожей между четырьмя открытыми дверями и прислушивалась. Из гостиной прямо перед ней не доносилось ни звука. Позади нее коридор вел в кладовку и прохладную кухню, где должна была находиться Джесси, хотя и там было тихо. Дверь по правую руку вела в спальню. Слева, через открытую дверь в библиотеку виднелся мягкий закругленный валик кожаного дивана. Яркая полоса света отражалась от темно-зеленой кожи, словно луч, пробившийся сквозь густую зелень леса на Крокетте. В библиотеке зажегся свет, и послышались голоса. У Огдена кто-то был. Она сняла плащ и повесила его рядом с пальто Огдена. Голос прервался – голос Данка. Это был Данк. Китти прислушалась. Складывалось впечатление, что мужчины спорят.

Когда Китти вошла, те подняли головы и умолкли, как будто она дернула за шнур, опуская занавес.

– Привет, дорогая.

Атмосфера в комнате была какой-то напряженной, но Китти не могла понять, в чем дело.

– Секретничаете? – небрежно спросила она.

– Никаких секретов. – Лицо Огдена было бесстрастным. В руке он держал письмо.

– Привет. – Данк встал и обнял ее; тень былой улыбки мелькнула на его лице, успокаивающая и одновременно пугающая. Китти увидела, как сильно он похудел; милый и веселый человек, которым он

когда-то был, уступил место этому серому призраку; как будто он избавился от собственной тени, а то, что осталось, было воздушным и неопределенным.

Китти остановилась в дверях, утратив прежнюю решительность; удлинённый силуэт ее голубого платья выделялся на фоне темной рамы.

– Принести вам выпить?

– Отлично. – Огден улыбнулся ей, но словно издалека.

– Как обычно?

– Мне да. – Он кивнул. – Данк?

– Бурбон, – ответил кузен. – Спасибо, Китти.

В гостиной она достала ведерко для льда, наполнила его, потом взяла стеклянные бокалы без ножки.

Огден сказал что-то неразборчивое, но голос Данка был хорошо слышен.

– Я. Я... мы... за них отвечали. Девятьсот шестьдесят один человек...

«Сент-Луис»^[28], поняла она. Опять. Китти положила по три кубика льда в каждый бокал и взяла бутылку бурбона. Золотистая струя виски полилась на лед.

Данк был идеальным воплощением всего их круга – учтивый, красивый, сильный. Одним из тех, на кого возлагались надежды. Она никогда не замечала его хрупкости, подумала Китти, наблюдая за ним. Она не знала, что с ним делать теперь. Он вызывал неловкость, и она стыдилась этого чувства, порожденного его пьянством, его провокациями. Когда он вспоминал войну и то, что мы сделали или не сделали.

Китти налила в бокал Данка чуть больше, чем себе и Огдену, поставила виски на поднос и отнесла в библиотеку.

– Сколько можно это обсуждать, – раздраженно говорил Огден. – Ты пытался помочь.

– Помочь? – Данк кивком указал на письмо в руке Огдена. – И как же помог ты?

Лицо Огдена окаменело.

– Почему бы просто не признаться в том, что мы сделали? – Данк нахмурился, принимая бокал из рук Китти. Она поставила поднос на письменный стол перед Огденом, взяла свой бокал и села на диван.

– Что мы сделали?

Китти видела, что Огден пытался сохранять терпение.

– Мы... Государственный департамент... отправили людей обратно. А ты...

– Все не так просто.

– Все очень просто. И мы это сделали.

Огден покачал головой:

– Ты сделал все, что мог. Но другие...

– Хватит! – выкрикнул Данк. – Хватит, – повторил он усталым голосом.

– Огден, – подала голос Китти. – Данк. Ради всего святого, что происходит?

Данк крутил в пальцах бокал. Огден посмотрел на нее.

– Помнишь тот день, когда мы впервые осматривали остров? Там была женщина из Германии, моя давняя знакомая.

Китти с усилием сглотнула.

– Эльза Хоффман с сыном, – продолжал Огден. – Помнишь? В те выходные она приехала к Лоуэллам.

Китти медленно кивнула:

– Вилли.

– Да.

Китти ждала.

Огден положил письмо на стол.

– Ее повесили. В сорок втором. В тюрьме Плетцензее. Немцы недавно открыли архивы.

Его лицо исказилось мукой.

– Ох...

– Мы не сомневались, что ее убили. Но не знали как...

– И где, – закончил Данк.

Китти наклонилась вперед:

– Потому что она была еврейкой?

Огден покачал головой:

– Потому что она была героем.

Китти удивленно посмотрела на него.

– Она, ее муж, – продолжал он. – И другие. Она украла с отцовского завода документы, подтверждавшие планы Гитлера...

– И передала русским. – Данк допил остатки виски, глядя в глаза Огдену. – Хотя обращалась за помощью и к нам.

– К тебе? – Китти смотрела на Огдена.

Он кивнул, разглаживая лежавшее на столе письмо.

– Я с ней не был согласен... тогда.

– Я думала, она тебе не нравится.

– Не нравится? – Огден нахмурился. – С чего ты это взяла?

«Я видела твое лицо, – хотелось ей сказать. – Видела, как напряглась твоя спина. Слышала твой голос. В тот день я была нужна тебе, чтобы проявить твердость. Ты нуждался в моей помощи. Тогда, много лет назад, я в этом не сомневалась. Ты не хотел плясать под дудку этой женщины. Ты не хотел, чтобы на тебя давили».

– А мальчик? – выдавила из себя она. – С ним что случилось?

– Не знаю, – задумчиво ответил Огден. – И вряд ли мы когда-нибудь узнаем. Столько детей потерялось.

– Мы должны были предложить ему остаться у нас, – сказал Данк.

– Она не просила, – покачал головой Огден.

На поверхность памяти сквозь толщу лет всплыло лицо Эльзы, каким оно было в тот вечер на террасе у Лоуэллов, решительное и замкнутое – словно рука, высунувшаяся из моря. И ее голос, ее презрительное *о!* зазвучало в голове Китти, как вибрация колокола, заглушенного натянутой веревкой.

Китти аккуратно поставила бокал на приставной столик.

– Мне нужно переодеться к ужину у Уилмердингов, – сказала она и встала с дивана.

Глава двадцать четвертая

Наступило первое августа, и словно по сигналу колокола на скачках большая часть Уолл-стрит сорвалась с места. В «Милтон Хиггинсон» остался лишь необходимый минимум персонала. Лен бродил по коридорам опустевшего офиса, приходя каждое утро, чтобы усесться за свой рабочий стол, просмотреть счета, которые ему приносили, сделать телефонные звонки, на которые никто не ответит до Дня труда; ему нравилось быть одиноким часовым. В тихие послеобеденные часы, когда окна были распахнуты настежь, он продолжал изучать архивы компании, полный решимости до возвращения партнеров из отпуска составить список подходящих кандидатов для идеи, которую он предложил мистеру Милтону.

Как-то вечером в середине месяца Лен открыл один из последних ящичков в архиве. Толщина единственной папки указывала на то, что у фирмы давняя история отношений с этой компанией; Лен отнес ее наверх, положил на свой стол и открыл в поисках заметок Огдена. «Вальзер групп» была немецкой сталелитейной компанией, которую Огден обхаживал в двадцатые, и первая инвестиция была сделана в 1929-м. Договор подписали 19 июня того же года. Несколько страниц с перечислением продукции – в основном шпильки для волос и кухонные краны. Лен быстро листал страницы, отмечая явные признаки удачного капиталовложения – показатели компании стабильно росли на протяжении следующих пяти лет, вплоть до 1935-го: в июле этого года Огден и Вальзер подписали второе соглашение. Рядом с подписью Вальзера – печать со свастикой.

Лен оттолкнул от себя соглашение, словно обжегшись.

Потом медленно и методично пролистал все документы в папке. Третьего письма, разрывающего соглашение, не было. Не было вообще ничего. Ничего, что отменяло бы эти два документа. Фирма «Милтон Хиггинсон» придерживалась заключенных соглашений всю войну. А возможно, делала новые инвестиции. Лен, словно в трансе, встал и направился в мужской туалет в дальнем конце офиса, где открыл кран, сложил ковшиком руки и наполнил их холодной водой. Выпил, снова набрал воды, снова выпил, набрал в третий раз и вылил себе на голову.

Джоан. Ее имя вырвалось из горла, словно рыдание.

Он поднял мокрую голову, с которой падали капли, и посмотрел в зеркало. Именно тогда ему подумалось, что Огден Милтон с самого начала хотел, чтобы он нашел эти документы.

Лен отвернулся и пошел к своему столу; не думая ни о чем, он вернул все папки на место. За исключением «Вальзер групп». Потом аккуратно сложил все в прежнем порядке. Кроме двух соглашений.

Лен снова прочел их, положил к себе в портфель и защелкнул замок. А потом шел домой по раскаленному городу, почти бежал, ничего не видя вокруг.

– Редж, – окликнул он, войдя в квартиру. В комнатах было тихо, окна открыты. Лен вошел, положил портфель на стол, подошел к окну, обернулся и снова позвал: – Редж?

Его взгляд упал на сделанные «поляроидом» фотографии, прикрепленные над диваном. Не заметить их было невозможно – все лица, смотревшие из картонных рамок, хотели, чтобы человек с фотоаппаратом исчез.

Лен долго разглядывал их, потом отвернулся и направился на кухню. Лампочка в открытом холодильнике светилась в темной комнате, словно костер в лесу. Он достал пиво, вернулся в комнату и сел под фотографиями Реджа, пытаясь понять, на каком он свете.

В тот вечер в «Пятерке» было жарко, темно и многолюдно, и Редж с Моссом устроились за маленьким столиком у края сцены. Квартет под названием «Шариковые ручки» настраивал инструменты на сцене, и сквозь гул голосов пробивались только звуки пианино. У них сложилась привычка ходить в бары вдвоем, молча сидеть и наблюдать. Собирать информацию, подумал Редж в один из вечеров. Обоим казалось – хотя они не говорили об этом вслух, – что этим летом они пребывают в каком-то промежуточном состоянии, топчутся на месте. Мосс передвинул свой стул так, чтобы оказаться спиной к ударной установке и лицом к залу; он смотрел на людей и барабанил пальцами по столу, напряженный и отрешенный – таким его Редж раньше не видел.

В конце недели он должен был уехать в Мэн вместе с семьей. *А потом...* Мосс скользнул взглядом по трем мужчинам за соседним

столиком. Их ноги отбивали ритм. Мосс смотрел. Не в такт. Он покачал головой и улыбнулся, хотя на душе у него скребли кошки.

Что он хочет? Вопрос, дремавший в глубине сознания, вырвался на свет. Выглянул, а затем снова нырнул в темноту. Руки служанки, одергивающие его белую рубашку и заправлявшие ее за пояс, слегка подталкивающие его вперед. Тут пригладить, там подтянуть, повернуть – и вот он появляется в гостиной, ловя на себе быстрый оценивающий взгляд матери. «А это Мосс, – говорит она, улыбаясь людям, которые сидят с коктейлями в усталой ковровой комнате. – Наш старший».

Он посмотрел на Реджа, который сидел абсолютно неподвижно и курил, склонив голову набок. Моссу хотелось провести следующий месяц в прокуренном баре, слушая музыку вместе с Реджем. А не на острове. Не там, в самом красивом месте на земле. Где хватка Милтонов была такой сильной, что он не мог дышать.

– Ты знаешь Лоррейн Хэнсберри? – тихо спросил он, разглядывая парочку за дальним столом.

– Потому что я негр из Чикаго?

– Не-е-е-т. Нет. – Мосс повернулся к Реджу, несколько не обидевшись. – Я имел в виду, видел ли ты «Изюминку на солнце»?

– А ты?

Мосс кивнул.

– И?

– Я впервые увидел свою историю на сцене.

– Твою историю?

Мосс кивнул, глядя в глаза другу.

– Что-то захотеть, захотеть очень сильно. Хотеть, хотеть и знать, что это невозможно... невозможно. То, что ты хочешь, совсем рядом, у самой поверхности. Но недостижимо. А желание не пропадает.

Редж посмотрел на него.

– О чем это ты? – в его тоне сквозило раздражение. – Ты можешь получить все, что пожелаешь.

– Нет, Редж. – Мосс прищурился. – Не могу.

Барабанная дробь прозвучала резко, словно выстрел, так что они вздрогнули – Филли Джо Джонс на ударных повел их за собой в музыку; палочки в его руках мелькали, высекая ритм, словно спички огонь, вдыхали жизнь, опьяняли; затем вступил потрясающий Джим

Моллоу со своей трубой, медленно, словно девушка, которая впервые пришла на вечеринку и мнется в нерешительности; а барабаны все гремели, оглушали, и Мосс вскрикнул и повернулся к Реджу, который кивнул ему; а затем труба вывела долгую ноту, золотистой спиралью повисшую у них над головой, и Редж перенесся в то место в переулке, где они обычно встречались с Леном, чтобы идти в школу, а потом еще дальше, к отцу и к матери, закутанной в меха: она выглядывала в окно их большого черного «бьюика», выпростав обнаженные руки из меха, а отец сидел, закинув ноги на приборную доску, и оба смотрели на него, идущего к ним, чтобы прокатиться к озеру. Он видел плечи отца и шляпку матери, а потом они поехали, с опущенными стеклами. Была весна, ветер приносил легкий запах гнили от выброшенной на берег сельди, и они все ехали и ехали, а когда оказались на берегу озера, отец притормозил, свернул на обочину и остановился, не выключая двигатель.

Слева вдали блеснул на солнце Чикаго, а мимо проносились автомобили, мчавшиеся по дороге вдоль озера. Он слышал далекое гудение надземки. Они сидели в машине, и родители смотрели вперед, через ветровое стекло. Редж протянул руку и открыл дверцу.

– Нет, сынок, – сказал отец.

Редж удивленно посмотрел на него.

– Сиди, – повернулась к нему мать.

Редж снова откинулся на кожаное сиденье. Втроем они сидели в машине и молчали. Перед ними раскинулся город. Дрожали яркие воды озера Мичиган.

Через какое-то время отец опустил руку, снял машину с тормоза, затем развернулся и поехал назад, к дому. *О, мама*, гремели ударные. *О, папа*, взывала труба. Это звучала жизнь Реджа. Ты можешь носить меха, ты можешь ходить в церковь, ты можешь иметь собственный дом, ты можешь молиться. Да, ты можешь молиться. И ты можешь уехать далеко, но тебе придется повернуть назад. Далекое, но не дальше. Жизнь, и печаль, и ритм. Этот ритм, который что-то обещал – что бы это ни было.

Мосс вскочил, вместе с остальными посетителями, хлопал в ладоши и кричал. Но Редж боялся, что заплачет. Ему хотелось плакать – как любому мальчишке, сидящему в темноте наедине с

нахлынувшими воспоминаниями. Он закрыл лицо руками и позволил музыке захватить себя.

Моллоу извлек последнюю ноту, которая протянулась над головами и обращенными к нему лицами людей, а затем выпорхнула из двери на улицу. Она казалась бесконечной. Потом он умолк, и наступила тишина. Абсолютная. Песня теперь звучала в их головах.

А потом Филли Джо встал и вытер свою ударную установку и взмокшую шею. Музыканты один за одним спускались со сцены и шли к бару выпить. Снова обычные люди.

– Черт! – Мосс сел. – Вот что мне нужно. Ты это слышал? Тот момент, кульминация мелодии. *Господи...*

Редж смотрел в свой бокал; музыка измотала его.

– Вот какие чувства я хочу вызывать в людях, – сказал Мосс. – Если бы я мог сделать что-то подобное, взять эту искру и раздуть, раздуть ее, как это делал Моллоу...

– О чем это ты, черт возьми?

Мосс посмотрел на Реджа, словно видел его впервые, и, не слыша раздражения в его голосе, продолжил:

– Моллоу берет свою трубу... и это его, это все его, его история, его воспоминания, которые он вплетает в каждую ноту. Но я слышу, – сказал Мосс. – Я тоже это слышу. И не имеет значения, что он черный, а я белый. Я слышу. И это доказательство.

– Доказательство чего?

– Это произойдет. Это скоро произойдет. Басы взрываются.

– Что *это*, черт возьми?

– Перемены, приятель. Мы здесь. Мы все здесь. Но мы скоро изменимся. Это решающий момент. Все скоро взорвется...

– *Мы?*

– Да, – ответил ему Мосс.

Редж покачал головой:

– Ты абсолютно невозможен.

– Почему? – Мосс устремил на него взгляд своих голубых глаз.

– Потому что не знаешь, о чем говоришь. Мы не слышим друг друга, хотя тебе кажется, что ты слышишь. Мы на это не способны.

Гнев и растерянность, мелькнувшие на лице Мосса, быстро исчезли.

– Докажи.

– Я не могу доказать то, что ты не видишь. – Редж немного успокоился.

Мосс покачал головой:

– Я вижу кое-что другое.

– Ты смотришь на меня... и что ты видишь?

– Реджа Полинга, – быстро ответил Мосс.

– Первое? Первое, что ты видишь?

Мосс покраснел.

Редж кивнул.

– Вовсе нет, – мягко сказал он. – Ты видишь негра. Никакие это не новые времена, что бы ни думали такие, как ты.

Но зачем говорить это именно так, подумал Мосс. Так жестко. Загонять в угол.

– Когда я смотрю в этот зал, то вижу разные племена, – продолжал Редж. – Мужчины приходят сюда для встреч друг с другом. Девушкам позволяют присутствовать. Столики разных племен. И это не изменишь. Человеческие существа выжили потому, что объединялись в племена. *Это* факт. И мы ничего не можем с этим поделать, разве что признать другое племя и слушать их барабаны...

– Да? – Мосс наклонился к нему. – Тогда кто мы с тобой, Редж? Какого мы племени?

– Все не так просто, – запротестовал Редж.

– Просто.

– Ты гредишь, приятель.

Мосс кивнул.

– А если нет?

Редж замер на секунду. А затем его черное серьезное лицо расплылось в широкой белозубой улыбке, растрогавшей Мосса до глубины души.

– Смотри. – Мосс ухмыльнулся и протянул к нему обе руки через стол. – Видишь? – Он схватил Реджа за плечи и радостно встряхнул.

– Ладно, приятель. – Редж не сопротивлялся. – Хорошо. Остынь.

Они посмотрели друг на друга.

– Послушай, – сказал Мосс. – Приезжай на остров. Правда.

Идея только что пришла ему в голову.

– Куда ты меня зовешь?

Почему он не подумал об этом раньше? Мосс удивленно тряхнул головой.

– На остров.

– Какой остров?

– Крокетт, – объяснил Мосс. – Каждое лето мы проводим в Мэне. Я еду туда в эти выходные. Мы плаваем под парусом, ходим по горам, поем, едим омаров. Невозможная и прекрасная скука.

– Остров?

– Честное слово, – с улыбкой подтвердил Мосс. И внезапно ему очень захотелось, чтобы Редж оказался на острове вместе с ним, посмотрел на всех своим внимательным взглядом.

– Именно такими приглашениями разбрасываются люди, подобные тебе, – со вздохом сказал Редж.

– Подобные мне? Я единственный в своем роде, – парировал Мосс.

– И совершенно точно там не место таким, как я, – осадил его Редж.

– И что, по-твоему, произойдет? – Мосс был абсолютно серьезен.

– Ничего, – быстро ответил Редж. – Ничего, черт возьми, не произойдет. Я буду окружен молчанием и вежливыми улыбками. Как Покахонтас в Лондоне.

Мосс задумался.

– Ты знаешь, что я прав, – сказал Редж. – Ты учился со мной в Гарварде.

– Но я не был с тобой, – не отступал Мосс. – Я тогда не понимал.

– Ты и теперь не понимаешь.

– Ты думаешь, что Север – это мечта. – Мосс наклонился вперед. – Покажи нам. Покажи, чтобы я мог увидеть. Разве ты не говорил, что именно это и хочешь сделать? Приезжай на вечеринку моей сестры. Приезжай и докажи.

Редж колебался.

– Возьми с собой Лена, – настаивал Мосс. – Привози Лена. Я научу его ходить под парусом.

– Еврей и черный? – усмехнулся Редж.

Со страдальческим выражением лица, которое он теперь не думал скрывать, Мосс встал, потянулся и взял куртку, висевшую на спинке стула.

– Приезжай, – сказал он. – Прошу.

Редж бросил сигарету на пол и придавил ногой.

– Как это будет выглядеть? Мы берем напрокат лодку и просто приплываем... причаливаем и звоним в колокольчик?

– Что-то вроде, – тихо ответил Мосс и протянул руку.

Редж ответил на рукопожатие. Лицо Мосса было таким серьезным, таким симпатичным, что он не мог отвести взгляд.

– Приезжай и посмотри.

– На что?

На меня, подумал Мосс. Приезжай и посмотри на меня.

– На нас, – небрежно бросил он. – На Милтонов. Давай.

Редж сидел неподвижно, провожая взглядом Мосса, пробиравшегося сквозь толпу к выходу из клуба.

Ему достаточно, и всегда было достаточно просто знать это, каждый день просто видеть ложь и строить свою стену, отмечая и обозначая ее. И ему было плевать, пока он не пришел на вечеринку к Моссу Милтону и не увидел, как тот с улыбкой повернулся к нему. Редж очень хотел поверить в идеи Мосса – но ничуть не меньше он хотел доказать, что тот ошибается. Раз и навсегда доказать таким людям, как Мосс, что их воображаемая Америка невозможна, пока все не увидят то, что видит черный. Он хотел заставить Мосса *увидеть*. Мосс разбудил в нем непреодолимое любопытство, и сближение с ним – его будущее, его судьба. Все остальное неважно, понял теперь Редж, и почувствовал нечто вроде страха. Он был не в силах этому сопротивляться.

Когда Редж открыл дверь, Лен сидел в темной гостиной и курил. Редж включил свет.

– Что происходит?

Лен повернул голову, посмотрел на него, потом ткнул пальцем в бумаги, лежавшие перед ним на столе. Редж подошел ближе.

– Что это?

Лен поднялся со стула, встал рядом с ним и указал на даты.

– Что ты на это скажешь?

– Господи, – пробормотал Редж, разглядывая документы. – Значит, Милтон нацист.

– Может быть, – быстро ответил Лен. – А может, нет.

Редж повернулся и посмотрел на него.

– Мы ничего не знаем, – подчеркнул Лен.

– Что ты собираешься делать?

– Спросить его.

– О чем?

– Придерживались ли мы соглашений всю войну.

– Мы? Кто такие «мы»?

– Фирма. «Милтон Хиггинсон»...

Редж смотрел на него и чувствовал себя старше, чем само время.

Старым и печальным. И впервые в этой комнате он бил в набат один.

– С каких это пор она стала твоей?

Лен не ответил.

Разбить все, разнести в щепки, подумал Редж.

– Моссу будешь говорить?

– Моссу? – Лен удивленно посмотрел на него. – Говорить Моссу?

– Это может его освободить.

– Что ты имеешь в виду?

– Даст Моссу то, что ему нужно, чтобы уйти.

Лен задумчиво смотрел на Реджа. Но думал он не о Моссе.

Глава двадцать пятая

В день, когда была назначена встреча, Эви в одиннадцать утра открыла массивные двойные двери дома номер 30 на Брод-стрит, где на втором этаже находился офис юридической фирмы Дика Шермана, а первый этаж когда-то занимал банк «Милтон Хиггинсон». Сколько она себя помнила, в любой запутанной ситуации все всегда говорили: «Спроси Дика Шермана». Старину Дика, как называли адвоката ее деда, сменил Молодой Дик, одноклассник ее дяди Мосса, которому было уже за восемьдесят и который всю свою взрослую жизнь вел дела их семьи. Не застав никого в комнате для переговоров, она прошла в женский туалет, деликатно замаскированный под вход в зал заседаний совета директоров, и там наткнулась на свою кузину Мин (сокращение от Минервы), которая мыла руки, склонившись над одной из раковин.

– О. – Эви остановилась. – Давно ты пришла?

– Минут пять назад. – Мин убрала ладони из-под крана, повернулась и в знак приветствия слегка толкнула кузину плечом; с ее рук капала вода.

Грациозная блондинка, танцевавшая кадрили, обожавшая играть в лакросс и в 1983-м закончившая Гарвард, Мин уехала как можно дальше на запад страны. Ей с детства внушали мысль, что ее должно быть видно, но не слышно, и, став взрослой, она рассматривала тишину – любого рода – как вызов. Она не терпела не только молчания, но и вообще тишины. «*Она никогда не затыкается*», – ворчал Пол почти каждое лето. Мин твердо верила, что разговор – единственный способ добраться до сути всего, и это относится как к ней самой, так и к любому, кто имел несчастье оказаться поблизости. Она верила в теорию Юнга, имела четырех собак и маленький дом в парке Гриффит в Лос-Анджелесе, и каждый месяц присылала им информационный бюллетень, озаглавленный «Изнутри».

– Не думала тебя увидеть, – сказала Эви.

– Почему?

– Долгий путь ради этой встречи.

Мин посмотрела на отражение Эви в зеркале, встряхивая руками над раковиной. На ней было льняное платье без рукавов и синие замшевые сандалии на пробковой подошве; ее тело спортсменки оставалось гибким и сильным.

– Хочешь сказать, очень важной встречи?

– Ты что-то знаешь, чего не знаю я?

Мин выпрямилась:

– Нет, Эви.

Эви кивнула и передала ей одно из полотенец, которые были незаметно сложены стопкой рядом с каждой раковиной. Мин взяла полотенце, вытерла руки и со вздохом уткнулась лицом во влажную ткань. Затем двоюродные сестры вернулись в офис и прошли мимо столика секретаря в комнату для совещаний.

– Привет, Шеп. – Эви улыбнулась кузену, брату Мин, который уже сидел за столом.

Шепард Пратт вскочил и обнял женщин – с непринужденной грацией любителя развлечений на свежем воздухе. Ему было под пятьдесят, но выглядел он моложе и гордился этим. Шеп трудился в самых разных общественных организациях, без усталости заботясь о сиротах, жертвах наводнения и находящихся на грани вымирания горных гориллах, пока не устал от них и не переключился на свое самое последнее предприятие: организацию прогулок на яхте из порта Рокленда. Привлекательный, разведенный и неприступный, он пользовался своим очарованием как броней.

– Где Харриет? – спросила Мин.

– Не волнуйся, я уже здесь, – в зал проскользнула кузина Эви, Харриет. Мисс Мышка, как называл ее дедушка. Точная копия Эвелин, Харриет рано вышла замуж за мужчину из рода Моффатов, переехала в Бикон-Хилл в Бостоне, родила четырех огромных мальчиков, которые выросли и самозабвенно гоняли на яхтах вокруг острова, и уже отправила младшего в колледж. В свои сорок пять она по-прежнему была похожа на мышку – черные блестящие глаза на крошечном, живом лице.

– Привет всем. – В дверях появился последний из кузенов, Генри, одетый, как всегда, – отметила Эви – в безупречный темно-синий костюм. Он всегда занимал руководящие посты, а костюм подчеркивал его седеющие волосы, и в нем он выглядел свежим и энергичным.

Остальные связали свою судьбу с некоммерческими организациями, наукой или искусством, но Генри Хотон Пратт, старший из кузенов Эви, взял все деньги, которые у них имелись, и сделал то, что было у них всех в крови, – инвестировал их.

– Начнем, – объявил он. – Нам нужно многое решить.

Конечно, он был компетентным, умным и любил остров не меньше Эви, но именно его претензии на главенство вызывали упорное сопротивление – при каждой встрече. Словно брат и сестра, они всю жизнь сражались друг с другом за первенство – на теннисных кортах, за обеденным столом, в университетских аудиториях.

– И что же мы решаем, Генри? – спросила она.

Он не ответил, а переместился в дальний от двери конец стола и поставил на него портфель.

– У меня есть кое-какие соображения, – подал голос Шеп, опередив брата. – О необходимом ремонте... небольших изменениях...

Мин застонала. Прошлым летом они впустую потратили целый вечер, «составляя список» того, что необходимо сделать. Харриет хотела выбрать новые обои, немного *повеселее*, умоляла она: если мы не хотим продавать остров, давайте, ради всего святого, покажем, что он наш.

– А мне нравятся синие лодки, – запротестовала Эви. – Я их считала, когда приходилось ждать, чтобы нас выпустили из-за стола.

– Они уродливые, – решительно заявила Харриет. – И грязные.

– Ладно, тогда почему бы не поискать что-то похожее?

– А почему бы нам не покрасить стены? Забыть об обоях, – предложила Мин. – Почему бы не попробовать что-то новое – поскромнее.

– Мне плевать, какие будут стены, черт бы их побрал, давайте хоть что-нибудь решим, – простонал Генри.

Все молчали.

– Что будем делать?

– Красить, – сказал Шеп, вступая в драку. – Я согласен с Мин.

– Может, вы, ребята, все же позволите мне поискать обои такого же цвета, а может, и с похожим рисунком? – спросила Эви.

– Я понятия не имел, что вдобавок ко всем твоим научным степеням ты еще и декоратор.

– Теперь имеешь.

– А что, если ты ничего не найдешь? Тогда мы вернемся к началу.
– Тогда мы покрасим стены, но в такой же оттенок синего.
– Отлично, – сказал Генри и переместился в кладовку. – А здесь что?

Но Эви не нашла подходящих обоев – даже не искала. Ее снова затянула городская жизнь и осенний семестр, и на этом все закончилось.

– Небольшие перемены, – продолжил теперь Генри, отмахнувшись от брата, – это не то, для чего мы сегодня собрались. Мы все знаем, что деньги в трасте острова когда-нибудь закончатся, и нам нужны идеи, как заработать еще. Нам нужен план, – он выдержал паузу, явно собираясь изложить этот план.

– Может, нам пригласить «Поттери Барн»? – перебила его Харриет. – Они могли бы устраивать там фотосессии.

Все посмотрели на нее.

– Серьезно, Харриет? – Шеп улыбался. Никто никогда не принимал Харриет всерьез.

– А почему бы и нет? – сказала она. – Они платят кучу денег за красивые места.

– «Ральф Лорен», если уж на то пошло. – Мин закатила глаза.

– Вечно ты придираешься, – повернулась к ней Харриет.

– И какой у тебя план, Генри? – Эви не отрывала взгляда от кузена.

– На самом деле это не совсем мой план. Мама перед смертью думала об этом, и я лишь выступаю от ее имени.

– Продолжай.

– Мама считала, и я с ней согласен, что мы должны продать часть Крокетта, достаточно большой участок, чтобы там можно было построить дом, с хорошим видом. Где-нибудь в стороне от Большого дома и причала, отдельно.

– Например? – мрачно поинтересовалась Эви.

– На площадке для пикника, – ответил Генри. – Согласись, это отличный выбор. А скалы внизу послужат естественным молотом, где можно построить второй причал.

– Только не это, – выпалила Эви.

Все четверо повернулись к ней.

– Что? – спросил Генри. – Почему?

– Мама хотела, чтобы ее прах похоронили там.

– А кладбище чем не устраивает?

Эви вспыхнула и принялась разглядывать свои руки.

– Она не хотела лежать на кладбище; она хотела, чтобы ее похоронили там. Среди скал.

Генри покачал головой:

– Это может помешать продаже.

– Больше тебе нечего сказать? – Эви повернулась и посмотрела ему в глаза.

Он не отвел взгляда.

– Она выбрала это место, – сказала Эви.

– Ты этого не сделаешь.

– Я обещала, Генри.

– Ты не имела права обещать такое, – сухо заметил он. – Остров теперь принадлежит нам пятерым.

Эви растерялась.

– И мама бы этого не хотела, – прибавил Генри.

Все молчали.

– Твоя мать умерла, – сказала Эви.

Печаль на лице кузена удивила Эви – как будто его мать только что умерла и горе было еще свежим. Он защищает Эвелин, поняла Эви. Это очевидно. Но от чего? От нее? Генри скрестил руки на груди.

– Генри, – уже мягче повторила Эви. – Тетя Эвелин умерла.

– Я не могу тебе этого позволить. – Он медленно покачал головой. – Я должен учитывать ее желание.

Эви отвернулась.

– В любом случае это неправильно. – Он вздохнул. – Это было бы несправедливо по отношению к маме или к дяде Моссу.

– Несправедливо?

– Исполнить это желание тети Джоан.

– Несправедливо?

Он кивнул, но не повернулся к Эви.

– Генри, – голос его сестры звучал твердо.

Эви посмотрела на Мин.

– О чем вы говорите?

– Ты знаешь, что это неправильно, – сказал он, разглядывая документы, лежавшие перед ним на столе. Он не поднимал взгляда на

Мин, но и не сдавался. – Ты знаешь. Мама рассказала нам, что случилось. Это неправильно.

Харриет замерла, скрестив руки на груди, а Шеп принялся рисовать каракули в блокноте. Мин смотрела на Эви, которая молча сверлила взглядом Генри. Тишина в комнате была похожа на удар кулаком в солнечное сплетение. Совершенно очевидно, все они знали, что имеет в виду Генри.

– О чем вы все говорите? – медленно повторила Эви. – Что вам рассказала тетя Эвелин? Что случилось?

Генри не ответил.

– Мин? – спросила Эви.

– Знаешь, мама хотела избавиться от всего острова, – тихо сказала Харриет.

Генри поднял голову и нахмурился:

– Нет.

– Хотела. – Харриет теперь смотрела на брата, довольная, что поставила его в неловкое положение. – Она мне сама говорила.

– Только от части острова. – Генри выпрямился на стуле. – Всего лишь. Ты, как обычно, все немного перепутала. Я уже объяснял это раньше.

– погоди, – сказала Эви. – Что ты имеешь в виду, Генри?

– Думаешь, ты все знаешь, да? – Харриет откинулась назад и снова скрестила руки. Она смотрела только на брата, не обращая внимания на Эви. – Тебя не было с мамой в ее последнее утро. Тебя там не было.

Она скользнула взглядом по Шепу и Мин:

– И вас тоже не было.

– Мама сказала, чтобы мы избавились от острова? – Шеп был потрясен.

Харриет кивнула:

– Она его не хотела. Она не хотела, чтобы он остался у нас.

– Она не хотела, чтобы он остался у *Джоан*, – подала голос Мин.

Эви замерла.

(Что делает Джоан? Эви вспомнила встревоженный голос тетки, доносившийся из спальни в последнее лето ее жизни. Где Джоан?)

– Всем привет. – В дверях комнаты для совещаний появился Дик Шерман, красивый, седовласый, как всегда, безупречный в своем

твидовом костюме. Он протягивал руку, то ли не замечая, то ли игнорируя напряженную атмосферу в комнате.

– Привет, Шепард. Прошу прощения, что заставил вас ждать. Генри... – Он обошел вокруг стола, приветствуя каждого, излучая доброжелательность и энтузиазм.

– С каждым днем вы становитесь все больше похожи на маму, – сказал он Эви.

Она натянуто улыбнулась.

Шерман кивнул и отошел в сторону, готовый начать.

– Порядок? – Он не стал садиться. – Всем удобно?

Ответом ему было молчание.

– Давайте прямо к делу, Дик, – предложил Генри; он мельком взглянул на Эви, затем снова посмотрел на адвоката.

– Хорошо. – Дик Шерман кивнул и придвинул к себе папку с документами. – Мы собрались тут, выполняя волю вашего деда; через шесть месяцев после смерти последнего из ваших родителей вы должны собраться для оценки.

– Оценки? – переспросил Генри. – Что вы имеете в виду?

Адвокат прочистил горло:

– Вы планируете оставить себе остров?

– Конечно, – твердо заявила Эви.

– А в чем дело? – осторожно поинтересовался Генри.

– С учетом скорости роста расходов на остров, – сказал Дик Шерман, окидывая взглядом сидящих перед ним людей, – деньги в трастовом фонде закончатся в следующем году.

Все молчали. Эви посмотрела на Мин.

– Закончатся? – нарушил молчание Шеп. – Совсем?

Дик Шерман кивнул.

– Сколько осталось в фонде? – спросил Генри.

– Я не имею права разглашать эту информацию. Ваш дед настаивал на этом.

– Почему?

– Зная его, я полагаю, – сказал Дик, – что он хотел избавить вас от ненужных волнений.

– Ради всего святого, – простонал Генри. – Мы не дети.

Дик Шерман ничего не ответил.

– А теперь хорошие новости, – пошутила Мин. – Во сколько обходится содержание острова?

Адвокат извлек из папки лист бумаги, заглянул в него и ответил:

– Около ста тысяч в год. Плюс-минус.

Никто не произнес ни слова. Серьезная сумма.

– Можете расшифровать? – сухо спросил Генри.

– Сюда входят расходы на дом, яхты... и зрителя.
Приблизительно по двадцать тысяч.

– Столько у нас всех найдется, – сказал Генри, обращаясь к Эви.

– Не для этого, – покачала головой Мин.

– Многовато, – заключил Шеп.

Эви не ответила. Нереально, но *почти* по средствам.

Дик Шерман сцепил руки и оперся на стол.

– Если мы решим продать все сейчас... в этом году, – спросила Харриет, – то получим остатки фонда плюс то, что выручим за остров?

– Верно.

– Сколько?

– Консервативная оценка? – Шерман задумался. – Я бы сказал, три с половиной миллиона.

Харриет откинулась на стуле.

– Но мы не собирались его продавать. – В голосе Эви звучала тревога.

– Именно поэтому ваши бабушка и дедушка настаивали на этой встрече. – Шерман посмотрел на нее. – И я обязан вам напомнить, что, к какому решению бы вы ни пришли, оно должно быть *единогласным*. Боюсь, продажа невозможна без согласия всех пятерых.

– Но мы должны принять решение до следующего года, пока не закончились деньги. – Шеп барабанил пальцами по столу.

– Зачем ждать, пока не закончатся деньги? – не сдавалась Харриет. – Если мы все равно его потеряем, почему не продать прямо сейчас – каждый получит не меньше полумиллиона долларов. Если будем ждать, то нам придется *платить* за него, пока он будет продаваться, и мы получим только...

– Остров, – перебила ее Эви. – Мы получим остров еще на один год и время выяснить, можно ли его сохранить.

Все задумались.

– Итак, к чему мы пришли? – спросила Харриет. – Что будем делать?

– Совершенно очевидно, что мы не будем принимать решения прямо сейчас, – возразил Шеп. – Разве не в этом смысл нашей встречи? Попс и бабушка Ки хотели, чтобы мы начали думать, – вот и все.

Упоминание о бабушке и дедушке охладило страсти, и все немного расслабились. Шеп посмотрел на Эви на другом конце стола и улыбнулся ей; она вздрогнула, сообразив, что он считает ее союзником в будущей, еще не имевшей названия битве.

– Мы можем выиграть время, – предложил он. – Сдать остров в аренду.

Харриет посмотрела на него, но ничего не ответила.

– Очень много мороки, – сказал Генри. – И я уверен, что страховка на лодки взлетит до небес.

– Отличная идея, Шеп, – поддержала кузена Эви. – В любом случае мы получим пространство для маневра.

– Только отсрочим неизбежное, – медленно проговорил Генри.

– Не бывает ничего неизбежного, – парировал Шеп.

– Нам нужно выработать план – и это неизбежно. – Генри покачал головой и повернулся к Эви: – А теперь, наверное, пора обсудить твой вопрос.

Обруч, словно сжимавший грудь Эви с самого начала встречи, стал еще теснее, так что ей стало трудно дышать.

– В чем дело? – спросил Дик Шерман.

– Мама хотела, чтобы ее прах похоронили в дальнем конце площадки для пикника, – сказала Эви.

– Что очевидно противоречит плану *моей* матери, который поможет нам с оплатой расходов, – объяснил Генри.

Дик пожал плечами и посмотрел на Эви.

– Все в порядке. Законы штата не запрещают захоронений на частной земле.

Она благодарно улыбнулась адвокату.

– Если я не ошибаюсь, Дик, – сказал Генри, – для подобных действий требуется согласие *всех* владельцев.

Эви повернулась к кузену, сидевшему во главе стола.

– Заткнись, Генри, – быстро сказала Мин.

– Послушайте, Дик. Речь идет о продаже части острова, небольшой части. А желание Джоан может затруднить сделку. – Он был непреклонен. – Которая нам необходима. Которая поможет оплатить расходы на остров... и сохранить его. – Он посмотрел на Эви. – Вот и все. Мы должны подумать об этом. Я думаю о будущем.

Эви смотрела на него, не в силах вымолвить ни слова.

– В любом случае... – Дик Шерман откашлялся. – Пока можно реализовать идею Шепарда.

Все встрепнулись.

– Ко мне обратился человек с вопросом, может ли он арендовать участок где-нибудь в конце августа, приблизительно через неделю после Дня труда...

– Это не участок, – не сдержалась Эви. – Это остров.

– По всей видимости, он проплывал мимо в начале лета. Вместе с друзьями.

– Как его зовут? – спросил Шеп.

– Он банкир из Бостона. Сомневаюсь, что вы его знаете.

– Как его зовут? – повторил вопрос Шеп.

– Чарльз Леви.

– *Чарли* Леви? – переспросила Мин. – Сколько ему лет?

– Думаю, он примерно вашего возраста.

– Окончил Гарвард?

– Не знаю, – признался Дик.

– Если он тот, о ком я думаю, мы вместе учились. – Она ухмыльнулась. – Бабушку Ки хватил бы удар.

– Почему?

Мин не торопилась отвечать, явно наслаждаясь ситуацией.

– Он нувориш, – насмешливо произнесла Мин. – И еврей.

– Но у него *точно* есть деньги, – сказала Харриет.

– О да, – сухо ответила Мин. – Навалом.

– Почему бы не продать ему площадку для пикника – так мы одним выстрелом убьем двух зайцев, – с улыбкой предложила Харриет. – Если он влюбится в это место.

Довольная собой, она обвела присутствующих взглядом и прибавила:

– Как влюбляются все.

– Сомневаюсь, что он захочет. Для этого нужен человек определенного склада... возможно, он даже не умеет ходить под парусом, – заметил Генри.

– Человек определенного склада? – уточнила Мин.

– А мы не слишком торопимся? – вмешался Шеп. – Нам не обязательно решать это прямо сейчас.

– Когда-нибудь все равно придется. – Генри покачал головой и посмотрел на Эви. – Я соглашусь похоронить прах тети Джоан на площадке для пикника при условии, что ты обдумаешь мамину идею – в следующем году продать эту часть острова.

– Генри, не будь козлом, – сказал Шеп.

Генри проигнорировал брата.

– Эви, включи здравый смысл.

– Продать ту часть, где мама завещала ее похоронить? Чужому человеку? Который понятия не имеет, что это значит? Для нас?

– Вряд ли Леви будет беспокоить, что тетя Джоан лежит не на кладбище, – сказала Харриет. – Ведь он еврей, да?

Не обращая внимания на младшую сестру, Генри сцепил пальцы и положил локти на стол, глядя в глаза Эви:

– Что скажешь?

Эви посмотрела на него, тяжело вздохнула и встала.

– В данный момент ничего.

– Черт возьми, Эви...

– Мы закончили? – Эви повернулась к Дикю Шерману.

– Остался один вопрос, – ответил он.

Его серьезный тон заставил ее снова опуститься на стул.

Все пятеро смотрели, как адвокат извлекает из папки знакомый конверт цвета зеленого мха, и Эви с замиранием сердца узнала канцелярские принадлежности «Мерримейд», которыми пользовалась бабушка.

Шерман достал из конверта лист бумаги и прочел:

– «В конце концов, Эви, возможно, права. Прошое можно исправить. Я бы хотела, чтобы доля Мосса в острове Крокетт перешла к мистеру Реджинальду Полингу из Нью-Йорка, как Мосс того желал».

Дик Шерман снял очки.

– Подписано: Кэтрин Хотон Милтон.

Все взгляды были устремлены на Эви, которая сидела как громом пораженная.

– Кто, черт возьми, этот Реджинальд Полинг? – нарушил наконец тишину Генри.

– Это ты уговорила бабушку Ки? – спросил Шеп у Эви.

– Нет, – запротестовала она. – Я понятия не имею, о чем речь.

– Это написала бабушка?

Адвокат кивнул и протянул Мин лист бумаги. Эви склонилась над ним. Запись от руки, но почерк явно бабушкин, датировано годом ее смерти, 1988.

– Карандашом. – Генри стоял у них за спиной. – Документ, написанный карандашом, не имеет юридической силы. Правильно?

– Да, – осторожно подтвердил Дик Шерман. – Это просьба, а не официальное завещание, но ее желание очевидно.

– Все равно это какая-то бессмыслица, – заявил Шеп. – Попс никогда бы не расстался даже с частью Крокетта. С какой стати это делать бабушке?

– Таково желание дяди Мосса. Это была его доля.

– А разве дядя Мосс не был слегка неуравновешенным?

– Мосс? – Дик Шерман повернулся и строго посмотрел на Шепу. – Ни в коей мере.

– Мама и тетя Эвелин об этом знали? – спросила Эви.

– Нет, насколько мне известно.

Все молчали.

– Но кто такой Полинг, черт бы его побрал? – снова спросил Генри. – Он еще жив?

– Это нам предстоит выяснить, – ответил Шерман.

– Значит, он полностью нам не принадлежал, – сказала Харриет. – Все это время.

– Принадлежал. И принадлежит... все еще, – настаивал Генри. – Нам нужно *обдумать* слова бабушки.

– Нет, – рассмеялась Харриет. – Он никогда не был полностью нашим. Начиная с того, что и не должен был.

– Что в этом смешного? – огрызнулся Генри.

Младшая сестра посмотрела на него широко раскрытыми глазами:

– Мы, Генри.

Он с отвращением покачал головой.

– Сегодняшняя встреча, – осторожно вставил Шерман, – дает вам возможность подумать, хотите ли вы проявить уважение к желанию бабушки.

– А разве мы *должны* проявлять уважение? – Генри покачал головой. – Мы же не обязаны ему сообщать?

– Бабушка этого хотела, – возразила Мин.

– Но обязаны ли мы? Посмотрите, как это сформулировано. «Я бы хотела»...

– Эти тонкости – не наше дело, Генри.

– Крокетт оставлен нам. Во владение и управление. А не кому-то другому. Если появится еще кто-то... посторонний, это...

– Снизит цену? – невозмутимо продолжила Харриет.

– Не передергивай, – вспыхнул Генри. – Я отказываюсь быть средством разрешения какой-то неизвестной проблемы моих бабушки и дедушки. Почему я? Почему мы? А как насчет наших детей? Как насчет следующего поколения?

– *И от всякого, кому дано много*, – сказала Харриет, вставая, – *много и потребуется*. Разве нас не этому учили, Генри? Разве мы не должны это помнить?

– Но не остров, – возразил Генри. – Не *остров*. Я хочу сказать, что мы не знаем этого парня. Нельзя же просто так отдать остров. Он стоит миллионы.

– Миллионы, которых у нас нет, – уточнила Мин. – Разве ты забыл? Деньги.

– При чем тут деньги, – не выдержала Эви. – Речь вовсе не о деньгах. Место. Это наше место. Наше. Наш остров, – она обвела кузенов взглядом, – наших матерей и всех наших детей.

– Хорошо. – Мин покачала головой. – Но мы по-прежнему можем получить деньги от арендатора. Что будем делать? Предложим пару недель Чарли Леви? В таком случае нужно подготовить дом.

– Я съезжу туда, – предложила Эви. – Наведу порядок.

– Ладно, – сказала Мин. – Но ведь у тебя занятия, правда? Я взяла отпуск на следующие две недели.

– Давай вместе, – не сдавалась Эви. – На следующей неделе будет Четвертое июля, выходной, и мы там встретимся.

Мин открыла было рот, чтобы возразить, но потом передумала и просто кивнула.

– А как быть с мистером Полингом? – спросил Дик Шерман.

Эви и Генри посмотрели друг на друга. Харриет закатила глаза, затем начала разглядывать свои руки. Мин и Шеп хранили молчание.

– Повременим с этим, – наконец сказала Эви, – правда? Мы ведь еще не знаем, сможем ли сохранить остров.

– Думаю, мы ничего не будем предпринимать, – медленно произнес Генри. – Пока. Подождем. *Подумаем*, что делать.

Адвокат медленно обвел взглядом все пятерых, потом кивнул:

– Договорились.

– Очень хорошо. – Дик Шерман встал, давая понять, что встреча окончена.

Когда они расходились, пошел дождь, один из тех коротких летних ливней, которые располагают к размышлениям. Подождать под навесом или ловить такси, рискуя промокнуть? Эви испытывала какое-то злорадное удовлетворение от того факта, что она жила в этой части Манхэттена; она может идти пешком – и пойдет. Почему-то это казалось ей преимуществом перед остальными. Идти пешком, мокнуть и не обращать на это внимания – и улыбаться, махнув рукой на прощание, как будто это что-то доказывало. Бабушка никогда не обращала внимания на дождь. Была глуха к жалобам на него. Это слабость. Предложить кому-то надеть плащ или переждать дождь – это слабость. А самая большая слабость – жалкий вид.

Вдоль всего квартала хозяева магазинов, торговавших чемоданами и сумками, закрыли пленкой выставленный на улицу товар и стояли в дверных проемах, в обрамлении льющегося изнутри теплого света, и сквозь шум дождя переговаривались друг с другом по-китайски. Эви одна шла по улице под проливным дождем. Похоже, с неба полило еще сильнее. Туфли на ней промокли насквозь.

Загорелся зеленый сигнал светофора, за ним еще один, и еще, вдоль всего Бродвея, насколько хватало глаз. Дождь не прекращался, и по темному камню зданий были разбросаны окна, в которых мерцали огни офисов, студий или не такие яркие лампы чьих-то квартир.

– Пол! – крикнула Эви, распахивая входную дверь. – Пол? Ты дома? – Она начала раздеваться прямо на пороге, и вода стекала с нее на коврик перед дверью. – Пол?

Он появился в дверях своего кабинета:

– Привет. – Глаза его удивленно раскрылись.

Она стянула с себя блузку.

– Что происходит? Что с тобой?

– Остров, – ответила она. Спустила юбку по мокрым ногам и отбросила в сторону. – Это... – В трусиках и бюстгальтере Эви прошла к себе в кабинет. – Подожди.

Она протянула руку и схватила фотографию, запечатлевшую мать вместе с тетей.

– Эви.

Она смотрела на сестер. Потом отвернулась и едва не налетела на Пола, стоявшего в дверях; мысли у нее путались...

– Эви?

– Я не могу, – пробормотала она. – Я не могу...

Дрожа, она прошла в их спальню и потянула ручку верхнего ящика бюро. Ящик не открывался. Разбух от влажности и застрял. Она потянула вновь. Затем, сдавшись, повернулась и распахнула дверцу платяного шкафа. Она лихорадочно перебирала вещи, не в силах успокоиться.

– Перестань. – Голос Пола звучал резко. – Прекрати, Эви. Что происходит?

– Остров, – сказала она и взяла с полки толстовку.

– Что? Что случилось?

Она не знала, что ответить. Что хуже всего?

– Генри хочет продать часть острова, вокруг площадки для пикника.

– Хорошо, – сказал Пол.

– Ничего хорошего. Мама хотела, чтобы там похоронили ее прах.

– Понятно.

– Генри заставил меня согласиться рассмотреть вариант с продажей.

– Как?

– Увязав с ней согласие на могилу моей матери.

Пол молчал.

– И это еще не все. – Эви отвела взгляд. – Есть кое-что похуже. Он нам даже не принадлежит.

– Кто?

– Остров.

– Что ты имеешь в виду? Как это? Почему?

– Не *знаю*, – сказала она. Ей отчаянно хотелось что-то сделать, немедленно поехать туда. Стереть время и расстояние, выйти из лодки на причале, посмотреть, убедиться, что это неправда. Это не может быть правдой.

– Успокойся.

– Я должна поехать. – Она с мольбой посмотрела на него. – Пол.

– Остановись, Эви.

Пол прошел за ней на кухню, где она открыла холодильник и тут же закрыла, не заглянув внутрь. Потом снова открыла.

– Остров никуда не денется. – Он накрыл ладонью ее руку и захлопнул дверцу холодильника.

– Денется, – с жаром возразила она. – Мы его теряем, теряем прямо сейчас. Теряем то место, каким мы его знаем. Каким его знает Сет. Все изменится.

Эви умолкла. В горле стоял ком, к глазам подступили слезы. Она покачала головой.

– Ладно, – сказал Пол. – Иди ко мне. – Он притянул ее к себе, обнял. Она стояла, прижавшись к нему, и слышала медленные и сильные удары его сердца. Она хотела, чтобы ее успокоили. Хотела стоять здесь, подчиняясь этому медленному, упорядоченному ритму.

В рамке над головой Пола висела карта, которую она в детстве нарисовала вместе с дедом, – восемь троп, пересекавших остров. Дед помог ей скопировать очертания острова с настоящей карты. Он помог вспомнить форму бухточек, цвета для обозначения маршрутов, густой лес вдали от берега, с тропинками, перепрыгивавшими через корни деревьев. И одобрительно кивнул, когда она закончила и показала ему рисунок. И улыбнулся. Как будто остров принадлежал ей. Всегда.

– Расскажи. – Она чувствовала, как вибрирует грудь Пола. – Что произошло у Дика Шермана?

– Бабушка хочет, чтобы мы отдали долю острова, принадлежащую дяде Моссу.

– Кому отдали?

Эви покачала головой.

– Человеку, о котором я никогда не слышала. Некто по имени Реджинальд Полинг. И якобы я уговорила ее на это.

– Реджинальд Полинг? – Пол удивленно посмотрел на нее. – Редж Полинг? Писатель?

– Какой писатель?

– Если он тот, о ком я думаю, то в пятидесятых и шестидесятых он писал для «Голоса деревни»... афроамериканец. Он сотрудничал с Болдуином.

– Это невозможно, – сказала Эви. – Бабушка никак не могла пересечься с чернокожим.

Она видела, что Пол ухватился за эту идею, видела волнение, вспыхнувшую искру. Это было смешно, и она не собиралась доставлять ему удовольствие литературным детективом.

– Перестань, – сказала она. – Это не литература. Это мама. Это остров.

– Но...

– Но тогда тебе все равно, правда? Мы смешны тем, что держимся за него – жалкие, привилегированные и слепые.

– Эви.

Она услышала предупреждение, но уже не могла остановиться и теперь почти радовалась своему желанию бросить ему в лицо его же слова.

– Ты это сказал, Пол. – Эви повысила голос. – Ты сказал это прямо здесь... – Она ткнула пальцем в пол. – *Откажись.*

Он стоял неподвижно.

– Когда ты думаешь о моей семье, то видишь схематичные фигуры. Контуры людей. Персонажей Чехова, черт возьми. Или нацистов.

Она умолкла; мысли путались, вытесняемые яростью.

– Давай, – тихо сказал Пол. – Чиркни спичкой. Сожги все.

Эви посмотрела на него; ярость ее была так велика, что она не могла говорить. Она не хотела все сжигать; она хотела бросить спичку и смотреть, как все взорвется, чтобы раз и навсегда покончить со всем этим. С неуверенностью, неразберихой. Со скорбью.

– Мы всегда были для тебя шуткой, да?

– Ну все, – сказал он, отодвигаясь от стола. – С меня хватит.

– С тебя хватит. Чего именно?

– Я уже целый год это слушаю – целый год. Нет, больше года. Всю жизнь. Я слушал, как ты сражаешься с Милтонами, как ты

принадлежишь к Милтонам, любишь Милтонов, используешь Милтонов, и я был единственным поленом, избежавшим пламени; я не Милтон... и это было хорошо, это было здорово... я представитель первого поколения, еврей, отец которого слушал оперу, когда возвращался домой с работы. Я смотрел на тебя, слушал тебя, а теперь ты уходишь... ты почему-то решила, что я всегда был червяком в яблоке... Почему? Я не понимаю, как это произошло, черт возьми... Не понимаю. И знаешь что? – Он растерянно покачал головой. – Впервые за все это время мне все равно. Мне плевать.

Они смотрели друг на друга.

– Мы что-то теряем? – наконец спросила Эви. – Или просто мир нас догоняет?

– Кто «мы», Эви? – тихо спросил он. – О чем мы тут говорим?

Между ними разверзлась пропасть, заполненная непроницаемой пеленой молчания. Пол смотрел на нее, ждал. Ей выбрать – вспарывать эту пелену или нет. Только она могла проделать в ней дыру.

– Остров. Мои кузены.

На лице Пола промелькнула тень разочарования – промелькнула и исчезла. Он скрестил руки на груди.

– Без него... мы исчезнем, – сказала она.

Пол шагнул к ней, вглядываясь в ее лицо.

– Вы не исчезнете, Эви. Это просто идея. Миф. И я чертовски устал от нее.

Он прошел мимо нее в коридор.

– Пол.

Он остановился:

– Я здесь.

Но у нее уже закончился воздух в легких – и запал. В любом случае сражаться уже было не за что.

– Это неважно, правда? – тихо сказал он. – В какой-то момент ты должна захотеть то, что имеешь.

– Я должна туда поехать. Должна увидеть...

– Что? – Он ждал, напрягшись, с трудом сдерживая себя; она видела, что он пытается погасить свой гнев.

Действительно, что? Молчание, опустившееся между ними, было бурным и огромным.

– Что там, – закончила она.

Остров

Глава двадцать шестая

Все осталось прежним. Скалы и плеск волн, высокое синее небо и запах мокрого дерева в лодочном сарае – ничего не изменилось, думала Китти, выйдя на ярко-зеленую лужайку, поднимающуюся к Большому дому. Дом. Лужайка. Прямо впереди – обелиск на кладбище Крокеттов, изогнутый частокол елей за домом и остров, распахнутый им навстречу, как в тот первый день. Они с Огденом стояли, как и теперь, в самом низу лужайки и смотрели, как Данк и Присс поднимаются на холм. Много лет назад. Но разве годы что-нибудь значат? Время здесь складывалось и раскладывалось, словно рубашка.

Рука Огдена обнимала ее плечи.

– Да, – кивнула она, зная, о чем он думает.

– Бедная Присс, – сказала она, глядя на пустое место перед домом, где в тот день стояли эти двое.

Он крепче прижал ее к себе. Солнце пекло кожу. Полдень. Прямо над ухом со стрекотом пролетела стрекоза. Китти похлопала по руке Огдена, лежавшей на ее плече, и они пошли вверх по склону холма.

В саду камней выросли ирисы. Цвел шиповник, розовые цветки которого вырывались из гладких зеленых ягод, наполняя воздух ароматом, который у Китти всегда ассоциировался с летом. Огден скрылся за углом дома. У гранитных ступеней крыльца Китти притянула к себе ветку сирени, уткнулась лицом в пышную кисть, а затем обернулась назад, зная, что ее ждет.

На лужайке, тянувшейся к лодочному сараю, стояли Данк и Присс. А рядом с ними Эльза, в юбке и кардигане. С холма вниз бежал Вилли, и его смех звенел в воздухе. Они стояли там, в дальнем конце лужайки, стояли каждый год, хотя Эльза все это время была мертва. Пальцы Китти стиснули ветку. А Вилли? Выжил ли он? Яркая сияющая колонна, воображаемый стержень, поддерживавший ее изнутри, покачнулся при столкновении с этим вопросом, погнулся и смялся под его тяжестью. Темное пятно на блестящей поверхности. Но откуда ей было знать? Могли ли все они знать, что их ждет? Она смотрела на то место, где когда-то стояли мать и ребенок, на темное пятно, которое невозможно обойти, на похороны, которые каждый раз

происходят в ее голове и на которых она обязана присутствовать, одна. Нужно просто с этим жить. И делать все, что можешь.

Как с Недди. Китти отпустила ветку.

Дом стоял вымытый и вычищенный. Поверхности столов – кухонного и длинного обеденного – блестели. Доски пола в коридоре сияли свежей краской, а лоскутные коврики лежали строго под прямым углом. Миссис Эймс оставила в холодильнике молоко, масло и яйца. В хлебнице свежий хлеб, у плиты деревянные спички.

Привет, старый дом, мысленно обратилась Китти к комнате, стульям и знакомой гранитной скале, видной из окна кухни. Она взяла спички, наклонилась и зажгла маленькую горелку запальника. Ну вот они и здесь. Вернулись. Снова. За окном Огден уже поднялся до середины холма, чтобы посмотреть на кусок отремонтированной кровли амбара с подветренной стороны. В небе над его головой парила скопа.

Обходя комнаты, Китти погрузилась в воспоминания. Как всегда, каждый год. Это кресло они с Огденом нашли в маленьком магазинчике в Дамарискотте, а эти две лампы тетя Элис отдала им после смерти дяди Уильяма. Китти всегда хотела от них избавиться, но потом умерла тетя Элис, и лампы остались. А вот круглый плетеный коврик в деревенском стиле; цвета в нем совсем не сочетаются, но Огден его любит. Интересно, почему? И каждый год он ее раздражает, этот дурацкий круглый коврик.

Она поднялась по лестнице на второй этаж и пошла по коридору, вдоль которого располагались спальни; все четыре двери: розовая, синяя, желтая и белая – были распахнуты внутрь. В каждой комнате две двуспальные кровати по обе стороны от узкого окна. Кисейные занавески слабо шевелились. В комнаты проникал соленый ветер, но запах моря смягчался запахом сырого дерева, исходившего от старого дома. В самом конце коридора находилась их с Огденом спальня, угловая, и кровать в ней стояла так, что с нее открывался широкий вид, от лодочного сарая внизу до амбара на холме, – как фланец компаса, однажды заметил Огден.

– Фланец? – Она сморщила нос.

В комнате было тихо. Она подошла к комоду в углу, открыла ящик, вытащила гребенку, щетку для волос и ручное зеркальце,

которое мама подарила ей на пятнадцатилетие, и выложила их в ряд. Потом открыла замки первого чемодана, вытащила белье, сложила стопкой, отнесла к комоду и уложила в верхний ящик. Чемодан постепенно расставался с содержимым – рубашки, брюки, а на самом дне ее туфли из парусины и пара серебристых шлепанцев. Ящики комода постепенно заполнялись. Под звуки молотка Огдена Китти открыла второй чемодан и снова стала доставать вещи, уложенные накануне на Лонг-Айленде, и раскладывать в другой половине ящиков комода.

В платяном шкафу висела одежда, которую они носили на острове; все вещи пропитались ароматом кедра. Китти несколько раз медленно открыла и закрыла дверцу, словно веером загоняя внутрь морской воздух, чтобы развеять остатки зимы.

Потом она сделала то, что делала каждый день своей семейной жизни. Приготовила одежду на вечер. Сняла юбку с вешалки в шкафу, достала блузку из комода и разложила на кровати. Рядом положила чистую рубашку и серые фланелевые брюки для Огдена. Они лежали поперек кровати, во всю ширину, немного свисая с края. Наклонившись, она потрогала пальцем рукав рубашки Огдена и расправила на покрывале, чтобы он касался ее юбки, на уровне бедер. Вот так. Потом скрестила руки на груди, разглядывая парочку из ткани. Китти и Огден Милтон.

Хлопнула сетчатая дверь, и Огден, оглянувшись, увидел, как Китти выходит из двери кухни с корзинкой и садовыми ножницами, собираясь срезать ветки восковницы для столовой.

– Смотри, у нас ранние гости! – крикнул Огден следующим утром, вытаскивая на траву тележку, доверху наполненную продуктами, и два чемодана Джоан.

– Какой приятный сюрприз. – Китти опустила руку.

Огден стал подниматься по лужайке, а за ним медленно шла Джоан. Китти стояла на пороге, обрамленная древесной кроной. В полосатой хлопковой блузке, заправленной в комбинезон с высокой талией, с серебристыми волосами, собранными сзади с помощью двух изящных гребней, она казалась дочери олицетворением этого дома, именно этого места – хотя жила тут всего два месяца в году, – а вовсе не Ойстер-Бэй с его беленым кирпичом и круговой дорожкой.

Приближаясь к матери, Джоан легкими мазками немного подправляла картину – она тоже станет душой дома, но будет спускаться к пристани и распаивать объятия, встречая гостей. Она улыбнулась:

– Привет, мама.

– Хорошо добралась?

Огден огибал фасад дома, толкая тележку к двери кухни. Джоан кивнула, поднялась по ступенькам и поцеловала мать в щеку. Китти потрепала ее по плечу.

– Где твой брат?

– Вы не получили телеграмму?

– Нет. – Китти нахмурилась. – Какую телеграмму?

– Он опоздал на поезд. Вроде как заработался. Приедет завтра.

– В таком случае он не увидится с Праттами.

Красота матери – в ее улыбке, поняла Джоан, наблюдая за тенью раздражения на ее лице.

– Ничего страшного. Они постоянно видятся в городе.

– Да, но я хотела, чтобы он присутствовал на сегодняшнем ужине... только две наших семьи.

– Ничего страшного, мама, – повторила Джоан.

– Китти? – слышался из дома голос отца. – Где...

– Ладно, неважно. – Китти повернулась к двери.

– Я привезла несколько образцов обивки для стульев, – сказала Джоан. – Симпатичный синий и полоска.

Китти покачала головой:

– Полоска для этой комнаты не подходит.

– Эвелин хотела полоску.

Джоан изменилась, подумала Китти. В ней появилось что-то новое.

– Для прихожей?

– Ну, не знаю. – Джоан прошла вслед за матерью в дом, в маленькую прихожую, окна которой выходили на море. Щелкнув замком сумочки, она достала конверт с образцами, отрезанными миссис Миллер из магазина «Браншви́г». Она выложила ткань на темную спинку кресла, и сразу стало понятно, что полоска не подойдет, а вот маленькие колокольчики на кремовом фоне смотрелись превосходно.

– Китти? – снова позвал Огден, и обе женщины уловили раздражение в его голосе.

– Иду. – Китти указала на колокольчики, затем посмотрела на Джоан. – Я поселила тебя и Анну в розовую спальню.

Джоан кивнула.

– Когда они все приедут?

– В любую минуту. Да, Огден, – крикнула она. – Иду!

Джоан с довольным видом сняла полосатую ткань с кресла, оставив колокольчики. Она не зря бежала по жаре в «Браншви́г» перед самым закрытием магазина, и теперь в этой комнате, рядом с морем и небом, поняла, каким естественным для нее является желание украсить этот дом, заботиться о нем, поняла, что это желание навсегда останется с ней. Она слышала быстрые шаги матери, спешившей к отцу, затем его восклицание, разобрать которое не смогла.

Джоан снова вышла из дома, провожаемая стуком сетчатой двери. На глади залива не было ни одной лодки – никто не плыл вдоль берега и не держал курс из бухт в сторону открытой воды. Она вышла из тени дома на солнечную лужайку и легла на спину. Все вокруг словно пело, пронизанное солнечными лучами.

Сколько бы лет ни прошло, общий порядок вещей здесь никогда не менялся. Все шло своим чередом. Как и прежде. Солнечный свет. Сумерки. Коктейли на пристани. Шерстяной кардиган, брошенный на стул. И, несмотря на суматоху города, суету и волнение, добравшиеся до нее, когда она сидела на работе за своим столом, проникавшие в нее через кончики пальцев и улыбкой возвращавшиеся в мир, к которому она стремилась присоединиться, родным для нее было только это место. Здесь исчезают все – девочка с эпилепсией, мисс Милтон за пишущей машинкой, Джоан Милтон, держащая за руку Лена Леви на улице. Вопрос о замужестве – может ли она, должна ли – здесь не возникал. Здесь она была одна, свободная, папина дочь. Джоан Милтон, хранительница этого места.

– Джоан!

Она перевернулась на живот, приподнялась на локте и увидела сестру, стоявшую в дверном проеме лодочного сарая; Эвелин махнула рукой, потом повернулась и исчезла внутри. Она настояла, что приедет с Дикки, его родителями и сестрой Анной, – как будто она уже взяла фамилию Пратт.

Джоан медленно встала.

Снизу послышался удивленный смех, и она остановилась, увидев, что Дикки, с улыбкой до ушей, подхватил Эвелин на руки и собирается перешагнуть порог лодочного сарая и выйти на освещенную солнцем лужайку.

– Отпусти меня, придурок, – кричала Эвелин, смеясь и взвизгивая. – Еще рано.

Дикки крепче прижал ее к груди – для массивного нападающего футбольной команды Йеля она была пушинкой. За ними в проеме двери появились тени – вся остальная семья.

– Привет, Джоан. – Анна Пратт помахала ей рукой.

Дикки опустил Эвелин на траву – перешагнув порог не их дома, подумала Джоан, потом решила, что это неважно, и с улыбкой на лице стала спускаться к гостям.

– Привет, Джоан. – Мистер Пратт протянул ей руку.

– Привет! – ответила она и тут же оказалась в его медвежьих объятиях.

– Здравствуй, дорогая, – улыбнулась миссис Пратт. – Возьмешь это, Анни?

Анна Пратт, соседка Джоан по комнате в Фармингтоне, закатила глаза и подмигнула из-за плеча матери.

– Джоан, посмотри, что привез Дикки! – крикнула Эвелин.

– Что?

– Покажи ей!

– Подожди, – сказал Дикки, целуя Джоан в щеку. – Привет.

– Потрясающая подушка, Джоан, – сама увидишь. – Эвелин уже поднималась по лужайке к дому. – Такая красивая и смешная.

Джоан и Анна с двух сторон ухватились за ручки большой спортивной сумки Праттов, а мистер Пратт нес на плечах две сумки с бутылками спиртного. Дикки подхватил два чемодана, и они последовали за Эвелин.

– Привет Праттам! – Огден появился из-за дома и, улыбаясь, протянул руку. За ним шла Китти.

Эвелин бегом преодолела остаток пути до вершины холма, обняла отца, что-то со смехом сказала матери и снова повернулась к Джоан.

– Давай, копуша, я должна тебе показать... – крикнула она и нырнула в дверь.

– Боже правый, – пробормотала Джоан ей вслед. Ее сестра была неотразима, жизнь в ней была ключом, прорываясь наружу в ее болтовне, задорном движении головы и в улыбке, очаровательной милтоновской улыбке, которая обещала все, но всегда обманывала.

– В чем дело? – спросила она, когда дверь со стуком захлопнулась за ее спиной.

– Превосходно! – Эвелин повернулась к ней с образцом полосатой ткани в руке. – То, что надо.

Джоан нахмурилась, ища взглядом колокольчики.

– Мы с мамой выбрали другую.

Эвелин фыркнула:

– Только не это. Будет так же ужасно, как у Лоуэллов.

– А мне кажется, симпатично.

– Да, но так старомодно. Давай вдохнем жизнь в старушку?

– В старушку?

– Вот. – Эвелин взяла подушку, очевидно привезенную Дикки. –
Смотри – правда мило?

На ткани в ярко-красную полосу была вышита надпись:
Читатель, я стала его женой^[29].

Джоан улыбнулась.

– Теперь видишь, почему мы должны выбрать синюю полосу, да?

Джоан посмотрела на сестру:

– Чтобы она сочеталась с подушкой Дикки?

Эвелин впервые уловила тревогу в голосе сестры.

– Да, Джоан. Чтобы он почувствовал наше гостеприимство.
Почувствовал, что это его дом.

– Его?

– Не будь занудой; ты знаешь, что я имею в виду.

– Я не зануда.

– Джоан.

Вместо ответа Джоан протянула руку, аккуратно взяла у нее образец ткани с колокольчиками, разложила на спинке кресла, затем повернулась и вышла из комнаты.

– Господи, Джоан, – вздохнула Эвелин ей вслед.

Ланч на лужайке перед домом, прогулки под парусом на «Шейле». Роджер Пратт дремал в тени. На теннисном корте на другой стороне

бухты в воздухе мелькали мячи, а к чаю лодочник привез миссис Ханникатт. На ровной площадке у причала поставили ворота для крокета, и громкий стук молотков по деревянному мячу, голоса спорящих и смех плыли в воздухе к дому. Им было хорошо вместе, Милтонам и Праттам; все началось с дружбы Анны и Джоан в пансионе, а теперь связь укрепилась молодой парой и работой Дикки в «Милтон Хиггинсон». День расцветал медленно и незаметно, как один из ирисов Китти – жара и город забывались, осыпались с хозяев и гостей, словно шелуха, и к вечеру все полностью расслабились. Остров держит их в своих объятиях, подумала Китти, сидя на зеленой скамье перед домом с миской фасоли в руках.

Нос рыбацкой лодки, плывущей с материка, вынырнул из освещенного солнцем пролива и направился в прохладный полумрак тенистой бухты.

– Смотри, – сказала Китти со своей скамьи Огдену, который появился из-за дома с ножницами и пилой в руках. – Должно быть, это Присс.

Он кивнул.

– Теперь все в сборе.

Или почти все, подумала она и встала.

– Привет! – Она помахала Присс, показавшейся в дверях лодочного сарая – в гигантской лиловой шляпе от солнца, с двумя маленькими сумками в руках она медленно стала подниматься по склону холма.

– Оставь свои вещи, – крикнул ей Огден. – Я потом за ними спущусь... Джоан. – Он поднял ножницы. – Пойдем, до завтра нужно проверить тропу к площадке для пикника.

– Хорошо. – Она пересекла лужайку и встала рядом с отцом и матерью. На вершине холма появилась Присс. От нее слегка пахло бурбоном, на лбу блестели капельки пота.

– Жива? – улыбнулся ей Огден.

– Здравствуй, Присс. – Китти поцеловала ее.

– Привет Милтонам. – Присс поцеловала их обоих. – Привет Праттам. – Она приветливо улыбнулась Саре и Роджеру, появившимся из-за угла дома. – Привет, Эвелин. И Дикки! Джоан, дорогая.

– Входи. – Китти похлопала Присс по плечу. – Твоя комната внизу.

– Пойдем, – обратился Огден к Джоан. Она взяла у отца садовые ножницы и зашагала вслед за ним в лес.

Они молча шли по тропе, срезая тонкие ветки, отпиливая толстые и отгаскивая их дальше в лес – наводили порядок после зимы, когда в этих деревьях бушевали январские метели и ветры. В этом месте, где они видели только дождь, туман и одинокие лучи солнца, пробивавшиеся сквозь густую листву, зимой лежал снег. Отец и дочь работали слаженно и терпеливо, как делали это каждый год, по памяти восстанавливая тропу такой, какой она была прошлым летом, от пристани к скалам и краю площадки для пикника, где завтра они устроят ужин. Из далекого пролива донесся пароходный гудок. Где-то высоко над их головами стучал дятел – как будто кто-то открывал бутылки: *шпок, шпок, шпок*.

Огден протянул руку, проверяя ветки дерева, которое от удара молнии наклонилось над тропой.

Щелкнули ножницы, и ветка с глухим стуком упала на мох у его ног.

Джоан оттащила ее в сторону. Отец срезал следующую, отбросил и выпрямился, глядя через открывшийся просвет на море. Казалось, мысли его были далеко.

– Папа?

Он повернулся.

– Человеку всегда чего-то не хватает, Джоан. Всегда.

– Чего?

Огден посмотрел на дочь:

– Когда ты молод, тебе кажется, что ты можешь изменить мир – переделать его, исправить. Я тоже так думал... и твой крестный отец, Данк.

Джоан молчала. Она не могла понять, что он пытается ей объяснить.

Огден снова посмотрел на море.

– Но мир не меняется; меняешься только ты. А потом у тебя остаются места, которые напоминают...

Он пнул гриб, растущий у края тропы, и опустил взгляд на мох под ногами.

– Черт возьми, Джоан. – Голос его звучал тихо. – Данк должен быть здесь.

Джоан удивленно посмотрела на отца:

– А разве он не приедет?

– Ему нездоровится. – Огден положил на землю ножницы, вытащил из кожаного футляра пилу и приставил к самой толстой, нижней ветке. – Присс позвонила нам вчера вечером.

Джоан молча взялась за ветку, удерживая ее, а Огден начал пилить. Дерево треснуло, и Джоан надавила сильнее. Отец пилил, ветка трещала, а затем обломилась и осталась у нее в руках. Джоан повернулась и бросила ветку в кусты позади себя. Отец принялся за следующую, и Джоан встала напротив него, чтобы помочь, когда это будет нужно. Огден провел пилой один раз, обозначая место, а затем принялся сосредоточенно и ритмично двигать рукой; из-под шляпы были видны лишь его подбородок и щека.

Как же она его любит, подумала Джоан, ожидая, пока сломается ветка. Отец был воплощение добра. Она передвинула ладонь дальше.

Через несколько минут ветка упала на землю. Джоан подняла ее и оттащила в кусты.

– Знаешь, папа, – сказала она, возвращаясь на тропу, – этот остров – единственное место, где мне хочется быть.

– Ничего удивительного, – улыбнулся Огден. – То же самое я могу сказать о себе.

Джоан кивнула:

– Ты можешь рассчитывать на меня. Я о нем позабочусь. Я не брошу его.

Огден повернулся и посмотрел ей в глаза; он был явно растроган.

– Ты добрая душа, Джоан Милтон. – Голос его звучал хрипло. – Но не стоит давать невыполнимых обещаний.

– Это я могу выполнить. – Она вздернула подбородок.

Огден с улыбкой покачал головой:

– Тебе придется учитывать мужа.

– Моего мужа?

– Возможно, он не захочет иметь ничего общего с этим местом, – объяснил Огден.

Джоан вспыхнула.

– Но я могу и не выйти замуж.

– Глупости, Джоан. Я не сомневаюсь, что выйдешь. – Огден был серьезен. – Надеюсь на это.

– А как насчет моей...

– Забудь. – Отец покачал головой. – Приступов у тебя не было уже несколько лет. Прогнозы врачей сбываются, правда? Лекарство помогает.

Она не ответила.

– *Если* я когда-нибудь выйду замуж, – наконец сказала Джоан, – то за человека, который полюбит все это, – она кивнула в сторону деревьев, – полюбит все это так же, как и я.

Огден какое-то время внимательно смотрел на нее, потом улыбнулся.

– А вот это правильно, – сказал он.

Из-за деревьев послышался далекий звук кухонного колокольчика.

Глава двадцать седьмая

– Возьмете, дорогая?

Джимми Эймс указал на швартовый кранец на корме, и Эви перебросила его через борт; «Кэтрин» плавно причалила, и кранцы слегка оттолкнули их от деревянного края. Джимми заглушил мотор, и внезапная тишина словно разделила вечер на части: крутая крыша лодочного сарая, отблески на воде, плещущейся о гранитные скалы, на которые ритмично накатывал кильватерный след от яхты. Эви стояла на корме и смотрела вверх лодочного сарая, где широкая зеленая лужайка тянулась до Большого дома, который со своего гранитного фундамента на вершине холма словно обозревал бухту острова Крокетт. Под окнами фасада по-прежнему стояла зеленая скамейка бабушки Ки, а по обе стороны от нее – белые деревянные кресла с решетчатой спинкой и такими широкими подлокотниками, что на них помещалась книга. Слева от дома, над холмистым полем тимофеевки виднелся высокий угол самой старой могилы Крокеттов. Прямоугольник флага развевался на ветру под прямым углом к флагштоку.

Эви приезжала сюда каждое лето, год за годом, но всякий раз переживала мгновение, когда ей казалось, что она обманула время, что это единственное место на земле, которое раскрывается ей навстречу, склоняется к ней и говорит: *Малыш*. Она стояла на корме яхты, смотрела на дом и чувствовала теплую ладонь этого места; небо и вода забирали ее к себе. Она забывала об этом ощущении, когда уезжала отсюда, но каждый раз, возвращаясь, снова переживала его. Именно здесь был ее настоящий дом – и больше нигде.

Двадцать пять лет назад они с Полом впервые приехали сюда, со спортивными сумками, в которых лежали книги, купальные костюмы и свитера, и, когда они обогнули мыс и им навстречу, отделившись от воды, выскочил остров с зазубренной дугой елей, упиравшихся в небо, Эви испытала прилив гордости. *Смотри* – она никогда бы не произнесла этого вслух, но чувствовала – *смотри, это мое. Это я*. И эта картина: они вдвоем на корме семейной яхты, под управлением

Джимми Эймса, их зрителя, – для Пола столь же нереальная, как картинка с открытки, – также будила в ней чувство гордости. Смотрите, что она может ему дать. Остров в штате Мэн. Смотрите, что она протягивает ему в ладонях.

– Значит, – поддразнивал ее Пол, – это и есть твое «маленькое поместье»?

– Давай. – Она улыбнулась. – Признай же. Он прекрасен.

Пол обнял ее за талию.

– Конечно, прекрасен.

Теперь, по прошествии двадцати пяти лет, стоя рядом с Джимми на корме «Кэтрин» и глядя на «маленькое поместье», она вспоминала именно эти слова Пола.

– Здесь ничего не меняется, – нарушил молчание Джимми. Со скал рядом с лодочным сараем взлетела цапля.

Эви кивнула. Но это было не так. Все изменилось.

– Когда должна приехать ваша кухня? – Джимми вытащил сумки из трюма и толкнул по палубе к Эви.

– В конце недели.

– Значит, у вас будет немного времени побыть одной.

– Точно. – Она улыбнулась. – Я собиралась провести ревизию в шкафах, подготовить дом для этого парня.

– Он производит приятное впечатление.

– Чужак, арендующий остров Крокетт? Бабушка перевернулась бы в гробу.

Джимми выбрался на пристань.

– Возможно, она бы вас удивила.

Ну да, подумала Эви, уже удивила, и еще как. Она отвела взгляд.

– Мин приедет примерно в то же время, что и вы?

– Я не знаю, чем она занята. – Эви старалась говорить бесстрастно. – Она должна вам позвонить.

– Копия матери, – усмехнулся он. – Не дает нам всем расслабиться.

– Было бы неплохо, если бы она сообщала людям о своих планах.

– Точно. – Он одобрительно присвистнул. – Совсем не плохо.

Эви почувствовала раздражение. Похоже, Джимми балует Мин, как баловал тетю Эвелин. Она появляется без предупреждения,

рассчитывая, что о ней позаботятся, что Джимми отвезет ее на остров. Как будто у него нет других забот.

Они погрузили две сумки, ящики с продуктами и ноутбук в тележку трактора, и Джимми тронулся с места. Эви медленно шла за ним, не отрывая взгляда от дома на вершине холма.

Когда бабушка была жива, она вставала со скамейки, придерживаясь для равновесия за ветку сирени, растущей у двери, и стояла, наблюдая, как ее дети и внуки идут к ней по лужайке. Каждое лето, независимо от того, как часто они виделись зимой или даже несколько недель назад, весной, именно ее внимательный взгляд, под которым они все проходили, отмечал начало нового года. Каким ты предстал перед ней в тот первый день, таким ты и останешься.

– Ты поправилась, – говорила она, разглядывая Эви. – Что случилось с твоими волосами?

– У тебя что, бессонница? – спрашивала она Джоан, причем голос у нее был при этом мягче – всегда.

И мать Эви склоняла голову набок и молча наклонялась, чтобы поцеловать свою мать в щеку. Молчание было для Джоан и оружием, и броней, хотя разницу между ними Эви поняла только после сорока.

Теперь, когда трактор медленно взбирался по склону холма к двери Большого дома, у которой уже двадцать лет как не сидела бабушка, все напоминало ей о матери.

Джимми описал широкий полукруг и остановил трактор слева от ступенек. Не заглушив мотор, он прыгнул с сиденья, взял вещи и сгрузил на крыльцо, предоставив Эви самой занести их в дом. В конце концов, она внучка. Не бабушка, не мать и не тетка, вещи которых он поднял бы по лестнице на второй этаж, до дверей их комнат.

– Вам нужна какая-нибудь помощь?

Она окинула взглядом дом, стоя на нижней ступеньке с коробкой продуктов в руках, затем повернулась к нему и покачала головой. Краска вокруг двери облезла, а зеленая скамейка, где бабушка Ки разливала чай, наблюдала за подъемом флага и ждала, когда гости поднимутся по лужайке, опасно накренилась назад, в сторону подгнившей ножки. Сухая сирень была такой густой, что заслоняла свет. Эви взялась за ручку сетчатой двери и заметила, что Джимми посадил герань в цветочный горшок, стоявший на гранитной ступеньке

ниже двери, – это было похоже на помаду на губах старой дамы. Кто-то еще знал, как тут было раньше и как должно быть теперь.

– Все отлично, Джимми, – сказала Эви.

Он кивнул.

– Дом выстоял. Трудная зима.

Джимми остановился на нижней ступеньке, повернулся и стал смотреть на воду, и Эви спустилась и встала рядом с ним, не зная, что еще сказать. Там, где у воды заканчивалась лужайка, вечер набросил золотое покрывало на большие камни по обе стороны лодочного сарая, и эта картина заменяла любые слова.

– Вам завтра понадобится лодка? – спросил Джимми.

– Нет, – ответили Эви. – У меня все есть.

– Я собираюсь в город, за инспектором.

– Инспектором?

– В наши дни нельзя делать никаких изменений, даже самых мелких, не получив разрешения от властей штата.

Эви удивленно посмотрела на него:

– Каких изменений?

– В лодочном сарае.

– Что?

Джимми нахмурился.

– Прошу прощения, – сказала Эви. – Просветите меня.

– Ваш кузен решил, что было бы удобно иметь комнату для переодевания рядом с причалом.

– Который кузен?

– Шепард.

– Шеп? Удобно для кого?

– Думаю, для его пассажиров. – Джимми достал сигареты. – Неплохая идея. Если нужно переодеться или освежиться, до дома идти довольно далеко.

– Но... – Эви пыталась вспомнить, упоминал ли об этом Шеп в офисе Дика Шермана. – Мы никому не платили.

– Все улажено. Он выписал чек.

Неужели Шеп думает, что если он заплатил, то может делать все что угодно, никого не спрашивая? Рассчитывает, что затраты окупятся?

– Это хорошая идея. – Джимми склонился и прикрыл ладонью пламя зажигалки. – Там можно хранить вещи, когда вы отправляетесь

на пикник.

Он забрался на сиденье трактора и включил передачу; рев двигателя прозвучал как прощание.

– Увидимся утром, – крикнула Эви и помахала рукой.

Звук сопровождал Джимми до самого берега, тянулся за ним, как чайки за рыбацкой лодкой, а она стояла с коробкой в руках, глядя на него, а когда увидела, как Джимми загнал трактор в лодочный сарай, откуда-то изнутри поднялась знакомая ярость. «Усовершенствование» Шепы напоминало то, что делала тетя Эвелин, – небольшие изменения то там, то сям, «потому что это разумно»; она заставляла мать врасплох в начале каждого лета, меняя дом по собственному разумению, не советуясь ни с кем, так что накопленные за столько лет обиды были неотделимы от красоты этого места. «Не глупи, Джоан, – повторяла тетя Эвелин из года в год. – Не будь таким консерватором». Это всего лишь обои. Или занавески. Или пятно краски. Какое это имело значение? Большое, причем для тети Эвелин тоже.

Эви повернулась и распахнула затянутую сеткой дверь. Ей нужен Пол, поняла она, стоя в дверях, – впервые за всю жизнь она одна в этом доме. Пол теперь должен стоять за ее спиной, слушать комментарии Джимми о Шепе, о Мин, идти вверх по склону вместе с ней с книгами в руках, точно знать, что значат для нее эти комментарии и как они ранят ее. Видеть, как хорошие манеры Эви одержали победу над ее яростью и чего ей стоило больше ничего не сказать Джимми. Пол единственный был рядом все эти годы, поддерживал ее. Но после ссоры между ними пролегла трещина, зияющая и страшная. И Эви не знала, как ее преодолеть.

– Послушай, – сказал ее муж утром, когда она села в машину. – Я должен закончить черновик этой статьи, а в воскресенье или в понедельник мы с Сетом приедем.

Эви повернула ключ зажигания.

– Ты не обязан, – сухо сказала она.

– Я хочу быть с тобой на похоронах твоей матери, – тихо ответил он. – Конечно, я приеду.

Ответить Эви не смогла. Она смотрела прямо перед собой, сквозь лобовое стекло.

– Ладно, – наконец кивнула она и подняла на него взгляд.

– Ладно. – Пол махнул рукой.

Деревянный пол в коридоре был покрашен, и серые блестящие доски тянулись до самой столовой; серый, как на линкоре, пол был знакомым и необходимым элементом дома, без которого Эви не могла представить его себе. Дом настолько далек и свободен от нацистского золота, насколько это возможно, подумала она. Вот передняя с креслом бабушки Ки, с фарфоровой пастушкой на белой каминной полке, а в конце коридора на крючке висит дедова морская кепка с мягким козырьком. В кухне в кулинарных книгах, заполненных почерком бабушки Ки, рецепт устриц в сметане тетушки Фанни Томпсон соседствует с римским пуншем Уильяма Альфреда. Здесь они все просто были. Это их дом.

Эви вытащила из сумочки фотографию, на которой ее мать, тетя Эвелин и дядя Мосс стоят перед домом, и пристроила на крошечной каминной полке.

Затем она прошла через столовую на кухню и поставила на стол коробку с продуктами. Вечернее солнце освещало чисто вымытый линолеум на полу. Она подняла старую деревянную раму кухонного окна, для чего пришлось пару раз стукнуть по ней – за зиму ее всегда перекашивало. Рама медленно поддалась, и Эви вдохнула соленый морской ветер.

Почему она *должна* стыдиться, подумала Эви, мысленно продолжая спор с Полом. Зачем сводить разговоры о доме к грустной шутке, как она всегда делала? Почему бы просто не сказать «да»? Не принять все? Даже ложь, рукопожатия и сделки, в которых был так уверен Пол. Почему?

Эви огляделась, пытаясь взглянуть на кухню глазами арендатора, и увидела разношерстные стулья, причем у некоторых планки на спинках были сломаны и замотаны серебристым скотчем, фарфор – веджвудский и не только – со сколами и пятнадцать бокалов для вина, которые Эви раньше не видела и которые явно принесла с чердака Полли. Хрустальные чаши на низких толстых ножках были посланцами из другой эпохи; их нужно обхватывать ладонью и нести на зеленые подстриженные лужайки двадцатых годов, где нитками жемчуга призывно рассыпался смех. Наверное, их привезла бабушка с Лонг-Айленда.

Она провела пальцем по краю бокала. Дом, как сказал Пол, был все еще жив. Эви повернулась и через открытую дверь кладовки

посмотрела в столовую – женщина в конце длинной очереди женщин, в доме, населенном призраками. Полли Эймс до блеска отполировала стол в столовой, а высокие спинки двенадцати хичкоковских стульев были вплотную придвинуты к сверкающему овалу. Сквозь кисейные занавески просвечивала высокая зеленая трава на поле за домом.

Медная ваза стояла на своем обычном месте, в центре. Обычно бабушка Ки выходила из лодки, поднималась на холм и шла прямо к клумбе с восковницей позади кухни и, не снимая городского пальто, начинала срезать ветки. Первое, что она делала на острове, – заполняла вазу зеленью. Свежий букет в столовой служил сигналом: лето началось. Милтоны приехали. Эви вернулась на крыльцо, отметив, что кисейные занавески прохудились, а у некоторых не хватало колец. В дальнем углу столовой появилось новое желтое пятно, и обои на этом месте сморщились и треснули.

Неважно. Эви взяла пустую медную вазу со стола и открыла сетчатую дверь в сад. Неважно.

Она сняла ржавые ножницы с гвоздя рядом с дверью и поднялась на пригорок за домом, где лежали они все. Синее небо над головой оживлялось мельканием чаек. Наяву гранитные плиты были гораздо меньше, чем во сне.

*Огден Мосс Милтон
11 ноября 1899–4 октября 1980*

*Кэтрин Милтон
4 мая 1905–10 сентября 1988*

*Огден Мосс Милтон-мл.
17 марта 1930–22 августа 1959*

*Эвелин Милтон Пратт
18 апреля 1937–24 марта 2017*

Она смотрела на имена и даты. Площадка для пикника так далеко отсюда. Почему, мама? Эви отвернулась.

Ветки восковницы царапали ей ноги, но она забралась в самую середину и принялась срезать серебристо-зеленые стебли. Над головой

пролетел самолет, и Эви проследила, как он беззвучно растворяется в голубом небе. Если бы бабушка смотрела с небес, то видела бы, что Эви, как и положено, первым делом ставит восковницу в вазу, – и одобрила бы.

Эви нарезала огромный букет, с трудом просунула его в горлышко вазы, затем, пятась, выбралась из кустов и вернулась в дом; сетчатая дверь громко хлопнула у нее за спиной. Она поставила медную вазу в центр стола, и аромат срезанных веток смешался с запахом соленого ветра из открытых окон. Вот так. Косые лучи вечернего солнца ложились на деревянную поверхность стола. Хлопки флага на ветру отсчитывали время.

Она вернулась на остров, одна из Милтонов. Алтарница. Жрица. Она будет делать то, что делалось всегда.

И ее охватило чувство покоя, ощущение порядка, которого она давно не испытывала. Никаких дел на сегодняшний вечер больше не осталось. Никто не будет ее отвлекать. Это был покой, который напоминал ей времена среди библиотечных полок, в окружении листов бумаги и стопок книг. Сквозь старое оконное стекло, согретое солнцем и ставшее волнистым от старости, зеленая лужайка, спускавшаяся к лодочному сараю, будто слегка подрагивала. По этому зеленому фарватеру бродило прошлое, как оно бродило всегда, и Эви с детства привыкла смотреть на него, не осознавая этого. Историк получает свои знания в библиотеках, но жажда этих знаний, желание оглянуться назад происходит из детской наблюдательности, потребности нанести на карту семейные воды, расставить указатели, поделить эти воды флотами, квадрантами и прибрежными маршрутами, услышать и понять тишину.

В передней она передвинула кресла, так, чтобы они были повернуты друг к другу, как будто заполняя их: бабушка Ки в своем моррисоновском кресле, а напротив нее мать в облезлом каминном кресле, обтянутом тканью с колокольчиками.

Комната ждет. Ужин подадут через час. Кто-то возится в кухне. Скоро зазвонит колокол у задней двери и позовет всех их – Эви, Мин, Шепу, Харриет и Генри – в тихий вечер, оторвав от игр, книг и отлива в бухте. Первый удар колокола предупреждал их. Вторым звал вниз, на пристань. Третий сообщал, что бабушка Ки поставила бокалы с дюбонне на поднос, поднялась по лужайке наверх, вошла в столовую,

села во главе стола и ждала, когда ее дочери, их матери, придут и займут свои места.

Глава двадцать восьмая

К шести часам Эвелин собрала всех вместе, и они пошли через лес к открытой площадке, где Огден выкопал ямы для костров и установил деревянные скамейки вдоль старого каменного стола. Во время прилива поросшая травой лужайка спускалась к гранитным камням, а оттуда прямо к воде. При отливе вода отступала, обнажая массивный гранитный уступ, прятанный под самой поверхностью.

Китти поставила на камень миску с орехами и кусок чеддера на тарелке и оглянулась. Огден уже разливал напитки, а небольшая компания разбрелась по траве. Эвелин взяла Дикки за руку, и они пошли к последнему камню, где замерли на мгновение, не расцепляя рук, – одни. Китти помнила это чувство, когда весь мир бьется в сплетении пальцев.

Она улыбнулась и нашла взглядом Огдена, который над чем-то смеялся с Роджером Праттом. Они были примерно одного возраста, но Огден выглядел гораздо моложе; он изменился к лучшему, как это иногда случается с мужчинами, когда они стареют. Рукава его рубашки из тонкого сукна были закатаны, как у моряка, обнажая руки, загоревшие от работы на открытом воздухе, здесь, на острове; немолодой мужчина в расцвете сил, подумала она. Подходить к которому следует во всеоружии – или вообще не подходить.

Присс стояла рядом с ними и смотрела на Огдена с такой неприкрытой тоской, что Китти почувствовала укол жалости.

Анна и Джоан сидели у гранитного уступа, подтянув колени к подбородку, и пили бурбон из бумажных стаканчиков, которые Джоан привезла из города. Бумажные стаканчики существенно облегчают жизнь, сказала Джоан матери, – выпиваешь и просто бросаешь его в океан. *Как русские*, подумала Джоан, бросая свой стаканчик со скалы. Он уплыл с отливом, направляясь к центру Нэрроуз, проливу между Крокеттом и Виналхейвенем, соседним островом, где уже много лет назад купили летние дома несколько друзей Милтонов, в том числе Уэлды, причал которых Джоан могла разглядеть у края бухты на противоположном берегу пролива. Она беспокоило заерзала. Они с Фенно Уэлдом не виделись несколько недель. После Лена.

Дик и Эвелин все еще стояли у края скалистого склона, спускавшегося к воде, и слушали Роджера Пратта, который присоединился к ним; темно-синий шотландский свитер Дика превосходно сочетался с лимонно-желтой блузкой Эвелин, подумала Джоан. Великолепная пара.

– Интересно, за кого я выйду замуж, – задумчиво сказала Анна, не сводя глаз с Дика и Эвелин. – Если подумать, это так странно.

– Что именно?

– Неизвестный человек, нечто новое, что меня ждет. Где-то в мире есть мужчина, за которого я выйду замуж. Прямо *в эту минуту* он поворачивает голову, слушает чьи-то слова, смеется.

Джоан улыбнулась. Болтушка, как они прозвали ее в Фармингтоне. И что самое забавное, среди всего этого потока слов она умудрялась сказать что-то важное.

– Я могу встретить его через несколько минут или через несколько лет... И это странно... что невозможно знать заранее.

– Может, ты его уже встретила.

– Очень надеюсь, что нет, – заявила Анна.

Джоан задумалась, не рассказать ли подруге о Лене, но в таком случае эта история не будет принадлежать только ей. Теперь Лен был ее тайной, которую она не хотела раскрывать слишком быстро. Как и квартира, он мог быть только ее, с замком, который может открыть только она.

– Я не собираюсь замуж. – Джоан сделала глоток. – Это будет нечестно.

– Не смей меня.

– Я серьезно. – Джоан посмотрела на Анну. – Не думаю, что следует выходить замуж, если ты не можешь родить ему детей. Это неправильно. Нечестно по отношению к нему.

– Звучит немного по-пуритански, – нахмурилась Анна. – А что, если ты его любишь?

Джоан села на корточки.

– Если ты его любишь, то должна дать ему то, что он хочет... что хотят все мужчины.

– Правда? И что же это?

– Дом, очаг и ребенка, – усмехнулась Джоан и встала.

– Господи. – Анна закатила глаза.

Вечер окрашивался в розовые тона, протягивая длинные перья облаков по небу, которое еще недавно было синим и чистым, согревая маленькую компанию бурбоном и джином.

– Внимание, – сказал Дикки.

– Смотрите, – протянула Анна. – Дикки собирается произнести тост. Давай! – крикнула она.

Ее брат медленно, без слов, поднял шест, который держал в руке, аккуратно развернул полотнище флага, высоко поднял его и помахал в воздухе.

ЭВЕЛИН, возвестил флаг.

– Ой! – вскрикнула довольная Эвелин и засмеялась. – Дикки!

– Сегодня... – Он умолк, словно вдруг лишился дара речи, потом предпринял вторую попытку: – В этот день...

Как странно, подумала Джоан. Ей и в голову не приходило, что Дикки может растеряться.

– Я... – Он прочистил горло и посмотрел в глаза Эвелин, которая взяла его за руку. Он смотрел на нее, на обращенное к нему лицо, выражение которого говорило: это все твое, я твоя. – Эвелин! – выкрикнул он, правой рукой вскидывая флаг, а левой поднимая руку Эвелин. – Я твой, Эвелин. И я объявляю эту землю твоей!

Она снова засмеялась. Дикки повернулся и воткнул шест в щель между двумя камнями на краю площадки для пикника.

Джоан вскинула бровь и посмотрела на Анну, которая кивнула, понимая, что имеет в виду подруга. Анна выросла в тени высокомерного эгоизма брата и уже давно решила, что не будет играть по его правилам.

На воде – там, где она расступалась во всю ширь, где сталкивались море и небо, окрашиваясь в темно-фиолетовый цвет, – появилась весельная лодка.

– Милтон! – послышался голос из приближавшейся лодки. – Скотч у тебя есть?

Огден Милтон хмыкнул и подошел к кромке воды.

– Только не для тебя, Уэлд. Но если ты с женой, то для нее – сколько угодно!

Весла беззвучно погружались в воду, и все слышали серебряный колокольчик женского смеха. Лодка подплыла ближе, и стало ясно, что

на борту четыре человека и собака.

– У меня есть мидии, – крикнула Фанни Уэлд.

– А у меня масло! – ответила Китти. – Кто это там с вами?

– Это Фен, миссис Милтон. – Глубокий бас Фенно Уэлда полетел над водой.

– И я, мама! – Мосс Милтон повернулся, так, чтобы все могли его увидеть. – Боюсь, они привезли и меня.

– Мосс! – крикнула Китти. – Мосс Милтон, ты здесь!

Уэлды привезли два ведра мидий, «брошенных на алтарь», как выразилась Фанни Уэлд.

– Да, именно это я и имею в виду, – сказала она, величественно сходя с кормы лодки на сушу и кивая присутствующим. – Да, да, Огден, не смейся. Мы ждали гостей на ужин, но они опоздали на последний паром.

– А потом появился я, и меня нужно было перевезти, – прибавил Мосс и опустился на колени на носу лодки, чтобы оттолкнуть ее от камней. – И вот мы здесь. Привет, папа, – крикнул он Огдену.

– Вот мы здесь, – с улыбкой повторила Китти.

Да, подумала Джоан, наблюдая за Фенно, который спрыгнул с носа с веревкой в руке, легко взобрался на камни и протянул ей.

– Джоан.

Она взяла конец веревки и поднялась к дереву, использовавшемуся для швартовки, завязала полуштыком и повернулась к Фенно. Он помогал выгружать мидии из лодки и что-то сказал матери, но Джоан не расслышала что.

Разумеется, теперь не могло быть и речи, что Уэлды вернутся к себе; они должны были остаться на ужин. Джоан и Анну отправили на кухню за большим котлом и брусом масла – а также сообщить Джесси, что прибавилось четыре человека. На огонь положили решетку, чтобы вскипятить воду в котле. Тихая встреча двух семей превращалась в нечто похожее на вечеринку, и всех охватило радостное возбуждение. Фенно привез свою укулеле, а вместе с мидиями в лодке прибыли зеленые стеклянные кувшины с молодым калифорнийским вином, которые теперь охлаждались в воде у самых скал.

Огден пребывал в хорошем настроении; подбросив в огонь плавник, так что пламя взметнулось ввысь, а бульон вскипел вокруг мидий, он попросил Китти подставить бумажные стаканчики под стекающее масло. Джоан чувствовала жар костра обгоревшей на солнце кожей. Небо из розового стало темно-синим, и костер как будто объединил их всех в круге тепла и света.

Альдо заведовал кафедрой философии в Гарварде, а Фанни читала там лекции по классической литературе. В ту самую минуту, когда закончился весенний семестр, – секунду, настаивала Фанни, – они отправились сюда. Последовав примеру Китти и Огдена, Уэлды купили лодочный сарай на другом берегу Нэрроуз, напротив острова Крокетт, пристроили к нему две студии, кухню и длинную столовую, окна которой выходили на море. Фанни была англичанкой, с отличием окончила Оксфорд, но когда познакомилась с Китти Милтон, то, как однажды летом она призналась Джоан, «была в ужасе».

«Мне казалось, американские девушки умеют все: они были умны, учились в колледже, знали французский, играли в теннис, катались на лыжах, пели. В отличие от меня. – Она помолчала. – Скучной, как вода в пруду, способной только составлять красивые фразы».

«Но мама не училась в колледже», – возразила Джоан.

«Это неважно, – ответила Фанни Уэлд. – Посмотри на это место. Твоя мать создает миры из воздуха».

– Добралась без проблем? – Фенно сел на камни рядом с Джоан.

– Нормально.

– Жарко?

Джоан сбросила бумажный стаканчик со скалы.

– Эй, – сказала она и, прищурившись, посмотрела на него. – Не мог придумать чего-нибудь получше?

Ее насмешка сняла напряжение, и Фенно расслабился. Плечи у него опустились, он посмотрел на Джоан и улыбнулся.

А потом она поняла, что ей легко улыбнуться ему. Легко, потому что он был своим, и его присутствие рядом с ней подтверждало, что так будет всегда. Ей вообще ничего не нужно говорить. Он так же неотделим от этого места, как она. И больше ничего.

– Смотрите, – крикнула Эвелин. – Смотрите все. Закат...

Оранжево-красный шар висел над вечерним морем, и его лучи тянулись к гранитной плите у их ног, заливая ее бледным светом.

Китти посмотрела на Огдена. *Здесь*, прочла она в его глазах. Ее взгляд смягчился, и она кивнула.

Все молчали. Солнце медленно опускалось в черную бездну. И через секунду исчезло.

– Ну вот, – сказала Китти, вставая и распрямляясь во весь рост. – Не будем заставлять Джесси ждать.

– Пойдем. – Огден подошел к ней и предложил руку; она кокетливо склонила голову и взяла его под локоть. Они двинулись впереди всех по тропинке через лес, оставив Фенно и Мосса забрать пиво и вино; Джоан шла за отцом и матерью, и ее сопровождал смех двух молодых мужчин на скалах. Низкий, глубокий голос Фенно сталкивался со звонким тенором Мосса.

Свечи в подсвечниках из плавника. Хлеб, масло и вино в кувшинах. Изобилие. И дружелюбное молчание во время еды. А когда Джесси просунула голову в дверь и объявила, что несет ирландское рагу, ответом ей были восторженные крики. Стряпня кухарки Милтонов считалась одной из самых простых на всем побережье, но Джесси компенсировала этот недостаток размером порций. В отличие от Лоуэллов, Ханникаттов, Стинсонов или даже Уэлдов у Милтонов еды всегда хватало на всех.

Джесси ответила на благодарности легким подобием улыбки, поставила кастрюлю перед Огденом, вручила ему черпак и снова исчезла на кухне. Китти проследила взглядом за кухаркой, скрывшейся за дверью. Джесси приезжала сюда вместе с ними каждое лето, начиная с самого первого, горько жаловалась на трудности стряпни на острове, – *только представьте себе, острове*, всхлипывала она, – но в начале июня всегда первой паковала вещи и, готовая пуститься в путь, ждала в коридоре.

Китти сидела в конце стола рядом с Альдо и Роджером Праттом. Она не спускала глаз с Присс, сидевшей справа от Огдена на противоположном конце; по другую сторону от нее расположился Мосс. Китти заметила быстрый взгляд, брошенный Огденом на сына, и почувствовала, каким счастливым его делает Мосс. Сегодня все в порядке. Все на своих местах.

– Папа, – обратилась к нему Эвелин. – Помоги мне. Я рассказываю Праттам об Уортингтон-Барлеттах.

Огден попытался вспомнить, кто это.

– Твоя подруга Эбби? Которая недавно вышла замуж?

– Точно, – кивнула она. – И они счастливы, как голубки, но есть одна проблема.

– Ее стряпня? – рискнул предположить мистер Пратт.

– Вовсе нет. – Эвелин шутливо погрозила ему пальцем. – Эбби окончила кулинарные курсы в «Альянс Франсез». Нет. – Она помолчала. – Дело в том, что Уорти с трудом находит общий язык с тестем.

Огден поставил свой бокал.

– Грисвольд Адамс хороший человек.

– Конечно, папа. Делает вид.

– А ты-то откуда знаешь? – Ог нахмурился.

– Эбби нам рассказала.

– Эбби? – удивленно переспросила Китти со своего края стола. – Как странно.

– Не дай бог я узнаю, что ты обсуждаешь Дикки или его взгляды, юная леди. – Огден был тверд.

– Да, черт возьми. – Дикки Пратт поднял свой бокал. – Спасибо, сэр. Мы, мужчины, должны стоять горой друг за друга.

Эвелин шлепнула его по руке.

– Видите? – с улыбкой запротестовал он.

– Это было по-дружески, папа. – Эвелин повернулась к отцу. – Мы близкие подруги.

– Мне все равно, насколько вы близки, – ответил он. – Красота брака в его приватности. Это драгоценность. Жена не должна обсуждать мужа. И его семью тоже. К пересудам липнет грязь.

Он остановил взгляд на Китти, и она улыбнулась ему.

Огден поднял бокал. Он был серьезен, но не хотел никого осуждать.

– За незапятнанную любовь.

– За незапятнанную любовь, – повторил мистер Пратт.

– И обет молчания! – прибавил Альдо Уэлд. – На котором она стоит!

– Ладно-ладно, – беззлобно проворчал Огден. – Ты знаешь, что я прав.

Все умолкли и приступили к рагу.

– Кто-нибудь на этой неделе смотрел Майка Уоллеса? – нарушил молчание Альдо Уэлд.

– Ужасно, – с гримасой отвращения сказала Китти. – Я выключила.

– Пыталась выключить, – уточнил Огден. – Я не позволил.

– О чем речь? – спросил Роджер Пратт.

– Уоллес показал каких-то негров из Гарлема, проповедующих расовую ненависть.

– Расовую ненависть?

– Белые – это голубоглазые дьяволы.

Мосс отложил вилку.

– Передача называлась «Ненависть порождает ненависть»...

Огден посмотрел на него и кивнул:

– Совершенно верно.

– И не без основания, – продолжил Мосс. – Негры имеют право...

– Но зачем об этом говорить? Зачем вытаскивать это на поверхность? – спросила Китти. – Какая от этого польза? В глубине души все понимают негров.

– Возможно, за исключением жителей Монтгомери, – заметила Фанни.

– Я имела в виду всех, сидящих за этим столом.

– Этого недостаточно, – тихо сказал Мосс. – Совсем недостаточно. Кто-то должен нарушить...

– Но без оскорблений. Всем необходимо сохранять хладнокровие, – сказал Роджер Пратт. Огден кивнул.

– Эйзенхауэр был за интеграцию, но постепенную, – сказал Альдо Уэлд, откидываясь на спинку стула. – Эдлай Стивенсон был за интеграцию... но умеренную. Кажется, так теперь шутят?

– Но это правда, – нахмурился Огден.

– Ты не понимаешь смысл шутки, папа? – спросил Мосс.

– Разумеется, понимаю. Все белые одинаковы...

– Ну нет. – Мосс поморщился.

– Они хорошие люди, оба, и они желали добра, – сказал Огден. – Такие люди приносят пользу стране.

– Стране?

– Да.

– А как насчет...

– Мы делаем то, что должно, и движемся вперед, Мосс. Это единственный путь, Мосс, – двигаться вперед.

– Не согласен. – Мосс покачал головой. – Скорее назад. Нужно двигаться назад. Оглянуться, посмотреть, что произошло, и понять почему...

– О чем это вы? – Альдо Уэлд наклонился и потянулся за вином, затем наполнил стоявший рядом бокал Сары Пратт.

– Я говорю о тайных законах, – ответил Мосс.

– Законы не бывают тайными, – сказал Огден.

– Неписанные законы. Неписанные правила.

– Тайные и неумолимые, – согласился Фенно.

Огден перевел взгляд с сына на Фенно.

– Похоже, молодое поколение выступает единым фронтом, – сказал он, обращаясь к Альдо.

Тайные законы, с раздражением подумала Китти. Почему нельзя просто поужинать вместе? Зачем все эти разговоры, обсуждения, зачем садиться за разные столы и говорить: «Я здесь, а ты здесь».

– Послушай. – Огден откинулся на спинку стула. – У меня нет иллюзий относительно черных. К ним плохо относились, с ними плохо обращались – с самого начала. Никто не спорит. Но как нас объединить? – Он посмотрел на сына и улыбнулся. – Постепенно, – ответил он сам себе. – На этом держатся цивилизации. Разбитое, протекающее ведро не удержит свежую воду.

– Нет, – возразил Мосс. – Нам нужны новые ведра. Или что-то другое. Неудачное сравнение.

Он отодвинул свой стул от стола и поднялся.

– Пива? – спросил он, не глядя ни на кого.

– Я бы не отказался, раз уж ты встал, – радостно откликнулся Дикки. – Можно в ведре.

Мосс рассеянно кивнул, вышел в кладовку, а затем на улицу, в ночь, опустившую на небо занавес из далеких звезд. Каждое застолье делится на акты, подумал он, пробираясь в темноте к скалистому выступу, где оставил пиво, принесенное с площадки для пикника. Такой ужин похож на пьесу или даже оперу; он может создавать новые

ритмы – перепады тембра во время обмена мнениями, скрежет отодвигаемых и придвигаемых стульев, фон болтовни ни о чем, быстрые оценивающие взгляды, ответы. Первый акт подходил к концу, и скоро начнется второй, в котором все усложняется; люди увлекаются едой и беседой, и начинает проступать чистый, печальный напев, одна-единственная нить, которая объединит или разделит их. Мелодия.

Разбить все, вполголоса напевал Мосс. *Разбить все, разнести в щепки*. Он не задумывался, что это значит. Что именно нужно разбить. Почему-то он был уверен, что это не имеет значения. Если ему удастся уловить гармонию этого ужина – слепую уверенность отца, внимательность матери, непринужденность и высокомерие стариковских разговоров, смех сестры, – а потом отступить, чтобы гармония исчезла, оставив эхо, мимолетный след, это будет здорово. *Найди мне новые ноты, Джордж*, сказал Майлз Дэвис своему барабанщику десять лет назад, и с тех пор Мосс руководствовался этой фразой.

Да, найди мне новые ноты. Мосс вытащил пиво из воды и сунул руку в карман за перочинным ножом. Разговор за столом не вышел за допустимые рамки, хотя Мосс знал, что его отец считает себя непредвзятым человеком, способным за ужином обсуждать даже Малкольма Икса^[30]. Подобно старинной песне, которую исполняют а капелла, старики опирались на аккорды, смещали свои голоса на четверть тона вверх и вниз, в строгой гармонии, единым созвучием – альт, бас, тенор сливались, но не заглушали друг друга. Отдельные, но равные. Мосс поставил пиво на камень и открыл банку, нащупав пальцами край и приставив к этому месту нож. Раздельный звук, в котором каждая нота занимает отведенное ей место.

Ночное небо над его головой прочертила падающая звезда. Одинокий огонек просто пришел в движение, как будто кто-то столкнул его с темной полки. Мосс проследил за ним, пока тот не исчез из виду, затем перевел взгляд на яркие прямоугольники окон, смотревшие из столовой в ночь, окружавшую его со всех сторон. Он сделал большой глоток, и ему вдруг захотелось, чтобы сюда приехал Редж, чтобы он смог увидеть все это. Увидел, кто такой Мосс. А если точнее, увидел, откуда он такой взялся и что он имел в виду, когда говорил, что хочет найти новые ноты. Редж увидит то, что видит Мосс, поймет его потребность разбить. Он улыбнулся. Редж увидит и примет

ее... эту невообразимую красоту... которую Милтоны крепко держат в своих благовоспитанных, *цивилизованных* руках.

Мосс допил остатки пива. С замиранием сердца он смотрел в окно, не в силах заставить себя вернуться в дом. За столом продолжался оживленный разговор. Отец слегка наклонился вперед, внимательно слушая. Мосс открыл вторую банку пива и стал пить, наблюдая, как мистер Пратт что-то рассказывает, но слушает его только половина присутствующих. Фенно разговаривал с Анной, а его мать барабанила пальцами по спинке своего стула. Что в промежутке? Что в промежутке? Ритм, отбиваемый ее пальцами, заморозил его.

Одни фразы поглощали другие и завоевывали пространство, присоединяя его к себе и двигаясь дальше, а затем останавливались. Останавливались. И приходили в движение. Снова. И Мосс услышал: там, за гранью разговора, где затихали голоса, была музыка. На короткое, почти неуловимое мгновение он ухватил то, к чему стремился, увидел, как выразить все это... комнату, этих людей, свечи и звезды. Выразить словами. И не только словами. Самую суть.

Его словно окутала легкая золотистая пелена. В окне он видел Эвелин, сидевшую напротив Джоан, чья темноволосая голова замерла неподвижно, – она тоже слушала. Сегодня, когда он плыл в лодке вместе с Уэлами, то первой увидел фигуру Джоан, сидевшей на камнях.

Именно ее он всегда искал взглядом в толпе, чтобы убедиться, что она здесь. Мосс снова глотнул из банки. Тут он был не властен над собой. Могло случиться все что угодно. Он вырос под грузом того утра, когда она чуть не утонула. Они были вместе, а потом он повернулся и увидел, что она просто исчезла. И ему казалось, что сегодня она слишком близко к воде; Фенно Уэлд пошевелился, и Мосс увидел, что он слушает Анну, но смотрит на Джоан, которая наклонилась вперед, чтобы убрать воск с верхушки свечи. Вид у Фенно был беззащитный и растерянный. А Джоан думала о чем-то своем, видел Мосс. Интересно о чем. Сестра встала, взяла тарелку мистера Пратта, затем свою. Тот, кто сумеет ее завоевать, – счастливчик.

– Мосс? – В дверях кухни появился силуэт Джоан, очерченный светом из кладовки за ее спиной.

– Я здесь.

Он услышал стук сетчатой двери, затем приглушенные травой шаги. Какое-то время они с Джоан молча стояли в темноте.

Мосс махнул рукой, указывая на освещенное окно:

– Бессмертные ужинают.

Джоан улыбнулась. Он прав. Сидящие за столом выглядели так, словно неподвластны времени.

– От этого у меня возникает желание что-нибудь разбить.

Джоан с удивлением посмотрела на Мосса. Свет из окна падал на его лицо, и он выглядел так, будто слушает что-то такое, чего не слышат остальные, и это завораживает его. Он вылил в рот остатки пива из банки.

– Почему? – спросила она.

– Пока не разобьешь, ничего не увидишь.

Неужели это правда? Она скрестила руки на груди. Мосс напоминал ее босса – то же воодушевление в вечном противостоянии миру.

– И у тебя останутся только осколки, – сказала она.

Мосс покачал головой:

– Осколки, чтобы разбить их на другие осколки.

Джоан задумалась.

– Тебе знакомо это чувство, когда ты стоишь перед картиной или слышишь последние несколько нот песни? Словно в тебя ударяет молния. Осознание: ты не одинок.

– Ты не одинок, – возразила она. – Посмотри на всех нас, посмотри на это место...

– Но мне хочется создать нечто большее... – Он был серьезен. – Выходящее за границы всего этого...

– Что это может быть, Мосс? Что больше этого места? Оно чистое и цельное. Здесь все так, как должно быть.

Он ответил не сразу.

– Все не так, Джоан. – Мосс покачал головой. – Или я не такой.

– С тобой все в порядке.

– Я недостаточно хорош для этого места.

– Ты ошибаешься, – возразила она.

В столовой Китти встала и начала расставлять тарелки для десерта.

– Тогда я этого не хочу.

– А чего ты хочешь?

– Я хочу, – тихо сказал он, не отрывая взгляда от матери, – чтобы люди смотрели на меня, только на меня, а не сквозь меня, как будто они ищут кого-то другого.

Джоан смотрела, как их мать снова занимает свое место за столом. Потом тронула брата за руку.

– Пойдем, – сказала она и сжала его локоть. – Возвращаемся.

– Вот вы где! – воскликнула Китти, увидев их. – Идите сюда. Бедный Дикки был очень терпелив со мной и совсем извелся.

– Вовсе нет, миссис Милтон.

– Вовсе не терпелив? – поддела его Эвелин.

– Совсем не извелся, – улыбнулся Дикки.

Мосс протянул ему холодную банку пива и консервный нож; он все еще находился под впечатлением того, что понял там, в темноте за своей спиной, и, недолго думая, откашлялся и поднял банку:

– Тост.

Один за другим все повернулись к нему. Он поправил очки на носу.

– В современном мире есть один гений, – медленно начал Мосс. – Человек, который понял, как заставить нас слышать большие пространства звука, в которых возможно все. Мистер Майлз Дэвис...

Внезапно он напрягся. Как будто готовился прыгнуть в воду. Взгляд матери давил ему на плечи, словно ладони, заставляя сесть. Но ведь можно просто сделать шаг вперед и прыгнуть. Мосс перевел взгляд на отца, который выжидающе смотрел на него. *Выкладывай, как будто говорил Огден. Продолжай. Продолжай.*

Мосс выпрямился, сопротивляясь этому давлению. Сделал паузу, посмотрел на мать, сидящую в конце стола, и улыбнулся.

– Несмотря на то что сегодня на повестке дня у нас эта парочка, Эвелин и Дикки, я предлагаю выпить за бесконечное разнообразие... – Мосс умолк. – За звуки, которые перепрыгивают барьеры, за ноты, которые не стоят на месте. За любовь в стиле блюз. – Мосс поднял руку с пивом.

Все недоуменно молчали. Мосс поднес банку ко рту и выпил.

– Не знаю, о чем ты, – добродушно сказал Дикки, – но присоединяюсь. За это. И за тебя, Мосс.

Мосс пьян, понял Огден. Ему пора смириться, пора понять, что пришло время все это бросить. Китти пристально смотрела на него. *Ладно*. Огден едва удержался, чтобы не кивнуть ей. *Ладно, я промолчу*.

Он встал с бокалом в руке.

– Музыку я оставляю Моссу, но о любви кое-что скажу, – начал Огден. – По моему опыту, мужчины сочиняют грустную музыку до тех пор, пока не встретят женщину. Мы всего лишь «медь звенящая... – он выдержал паузу, – или кимвал звучащий». За спиной каждого успешного мужчины – достойная женщина. – Он улыбнулся. – По крайней мере, так говорят. Но я полагаю, что достойная женщина – это причина, по которой мужчины возводят дома, разбивают сады и строят церкви. Только женщина побуждает мужчину строить. В основе успеха каждого мужчины – достойная женщина.

Он поднял свой бокал и слегка поклонился, сначала Саре Пратт, затем Фанни Уэлд и, наконец, Китти.

– Завтра мы выйдем в тираж. Но сегодня я хочу выпить за достойных женщин в центре – за Сару, за Китти, за Фанни, за Присс... и за Эвелин, которая скоро присоединится к ним.

Мосс в ответ поднял банку с пивом. Как тонко и умно говорит его отец. Он перевел разговор на другую тему, но при этом было понятно, что отнесся к нему серьезно. Он продолжал пить, не сводя глаз с отца. Эвелин вспыхнула от удовольствия. Она получила свой билет. Теперь все будет в порядке. Дикки смотрел на ее лицо с выражением мальчишеской радости, как будто с трудом верил своему счастью. Они такие безупречные и так подходят друг другу, без всякой ревности подумала Джоан. Эвелин всегда была такой – светлой, легкой и чистой. Неужели сестры обязательно должны быть разными? Свет и тень? Красота и ум? Хотя, подумала она, придвигая солонку к перечнице, ее саму вряд ли можно назвать умом. Она явно рехнулась. Но – она лениво постучала ножом для масла по стеклянной солонке – ее безумие восхитительное... и тайное.

– Пойдем, – сказала Джоан Анне, глядя на нее поверх свечей. – Достойные женщины должны отвести компанию на пристань.

Смеясь, Джоан и Анна встали, взяв свои тарелки, а вслед за ними поднялись Эвелин с Дикки. Они вышли через дверь в темноту ночи, и

через окно рядом с Китти их голоса проникали в опустевшую комнату, где, погруженный в свои мысли, остался Мосс. Китти озадаченно посмотрела на сына.

– Эй, – окликнула она его.

От звука ее голоса он встрепенулся и посмотрел на нее, и, встретив его взгляд, Китти вдруг поняла, какие мысли она гнала от себя весь вечер. Он напомнил ей о Данке.

Мосс встал, потянулся, кивнул матери, взял свою тарелку и пиво. Створчатая дверь кладовки закрылась за его спиной. Потом послышался стук сетчатой двери, ведущей на крыльцо.

Старшее поколение осталось за столом; все молчали. Они испытывали такое чувство, словно сбросили с себя пальто. Вслух об этом не говорят, но они словно вздохнули свободно.

– Утром, если будет ясно, я хотел бы выйти на яхте, – сказал Огден Китти. – Пораньше.

Она кивнула, с удовольствием окидывая взглядом знакомые лица, – на всех она может рассчитывать, все знают свою роль, свое место, подумала Китти, вставая из-за стола.

Сара Пратт и Фанни Уэлд тоже встали, с благодарностью посмотрев на нее. Потом Присс. Они свободны. Можно вслед за Китти выйти из столовой на свежий воздух, в темноту и тишину. Китти коснулась ветки сирени, дугой изогнувшейся над дверью, – такая знакомая, похожая на руку. Лужайка перед домом терялась в темноте. Ночь была ясной. Огден получит свою прогулку на яхте. На пристани медленно двигались взад-вперед огоньки сигарет, которые курили дети.

Глава двадцать девятая

Китти проснулась на рассвете с бешено колотящимся сердцем. Нужно бежать к Недди, скорее, скорее. Она не знала, куда и зачем, хотя сон всегда был одним и тем же. Он никогда не оставлял следов, как другие сны; наяву у нее ни разу не возникло ощущения, словно что-то мелькает в воздухе и она понимает: *А, вот что это было, это же сон.* Этот сон приходил к ней, и она бежала, движимая безымянным страхом, бежала к Недди.

Лежа на спине, Китти потрогала свой лоб – он был мокрым от пота. Глаза привыкли к темноте; тело Огдена мягкой стеной вздымалось рядом с ней, отделяя от края кровати и окна за ней. Успокаивающая темнота. Утешающая. Она здесь, в своей постели. Но этот сон чем-то отличался от прежних. Чувствуя, как замедляется пульс, Китти попыталась вспомнить. Это был не Недди. Кто-то другой. Она бежала к другому ребенку. Помощь требовалась кому-то другому. Она лежала, чувствуя, как ветер с моря шевелит шторы на окне в изножье кровати. Кто это был? Она не могла вспомнить.

Китти знала, что если встанет, откроет шторы и посмотрит в окно, то увидит темное небо. В этом месяце безлунные ночи на острове были непроглядными и бездонными, словно на детском рисунке. Но полными звуков. Ветер шевелил деревья, и их ветки вздыхали. Безветренными ночами, когда деревья были неподвижными, слышался плеск волн, накатывавших на черные скалы в бухте. Из животных не спали только летучие мыши, молчаливые, как скалы и деревья; они беззвучно кружили над амбаром.

Капельки пота высохли, и Китти подтянула одеяло, закрыв шею и грудь. Огден перевернулся и положил теплую ладонь ей на ключицу.

– Все в порядке? – сонным голосом спросил он.

– Да, – прошептала она. – Спи.

Он что-то пробормотал и мгновенно уснул.

Мосс. Вот оно. *Неужели* это был Мосс? Да, наверное. Причиной ее паники стало нечто, увиденное накануне вечером. Какая-то мелочь, и Китти никак не могла подобрать слово, которое вытащило бы это на поверхность, так, чтобы можно было обдумать увиденное, как-то

понять его. Назвать. Это ведь его тост, да? Или что-то до тоста, нечто сказанное им в середине разговора.

Или то, как он встал из-за стола... стоял, как будто... она искала подходящее слово, вспоминая, как Мосс пошел к двери кладовки, вежливо кивнув: *Конечно, Дикки*, – и исчез за порогом. Что он нашел там, чего не было в доме? Китти повернулась на бок, спиной к Огдену, чтобы ничто не мешало ей думать в темноте.

Как будто он хотел убежать. Убежать из-за стола. Почему? Обычный ужин с близкими друзьями, которые часто собирались и здесь, и в городе, ужин как отражение мира, со всеми его радостями и печалью. Огден на одном конце стола, она на другом, гости по бокам. Она любила задавать вопросы со своего конца и наблюдать, как мужчины подхватывают разговор. Ей нравилось, что она знала достаточно, чтобы понять, о чем идет речь, убедиться, что беседа не отклоняется в сторону, или менять ее направление, когда разговор становится слишком серьезным. Сама Китти никогда не участвовала в беседе, но следила за тем, чтобы она не иссякала. Когда гость отказывался участвовать в разговоре, это повергало ее в шок. А если человек пренебрегал своими обязанностями и не наполнял опустевший бокал соседа, это означало, что что-то пошло не так. Где-то она допустила промашку.

А Мосс вышел за флажки. Мосс нарушил правила. Она села. На фоне едва заметных проблесков света проступали тени. Китти взяла фонарь с прикроватной тумбочки, тяжелый и прохладный, направила луч под ноги и ступила в освещенный круг. Сегодня ей больше не заснуть.

В прихожей внизу она сняла с крючка шерстяное пальто, взяла шляпу и надела высокие резиновые сапоги, в которых обычно собирала мидий. Ночь еще не закончилась, но тьма уже не была такой непроглядной. Китти осторожно прошла через столовую и кладовку, к неяркому свечению запальника под конфорками кухонной плиты. Потом повернула ручку, и над чугунной конфоркой появились голубые когти пламени. В большой спальне над кухней Мосс повернулся во сне.

Китти взяла чайник, поставила на огонь, достала из коробки пакетик с чаем и положила в чашку. Потом плотнее запахнула

наброшенное на ночную рубашку пальто и стала ждать, пока закипит вода.

Накануне вечером ее напугало напряженное лицо Мосса. Это было... почти отчаяние. И его улыбка, кривая усмешка, была точно такой же, как у Данка, поняла она, стоя у плиты. Моссу всегда было трудно ладить с людьми. У него был талант собирать вокруг себя незнакомцев, этого нельзя отрицать. Но чего-то всегда не хватало, словно фал никогда не попадал в кольцо.

Она скрестила руки на груди. Мосс – не Данк.

Чайник забулькал, потом засвистел, и она выключила огонь, взяла чашку, поставила на столешницу и налила горячую воду. В окне на фоне светлеющего неба начал проступать силуэт большого камня. Близился рассвет. Что-то назревало, что-то такое, чего она еще не могла видеть, какой-то спор, слова которого она не слышала из-за закрытых дверей, и поэтому не могла ни на что повлиять.

Сверху послышался негромкий стук – две ноги спустились с кровати на пол. Китти ждала. Скоро по узкой лестнице протопает Мосс, скорее всего, пойдет в туалет в конце коридора. Услышав шаги, она взяла чашку и пошла к двери из кухни. Потом открыла дверь и вышла в утро.

Над лужайкой, мокрой от росы, стелился густой туман. Ясный день, который вечером обещало Огдену звездное небо, был скрыт за плотной пеленой. Китти пошла в сторону светлых оттенков серого – это был воздух, выделявшийся на фоне более темных силуэтов елей у кромки воды. Из-за мыса послышалось гудение двигателя; кто-то первым поднимал из воды ловушки для омаров.

Когда туман окутывал деревья и застывал в воздухе, Мосса охватывал страх. Он видел людей, сновавших между темными стволами. «Там никого нет, – пыталась успокоить его Китти. Конечно нет». Но он упорно стоял в коридоре второго этажа, смотрел в единственное окно, ее мальчик в коротких штанишках, с приглаженными волосами и вычищенными зубами, стоял, выпрямившись, как будто ждал лесных призраков, как будто мог защитить их всех.

Китти вздрогнула. В закоулках времени прячутся тени.

А если точнее, есть один закоулок во времени, куда не заглядывал солнечный свет, где нет кадрили и свадеб, нет других детей,

сбегающих с холма, чтобы сесть в лодку. Он всплывает на поверхность памяти только тогда, когда настоящее наталкивается на прошлое и будит его.

В то туманное утро Мосс шел вниз по склону холма к лодочному сараю вслед за Огденом, держа за руку Джоан; Китти казалось, что она только что, склонившись над розами, сказала ему: «Ладно, дорогой», – и вот уже Огден несет на руках маленькое тело, а Мосс бежит к ней, мокрый и всхлипывающий. На руках Огдена была Джоан. Вода стекала с его рубашки.

– Нам нужен врач, – сказал он.

Китти уронила садовый совок.

– Мама. – Мосс плакал.

Она повернулась к нему и раскрыла объятия.

– Иди сюда, милый, – прошептала она. – Сейчас возьму одеяло.

– Джоан тряслась. – Мосс поднял лицо к матери; губы его были синими. – Она упала.

– В воду? – У Китти перехватило дыхание.

– Я не мог ничего сделать, мама. Я не мог... она тонула, и я видел ее лицо...

– Все в порядке, Мосс. – Не выпуская руки сына, Китти открыла дверь. Они поднялись по лестнице к шкафу с бельем, где она взяла несколько полотенец.

– Я *ничего* не мог. – Мосс дрожал.

Она опустилась на колени и обернула его полотенцем. Гордый, храбрый малыш.

Нет. Китти замерла, гоня от себя воспоминания о том утре. Все это было давно, очень давно.

Она прошла через лодочный сарай на причал, где туман висел над водой, окутывал темный треугольник крыши, заползал на широкую гранитную скалу, образующую берег бухты. Вода капала с дощатого пола лодочного сарая на камни.

Она беспокоилась за Джоан. Все беспокоились. Врачи предупреждали, что приступ может случиться когда угодно. Она может утонуть, разбиться на машине, упасть посреди улицы. Она не должна выходить замуж – это было бы нечестно по отношению к мужу. Разве что за человека, который ее хорошо знает, например Фенно. Китти попыталась найти взглядом причал Уэлдов на другом берегу пролива,

но туман был слишком густым. Он ей всегда нравился. Фенно все знал о припадках. Фенно будет вести себя деликатно.

Она услышала звук шагов, сначала в лодочном сарае, потом на причале за своей спиной. Кто-то остановился на сходнях, и она оглянулась.

– Ты сегодня рано.

– Меня что-то разбудило. – Мосс зевнул, открыл калитку и начал спускаться по сходням, шлепая босыми ступнями. – Какой густой туман.

Китти кивнула.

– Эвелин будет волноваться, приедут ли сегодня гости.

– Туман рассеется.

– Наверное.

Они помолчали.

– Я как раз вспоминала, как ты боялся тумана.

Мосс глубже засунул руки в карманы и кивнул:

– Мне всегда казалось, что он хочет меня проглотить.

– Я хочу у тебя кое-что спросить, – сказала Китти после недолгой паузы.

Он внимательно посмотрел на нее.

– О чем, черт возьми, ты говорил вчера вечером?

– Когда именно?

– О взгляде назад.

Мосс пожал плечами:

– Почему мы здесь? Как мы тут оказались?

– Здесь? – Она нахмурилась. – На острове?

– Нет, мама. Здесь. В этой точке во времени. В этой ситуации с неграми. Папа говорил так, как будто название телевизионного шоу не имеет значения, как будто это всего лишь жалобы черных. – Он покачал головой. – Но в чем *причина*? Как мы к этому пришли?

Но где это – здесь? – растерянно подумала Китти. Что он имеет в виду? Да, ему придется нелегко. И еще эти его интересы, увлечения. Мосса ждут трудные времена, пока он будет привыкать к работе у Огдена.

– В любое помещение входи с улыбкой, – сказала она. – Разговаривай с каждым, независимо от его положения, как с человеком, разумным существом, – это создаст вокруг тебя

доброжелательную атмосферу. Это лучшая защита против людей, не получивших должного воспитания. Ты просто их не трогаешь. Тогда никто не сможет к тебе прикоснуться. И ты показываешь другим, как нужно себя вести. Служишь образцом для подражания.

Мосс кивнул, хотя остался при своем мнении.

– Конечно, им не нравится дурное обращение, – продолжила она. – Никому не нравится. Но такие вещи требуют времени. И терпения.

– Чьего терпения?

Ей хотелось встряхнуть сына. Сильно. У него избыток совести – как у Данка. Ответственность не абсолютна. Мы были добры, мы были щедры, но мы не можем дать больше того, что у нас есть.

– Мосс. – Ее голос звучал резко. – Зачем ты *так* о себе?

Он покачал головой:

– А что еще остается?

Что-то в его лице, какая-то беззаботная легкость, заставило ее вспомнить то утро, много лет назад, и мальчика у окна, который, не осознавая опасности, повернулся к ней. Она вздрогнула.

– Мосс. – Китти испуганно сжала его руку. – Я серьезно.

– Знаю, – ответил он, одарил ее своей милой улыбкой и отвернулся.

А вот и туман, с удовлетворением подумала Джоан, откидываясь на подушку. Она любила туман. Устремив взгляд в потолок, она представляла людей на Норт-Хейвене, которые доставали карты и линейки, прокладывая путь на остров. Те, кто приедут, останутся на ночь, а это значит – она перевернулась на живот – нужно будет тащить матрасы, простыни и одеяла в амбар. Вечеринка начнется с ужина и напитков, потом будут танцы, а потом веселье продолжится до глубокой ночи.

Анна крепко спала на соседней кровати с пологом.

Джоан отбросила розовое одеяло и села. Ее взгляд упал на шорты, переброшенные через подлокотник плетеного кресла в изножье кровати, и кеды под креслом – все аккуратно, как в детстве. Она провела пятками по полу, потом встала и плавным движением сняла через голову ночную рубашку. Соски затвердели, и она обхватила их ладонями, представив руки Лена у себя на талии, когда он прижимает ее к себе. Лен. Она посмотрела на свое отражение в маленьком зеркале

над комодом и вздрогнула, увидев в своих глазах откровенное желание. Лен Леви.

– Разумеется, все приедут, – сказала она Эвелин, которая стояла у подножия лестницы и смотрела через сетчатую дверь на туман на улице. Мосс с мамой медленно шли сквозь сумрак; белая рубашка Мосса выделялась на фоне серого марева.

Эвелин повернулась и с благодарностью посмотрела на Джоан:

– Ты правда так думаешь?

– Да, – сказала Джоан. – Они помешаны на таких ситуациях. Проверка на смелость, все такое.

Она закатила глаза, и Эвелин рассмеялась.

– Привет, мама, – поздоровалась Джоан.

– Доброе утро, – ответила Китти. – Кофе для Праттов уже сварили?

– Они еще не проснулись, – сказала Джоан, но взяла чайник и наполнила его водой.

Дикки уже встал и жарил хлеб на открытом огне – под подозрительным взглядом Джесси.

– Не волнуйся, – весело успокоил он кухарку. – Я профессионал.

Перед вечеринкой было еще много дел. Весельные лодки нужно просушить и вывести в бухту, чтобы освободить место для яхт из Норт-Хейвена и Виналхейвена. Но сначала, предупредила Китти, следует подумать о пианино – как поднять его на холм.

– О боже, – простонал Мосс.

Пианино марки «Стейнвей» оставила Китти какая-то из теток после войны. Инструмент доставили на остров на катере, затем с большим трудом на тележке перевезли в дом. Китти планировала для него еще одно путешествие, на вершину холма к амбару, и присутствие множества молодых мужчин, пригодных для такой работы, делало эту задачу реальной, хотя втащить четверть тонны красного дерева, стали и оленьей кожи вверх по склону, испещренному мышинными норами, представлялось почти невозможным.

Именно эта невозможность делала план Китти привлекательным для Огдена; кроме того, в туманный день такая физическая нагрузка была для всех заменой – вдобавок более полезной – прогулке по лесу, которую Огден также планировал на утро.

– Как ты собираешься это сделать? – спросил Мосс.

– На тележке, как и раньше, – ответила Китти.

– На тележке? Какой? Та упала с пристани много лет назад.

Огден нахмурился:

– Он прав... ты не помнишь?

Китти покачала головой.

– Можно приспособить что-нибудь еще, – сказал Дикки, входя в столовую. – У вас наверняка найдется тачка и доски.

– И ты знаешь, что делать? – Огден повернулся к нему.

– Всегда, – ухмыльнулся Дикки.

Мосс посмотрел на Джоан и закатил глаза.

– Молодец, – сказал Огден. – Тогда вперед.

– Все равно придется вручную грузить его на тачку, а потом спускать по ступеням.

– Вручную, – послышался радостный голос Эвелин с кухни. – Мне это нравится.

– Как ты понимаешь, это все ради тебя, Эв, – крикнул ей Мосс.

– Ради меня? Это мамина идея.

– Но вечеринка твоя. Ваша с Дикки.

– Перестань, Мосс. – Эвелин выдержала паузу. – Теперь в твоём распоряжении будет целый амбар, и ты можешь играть, чтобы никто не слышал.

– Мне нравится, когда люди слушают.

– А им?

– За дело, – сказал Огден. – Нам лучше поторопиться, если мы хотим втащить его на холм до захода солнца.

– Не беспокойтесь, мистер Милтон, мы справимся. – Дикки появился за спиной Эвелин, возвышаясь над ней. – Эти парни будут у меня работать, как настоящая команда.

– Команда грузчиков, – бросила Эвелин через плечо. Дикки обнял ее и вышел. Хлопнула сетчатая дверь.

Джоан появилась в кухне с ветками восковницы, которые она срезала с кустов во дворе, и Китти протянула руки, чтобы взять у нее букет.

– Ненавижу восковницу, – лениво протянула Эвелин. – Почему вы все время выбираете именно ее, ведь там столько всего растет.

Китти положила зеленые ветки на стол в столовой и посмотрела на младшую дочь:

– Если не можешь сказать что-нибудь приятное...

Джоан взяла медную вазу, стоявшую в центре стола, отнесла в кладовку и наполнила водой из крана.

– Лучше промолчать, – простонала Эвелин. – Знаю.

Джоан закрыла кран и вытерла ладони о шорты.

Китти взяла садовые ножницы и махнула Джоан, чтобы та поставила вазу на стол перед ней. Эвелин с вызывающим видом скрестила руки на груди, выражая недовольство молчаливым согласием между матерью и сестрой. Можно было взять тысячелистник, вереск – что угодно, только не восковницу. Но идеи Джоан всегда находили поддержку у матери. Она была ее любимицей, ее фаворитом.

– Но, мама...

Китти подняла взгляд на Эвелин, и та предпочла не заканчивать фразу.

– Кровати? – спросила Джоан. – Может, снять с них одеяла и подушки и принести в амбар?

– Хорошая идея, – кивнула Китти и принялась вставлять ветки восковницы в узкое горлышко вазы. Под ее руками зеленый букет рос, выплескиваясь за край медного сосуда, наполняя комнату терпким запахом. Китти поставила вазу в центр стола и сбросила обрезки в корзину для мусора, которую принесла из передней.

– Вот так. – Она улыбнулась, разглядывая букет.

Анна Пратт наконец проснулась и помогла сестрам вытащить все постельное белье из шкафа, и они аккуратно застелили все свободные кровати на втором этаже. Шерстяные одеяла «Хадсон-Бэй» из лагеря бабушки Хотон в Адирондакских горах, пуховые подушки, наволочки и ненужные простыни из клуба «Осейбл».

Через какое-то время из тумана через открытое окно донеслись голоса мужчин, которые вернулись из лодочного сарая и укладывали доски на гранитные ступени крыльца. Мосс был в хорошем настроении, и девушки слышали, как они протопали по коридору в гостиную.

– Такого густого тумана я не помню! – крикнул он.

До молодых женщин донеслись первые аккорды песни – медленная, странная мелодия «Так люблю» и голос Мосса поверх нот, которые он играл. *«Странно, милая, но это правда, милая».* Джоан

улыбнулась Анне, а та опустилась на стопку простыней и стала слушать. Что-то было в этой медленной песне, замысловатой и задумчивой, а не веселой – не похожей на привычного Коула Портера. «Когда я рядом с тобой». Легкая грусть, пронизывающая мелодию, подходила густому туману, приближающейся вечеринке, ощущению, что что-то должно произойти. Джоан сложила одеяло и обняла его.

Послышался голос отца, и Мосс вдруг снял руки с клавиш.

– Джоан? – позвала мать из дальней комнаты. – Джоан?

– Иду, – крикнула она.

С причала на берегу бухты донесся звук колокола.

– Девочки, – обратилась к ним Китти Милтон, когда они появились на верхней площадке лестницы. – Сходите, пожалуйста, и посмотрите, кто это. И приведите их сюда.

Джоан кивнула, и они с Анной спустились с лестницы и вышли через парадную дверь в туманное утро. Где-то вдали, в Нэрроуз, затарахтел мотор лодки, а затем его звук стал удаляться в сторону океана. Гранитные глыбы, разбросанные по лужайке, терялись в тумане, и даже ярко-зеленая трава как будто потускнела.

– Кому, черт возьми, пришло в голову выйти в море в такой туман? – удивилась Анна.

– Говорю тебе, здешние моряки просто чокнутые. – Джоан улыбнулась и нырнула в серую пелену.

– Я вот что хотела у тебя спросить, – сказала Анна. – У тебя есть свой чековый счет?

– Да. – Джоан испытующе посмотрела на подругу. – Естественно.

– Вовсе не естественно. Мама считает, что открывать его мне опасно и что он у меня будет совсем скоро, когда я выйду замуж, но я, кажется, с ней не согласна. Может, лучше оставить это мужчинам, – задумчиво произнесла она. – Мы же не просим их готовить голландский соус.

Джоан фыркнула.

– Ради всего святого, болтушка. На дворе 1959 год. У нас есть посудомоечные машины и сушильные шкафы. И еще линолеум, который не нужно натирать воском. У тебя должен быть свой чековый счет. Разве ты не хочешь быть практичной?

– Конечно, я хочу быть практичной, – с готовностью согласилась Анна. – Более того. Я думаю, что брак должен ехать по двум рельсам.

Его и Ее. И чтобы не совать нос в дела друг друга. Так можно сосредоточиться на любви.

– Не бывает любви без того, чтобы не совать нос, – с улыбкой возразила Джоан. – По крайней мере, той любви, которой хочу я.

Джоан не слышала ни звука, кроме шагов Анны по мху. Казалось, они идут сквозь облако. Дальше полутора метров ничего не было видно, и, когда впереди показалась тень лодочного сарая, Джоан вздрогнула.

– *En amour, moins on se parle, mieux on se comprend*^[31], – торжественно произнесла Анна.

– Все равно для меня это лишено смысла, – улыbnулась Джоан. – Думаю, ты предпочтешь все время говорить – в противном случае вы до смерти наскучите друг другу.

Они прошли через серое, обшитое деревом помещение, нырнули в туман с другой стороны сарая, добрались до края пристани и посмотрели вниз.

Там, в конце причала, спиной к ним, стоял Лен. А рядом с ним чернокожий мужчина с фотоаппаратом.

– О! – Джоан остановилась, почувствовав, как подгибаются колени. *Нет*, подумала она, *не здесь. Не здесь. Я не готова.*

– Негр? – прошептала Анна.

– Давай. – Джоан решительно шагнула вперед, стараясь держаться как можно естественнее. – И не забудь про улыбку.

Глава тридцатая

Ветер налетел внезапно, и волны обрушились на шлюпку с одним-единственным парусом, скользящую по воде с устрашающей скоростью. Эви не знала, сколько она еще сможет удерживать гроташкот, если ветер будет с такой же силой дуть с кормы, но и отпустить его она не могла. К концу гонки она отстала от всех студентов яхтенной школы, неуклюже лавируя, так что фалы застревали в шкивах. Вода плескалась на дне шлюпки, сиденье было мокрым и скользким, а сама шлюпка наклонилась так сильно, что стоять на скамье больше не было сил.

– Я думал, ты умеешь ходить под парусом, – насмешливо крикнул инструктор яхт-клуба с соседней шлюпки, сложив ладони рупором; волосы у него намокли от брызг, плащ был распахнут.

– Я умею ходить под парусом, – крикнула она в ответ. – Просто я запутала все фалы.

Эви проснулась в ярости. «Я умею ходить под парусом, – заявила она пустой спальне. – И я выиграла в своем классе».

В густой тишине рассвета по стеклу стучал шнурок от штор. Из залива доносилось ворчание дизельных моторов; первые ловцы омаров уже вышли в море. Утро началось. Там уже кто-то есть, плетет ткань дня. Она лежала на подушках, слушая звук двигателей. Как в детстве, которое давно прошло; согнутые колени приподнимают центр одеяла, словно шест палатки.

Боже, подумала она. Сны о яхтах?

По крайней мере, что-то новое, а не мать, которая приходит к ней и стоит у изножья кровати и ждет – в этой же комнате, где она всегда спала, комнате с двумя одинаковыми кроватями вдоль стен, с балдахинами и розовыми одеялами, окном над прикроватным столиком, с опущенными шторами. В пол между кроватями была вмонтирована металлическая решетка, чтобы тепло от каминов внизу доходило до спален на втором этаже. Под этой спальней находилась столовая, и в детстве Эви каждую ночь просыпалась в темноте – в той же позе, что заснула, ладонь под щекой – и слушала мир взрослых,

который тихим, почти неразличимым бормотанием, шепотом и взрывами смеха выплескивается из комнаты внизу.

Она повернулась на бок, приподнялась на локте и подняла штору, чтобы посмотреть погоду. Широкая лужайка, спускавшаяся к лодочному сараю, блестела от росы – сияющая дорожка к темному периметру елей у кромки воды. Утро было ясным – ни тумана, ни облаков. Эви снова опустила штору.

Внизу утро заполняло дом светом. Эви достала из буфета кофеварку «Кемекс», сполоснула ее, наполнила чайник водой и поставила на огонь. Все было тихо, как во время молитвы. За дверью был виден длинный стол в столовой, увенчанный вазой с восковницей. Собаки метят территорию, мужчины спорят – а женщины ставят цветы в бабушкины вазы. Эви улыбнулась. Она держит факел. Взяла его из рук бабушки Ки и несет дальше. Ближайшие пару дней, пока не приедет Мин, остров будет принадлежать ей. Ей одной.

Кто-то убрал фарфоровую корову с подоконника в кухне. Эви заглянула на полки в кладовке. Должно быть, ее поставили к каждодневной посуде. Шкафы для посуды теперь находились в ведении внучки миссис Эймс, которая убирала в доме, и к запаху старого дерева примешивался запах моющего средства.

Чайник с шумом выпустил скопившийся внутри пар. Эви выключила огонь и налила кипятка в фильтр с кофе; воздух наполнился густым и терпким ароматом. Деревянный держатель кофеварки давно треснул, кожаная накладка отлетела. Кофеварка всегда была такой, сколько Эви пила кофе, но мысль о покупке новой никогда не приходила ей в голову. Вся в мать.

Джоан, всегда первой приезжавшая на остров в июне и последней уезжавшая в сентябре, часто сидела в моррисоновском кресле бабушки Ки, лицом к лужайке, и смотрела на пристань. В солнечные дни Джоан сидела у дома на зеленой скамье, с биноклем, коробкой крекеров и термосом чая. «Ты иди, – отвечала она, когда кто-то спрашивал, не хочет ли она прогуляться. – Я останусь защищать крепость».

По какой-то причине это приводило тетю Эвелин в ярость.

Эви приезжала в июне вместе с матерью, ходила за ней по комнатам и смотрела, как Джоан убирает фотографию Эвелин и дяди Дика, оставленную прошлым летом на каминной полке, рисунок кого-то из внуков Праттов с полочки в прихожей, коллекцию береговых

улиток с края скамьи – и относит все это в кухню или на подоконник в кладовке. Затем ставит на место вещи, которые «должны быть здесь». Фарфоровая пастушка возвращалась на каминную полку. Кирпичный упор для двери в мягком чехле извлекался из-под раковины, куда его затолкали в прошлом году, и занимал свое место у двери кладовки. На окнах кухни вновь появлялись кисейные занавески.

– Эвелин всегда хочет все поменять, – бормотала мать. – Всегда переставляет вещи.

– А что в этом плохого? – однажды решила спросить Эви. Ей было лет одиннадцать.

– Тогда ты забываешь, – ответила Джоан.

– Забываешь, что где стояло, ты это хочешь сказать?

Мать внимательно посмотрела на нее.

– Да, – сказала Джоан, и Эви поняла, что мать имела в виду совсем другое.

– Ладно. – Эви покраснела, смутившись. – Но эту штуку, – она ткнула пальцем в упор, державший открытой дверь кладовки, с грязным и ободранным чехлом, – можно и забыть. Она такая уродливая.

Джоан повернулась и посмотрела.

– Да, – согласилась она. – Уродливая.

Но упор остался на месте – Джоан ставила его, не позволяя закрываться двери кладовки, а Эвелин, проходя мимо, задвигала его под раковину.

Хватит. Эви сняла кружку с полки в кухне и налила себе кофе. *Хватит,* подумала она, проходя через кладовку и ударом ноги убирая с дороги упор. *Хватит.* Дверь, больше не удерживаемая кирпичом, ударилась о косяк.

Нужно начать со спален, освободить шкафы и ящики комода, подумала она и поднялась по лестнице в розовую комнату, в которой спала. В шкафу полки слева занимали стопки игр и чайный сервиз, который мать нашла в одной из лавочек Рокленда вечером в пятницу, когда они ждали парома; это было в шестидесятых. Содержимое полок оставалось все таким же – неизменный узор из цвета и памяти, по которому Эви скользила безразличным взглядом, когда каждое лето вешала блузки на плечики справа, ставила туфли вниз и запихивала в угол спортивную сумку.

Эви начала с верхней полки, по очереди вытаскивая игры и складывая на кровать. За играми на полке обнаружилась одна детская кроссовка, подрезанные джинсы, которые она почти не помнила, – это были ее джинсы или Мин? – и бинокль со сгнившим кожаным ремешком, рассыпавшимся у нее в руках. Все это она положила рядом с играми, встала на цыпочки и пошарила рукой в дальних углах, которые не могла видеть. Что-то покатило под ее пальцами, и она снова стала водить рукой, пока не нащупала маленькую бутылочку, вроде контейнера от фотопленки. Флакон для лекарств, поняла Эви, рассмотрев его. Название на этикетке: ДИЛАНТИН. И адрес: 460, ВОСТОЧНАЯ 81-Я УЛИЦА, НЬЮ-ЙОРК, МЮРРЕЙ-ХИЛЛ 3467.

Эви отошла от шкафа и поднесла флакон к свету, проникавшему в спальню через мансардное окно, сняла крышку, встряхнула, уловив слабый запах, похожий на запах мела; внутри был крошечный клочок бумаги.

Спроси Фенно...

Что? Эви внимательно посмотрела на буквы: характерный почерк матери, мелкий, четкий и аккуратный.

Эви присела на кровать; воспоминания об отце были такими яркими, что ей пришлось закрыть глаза. Это была даже не записка, а телеграмма азбукой Морзе – *Спроси Фенно*, – стежок на ткани их брака, девочка, приподнявшаяся со стула, чтобы что-то сказать, или остановившаяся на пороге двери. Спросить Фенно... *О чем?*

Она вспомнила отца, худого, всегда держащегося в сторонке, всегда лишнего. Было совершенно очевидно, что отец обожает мать, но Эви никогда не могла понять, почему мать вышла за него. Она привыкла к молчанию в доме – мать на кухне, отец в кресле в гостиной, – к которому примешивалась музыка от включенного отцом проигрывателя. Самой большой расточительностью, которую он себе позволил, стали сверкающие прямоугольные колонки, которые он купил и установил на кухне в 1975 году.

Отец Эви был одним из редакторов «Мировой энциклопедии». «Ни на что не годен, – с легкой улыбкой шутил он, – кроме “Б”, “Д” и чуть-чуть “Р”». Он знал обо всем на свете, но понемногу. *Универсал*, подчеркивал он, смущаясь. Человек, потерявшийся во времени.

– Что это значит? – однажды спросила Эви.

– Это значит, – отец внимательно посмотрел на нее, – что мне больше подошел бы девятнадцатый век; а лучше восемнадцатый. Энциклопедии. Реестры. Карты. Шифры. Но это... – Он махнул рукой в сторону окна их квартиры в Нью-Йорке.

Эви повернула голову, как будто могла увидеть то, что он имел в виду. Потом посмотрела отцу в глаза.

– Мама, забери меня отсюда, – беспомощно закончил он, сидя, как обычно, с бокалом виски в одной руке и сигаретой «Кент» в другой. Так проходили все его вечера. «Не напрягаюсь», – отвечал он, если кто-то спрашивал. «Лентяй», – с горечью усмехался он. Джентльмен. Экзотическое животное. Пьяница.

Несчастный пьяница, подумала она, прибавляя слово, которое слышала от него однажды вечером, когда заглянула в его кабинет за словарем, думая, что отца там нет.

– Непутевый? – удивилась она.

– Несчастный, – сказал он, глядя на нее из кресла в дальнем углу. Насколько она помнила, это был единственный раз, когда отец смотрел ей прямо в глаза. На следующее утро она вернулась в аспирантуру.

Два месяца спустя он умер.

Эви встряхнулась. Тогда ей было двадцать восемь.

С пристани послышался звук колокола, и Эви вздрогнула, словно ее застали за чем-то неприличным. Она прошла через всю комнату к окну, которое выходило на лужайку. В конце причала виднелся нос лодки, но лодочный сарай заслонял все остальное, не позволяя увидеть гостей. Когда бабушка была жива, гости всегда поднимались на причал, звонили в колокол и весело шли по лужайке к Большому дому, где их ждала чашка чая или порция виски, в зависимости от времени суток.

Эви спустилась по узкой лестнице и прошла через кухню. Впереди через открытую дверь на фасаде дома виднелся обвисший на шесте флаг. Она открыла сетчатую дверь и остановилась на верхней ступеньке крыльца, лицом к причалу.

На противоположном конце лужайки из лодочного сарая на солнце вышла Анна Фенвик (в девичестве Пратт, как сказала бы бабушка Ки) со своим мужем Эдди. Они пережили всех. Тетя Анна стала еще миниатюрнее, подумала Эви, хотя в свои восемьдесят четыре она оставалась все такой же аккуратной и строгой; ее тонкие

белые волосы были зачесаны на косой пробор и убраны под берет, как она всегда делала со времен Вассар-колледжа. Она шла рядом с мужем, обутая в кеды и одетая в широкую льняную юбку с узором из пурпурных морских коньков на темно-синем фоне. Дядя Эдди нес парусиновую сумку – худой, высокий, безупречный в своих брюках цвета хаки и небесно-голубом шетлендском свитере.

Они медленно поднимались по склону, и Эви слышала голос Эдди Фенвика:

– Что ты сказала, дорогая? Что, любовь моя? Что, милая?

– Привет, дорогая, – крикнула крестная мать, увидев Эви.

– Привет. – Эви улыбнулась и оперлась на ветку сирени рядом с дверью.

– Мы вчера видели, как ты приехала, – объяснила Анна, не останавливаясь.

Эви спустилась по ступенькам.

– Как ты похожа на мать, – сказала Анна, крепко обнимая Эви, и у нее на глазах выступили слезы. Эдди молча похлопал ее по спине.

Анна отстранилась и скользнула взглядом по Эви, словно касалась рукой лба, проверяя, нет ли у нее температуры.

– Как ты?

– В порядке, – ответила Эви, удивленная ранним визитом. – Если не считать призраков, которые преследуют меня, когда я в одиночестве брожу по Большому дому.

Анна сморщила нос:

– Никуда не денешься. Призраки приходят в среднем возрасте, хотя главными героями пьесы всегда бывают молодые. Воспоминания буквально громоздятся друг на друга – целая толпа. Особенно здесь.

Эви ничего не ответила.

– Как ты думаешь, сколько лет было Одиссею, любовь моя? – задумчиво произнес Эдди.

– То есть?

– Одиссей... ну, ты помнишь, – ответил Эдди. – В Аиде, когда к нему приходит *толпа* теней и их так много, что он лишается дара речи. – Он насмешливо вскинул брови. – Готов поспорить, он был мужчиной среднего возраста.

Эви захотелось обнять его, подцепить все эти древности и вытащить у него из кармана. Она выросла в этой атмосфере –

ироничного бравирования классикой. Все тот же Эдди, бесполезный, эрудированный, свой.

– В Греции, в шестом веке до нашей эры? – ответила она. – В те времена средний возраст был около тридцати.

– Ха! – с довольным видом воскликнул Эдди и указал на зеленую скамью перед домом: – Давайте сядем туда, где любила сидеть твоя бабушка.

Они привезли с собой апельсиновый сок в термосе, и Эдди, как всегда любезный, налил сок в одноразовый картонный стаканчик – не больше наперстка, подумала Эви, когда брала его.

– Что это у тебя в руке? – спросила Анна.

Эви опустила взгляд и поняла, что все еще держит флакон из-под лекарства. Она разжала пальцы, показывая его тете Анне, и та понимающе кивнула:

– Бедная твоя мама.

– Я узнала, что у мамы эпилепсия, только за неделю до ее смерти.

– Она тебе не рассказывала?

Эви покачала головой:

– Она вообще ничего мне не рассказывала.

– Джоан стеснялась. Понимаешь, время было такое. Мы не говорили о подобных вещах... болезнях и прочем.

– Не могу представить, что вы молчали. – Эви с улыбкой смотрела на пожилую женщину.

– Боже упаси, – согласилась Анна. – Мы все время болтали. Но не откровенничали, если ты это имеешь в виду. Мы не слишком *протестовали* по тому или иному поводу. – Она с легким нажимом произнесла это слово. – И все мы были преисполнены *надежд*... возможно, просто потому, что были молоды.

– Готова поспорить, мама не слишком много разговаривала.

– Вовсе нет, – быстро возразила Анна. – Твоей маме было о чем рассказать.

Эви вытянула ноги перед скамейкой.

– Только не мне. Со мной она была милой и уклончивой... и немногословной.

Дети думают, что много знают, подумала Анна, глядя на дочь близкой подруги, потом перевела взгляд на лужайку.

Но что они знают, гордые мужчины и женщины, все еще сильные в своем юном среднем возрасте, хоть они и жалуется на необходимость очков, на усталость и ненужность, жалуется, потому что все это для них внове. Они ни о чем не догадываются. Здесь, в середине жизни, на самой вершине, когда их сила в том, чтобы видеть. И они думают, что видят. Ничего они не видели.

– В наши дни все так гордятся, что знают, чего хотят, – с негодованием произнесла Анна, – как будто это знак отличия, как будто понять себя так же просто, как свои желания.

Она умолкла, застигнутая врасплох собственной горячностью.

– Но не менее важно понимать, чего ты не можешь иметь. И с достоинством принять это.

– Ага, – осторожно ответила Эви, выжидающе глядя на пожилую женщину.

Анна повернулась к ней.

– Твоя мать была благородным человеком, – твердо сказала она. – Самым благородным из всех, кого я знала.

– *Благородным?*

– Наидостойнейшим, – согласился Эдди.

– Знаешь, твоя мать считала, что не имеет права выходить замуж. Что было бы нечестно взваливать на мужчину такой груз, ее болезнь. Она дала нечто вроде клятвы.

– Клятвы?

Анна кивнула.

– И что случилось?

– Ну, – произнесла Анна, глядя на нее. – Ты ведь появилась на свет, правда?

Эви не была уверена, не прячется ли за улыбкой обвинение.

– Может, взглянем на амбар? – предложил Эдди после недолгой паузы.

– Амбар? – Анна вздохнула. – Там, на холме?

Он кивнул.

– Пойдем, любовь моя. Тебе полезно.

Анна отряхнула подол юбки и тоже встала, опираясь на руку Эдди. Все трое медленно завернули за угол дома и пошли к началу тропинки, которая вилась через поле к амбару на вершине холма, где на фоне голубого неба виднелся силуэт высокой крыши.

– Так чудесно, что это место сохранится... и очень необычно, правда? – задумчиво произнес Эдди, локтем прижимая руку Анны к своему боку.

Эви не ответила. Тропинка была неровной, хотя и не особенно крутой.

– Твои бабушка и дедушка были такими дальновидными, – заметила Анна, не отрывая взгляда от тропинки и крепко держа мужа под руку. – Но это утомительно. Они мечтали о луне с неба, и они ее достали. Оставаясь безупречными.

– На мой взгляд, вы с Эдди образец безупречности.

Анна остановилась, повернулась и посмотрела на Эви.

– По сравнению с ними, дорогая, мы с Эдди – бледные тени.

– Ну, не знаю.

– Одни люди следуют правилам, другие нарушают правила, а есть те, кто их устанавливает. Твой дедушка был из тех, кто устанавливает правила.

– А как насчет мамы и тети Эвелин? Как насчет дяди Мосса?

– Мосс, – немного рассеянно ответила Анна. – Да, конечно. Мосс старался изо всех сил.

– Старался?

– Быть сыном своего отца.

– Как вы теперь будете тут управляться? – вслух размышлял Эдди. – Теперь вас всего пятеро, правильно? Только ты и Пратты.

– Да, – ответила Эви. – И я ни в чем не уверена.

– Эдди, дорогой, что это за птица? – Анна указала на парящую в небе пустельгу, отвлекая внимание мужа.

– Ястреб, любовь моя, – ответил он.

– Точно, – сказала Анна. Они подошли к амбару.

Эви взялась за раздвижную дверь и с силой толкнула. Дверь застонала и сдвинулась на метр; второе усилие сдвинуло ее еще немного. Они вошли внутрь. Дубовые полы из широких досок, отполированные за долгие годы, пахли солью и спертым зимним воздухом. Широкие сиденья у окон, обтянутые парусиной, усеивал мышинный помет. Пустое пространство поднималось на высоту трех этажей. Сквозь окна в обоих скатах крыши, на самом верху, на пол падало небо. Дети они выпрашивали разрешения ночевать в амбаре, хотя их пугали летучие мыши, которые мелькали, шурша крыльями, в

темноте над их головами. Амбар слегка накренился, как скрюченный радикулитом старик.

– Здесь устраивались такие чудесные вечеринки, помнишь, любовь моя?

– О да! – улыбнулся Эдди.

– Мы танцевали кадриль. – Анна остановилась посередине амбара, словно призывая к себе воспоминания. – О боже, пианино.

Они смотрели на старый обшарпанный инструмент, всегда стоявший в углу амбара. И всегда, вспоминала Эви, на нем лежали раскрытые ноты «Ночи и дня» или «Так влюблен», словно любой мог сесть за инструмент и начать играть. Хотя она никогда не слышала, чтобы на этих клавишах играли что-либо, кроме одного веселенького вальса.

– Потребовалось четверо мужчин и целое утро, чтобы втащить его сюда, и оно до сих пор тут, – сказала Анна. – Наверное, гниет. Пианино нужно было для вечеринки, Эдди. – Анна повернулась к нему. – В тот вечер, когда я встретила тебя.

– Да. – Эдди улыбнулся жене, и в его глазах читалась такая любовь и нежность, что Эви отвела взгляд.

– Когда это было? – спросила Эви.

– В пятьдесят девятом, – ответила Анна. – Последний хороший год, как любил повторять мой отец. До того, как все в этой стране стало...

– Каким?

– Сложным, как он говорил, – задумчиво сказала Анна. – Но мне кажется, что он имел в виду «незнакомым».

– Все всегда происходит на вечеринке. – Эдди подошел к пианино. – Кто это сказал?

– Наверное, Остин, – ответила Анна. – У нее есть фразы на все случаи жизни.

– Терпеть не могу Остин, – фыркнула Эви. – Мне нравятся сестры Бронте, которые носят по вересковым пустошам в своей прекрасной ярости.

– Надо же. А разве они несовместимы? – осторожно поинтересовалась ее крестная.

Эви улыбнулась – вопрос застал ее врасплох.

– Я думала, ты понимаешь Остин. Мне всегда казалось, что ты не слишком подвержена страстям. Как бабушка.

Но я совсем не похожа на бабушку, с некоторым возмущением подумала Эви; ее тянуло к большой двери амбара, за которой качалась на ветру трава.

– Кажется, на той вечеринке был тот негр? – спросил Эдди.

Эви повернулась и удивленно посмотрела на него:

– Попс нанимал чернокожего?

– Нет, я не думаю, что он тут работал, правда, дорогая?

– Нет, – твердо сказала Анна. – Он был гостем.

– Да, – с гордостью произнес Эдди и вернулся к жене. – Они были замечательными людьми, твои бабушка и дедушка. Принимали всех.

Эви увидела, что на лице Анны промелькнуло что-то странное, тень каких-то сильных чувств.

– Тетя Анна?

Анна посмотрела на Эви, но мысли ее были далеко.

– Пойдем, любовь моя. – Эдди предложил жене локоть и повернулся к выходу. Анна взяла его под руку, и он крепко прижал жену к себе. Вместе они осторожно перешагнули через широкий порог и вышли на гранитную плиту, служившую крыльцом. Эви в задумчивости стояла в амбаре. Пожилая чета замерла в широких дверях.

– Когда это было? Ты помнишь?

– Понятия не имею, – весело ответил Эдди.

– На той вечеринке.

Эви сосредоточенно закрывала дверь, чтобы не смотреть на крестную, не уводить ее из того места в прошлом, куда она теперь перенеслась. Они какое-то время стояли у амбара и смотрели на Большой дом внизу и море позади него.

– Пойдем, любовь моя? – сказал Эдди.

Она кивнула, и все трое медленно стали спускаться по склону, а когда добрались до Большого дома, Анна с облегчением села на скамью у крыльца. Эви села рядом с ней, а Эдди взял корзинку для пикника, свитера и пошел вниз, чтобы поговорить с Джимми на причале. Они молча смотрели, как он добрался до конца лужайки и исчез в прямоугольнике двери лодочного сарая.

– Знаешь, – через какое-то время сказала Анна, – я тут просматривала семейные документы, пыталась привести все в порядок. Не семьи Эдди, упаси бог, только свои. И это было так *поучительно*. Понимаешь, этих людей было так много, и некоторые жили триста лет назад. И меня поразило, Эви, как мало мы *отличаемся* друг от друга...

Эви внимательно посмотрела на нее:

– Но мы живем совсем по-другому.

– Да. Конечно, – согласилась Анна. – Конечно, машины и все такое. Но остальное... я имею в виду, что они рождались, старели и умирали точно так же, как мы. Снова и снова. И, Эви, – она положила ладонь на колено крестницы, – дорогая, в чем смысл?

– И в чем же? – Эви сглотнула.

– Ну. – Анна задумалась. – В этом.

– В чем – этом?

Пожилая женщина повернула голову в сторону лужайки. Эдди, должно быть, ждет ее, сидя в тени лодочного сарая рядом с Джимми. Эдди, который приходил домой из офиса в середине дня, между встречами с клиентами, и любил ее. Иногда даже когда дети не спали и были в своем манеже. Желание такое острое, и ты не знаешь, что это когда-нибудь пройдет, потому что это длится так долго, и в двадцать, и в тридцать, и даже в сорок. Утра в городе, жаркие утра, когда окна, распахнутые высоко над улицей, не защищали ни от улицы, ни от жары. Младенцы беспокоятся, дети постарше хнычут, а миссис Марстид режет на кухне морковь на ужин малышам. И вдруг ты оказываешься здесь на скамейке, рядом с одним из тех младенцев, маленькой дочкой Джоан. Взгляд Анны остановился на темном прямоугольнике тени на широкой двери лодочного сарая. Бедная Джоан.

Она покачала головой.

– В нас, – тихо сказала Анна. – В нас. Во всех нас.

Эви пристально вглядывалась в лицо тети Анны. Давным-давно, сидя в отдельной кабинке библиотеки, Эви испытала странное чувство: ей казалось, что она слышит голоса, говорящие с ней со страниц книг, которые она читала; что почти понимает мир, стоящий за этими словами, видит, как разворачивается перед ней весь одиннадцатый век. Но приходилось быть очень осторожной, чтобы не

спугнуть то, что, как ей казалось, она понимала. То же самое она чувствовала теперь. Начни она сосредоточенно размышлять, и она непременно что-то упустит. Что-то важное.

– Подождите секунду. – Эви встала и вошла в дом, не придерживав сетчатую дверь, которая громко хлопнула за ее спиной, и взяла с маленькой каминной полки в передней фотографию, сделанную камерой «поляроид».

– Вы это видели? – спросила она, вернувшись к скамейке.

Крестная молча смотрела на маленький снимок, который протянула ей Эви.

Джоан, подумала Анна. Ох, Джоан, вот как все обернулось.

– Хороши, правда? – сказала она, переворачивая фотографию и читая надпись, сделанную рукой Джоан.

– Как вы думаете, что это значит? – спросила Эви. – «Утро, когда...» Вы знаете, что это за утро?

Анна смотрела на дочь Джоан, которая считала, что много знает, но не знала – и похоже, никогда не пыталась узнать – собственную мать, и чувствовала, что очень устала. Она точно знает, что имела в виду Джоан, когда писала «Утро, когда...». Но не скажет. Это не ее тайна.

– Не имею ни малейшего представления, – ответила она и отвернулась.

Проклятье, думала Эви, глядя на самую близкую подругу матери. Опять. Это молчание. Знакомое молчание, которое ее окружало, в котором она выросла. Молчание, обкрадывавшее ее и каким-то образом продолжавшее обкрадывать, хотя она не понимала, как и почему – и кто был вором.

– Как она похожа на вашу бабушку.

Эви повернулась и проследила за взглядом Анны.

Из двери лодочного сарая выходила высокая белокурая женщина; она толкала дедушкину тачку, нагруженную сумками, и разговаривала с Эдди и Джимми.

– Точная копия, – одобчительно сказала Анна.

– Мин. – Сердце у Эви упало. – Она приехала раньше.

Глава тридцать первая

– Все нормально, Редж, – тихо сказал Лен. – Мы приглашены.

– В Нью-Йорке. – Редж приподнял ремень фотоаппарата и снял с плеча. Приглашение Мосса неделю назад было брошено так легко и небрежно, что казалось, в этой идее нет ничего необычного. Они купили два билета на ночной поезд, который переправил их с Манхэттена в штат Мэн, прошли пешком две мили до паромного причала – и окунулись в атмосферу настороженности, которая ощущалась как некая разновидность ожидания. Отчасти именно это Редж и предполагал, но уже устал ждать чего-то неизвестного. Здесь, среди резкого света, прямых углов белых рыбацких домиков на единственной улице, поднимавшейся от паромного причала к рынку, он как будто был весь на виду. Новая Англия. Тут негде спрятаться.

Сквозь туман они услышали приближающиеся голоса. Лен вытащил руки из карманов. Стоявший рядом Редж скрестил руки на груди, потом снова опустил вниз. Они видели не дальше края причала. Слева от них черный, покрытый толем пандус уходил в туман, на пирс над их головами.

Послышались чьи-то шаги, сначала в лодочном сарае, потом позади калитки у сходней на причале над головами Лена и Реджа. Там стояли две женщины и смотрели вниз. Впереди высокая и красивая, в шортах, с длинными голыми ногами и темными волосами, лежащими на воротнике рыбацкого свитера.

– Лен. – Она стояла в нерешительности, положив руку на калитку. – Лен Леви.

Лен словно окаменел.

– Господи Иисусе, – пробормотал Редж. – Ты ее знаешь?

– Привет, Джоан, – ответил Лен.

– Лен? – снова спросил Редж.

– Это сестра Мосса, – сказал Лен, на этот раз чуть громче. – Джоан Милтон.

Она открыла калитку и спустилась по сходням, не отрывая взгляда от Реджа.

– Вы, наверное, Редж Полинг.

– Да.

– Мосс о вас рассказывал. – Она протянула руку.

Редж ответил на рукопожатие. Лен по-прежнему не шевелился. Девушка его знала, но не подавала виду, насколько близко; выдало ее только резкое движение подбородка. Лен не отрываясь смотрел на другую девушку; он был похож на утопающего.

Черт возьми, подумал Редж.

– Мы встречались? – Вторая девушка пристально разглядывала Лена.

– Нет. – Он покачал головой. – Никогда.

– Я так и думала. – Она кивнула. – Я Анна Пратт.

– Но как вы сюда добрались? – спросила Джоан Реджа.

– На лодке.

Джоан оглянулась. Причал был пуст.

– Нас подбросил ловец омаров, – объяснил Редж.

– *Ловец омаров?*

– Ага.

– Выброшенные на берег, – весело объявила Анна. – Потерпевшие кораблекрушение. Придется вам остаться на вечеринку.

Неловкая пауза длилась лишь мгновение. Потом Джоан Милтон густо покраснела. Она скорее умрет, чем позволит считать себя негостеприимной, понял Редж.

– Да, да, конечно, – поддержала она Анну. – Пойдемте ко всем. Мосс будет счастлив вас видеть. *Мы* очень рады, что вы приехали.

Джоан повернулась и начала подниматься по сходням.

– Та самая девушка? – шепотом спросил Редж.

Лен кивнул.

– Уходим, – сказал Редж. – Нужно убираться отсюда. Просто никуда не пойдем. Это ошибка.

Широкое бледное лицо Лена, повернутое к нему, было красноречивым, как выставленная вперед ладонь: *подожди*.

– Редж, – сказал Лен.

– Идете? – Джоан уже поднялась по сходням.

– Да, да. – Не глядя на Реджа, Лен наклонился и взял свою сумку.

Реджу ничего не оставалось, как пройти вслед за остальными через деревянное строение и нырнуть в туман, который, как заметил Редж, шевелился, словно воздух дышал. Лен молча шагал впереди

него. С тех пор как он нашел те документы о связях с нацистами, он был беспокойным и настороженным, как кошка, и каждый день жарким утром шел на работу в надежде найти что-то противоречащее этим архивным документам. Но там ничего не было. Совсем. Там не было ничего, что оправдало бы Милтона, ничего, что избавило бы Лена от подозрений.

– Я должен его спросить, – настаивал Лен.

– Почему это не может подождать до осени?

– Я не могу ждать.

– Почему?

– *Не могу.*

Из-за дочери, понял теперь Редж. Этой девушки, Джоан Милтон, которая вела их вверх по склону холма.

В просвете, внезапно образовавшемся в густой пелене тумана, появился огромный белый дом; он стоял на другом краю лужайки, надежный и внушительный. В открытое окно ветер медленно вытянул занавеску, и она развевалась, словно шейный платок, которым машет узник.

– Самое красивое место на земле, – тихо произнес Редж.

Джоан удивленно оглянулась на него.

– Так назвал его ваш брат.

– И он прав, – сказала Джоан, сразу же почувствовав к нему симпатию.

– Что это за фотоаппарат? – спросила Анна, не замедляя шага.

– «Поляроид», – ответил он. – «Лэнд».

– А нас вы сфотографируете?

– Конечно.

Впереди, ближе к вершине холма, несколько человек стояли спиной к лужайке, рядом с предметом, похожим на пианино. Дверь дома была распахнута, а затянута сеткой рама привязана к ставне. Подойдя ближе, Редж понял, что это действительно пианино, стоявшее вертикально на чем-то похожем на тачку и возвышавшееся над мужчинами и женщинами, собравшимися вокруг него.

Мосса нигде не было видно.

– Мама! – крикнула Джоан. – Папа! У нас гости.

Пожилой мужчина оглянулся.

– Вот те раз! Леви? – воскликнул Огден, и удивление на его лице тут же сменилось радостью.

(Китти смотрела на двух мужчин, которые шли в тумане за спиной Джоан, и на мгновение у нее в голове мелькнула невозможная мысль, что к ней идет тот маленький мальчик. Живой, вернувшийся. Она вздрогнула и заставила себя улыбнуться. Разумеется, это не он – но беда была рядом, она приближалась.)

– Здравствуйте, сэр. – Лен подошел ближе и протянул руку.

– Китти, – сказал Огден. – Это Лен Леви.

– Леви?

Реджу показалось, что он уловил легкую, быстро подавленную дрожь в голосе миссис Милтон, которая подошла к ним с застывшей на лице улыбкой; ее серебристые волосы были заправлены за уши, в одной руке она держала крошечный секатор.

– Миссис Милтон, – поздоровался Лен.

– Лен у нас из Чикаго, – несколько невпопад заметил Огден. Китти кивнула. Потом повернулась к Реджу.

– Это мистер Полинг, – тихо, но с нажимом сказала Джоан.

– Здравствуйте. – Китти протянула руку. – Боюсь, вы приехали как раз в тот момент, когда требуется помощь с пианино. – Она улыбнулась.

– Леви? – В дверном проеме появился мужчина, размерами не уступавший Лену. – Это ты?

– Привет, Пратт. – Леви непринужденно кивнул ему и преодолел последние несколько метров лужайки, чтобы пожать руку Дикки, спускавшемуся с крыльца.

– Моя сестра Эвелин. – Джоан указала на девушку, которая тоже вышла на крыльцо и с которой здоровался Леви.

Редж заметил, что на лице девушки промелькнуло точно такое же выражение, как у матери. Смутное беспокойство, тут же подавленное.

– Но как вы добрались сюда в таком тумане? – спросила его Китти.

– Редж! – крикнул Мосс из дверей, схватил Эвелин сзади и спустил вниз, убирая с дороги. – Ты *приехал*. Глазам своим не верю. Ты приехал!

Радостно улыбаясь, он положил ладони на плечи Реджа.

– Ты просил. – Редж улыбнулся ему в ответ и пожал руку; в его сердце словно открылась дверца.

– Точно.

– Кажется, вам нужна помощь с пианино?

– Еще как, – весело ответил Мосс. – И не *только* с пианино. О, ты захватил фотоаппарат! Отлично.

– Привет, Лен, – прибавил он, стискивая плечо Лена.

– Ладно, – объявил Огден. – Прошу меня извинить, но если мы хотим перенести пианино, то пора приступать к делу.

– Куда его? – спросил Лен.

И когда Огден указал на амбар на вершине холма, Лен не колебался ни секунды. Он кивнул, подошел к тележке и взялся за одну из длинных деревянных рукояток.

Не желая уступать пальму первенства, Дикки последовал его примеру; к ним присоединились Мосс и Редж. Вчетвером они взялись за тележку и медленно, шаг за шагом, покатали ее через лужайку за угол Большого дома. Инструмент из красного дерева – громоздкий и мрачный на фоне серых клубов тумана – придавал процессии непропорционально торжественный вид, подумала Джоан, словно у слона в опере «Аида», который бредет по огромной сцене Метрополитен-оперы и медленно поворачивает голову к зрителям позади софитов. Невероятно. Невозможно. Нелепо. Она улыбнулась и вместе с Анной и Эвелин пошла вслед за пианино, которое медленно ползло по склону, пока мужчины не выбрались на вершину холма, на ровное место, и Лен опустил рукоятку, чтобы они подкатали тележку вплотную к двери амбара и поставили на пандус для сена рядом с дверью. Готово.

– Слава богу, – выдохнул Дикки и улыбнулся Эвелин.

– Отличная работа, дорогой.

Мосс упал на траву, раскинув в стороны руки и ноги.

– Господи, – выдохнул он.

Лен и Редж прислонились к тележке, тяжело дыша.

– Порядок? – спросил Мосс.

– В какой-то момент казалось, что вы упустите эту штуку. – В амбаре появился Огден.

Лен выпрямился:

– Едва не упустили.

– Но справились, – мягко поправил его Дикки. – Правда?

– Еще как, – воскликнула Эвелин, поворачиваясь к отцу. – Они были великолепны, и разве это не здорово, папа, – сегодня вечером у нас будет музыка.

Вечером? Джоан поспешно отвела взгляд от спины Лена. Как можно думать о том, что будет вечером или даже после обеда, когда он здесь, рядом? Что он делает?

Огден взялся за ручку двери амбара, потянул в сторону, так что дверь заскользила на полозьях. Мосс встал и потянул другую половину в противоположном направлении, и все вошли в огромное помещение с остроконечной крышей на высоте трех этажей над досками пола, и громадными балками, которые тянулись над головой на пятнадцатиметровой высоте, как реи фрегатов. Пустота, запах дерева и – почему-то Моссу всегда так казалось – склепа. Как будто вдруг распахивались ворота к воздуху и свету. Вдоль одной стены амбара тянулись стойла, где раньше держали скот; теперь вдоль трех стен каждого стойла были устроены сиденья, обтянутые тканью в веселую желтую полоску, а посередине располагались столы. Над каждым из трех столов на длинной веревке, привязанной к балке, висел фонарь. Получился импровизированный салон, удобный и стильный одновременно. В таких вещах Китти знала толк. Пианино должно было занять место в углу, на краю одной из кабинок.

Мужчины осторожно перетащили инструмент через порог, опустили на гладкие деревянные доски пола, без труда покатали на колесиках и, наконец, поставили у стены.

Щелк. Джоан потянула деревянные ставни на окнах в дальнем конце амбара. *Щелк, щелк.* Она открыла ставни, и теперь мягкий серый свет из тумана проникал с другой стороны помещения, заполняя его неярким свечением. Почувствовав пристальный, горячий взгляд Лена, Джоан оглянулась. Желание на его лице было таким очевидным, таким откровенным, что Джоан захотелось обхватить его подбородок ладонями и поцеловать. Время остановилось. С ней что-то происходило, прямо в эту секунду. Вот она. Вот Лен. У нее подгибались колени.

О боже, что будет? – подумала она. – *Что теперь будет?*

Мосс поднял крышку пианино, коснулся клавиш, и пространство амбара наполнил аккорд до третьей октавы. Пальцы взлетели, снова

опустились, и аккорд повторился. Анна принесла стул, и Мосс сел, не снимая рук с клавиш; его пальцы бегали по черным и белым пластинкам, рождая трели, в которых одна нота цеплялась за другую, то выше, то ниже, словно они искали убежища; небольшая вариация, повторение, одна нота, затем другая, и ноты смехом рассыпались, не ограниченные никакими правилами, вверх и вниз по звуковому ряду, а затем вновь собирались в аккорд до.

Из окна кухни Китти смотрела, как все спускаются с холма к дому. Позади мужчин шли под руку Джоан с Эвелин – эта привычка осталась у них с детства, но даже теперь Китти радовалась, что младшая ищет опору в старшей. Она распахнула сетчатую дверь, вышла на освещенную солнцем гранитную площадку у черного хода и стала ждать возвращения победителей.

Мосс шел медленно, руки в карманах, и что-то говорил негру, который внимательно слушал, слегка наклонившись к нему. Он смеялся. Второй не слушал Мосса; его большое тело с широкими плечами двигалось свободно и непринужденно; Китти видела, что Огден высоко ценит этого мужчину. Хотя на ее взгляд, тот был слишком самоуверен. Теперь она внимательно разглядывала его.

А потом увидела – увидела это, когда мистер Леви оглянулся на девушек. Как будто он что-то там оставил. И не может взять назад. Быстрый, резкий поворот головы, легкость и уверенность движений его большого тела, когда он что-то проверял у себя за спиной, одновременно широкими шагами приближаясь к ней, – все это почему-то напомнило ей Огдена. Как будто этот человек был ему ровней, был его наследником.

Нет, подумала она. Мне это не нравится...

– Что именно? – спросил Огден у нее за спиной.

Китти покраснела. Она и не заметила, что разговаривает вслух.

– Мне не нравится, когда опаздывают к ланчу. – Она заставила себя улыбнуться. – Ты же знаешь.

Глава тридцать вторая

– Ну, какой у нас план? – спросила Мин, когда они стояли на причале и смотрели, как лодка с четой Фенвик медленно удаляется в сторону пролива.

Эви ответила не сразу. Честно говоря, ответа у нее не было. Она смотрела, как Анна и Эдди исчезают за мысом Виналхейвена, где Нэрроуз соединялся с водами залива, и жалела, что Пола нет рядом, что он не стоит здесь с ней, в просторном пустом амбаре. Возможно, он бы понял то, что ускользало от нее. И не только то, что Фенвики – милая пара старичков. Она повернулась к кухне:

– У нас? Не знаю. Я думала, ты приедешь только послезавтра.

– А я приехала сегодня. Поддай мне эту штуку, пожалуйста.

Мин спрыгнула в шлюпку, привязанную в конце причала, и указывала на ручной насос, который оставил здесь Джимми Эймс.

(– Мин, – однажды заметила бабушка в разговоре с матерью Эви, когда они сидели на синих стульях над причалом, – любит наводить порядок.

– Как Эви, – сказала Джоан.

– Эви любит думать, – возразила Китти.

Эви, с детства привыкшая к подобным разговорам между бабушкой, мамой и тетей, постоянно обсуждавшими детей – этот такой, тот сякой, у этого есть то, чего у того нет и никогда не будет, – и никогда не показывавшая виду, что слышит их, повернулась и посмотрела на бабушку. Ей было семнадцать. Через две недели она должна была уехать в колледж. Хватит, подумала она, сколько можно.

– Эй, привет, – мягко ответила бабушка на яростный взгляд Эви.

И Эви, которая еще не знала, что яд лучше всего нейтрализуется спокойствием, почему-то решила, что поле боя осталось за ней. И только гораздо позже поняла, что ее усмирили.)

Вода со дна лодки грязной струйкой бежала из насоса. Двоюродные сестры долго молчали, слушая равномерный плеск, пока Мин откачивала воду, скопившуюся в шлюпке за зиму.

– Как мы до этого дошли, Мин? – тихо спросила Эви.

Мин не смотрела на нее.

- До чего?
- До этого. Расставания с островом.
- У нас закончились деньги. Точка.

Мин снова взялась за рукоятку насоса, который стоял у нее между ног. Длинный шланг был протянут через планшир и свисал за борт. Послышалось бульканье, а затем тугая струя полилась из шлюпки в море.

– Думаешь? – Эви сидела на сходнях и наблюдала за кухней. – Не могу отделаться от мысли, что где-то была поворотная точка, когда все пошло не так и это место начало уходить у нас из-под ног.

Мин с удивлением посмотрела на нее:

- Почему ты так сильно его хочешь?
- А ты почему нет?

Под пристальным взглядом Эви Мин опустила голову и стала смотреть на насос.

– Мы не теряем его, Эви. Просто делаем другой выбор. Например, не предполагающий занятия бизнесом, – сухо прибавила она.

– За исключением Генри. Он может выкупить все наши доли.

– Генри? – Мин продолжала откачивать воду. – Он фантазер.

– Неужели? Он все это придумал, когда вспоминал слова вашей матери о том, что сделала моя мать? О том, что произошло?

Мин посмотрела на нее.

– Тебе было бы легче, если бы произошло что-то плохое?

– Да.

– За что мы все были наказаны?

– Вроде того, – кивнула Эви.

– И это означало бы, что ничто не заканчивается. Все так или иначе становится частью драмы. Имеет смысл.

Эви удивленно посмотрела на нее:

– Ты говоришь, как Пол.

– Кстати, как Пол? – спросила Мин и выпрямилась.

Эви скрестила руки на груди.

– В порядке.

А вот мы, наверно, не очень, подумала она.

Мин снова стала откачивать воду.

– Позволь мне кое-что тебе сказать: не существует никаких тайн, которые украсили бы нашу историю, ничего романтического, или

мрачного, или что там тебе еще нужно. Жизнь проста. Только это. Два человека.

– Спорят?

– Спорят, сидят рядом. Занимаются любовью. Не занимаются любовью. Только это – буднично и просто.

– А тебе не приходило в голову, – Эви пристально посмотрела на нее, – что ты единственный психотерапевт на планете, который пришел к выводу, что жизнь не вращается вокруг невысказанных секретов? Что жизнь лучше объясняется тем... что на поверхности.

Мин раздраженно тряхнула головой.

– Именно это я и пытаюсь сказать, Эви. Это не поверхность. Это суть. Но никто не желает этого признавать. Мне много лет приходилось выслушивать людей, и я точно поняла одно: наша потребность установить причинно-следственные связи, когда «А» ведет к «Б», а от него, слепо и неотвратно, к «В», эта потребность сильнее, чем потребность в сексе. – Она смотрела на Эви, широко улыбаясь.

Эви улыбнулась ей в ответ.

Мин резко опустила рычаг насоса, стряхивая с него капли воды.

– Просто пришел конец, вот и все. Наше время истекло. Мы принадлежим истории. И точка.

– Ты как будто рада.

Мин повернулась к кухне:

– Думаю, да. Я вот что хочу сказать. Мы можем ничего не менять – отрубить хвост по частям, сначала это, потом то. Пользоваться все тем же заварочным чайником, не пользоваться спасательными поясами; если течет крыша, подставлять под это место ведро и передвигать стул. Мы можем делать это весело, с усмешкой, как нас учили. *Не обращай внимания. О, не волнуйся за меня. О, со мной все будет в порядке. Все отлично...* – Мин умолкла. – Или можно его продать. Отпустить. Пусть уходит. А мы будем двигаться дальше.

– И кем мы тогда станем?

– Мы останемся собой. Только у нас будет чуть больше денег.

Эви поднялась по сходням вслед за кухней, и они вошли в лодочный сарай, где Мин поставила насос. Широкий прямоугольник двери обрамлял Большой дом. У крыльца цвела сирень. С вершины ели возле амбара взлетела скопа. Как можно все это отдать?

В кармане зазвонил телефон, и Эви потребовалось несколько секунд, чтобы отреагировать на звук.

– Алло.

– Привет, мам, – завибрировал из телефона голос Сета.

– Привет. – Она улыбнулась и кивнула Мин, поднимавшейся по склону.

– Как остров?

– Хорош. – Она видела, как Мин трогает ветку сирени, прежде чем открыть сетчатую дверь. – Великолепен.

– Туман?

– Ни облачка.

– Ладно.

Эви ждала.

– Ладно. – Он зевнул. – Я просто хотел пожелать тебе доброго утра.

– Уже почти обед.

– Мама. – Он был терпелив. – Тебе знакомо такое понятие, как лето?

– Мне знакомо такое понятие, как лень, – парировала она. – В любом случае, милый, слышать твой голос – это лучшее, что есть на свете.

– Боже, мама. Надеюсь, что нет.

Эви улыбнулась.

– Папа дома?

– Ага. Хочешь с ним поговорить?

Она закатила глаза.

– Пока, мам. Люблю тебя.

– И я тебя люблю.

Шхуны ловцов омаров на полной скорости пронесли по проливу, направляясь к открытой воде за островом Крокетт; башенки их радаров мелькали в просветах между деревьями. Мин срезала цветущие ветки сирени перед домом. Очень похожа на бабушку, подумала Эви.

– Эй. – Теперь это был Пол. – Как дела? Как ты?

От звука его голоса у нее перехватило дыхание.

– Вижу призраков, – ответила она.

Он молчал.

Эви прочистила горло.

– Все в порядке.

– В порядке? – переспросил Пол.

– Здесь Мин, – сказала она, понизив голос.

– Это хорошо, – заметил Пол. – Поможет тебе.

– Если честно, не *хочу* я ее помощи.

– Там много работы.

– Да. – Она не хотела говорить об этом с Полом. Не хотела слышать, что работы много и что помощь Мин весьма кстати. Она хотела, чтобы он увидел кое-что другое – как она стоит в дверях лодочного сарая, смотрит на пожелтевшую траву под летним небом, на окружающий ее остров. Что когда она здесь, для нее больше ничего не существует. Вот что она хотела сказать, хотя вряд ли это поможет. Иногда слова не передают смысл. Слова – просто пустые коробки на полке.

– Ты рассказала ей о фотографии?

– Какой фотографии?

– Что значит *какой*? – удивился Пол. – Той, что я тебе показал.

Эви выпрямилась.

– Нет.

– Почему? – настаивал Пол.

Потому, подумала Эви. *Потому что я не верю.*

– Что она может объяснить? – спросила Эви.

– Она и не должна ничего объяснять. – В голосе Пола слышалось нетерпение. – Это факт. Возможно, Мин что-то знает. Возможно, она что-то слышала.

Эви молчала.

– Эви, это важно...

– Ладно, – сказала она. – Это важно. *Хорошо. Я понимаю.*

Он не ответил.

Эви с такой силой прижимала телефон к щеке, что почувствовала боль.

– Пол?

Он вздохнул.

– Иногда я не понимаю, что ты имеешь в виду, когда речь заходит об этом месте или о твоей семье...

– Он *не* симпатизировал нацистам, Пол.

– Мне хотелось бы в этом убедиться. Мне хотелось бы... – Он остановил себя.

– Скажи мне, Пол. Объясни мне. – Она не желала отступать. – Почему я чувствую, что должна сохранить это... остров, все остальное... любой ценой?

Он молчал.

– Эви. – Она закрыла глаза, услышав нежность в его голосе.

Он умолк.

– Послушай, – наконец примирительно сказал он. – Я тут подумал насчет твоего мистера Полинга.

– Он не *мой* мистер Полинг. – Эви замерла. – погоди.

– Что? – спросил Пол.

– Утром сюда приезжала тетя Анна, и дядя Эдди упоминал о нем.

– Называл фамилию? Что сказала Анна?

– Нет, нет. Это имеет какое-то отношение к пианино в амбаре.

– И?

Эви нахмурилась.

– Мы смотрели на пианино, и Эдди вспомнил «негра», как он выразился.

– И что?

– Так вот. – Эви наконец поняла. – Я подумала, он имеет в виду, что у Попса тут работал чернокожий, но Эдди меня поправил. Вероятно, тот человек был гостем.

– Тогда это *мог* быть Полинг.

Эви кивнула. Она слышала волнение в голосе Пола. Представила, как он стоит с телефоном в руке, в напряженной позе, отставив локоть.

Солнце отражалось от воды, прыгая между волнами.

– Ты подумала, что знала бы о чернокожем мужчине, приезжавшем на остров, – сказал он.

– Да, конечно, – усмехнулась Эви. – Все та же старая история – разве не ты рассказывал ее мне и Дэрилу в тот вечер, когда вернулся из Берлина?

– То есть?

Она вспомнила слово, произнесенное Хейзел.

– Невидимые.

– Невидимые. – Эви поняла, что он улыбается. – Это можно продать – невоспетые персонажи.

– Не просто невоспетые, – возразила она и тоже улыбнулась. – Их даже не начали описывать. Но продать не получится. Права принадлежат Хейзел.

– Как у Ральфа Эллисона, – заметил Пол.

Она кивнула в телефонную трубку.

– В любом случае, – продолжил Пол, – этот Редж Полинг, которого я имею в виду, еще жив.

Она напряглась.

– Я думала, это выяснит Дик Шерман.

– Наверное, – согласился он.

Эви кивнула в телефон.

– А ты не хочешь проверить гостевую книгу?

Она совсем забыла о гостевой книге бабушки Ки. Ее охватило волнение, знакомое каждому исследователю, желание докопаться до истины. И влечение к Полу, поняла она.

– Эви, – окликнул он. – Ты здесь?

– Здесь. – Она снова кивнула.

Повисла пауза.

– Эви, – повторил он, уже тише. И она услышала все, что он хотел сказать. О том, какой путь они прошли вместе за столько лет, об их прошлом. О ночах, утрах, долгих вечерах. Она услышала плач Сета и его детский голос в ночи. И теперь в голосе Пола она услышала, что все прошедшие годы никуда не делись, они остались с ними. Как и его любовь.

– Ты в порядке?

– В порядке. – Она улыбнулась.

– Папа? – послышался в трубке голос Сета.

– Продолжай.

Она повернулась, все еще улыбаясь, и стала подниматься вверх по лужайке. Мин вышла из-за дома с медной вазой из столовой, которую затем энергично встряхнула. Ветки восковницы упали на траву рядом с дверью кухни.

– Мин! – крикнула Эви.

Мин подняла голову.

– Что ты делаешь? – Эви бежала вверх по склону холма.

– Мама ненавидела эти штуки, – сказала Мин.

– Но бабушка Ки их любила, и моя мама тоже.

– Сирень цветет всюду, – возразила Мин. – Мы никогда не приезжали сюда в эту пору.

– Но бабушка Ки всегда ставила в эту вазу восковницу.

– И что? Это не значит, что и мы должны делать так же.

– Нет. Значит.

– Ради бога, Эви. – Мин рассмеялась, не веря своим ушам.

Они пристально смотрели друг на друга.

– Зачем ты вообще приехала? – выпалила Эви.

– Я же говорила. Подумала, что тебе нужна помощь.

– Вовсе нет. – Внезапно Эви все поняла. – Вовсе нет. Ты просто не хотела, чтобы я тут распорядилась. Ты точно такая же, как тетя Эвелин. Хочешь командовать.

– Эви. – Мин отвернулась, кипя от возмущения, и рывком открыла дверь кухни. – Ты ничуть не лучше Генри.

Дверь захлопнулась. Эви постояла минутку, а затем яростно дернула дверную ручку.

Мин вытаскивала из холодильника ингредиенты для сэндвичей. У раковины стояла стопка грязных тарелок, которые Эви не вымыла после завтрака, на плите – кофейник с остатками кофе. Сначала нужно было все убрать, навести порядок. Мама и бабушка Ки непременно убрали бы в кухне, прежде чем выйти из дома. Посуда от завтрака на столешнице выглядела неммым укором. Эви автоматически взяла баночку с джемом, закрыла крышкой и поставила в холодильник. Мин не смотрела на нее.

Она выкладывала мягкий черный хлеб, майонез «Хелманс» и толстый огурец, вероятно купленный на ферме у шоссе. Эви забыла о сэндвичах с огурцом, но теперь, стоя на кухне и наблюдая, как Мин сосредоточенно чистит кожицу, снимая ее длинными полосками, сразу вспомнила ланчи со своими кузенами за этим столом, вспомнила нетерпеливую деловитость бабушкиной кухарки, Джесси О’Мары.

Стрекоза ударилась о сетчатую дверь и недовольно загудела; потом стрекот ее крыльев постепенно затих.

– Можно мне один? – спросила Эви; она уже не злилась.

– Конечно, – сухо ответила Мин и достала еще два куска хлеба.

Эви прислонилась к столешнице и скрестила руки на груди.

– Почему мы все время ссоримся?

Мин намазала толстый слой майонеза на два куска хлеба и принялась раскладывать на них, словно плитку, ломтики огурца.

– Потому что они ссорились.

Эви подошла к столу и выдвинула из-под него стул.

– Ты знаешь, что твоя мать ни разу не поблагодарила мою? – спросила Мин, не поворачиваясь к Эви.

– За что?

– За то, что она ее оберегала.

– Оберегала? Она ее подавляла.

Мин повернулась к ней.

– Ты не видишь того, что у тебя под носом, Эви. И никогда не видела. Мама всегда оберегала тетю Джоан. Без моей матери твоя умерла бы от приступа эпилепсии.

Эви нахмурилась:

– Я ни о чем таком не слышала.

– Вот именно. – Мин отложила нож. – Об этом я и говорю.

– Послушай, Мин. Об эпилепсии я узнала незадолго до ее смерти.

– Правда? – Мин недоверчиво посмотрела на нее.

Эви кивнула.

Мин разрезала оба сэндвича пополам, подвинула один к Эви и села за стол.

– Мне не нравилось, что наши матери ссорятся, – сказала Мин. – Не нравилось, какими они стали. В этом месте прошлого не существует... например, посмотри на нас – приезжая сюда, мы тут же превращаемся в своих матерей, которые спорят, какие цветы поставить в вазу, что и где должно стоять и кто что должен делать. Ничего никогда не заканчивается, а все длится и длится. Не обижайся, – она покосилась на кухню, – но именно поэтому история всегда казалась мне такой...

Эви прищурилась:

– Бесплезной?

– Глупой, – тихо ответила Мин. – Как будто прошлое можно убрать в ящик или в книгу и забыть о нем. Но оно продолжает жить там, в глубине. И здесь, на острове, это особенно видно.

– Но как двигаться вперед, если не разберешься в прошлом?

Мин пожала плечами.

– Хочешь сказать, кого волнует то, что произошло? – спросила Эви.

Мин скрестила руки на груди и посмотрела на кухню:

– Знаешь, Эви, многие договаривают за меня фразы. Я привыкла. Но ты единственный человек на планете, кто заканчивает неправильно – всегда.

Эви вздернула подбородок, настороженно глядя на Мин.

– Вопрос не в том, кого волнует, что произошло, – продолжила Мин, – а в том, кто это знает. Думаю, и они не знали.

Эви покачала головой:

– Но Генри так не считает, и Харриет тоже – они думают, что моя мама что-то сделала твоей, и поэтому не позволят похоронить маму в скалах.

– Перед смертью мама говорила много всего странного. Но тот факт, что тетя Джоан хотела получить в собственность ту скалу – как некий знак, – приводил ее в бешенство.

– Она хотела, чтобы ее там похоронили, – всего лишь. Это было что-то личное, – возразила Эви.

– Не только личное, но я не знаю что. Мама воспринимала это так, будто за Джоан останется последнее слово.

– По поводу чего? – Эви не отрывала от кухни испытующего взгляда.

– Не знаю. – Мин покачала головой. – Но мы тоже запутались, Эви... И я знаю, что ты это понимаешь. И я больше не могу. Мне не нужно это место. Я хочу устраниваться. Освободиться от него.

Они смотрели друг другу в глаза.

– Но... – сказала Эви. – Этот дом. Ты только посмотри. – Она показала на выцветшую стену, где старое окно кухни делило солнечный свет на девять квадратов. Время как будто остановилось. Свет. Небо. Здесь ничего не менялось, кроме света дня. Капли из крана в кладовке звонко падали в раковину. Плывущие в небе облака заслонили солнце, и в кухне стало темнее.

– Да. – Мин покачала головой. – С меня хватит. Это печальное место. Разоренное. Пустая оболочка... зачем цепляться за оболочку?

– Но в нем все мы.

Мин вздохнула:

– Неужели? А как насчет Пола? Сета? Они тоже входят в число «всех»?

– Разумеется, – раздраженно ответила Эви. – Ты знаешь, что я имею в виду.

Мин кивнула и откусила сэндвич.

Наступило нечто вроде перемирия. Они ели молча, и Эви казалось, что она год за годом, бесконечное число лет сидит на этом стуле напротив Мин, поставив босые ноги на синий линолеум.

– Бедная мама, – наконец произнесла Эви. – Это единственное место, где она была счастлива.

– Что заставляет тебя думать, что она была несчастна?

– Не знаю, но она всегда была такой закрытой, – задумчиво сказала Эви. – Они с папой как будто проживали не свои жизни. – Она печально покачала головой и посмотрела на Мин: – У вас в доме все было так, как должно. Знаешь, я всегда любовалась вашей рождественской открыткой...

– О боже.

– Я серьезно. – Эви улыбнулась.

Там были определенность и порядок, которые Эви не ощущала больше нигде. В огромном доме тети Эвелин и дяди Дикки в Гринвиче, штат Коннектикут, с видом на залив, столовые приборы блестели, напитки подавали в шесть, ужин в семь, и все было на своих местах. Жить можно правильно или неправильно, и тетя Эвелин жила правильно. Так, она родила четверых детей, которые умели спускаться с гор на лыжах, играть в теннис, говорить по-французски, понимать латынь, устраивать приемы, управлять яхтой, автомобилем, а при необходимости и трактором.

– У всех были матери, которые разговаривали с ними, ссорились и мирились. В отличие от моей.

Мин слушала.

– Зачем так устраниваться? – спросила Эви. – Зачем отгораживаться от мира? Прячется, поднимать разводной мост, отворачиваться?

Она посмотрела на Мин:

– Как будто мама уступила территорию тете Эвелин и бабушке...

– Бабушка Ки была очень суровой, – сухо заметила Мин. – Если ты вела себя не так, как она считала правильным, не сидела тихо, не говорила, только когда к тебе обращаются, не обожала омаров,

голубику и полевые цветы, не говорила свободно по-французски, не училась в Йеле или Гарварде или не вышла замуж за того, кто окончил Йель или Гарвард, то ты для нее просто не существовала.

– Ты немного преувеличиваешь, – с улыбкой возразила Эви.

В ответ Мин лишь молча вскинула бровь.

– В любом случае, – сказала Мин после паузы, – тетя Джоан не выглядела несчастной. Она казалась мне...

Эви пристально смотрела на нее.

– Одержимой, – нашла Мин подходящее слово. – Она была фанатиком.

Мин взяла тарелку Эви, встала и отнесла обе тарелки в раковину.

– Фанатиком чего?

– Острова, – ответила Мин. – Все всегда должно быть на своем месте. Герань в горшках перед домом. Маргаритки, космея и флоксы. Она внимательно следила за деталями. Ты, наверное, помнишь, как в восьмидесятых, когда у бабушки Ки уже не хватало сил дойти до пристани, где обычно подавали коктейли перед ужином, тетя Джоан привезла с материка гольф-кар, чтобы возить бабушку вверх и вниз по лужайке. «Мы всегда пили коктейли там, – настаивала она. – Зачем что-то менять?»

Зачем что-то менять? Эви почувствовала комок в горле.

– Это сводило маму с ума. Знаешь, она не любила сюда приезжать, – сказала Мин.

– Не может быть.

– Может. Чем старше она становилась, тем тяжелее ей это давалось. В конце каждого лета она говорила мне: «Ну вот, с этим покончено». Как будто снова сдала трудный экзамен.

– Но мне казалось, что Генри все делает так, как она хочет. Она всегда хотела быть главной.

– Они же сестры. – Мин сморщила нос. – Она просто не хотела, чтобы главной была Джоан.

– Но... – Эви не могла в это поверить. – Мама никогда не была главной; твоя мать принимала все решения, не советуясь с моей.

– Ей приходилось, – ответила Мин. – Я любила тетю Джоан, но она была самым упрямым человеком на свете.

– Мама? – фыркнула Эви.

– Непрощающей, как говорила моя мать. – Мин кивнула. – Они оба. Джоан и Мосс. И маме всегда казалось, что за этим что-то скрывается.

Мосс? Эви задумалась.

– Что такого сделала твоя мать, что требовало прощения? – Эви принялась расставлять тарелки от завтрака в сушку на кухонной полке.

Мин молчала так долго, что Эви обернулась.

– До конца не уверена, но дело, скорее всего, в мужчине.

– В мужчине?

– Между ними. Кто-то...

– Что значит «между ними»?

– Точно не знаю. Наверное, как это обычно случается.

– Кто-то, кто приезжал сюда?

Мин растерянно покачала головой.

– Секунду. – Эви вспомнила, о чем спрашивал ее Пол. – Подожди.

Она вышла в переднюю, где на маленькой книжной полке рядом с бабушкиным креслом выстроился ряд гостевых книг в кожаных переплетах. На корешке самой старой по-прежнему блестело золотое тиснение: ОСТРОВ КРОКЕТТ.

– Эви?

– Подожди. – Она вытащила гостевую книгу за 1959 год, отнесла в кухню и положила на стол.

– Что мы ищем?

– Реджинальда Полинга.

– Человека, которому бабушка хотела отдать долю Мосса? – удивилась Мин.

Эви кивнула.

– Кто он такой?

– Ну, тот, которого знает Пол, – афроамериканский писатель.

– Черный? Здесь? Это невозможно.

– Посмотрим.

Эви провела ладонью по гладкому переплету из зеленой кожи, затем открыла книгу. В нос ударил заплесневелый запах старой бумаги, к которому примешивалось что-то еще. Она склонилась ниже. Камфора? Толстые листы струились под ее пальцами, оставляя после себя след из отдельных слов и фраз, написанных разными чернилами и разным почерком. *Марни... истинная дружба и... несмотря на*

испытания и годы... пикник... время в вашем обществе. Она пролиставала до конца книги, а затем начала сначала, уже медленнее, читая имена в начале лета, еще больше замедляясь к концу. Ничего, ни одного Реджа – даже Р. – Полинга на всех страницах.

– Его здесь нет, – разочарованно сказала она.

Последним в книге был записан Леонард Леви. Эви пролиставала еще несколько страниц, чтобы убедиться в этом.

– Странно... заканчивается двадцать пятого августа... – Она подняла голову. – Черт.

Черт. Черт. Черт. Эви вернулась в переднюю, сняла с каминной полки старую фотографию, вернулась, положила снимок на стол и подвинула к Мин.

– Откуда это?

– От мамы.

– Боже. – Мин разглядывала фотографию. – Ты только посмотри на них.

Эви кивнула.

– Как ты думаешь, кто это снял? – Мин посмотрела на кузину.

– Понятия не имею. – Эви перевернула фотографию и показала надпись, сделанную ее матерью: – Взгляни-ка.

Мин снова опустила взгляд.

– Я спрашивала тетю Анну, – сказала Эви. – Но она не представляет, что это могло бы означать.

Мин вздрогнула и посмотрела на Эви.

– Не знаю, что значит, «Утро, когда...», но обрати внимание на дату.

– И что?

– Я абсолютно уверена, что это день смерти дяди Мосса.

Глава тридцать третья

– Где твой фотоаппарат, Редж? – спросил Мосс, появляясь из-за угла дома. Редж указал на «поляроид», лежащий на зеленой скамье у крыльца, где он его оставил. Мосс повернулся и позвал Эвелин и Дикки. – Эй, вы, двое, идите фотографироваться – это утро вашей большой вечеринки!

Эвелин и Дикки подошли к остальным и остановились, немного смущенные.

– Куда?

– Сюда, на ступеньки крыльца, – указал Мосс.

Двое влюбленных выпрямились во весь рост на крыльце перед Большим домом и вежливо посмотрели в камеру Реджа, который опустил голову, глядя в видоискатель, и нажал на спуск. Сверкнула вспышка, и снимок выполз из камеры на свет. Редж расправил его и положил на зеленую скамью для просушки.

– Теперь моя очередь. – Джоан отеснила Дикки и, улыбаясь, встала рядом с Эвелин. Сестры стояли рука об руку, и, когда Мосс сказал: «Давай, Эвелин, улыбочку для Реджа», – ее напряженное лицо немного смягчилось. Джоан позволила себе посмотреть на Лена, который стоял за спиной Реджа, отдельно от всех. В последнюю секунду Мосс запрыгнул в кадр, зажав в кулаке сигарету и бросив на Реджа добродушный и одновременно задорный взгляд.

– И я с вами, – сказал он. – Вот так.

Все рассмеялись.

Редж медленно поднес фотоаппарат к глазам и замер. Мосс смотрел на него через видоискатель, и этот взгляд был красноречив. Редж закрыл глаза и нажал на спуск.

– Боже. – Он услышал смешок Мосса. – Как ярко.

Редж опустил фотоаппарат и посмотрел на Мосса.

И Мосс медленно кивнул ему в ответ.

До ланча оставалось совсем немного времени. Сестры пошли в дом, чтобы помочь матери. Дикки достал футбольный мяч и бросил его Реджу, а тот, в свою очередь, отпасовал Лену. Мосс растянулся на траве в тени дома, прислушиваясь к шлепкам ладоней по коже мяча.

Флаг безжизненно висел на флагштоке. Мяч летал по лужайке. Шлепки и удары. Из-за спин мужчин, игравших перед домом, доносились тихие женские голоса.

Джоан стояла у окна в гостиной и смотрела на Лена, в пяти метрах от нее, по другую сторону стекла. Ее силуэт отчетливо выделялся на фоне окна, и все могли ее видеть, но ей было все равно. Она хотела, чтобы ее увидел он. Если бы он повернулся и посмотрел, то понял бы.

Он не повернулся. Не отвлекался от игры. За все это время Лен посмотрел на нее только один раз – там, на пристани. Складывалось впечатление, что он что-то задумал, что он должен что-то сделать, прежде чем снова разрешит себе посмотреть на нее. Он бросал мяч, снова и снова, а затем непринужденно, словно собака, со смехом упал на землю. Встал и снова принялся бросать мяч. Мужчинам это позволено – валяться на земле, пикироваться словами или молчать. Даже через стекло Джоан чувствовала добродушие и симпатию, которые их связывали. Четверых мужчин на траве.

Но зачем он приехал?

– До меня только что дошло, кто он. – Эвелин стояла рядом с Джоан и тоже смотрела на мужчин, уперев ладони в узкие бедра.

– Кто? – спросила Джоан, хотя все сразу поняла. – Редж или Лен?

– Не мистер Полинг. – Лицо Эвелин напряглось. – Я понятия не имею, кто он. Но все равно он мне не нравится.

– Эвелин!

– Не нравится. И Дикки тоже не нравится. – Она нахмурилась. – Все время наблюдает за нами, оценивает нас – я уверена. Что он думает? Что мы будем вести себя неподобающим образом? Конечно нет. Никто из нас не скажет ни слова, которое может его обидеть. Он здесь гость.

– Вовсе нет, – запротестовала Джоан. – Думаю, ты не права.

– Присмотрись. И ты увидишь. – Эвелин оперлась на подоконник. – Нет, – тихо произнесла она. – Я имею в виду Лена Леви. Он тот, кто помог нам на Пенсильванском вокзале в начале лета. Я уверена.

Джоан отвернулась, чтобы Эвелин не увидела, как зарделись ее щеки, и принялась складывать стопку из газет, пришедших за минувшую неделю.

– Все в порядке.
– В порядке? Ничего не в порядке, ни капельки.
– Он работает у папы. – Джоан положила гостевую книгу поверх газет и выровняла по углам.

Эвелин кивнула:

– Дикки говорил, он слишком высокого мнения о себе.
Джоан едва удержалась от резкого ответа.
– Как он сюда попал? – спросила Эвелин. – Расскажи, Джоан.
– Что рассказать?
– Нельзя же просто сойти на причал, рассчитывая, что тебя пригласят на ланч.

– Не думаю, что он на что-то рассчитывал.
– Не увиливай. – Эвелин закатила глаза. – Конечно, рассчитывал.
– Мосс их *пригласил*, разве ты не помнишь?
– Думаешь, это было настоящее приглашение? – Эвелин явно сомневалась.

– Конечно, – твердо ответила Джоан. – Я уверена.
– Он довольно самонадеян. Мосс, кажется, удивлен не меньше нас.

– Мосс пригласил их приехать, и они приехали, – тихо сказала Джоан. Хотя точно знала, к чему клонит Эвелин. Такие приглашения не принимают за чистую монету. Лен либо этого не знает, либо – сердце ее замерло – ему плевать.

– А что насчет вечеринки, Джоан? Теперь они должны остаться. Он испортит мою вечеринку.

– Не испортит.
– Испортит.
– Он друг Мосса, – терпеливо повторила Джоан, – и работает у папы.

Эвелин посмотрела ей в глаза:

– Но приехал ради тебя.
Джоан покраснела.
– Можешь не сомневаться. Он смотрит на тебя. Все время. Ты его поцеловала, помнишь?

Джоан отвернулась от окна и принялась выравнивать ракушки на полке, глядя на них невидящими глазами.

– Он думает, это что-то значило, – заключила Эвелин.

Джоан посмотрела в окно. Дикки держал мяч в руке и указывал на противоположный конец лужайки. Лен кивнул и побежал к тому месту, наперегонки с взмывшим в воздух мячом, потом подпрыгнул, поймал мяч и прижал к груди, обняв обеими руками. Как ей хотелось очутиться в этих объятиях. Она вздрогнула и отвела взгляд.

– Как это похоже на Мосса, – с негодованием воскликнула Эвелин. – Никогда ни о чем не думает.

– Что именно? – В дверях появилась Китти с корзиной для цветов в руках.

– Эти друзья, – недовольно сказала Эвелин. – Вот где они будут спать?

Китти замерла. Потом долго смотрела на младшую дочь.

– О нас, – медленно произнесла она, – никогда не говорили и *никогда* не скажут, что мы поставили кого-то в неловкое положение. Или отказали в гостеприимстве.

Китти подтянула корзинку к бедру и повернулась к выходу.

– И вряд ли Мосс знал, что они приедут сегодня, – прибавила она уже с порога дома. – Представить себе не могу, что это на них нашло – отправиться сюда в такой туман.

– А вот я точно знаю, что на них нашло, – сказала Эвелин и посмотрела на Джоан.

Ланч накрыли на пристани, чтобы поймать легкий ветерок с моря. Туман немного поредел, но влажный воздух все еще висел плотной пеленой, скрывая Нэрроуз и материк. Они ели сэндвичи и запивали лимонадом; компания разбрелась по причалу и напоминала опавшие с цветка лепестки. Из тумана, словно призрак, появился Фенно Уэлд; его белая рубашка поднималась и опускалась, когда он работал веслами. Присс и Сара Прагг пошли в дом, чтобы вздремнуть. Роджер и Огден в лодочном сарае наполняли лампы керосином, готовясь к вечеринке. Дел еще было много, но Китти наслаждалась этим коротким отдыхом после ланча. Остальные разбились на группы. Эвелин и Дикки в дальнем конце причала, рядом с ними Джоан с Леном Леви и Реджем Полингом. Редж прислонился к поручням, спиной к воде. Мосс сидел рядом с матерью, подтянув колени к подбородку и закрыв глаза.

Начался отлив, и пристань медленно покачивалась в такт волнам, отступающим в море.

Лен Леви топтался на месте около Джоан. Китти видела, что он не знает, куда девать руки; он сунул их в карманы куртки, но они постоянно вылезали оттуда. Довольно привлекательный, хотя Джоан, похоже, этого не замечала – мыслями она была где-то далеко. И хорошо, подумала Китти. Ее не очаровала вся эта *энергия*.

С верхушки дерева в бухте взлетела скопа, и ее крылья были похожи на туго натянутый парус. Взгляд Реджа Полинга проследил за птицей, затем скользнул по компании, ненадолго задержавшись на Дикки, который что-то показывал Эвелин. Китти почувствовала в нем пытливый, аналитический ум, который не переставал сортировать и классифицировать даже при взгляде на темно-синий рукав шотландского свитера Дикки. Ей было интересно, что он обо всем этом думает и узнает ли она об этом когда-нибудь.

И сам факт, голый факт, что чернокожий стоит здесь, слушает беседу, что-то говорит сам, одновременно пугал и успокаивал ее. Так это выглядело. И не более того.

– Мистер Полинг, – окликнула его Китти. – Идите к нам, присоединяйтесь к разговору.

Редж повернулся. Она похлопала ладонью по скамье рядом с собой.

– Мосс говорит, вы знакомы с Лоуэллами, – сказала Китти Реджу. – Как вы познакомились?

Возможно, его мать работала у Лоуэллов, подумала она.

– Редж закончил Гарвард, Лоуэлл-Хаус, мама, – объяснил Мосс, не открывая глаз.

– Ну, тогда все понятно, – ничуть не смутившись, сказала Китти. Должно быть, один из «проектов» Джолли Лоуэлл. – Что вы там изучали?

– Английскую литературу, – ответил Редж.

Китти улыбнулась ему. Ей нравилось, как он неподвижно сидит рядом, как наклоняется к ней, слушая ее. Ей нравился этот аккуратный человек.

– Погода скоро наладится, – объявил Огден, выходя из лодочного сарая с двумя фонарями в руках; за ним шел Роджер Пратт. Китти повернулась в ту сторону, куда указывала его рука. В дальнем конце пролива плотная пелена тумана раздвинулась, открывая невозможно яркое голубое небо и кусок освещенного солнцем Виналхейвена.

– Похоже на то, – улыбнулась она.
– Диккенс или Троллоп? – спросил Роджер Пратт Реджа.
– Прошу прощения?
– Вы изучали английскую литературу. Кого вы предпочитаете, – повторил Пратт, но уже медленнее, – Диккенса или Троллопа?

Редж повернулся и внимательно посмотрел на него.

– Энтони Троллоп, – подсказал Роджер.

– Да, я знаю, кто такой Троллоп, – улыбнулся Редж.

– Я всем задаю этот вопрос... – Роджер поставил керосиновую лампу на стол рядом с Китти.

– А в чем разница? – спросил Редж.

– То есть?

– В чем разница между ними?

На лице пожилого мужчины промелькнуло что-то вроде беспокойства.

– Разница? – переспросил он. – Огромная. Одного волнуют системы, другого – люди. В конечном итоге все писатели делятся на эти две группы.

– Разве? – спросил Редж.

Мосс ухмыльнулся.

– Редж писатель, – объяснил он, открывая глаза.

– В данный момент литературный редактор, – уточнил Редж. – Но последние три года был внештатным корреспондентом в Европе.

– И как, по вашему мнению, сработали деньги, выделенные в рамках плана Маршалла? – Огден вынес на причал еще три лампы и поставил их вдоль поручней через равные промежутки.

– В Германии? Или в Италии?

– В Германии.

Редж принялся описывать благополучие, которое он наблюдал в течение нескольких последних лет, а Огден слушал, явно довольный.

– Именно об этом я говорил... и это видел Маршалл в сорок шестом. Деньги, люди и технологии спасли Европу. Вы расставляете хороших людей, а хорошие люди – это хороший бизнес, вне зависимости от того, откуда они пришли. Это сработало в Европе, и это работает здесь. Хорошие люди. Хорошие идеи. Деньги на их внедрение.

– Согласен, – кивнул Роджер Пратт.

– В таком случае почему не было плана Маршалла для негров? – тихо спросил Редж.

Мосс выпрямился и посмотрел на Реджа.

– Для негров? – Огден сложил руки на груди. Он был явно озадачен. – Негры – американцы, а не разоренное войной государство. Здесь не нужно никаких специальных мер; это было бы унижительно. Америка развивается, и негры – вместе со всеми – пожинают плоды этого развития.

– А разве негры не пострадали от войны? Разве мы не разоренная войной страна?

Роджер Пратт был шокирован.

– Мне кажется, война всем нам пошла на пользу. Конечно, – поправил себя он, – я не говорю о тех несчастных, кто потерял близких, но в целом конец сороковых – это сплошное развитие.

– Думаю, Редж говорит о гражданской войне, – поспешно вставил Мосс. – Ты ведь работаешь над какой-то теорией, да? Что-то для «Виллидж войс»?

Название журнала ничего не говорило старшему поколению, но опасность миновала. Мосс поймал стрелу, удержал и направил в сторону от цели; между ним и Реджем словно протянулась невидимая нить.

– Совершенно верно, – бесстрастно сказал Редж и улыбнулся Мосу, словно говоря: *Видишь? Все то же самое.*

Но Огден покачал головой, все еще под впечатлением от рассказа Реджа о Европе.

– Это способ обеспечить мир.

– Деньги? – Редж покачал головой. – Одних денег недостаточно.

– Действия могут быть правильными и неправильными, – возразил Огден. – Французский Индокитай в конечном итоге это докажет. Вот увидишь, Пратт.

– Там все гораздо сложнее. – Роджер покачал головой. – Нужна конечная цель. Необходимо дать людям инструменты, чтобы они чего-то добились.

– Кстати, Леви, огласите те цифры, о которых вы мне говорили.

– Какие именно, сэр?

– О том, как мы упускаем... – Огден посмотрел на Роджера, – рынок.

Лен вынул руки из карманов и выпрямился.

– Ради бога, Огден, – запротестовала Китти. – Сегодня суббота.

– Расскажите Дикки, – сказал Огден, жестом подзывая Дикки, – что вы говорили у меня в кабинете насчет развития.

– Развития? – Дикки протиснулся через калитку.

– Лен считает, что мы могли бы немного расширить свою деятельность. Консультировать относительно инвестиций не только компании, но и их работников.

Лен кивнул Дикки.

– Распространив деятельность «Милтон Хиггинсон» на остальную страну, вы выйдете далеко за пределы Уолл-стрит... покажете, что финансовый центр не обязательно должен находиться в одном месте... и выгоду получают все.

Роджер Пратт с сомнением покачал головой.

– Уолл-стрит – это Уолл-стрит, потому что там заправляют люди, разбирающиеся в бизнесе, точно так же, как в Вашингтоне заправляют те, кто разбирается в государственном управлении. Например, меня послали во Вьетнам потому, что я знаю, что мне нужно. На врачей учат. На юристов тоже.

– Совершенно верно, сэр. – Леви ничуть не смутился. – Но плотник может *инвестировать* в корпорацию. Плотник может взять финансовую власть в свои руки. И если открыть отделения по всей стране, «Милтон Хиггинсон» не прогадает.

(«Хорошо говорит, – подумала Китти, глядя на пролив за его спиной. – Последовательно и напористо». Она нахмурилась, наблюдая, как молодой мужчина склоняется к Огдену, словно заговорщик. Слово посвященный. Слово он считает, что может быть в чем-то равным Огдену.)

– Видишь, Пратт? – одобрительно сказал Огден.

Дикки переводил взгляд с Лена на Огдена.

– Ты предлагаешь, чтобы «Милтон Хиггинсон» вышел в публичную сферу?

– Нет, – мягко возразил Лен. – Просто стремлюсь к расширению там, где мы уже присутствуем.

При слове «мы» на лице Дикки появилось упрямое выражение.

– Думаю, мы находимся именно там, где нужно: в центре Нью-Йорка.

– Многие люди не считают Нью-Йорк единственным центром власти в стране, – заметил Лен.

– И они ошибаются, – самодовольно сказал Роджер Пратт, вставая. – Центры власти всегда были здесь.

– Верно, – согласился Лен, – но центры перемещаются. И всегда перемещались. Причем раньше, чем люди это осознают. Например... – Он повернулся к Реджу: – Расскажи им то, что рассказывал мне, – о Гэри Купере в Париже.

– В Париже? – Дикки присвистнул.

– Сцена в салуне?

Лен кивнул. Редж скрестил руки на груди и окинул взглядом всю компанию.

– Французы просто без ума от кино, – сказал он. – Американского кино, и особенно вестернов... Мне кажется, кинотеатры там на каждом углу. Прошлой осенью я увидел, что в крошечном зале рядом с Рю де Риволи показывают «Ровно в полдень» с Гэри Купером, и пошел посмотреть. Зал был битком набит французами. Наверное, я был единственным американцем... и уж точно единственным негром.

Он второй раз употребляет это слово, отметил Мосс. Привлекает к себе внимание таким способом. Как удар колокола, который нельзя не услышать, как постукивание пальцем по черепу. Моссу показалось, что Редж забавляется. Словно он отбросил осторожность и решил подразнить их.

– В фильме, – продолжал Редж, – Гэри Купер заходит в салун, швыряет шляпу на стол, ударяет кулаком по стойке бара и кричит: *Виски, на три пальца!*

– Так-так. – Огден ухмыльнулся.

Редж улыбнулся, отразив еще не выпущенную стрелу.

– Но в Париже Гэри Купер заходит в салун, ударяет кулаком и просит: *Une verre de Dubonnet, s'il vous plait*^[32].

На пристани повисла короткая пауза, затем все расхохотались.

– Видите? – Такая реакция воодушевила Лена. – Совсем скоро там будет ковбой, а французы не знают, как его переводить.

– Но речь же вовсе не об этом! – воскликнул Дикки, не обращая внимания на Лена. Он увидел Реджа в новом свете. Парень говорит по-французски.

Мосс смеялся вместе со всеми, но не отрывал взгляда от лица Реджа.

Приближается перелом, поворотный пункт, но еще не кульминация, не вершина песни, а поворот, когда ты понимаешь, что басовая партия была здесь всегда, незаметная, но вездесущая. Внезапно ты осознаешь, что неизменная, глубокая, настойчивая нота – это связка, что бас – это волна. И Мосс понял, что этой нотой был Редж. Он был основой. Постоянным ритмом. Когда Редж в центре, когда он рассказывает свои истории на пристани, понял Мосс, они все могут слушать, могут представлять себя хорошими людьми. Они могут верить в мечту о себе, в мечту о стране. Почему бы и нет? Они стоят здесь, все вместе. Дружеская атмосфера. Общий смех.

Но Мосс слышал другую мелодию. Глядя на них, Редж отвечал и спрашивал, присоединяя одну басовую ноту к другой, тревожную и предвещавшую бурю, несмотря на то, что эта нота поддерживала мелодию. Люди на пристани вели себя безупречно, перед ним и *ради* него, и ноты, которые исполнял Редж, демонстрировали фальшь этой дружбы, ее притворство. Наблюдая за ним, Мосс впервые понял, как все это должно выглядеть в глазах Реджа. Мосс видел белое. Редж черное. Мечта о себе – всего лишь мечта.

Редж был колоколом *и* трещиной в колоколе, постоянной нотой, которая звучала глубоко в мозгу, не умолкая.

Вот оно, понял Мосс. Медленный ритм расы – слышимый, неслышимый и снова слышимый. Всегда здесь, неумолкающий. Вот она, песня Мосса для Америки. Пульс у него участился; он знал, что прав. Редж – это основа. Мосс встал, слушая звучащие в голове ноты, понимая, как выразить в музыке то, что он видел здесь, на пристани. Это и есть ядро мелодии. Оно всегда было тут. Без него не может быть американской песни. Редж был басом. Редж был колоколом.

– Мосс?

– Мне нужно это записать, мама. – Он обращался к Китти, но смотрел на Реджа, лицо которого, обращенное к нему, расплывалось в кривой, заразной улыбке.

– Ты колокол, приятель. Это точно.

– Размечтался. – Редж с улыбкой посмотрел на него. Мосс хмыкнул и отвернулся.

– Не пропадай, Мосс, – крикнула Китти ему вслед. – Папе скоро понадобится твоя помощь с ямами для костра.

– Конечно, – кивнул Мосс, не слушая ее, и поспешил к лодочному сараю. – Я быстро.

Его шаги удалились, а затем их заглушила трава на лужайке.

Он ни за что не бросит музыку, поняла Китти, когда Мосс исчез в тумане. Он будет работать у Огдена, но сердце его будет с музыкой. Не с работой. Внезапно ее охватил страх.

– Джоан. – Голос Китти звучал резко. – Джоан, эти тарелки нужно вымыть. Где Эвелин?

Джоан встала со скамьи и принялась собирать тарелки.

– Поможете мне? – спросила она Лена, не оборачиваясь.

Лен отодвинулся от перил и взял большую плетеную корзину, куда Джоан опустила стопку тарелок. Они не смотрели друг на друга.

Китти наблюдала за ними. *Вот оно что.* Старый как мир трюк. Парень работает на Огдена, но хочет Джоан.

Так, подумала она. *Ну-ну.*

Рядом с ней Редж наклонился и закурил, а затем, выдохнув дым, проводил глазами Лена, который вслед за Джоан скрылся в лодочном сарае.

Джоан прошла сквозь сарай и, не задерживаясь, зашагала вверх по лужайке, остановившись только у самого дома, где Лен догнал ее и поставил корзину на землю. Они покинули компанию на причале, но не спрятались от посторонних глаз. Все могли видеть их, стоящих рядом на лужайке. Она замерла неподвижно, не поднимая на него взгляда, и он понимал, что это лишь подчеркивало их связь. Он сам был не в силах посмотреть ей в глаза. Вот, значит, как это будет.

А на что он рассчитывал? Что придет сюда и спросит ее отца, своего *босса*, о его действиях в прошлом – или о его *предполагаемых* действиях? Что он сможет умыкнуть девушку из замка? Вот она, стоит рядом, и совершенно очевидно, что замок – ее дом.

Туман слегка приподнялся, и на противоположном берегу пролива стала видна линия причалов. По воде скользил парус, направляясь в сторону мыса; три головы в лодке были повернуты к ветру.

Лен скрестил руки на груди. Одинокая чайка прочертила небо перед ними и исчезла за темной бахромой елей в бухте на другом

конце лужайки.

Ни ветерка. Из амбара на вершине холма доносились звуки пианино.

– Ты сводишь меня с ума, – тихо сказал он.

А потом Джоан наконец повернулась и посмотрела на него, и он увидел, что она дрожит, – это снова была его девушка. Улыбка заменяла ее ладонь в его руке.

Сетчатая дверь открылась не сразу, но в конце концов поддалась, и Джоан вошла, придерживая дверь для Лена. Она быстро шагала по коридору к кухне в глубине дома, через маленькие комнаты с неудобной мебелью.

– Гостиная, – поясняла Джоан на ходу, – столовая и кладовка. Вот. – Она взяла с подоконника фонарик и протянула ему. – Положи в карман. Обычно не думаешь, что он понадобится, а потом вдруг становится темно, хоть глаз выколи.

– Хорошо, – сказал он и прошел за ней через кладовку на кухню, где тощая, как скелет, женщина повернулась к ним от раковины, рядом с которой лежала гора почищенной картошки. Не обращая внимания на Лена, она хмуро посмотрела на Джоан.

– Я думала, это девочки идут мне помогать.

– Скоро придут, Джесси, – пообещала Джоан. – Мама сказала, они будут здесь около четырех. Это мистер Леви.

– Тогда могут вообще не приходить, – проворчала Джесси. Лен послушно поставил корзину рядом с ней. – К тому времени все уже будет сделано.

Поманив Лена, Джоан прошла через кладовку и столовую и вернулась в переднюю, где остановилась, повернулась к нему и, вскрикнув, упала в его объятия. И мир – жаркий, зеленый, летний мир снаружи – исчез в пещере его груди. Она закрыла глаза, и он поцеловал ее.

Через какое-то время она отстранилась и посмотрела на него.

– У тебя на лице написано. – Он улыбался.

Джоан медленно выдохнула.

– Что?

Он посмотрел на нее.

Джоан покраснела.

– Это хорошо, – тихо продолжил он.

– Нет.

– Очень хорошо.

– Такая девушка, как я, не должна давать себя прочесть, – лукаво заметила она.

– Что это означает?

– Понимаешь, – прошептала она, – нельзя показывать миру свои чувства.

– Неприлично?

– Да. Неприлично. – Она снова прильнула к нему. – Знаешь, ты нравишься моему отцу. Он задает вопросы, на которые ты можешь ответить. На которые ты ответишь. И он хочет услышать твой ответ. Я видела, что он слушает, даже когда ты говоришь с кем-то другим.

Лен кивнул.

– А твоя мать?

Она замялась и посмотрела на него:

– Ты должен быть осторожен.

– Осторожен? Как это?

– Больше помалкивать.

– Я слишком... многословен? – не удержался он.

– Это нечестно. – Она сдвинула брови. – На самом деле – да.

– А ты? – спросил он.

Слабая улыбка тронула ее губы.

– Я точно такая же.

Он наклонился и поцеловал ее.

– Почему ты приехал, Лен?

– Мосс пригласил. Собственно, пригласил Реджа. И было жарко.

– Нет. – Она посмотрела ему в глаза. – Скажи мне. Тут что-то другое, правда? Я тебя знаю. Ты что-то задумал...

– Кажется, он хорош, – послышался голос мистера Пратта из открытого окна, в полутора метрах от них.

– Я рад, что он у меня есть, – ответил Огден. Они стояли у самого дома.

– Не сомневаюсь, – сказал Пратт. – Он принесет тебе кучу денег.

– Роджер! – запротестовала Сара.

– В умении делать деньги нет ничего плохого. И Огден поступил правильно, что взял его.

Джоан посмотрела на Лена. Он замер, внимательно слушая.

– До тех пор, пока соблюдаются приличия, – прибавил Роджер.

Она хотела взять Лена за руку, но боялась, что он оттолкнет ее.

– Это неважно, – тихо сказал он.

Джоан вздрогнула.

– Важна только ты, – прошептал он под стук сетчатой двери.

– О. – Китти в удивлении остановилась на пороге передней.

Джоан, словно продолжая начатое движение, потянулась за гостевой книгой, которая лежала перед ней на столике.

– Я хотела, чтобы мистер Леви оставил записку, мама. – Она с улыбкой повернулась к матери. – А то мы забудем.

– Хорошая идея, – без промедления ответила Китти. – Вы не видели Мосса?

– В амбаре смотрела?

Мать кивнула и пошла дальше.

– Ты нужна мне на кухне, – сказала она, не оборачиваясь.

– Уже иду, мама, – пообещала Джоан и раскрыла книгу. – Распишись, – прошептала она.

Между страницами лежала ручка. Лен молча взял ее.

– Может, и за Реджа тоже?

– Расписываться за другого, – она покачала головой, – считается плохой приметой.

Лен склонился над книгой, и она на мгновение прижала ладонь к его спине.

Он выпрямился; сердце учащенно билось – ее прикосновение было как удар током.

Через окно Лен видел мистера Милтона, который что-то делал в лодочном сарае на противоположном конце лужайки. Больше ждать нельзя. Ему нужно знать.

– Лен?

– Джоан! – крикнула Китти из кухни.

– Лен? – голос Джоан был едва слышен.

– Мне нужно кое-что спросить у твоего отца, – сказал он.

Джоан кивнула. Лицо у нее было встревоженным.

– Иду, мама, – ответила она.

Глава тридцать четвертая

– С чего начнем? – спросила Мин, после того как, пообедав, они вымыли и вытерли тарелки. Протерев столешницу и заварив еще одну порцию кофе, кухни расслабились, наслаждаясь привычной тишиной и спокойствием послеобеденного часа – так остров действовал на всех. Здесь мы делаем это, там – то, мы берем эти тарелки, эти ножи и вилки, сидим на этих стульях, едим сэндвичи с огурцами.

Эви обернулась:

– Как насчет шкафа с бельем?

Мин поморщилась:

– Ладно.

Они поднялись по узкой лестнице в комнату с низким потолком, прямо над кухней, где на пяти двуспальных кроватях, заправленных с армейской аккуратностью, всегда спали двоюродные братья и одинокие мужчины из числа гостей. Шкаф для белья занимал всю левую стену комнаты, хотя называть его шкафом для белья было бы не совсем верно. Уже много лет он был просто шкафом – там с одинаковой вероятностью можно было найти экземпляр «Войны и мира», тампоны, бутылку виски или дохлую мышь, свернувшуюся в углу коробки из-под обуви на вешалке из тафты. Подростками они складывали сюда комиксы и подшивки «Плейбоя», увликая от летнего чтения, здесь Харриет хранила всю свою косметику, а Эви однажды нашла в коробке с презервативами компас времен Второй мировой войны. Именно он послужил отправной точкой для ее первой статьи в аспирантуре «Затерянный в истории».

– Ладно, – сказала Мин, – давай все вывалим и посмотрим, что у нас есть. Выбросим все ужасное.

– А оставим?

– Как можно меньше.

Эви закатила глаза:

– Ты осознаешь, что обращаешься к историку?

– Это всего лишь другое название для барахольщицы, дочери барахольщицы и... – Мин достала четыре телефонные книги Ойстер-

Бэй, Лонг-Айленд, за 1947, 1948, 1949 и 1950 годы, – внучки барахольщицы.

– Намек поняла, – усмехнулась Эви.

Поначалу все было просто. Они вытащили простыни и банные полотенца, водонепроницаемые чехлы на матрас для маленьких детей, упор для детской кроватки, полотенца для рук и пять льняных салфеток цвета фортепианных клавиш. Вазу с заплесневелыми деревянными фруктами. Коробку гигиенических прокладок, открытую и почти пустую.

– Выбрасываем, – сказала Эвелин, и все это отправилось в лежащую на кровати кучу, обреченную на уничтожение. Приятно было добраться до конца полки, освободить ее, увидеть результат своей работы.

– Посмотри на это. – Мин повернулась к ней, держа в руке что-то похожее на свернутый вымпел. Она отступила от шкафа и широко распахнула дверцы. Изнутри выпали образцы тканей, в том числе в полоску, которой до сих пор было обтянуто кресло внизу, выцветшее, с вытертыми до основы подлокотниками. Вымпел представлял собой прямоугольник ткани розового цвета с синей надписью: ЭВЕЛИН.

Эви кивнула, с трудом удержавшись от комментария насчет привычки тети Эвелин захватывать территорию, потому что не желала снова приближаться к пропасти, от края которой они только что отошли, и повернулась к боковым полкам, где выстроился ряд коробок. Ни одна из них не была подписана.

– Ну вот, – сказала Эви. – Теперь придется притормозить.

Мин фыркнула.

В первой лежали разрозненные носки. Эви передала коробку Мин, которая отправила ее к груде мусора. Второй была синяя прочная коробка из магазина канцелярских принадлежностей «Мерримейд» в Бостоне. Внутри лежали листки для записок и конверты с синим тиснением «ОСТРОВ КРОКЕТТ», а также мужские часы с золотым ободком на круглом циферблате и изящными римскими цифрами. На крышке были выгравированы буквы «О.М.М., мл.» и дата, 1916. Нахлынули воспоминания. Эви взяла в руки коробку с часами и села на кровать. Вот дедушка смотрит на нее, сидящую рядом с ним на яхте. Ей шесть или семь, и он улыбается, поворачивая к ней длинную деревянную рукоятку румпеля.

Давай, поддразнивал он ее, *бери*.

И она взяла. Яхта дернулась и отклонилась в сторону. Ровнее, рассмеялся он. *Держи курс*. Его ладонь накрыла ее руку и повернула румпель, так что яхта снова поймала ветер, и Эви почувствовала упругую воду внизу, хватку прилива; рука бабушки была теплой, ремешок его часов врезался ей в кожу.

– Что там? – спросила Мин.

Эви достала часы.

– Часы Попса? А почему в коробке с конвертами?

Эви покачала головой и застегнула ремешок на запястье.

– Чтобы не потерять, – сказала она, покосившись на Мин.

Но Мин не смотрела. Она шла вдоль полки, доставая все, что не сложили в коробки, а бросили как попало. Еще несколько телефонных книг, два номера журнала «Таймс» конца семидесятых. Несколько кофейных чашек. Опять полотенца для рук. Эви встала, протянула руку за какой-то вещью, пропущенной Мин, потому что та закатилась в самый угол. Детская игрушка – маленький желтый автомобиль. Должно быть, кто-то из мальчиков сунул его туда, а потом забыл. Эви повернулась и показала игрушку Мин.

– Симпатичная. – Автомобиль не произвел впечатления на Мин. Она протянула Эви очередную коробку. – Посмотришь?

Эви взяла коробку. Села на одну из кроватей и принялась перебирать плотно спрессованные листки бумаги. Списки бабушкиным почерком, с аккуратно вычеркнутыми пунктами. Аннулированные чеки, датированные 1957 годом. Все не по порядку, но Эви к этому привыкла. Осадочные отложения жизни. Последние двадцать пять лет она провела в библиотеках и архивах, просеивая то, что осталось от жизни людей. В коробке соседствовали счета из сороковых и семидесятых годов. Две квитанции от лодочной мастерской Фоя Брауна за покраску «Кэтрин». Записка от миссис Пратт с вопросом про садовые ножницы. Списки. Еще счета. Еще квитанции. И во всем этом незримо присутствовала бабушка Ки – дух дома.

– Ты помнишь? – спросила Эви. – Правила?

Мин подняла голову, затем кивнула.

– Женщина должна оставаться стройной, прямой и подтянутой. Жир – признак плохого воспитания или распущенности. Чрезмерное

увлечение едой говорит о слабости ума, недостатке воли и отсутствии честолюбия. Это так же неприемлемо, как сладкий вермут...

– За исключением, разумеется, – прибавила Эви, – ресторанных критиков в «Нью-Йорк таймс» или другом *почтенном* издании...

– ...в каком случае тебе, бедняжке, приходится страдать, – закончила Мин. – Не следует обременять других своими печальями. Их следует держать при себе.

– Держать при себе, – кивнула Эви. – Это немного грустно, правда?

– Она была грустной.

– Разве?

– Да.

Мин резким движением сняла с полки следующую коробку, заглянула в нее и бросила в кучу на соседней кровати. Эви встала и заглянула внутрь – из чистого любопытства. Ручки для окон, огарки свечей и дырокол.

– Интересно, что это значит, – задумчиво произнесла она.

– Дырокол? – Тон Мин был скептическим.

– Зачем бабушка Ки его сохранила? – спросила Эви. – Должно быть, он что-то для нее значил.

– Или ничего не значил, – сказала Мин. – И откуда мы знаем, что его сохранила бабушка? Это могла быть моя мать. Или твоя.

Логично.

– По мне, так все это выглядит собранием случайных вещей, с которыми кто-то не знал, что делать.

– Я знаю. – Эви покачала головой. – Я провела жизнь в библиотеках, изучая артефакты, – искала остатки другой эпохи и исследовала их в поисках ответов. Без них жизни многих людей просто исчезли бы. Вещи *говорят*.

Мин прислонилась к двери шкафа.

– И что они тебе говорят? Подозреваю, совсем не то, что в них вкладывали.

– Полегче, – оцетинилась Эви, – это не точная проекция.

– Именно об этом я и говорю, – настаивала Мин. – Откуда мы знаем?

– А как *еще* нам узнать? – парировала Эви. – Сохранившиеся вещи очень важны. По ним я могу представить себе правдоподобное

прошрое.

– Правдоподобное прошрое, – тихо повторила Мин. – Звучит неплохо.

Эви закрыла коробку крышкой и положила на кровать к коробке с канцелярскими принадлежностями – сохранить. Но Мин еще не закончила.

– Знаешь, – сказала она, – я всю жизнь слушаю пациентов. И единственное, в чем я уверена, – *вещи* лгут.

– Нет, если знаешь, как их читать, – возразила Эви.

Мин закатила глаза, вернулась к полкам, взяла еще одну коробку и, уже шагнув к кровати с ненужными вещами, открыла крышку. И остановилась.

– Что там?

Мин села на кровать и вытащила из коробки письмо. Это было официальное письмо на плотной голубой бумаге, в таком же конверте.

– Послушай. – Мин держала письмо перед собой. – «Уважаемая госпожа, на ваш запрос сообщаем, что у нас нет записей о прибытии Вильгельма Хоффмана».

– Что это?

– Бабушке Ки.

– От кого?

– Оскар Шмидт, фонд помощи еврейским детям Германии, – прочла Мин.

– Когда?

Мин посмотрела на дату.

– 1960-й.

– Что за чертовщина? – Эви вскочила с кровати и подошла к Мин. Все конверты в коробке были одинаковой формы и размера, с иностранными почтовыми штемпелями. Всего их было больше тридцати. Эви быстро просмотрела их. Похоже, письма из агентств по оказанию помощи беженцам – за двадцать пять лет, с 1960 года до самой смерти бабушки.

Мин молча открыла другое письмо.

– «Мне очень жаль, мадам, но мы не нашли Вильгельма Хоффмана в наших документах. Вы можете обратиться в магистратуру Берлина».

«Нет, мадам», – было написано в третьем.

И в четвертом, за 1985 год. И в пятом, за 1977-й. Нет. 1980-й. Нет. 1986-й. Нет.

Эви посмотрела на Мин.

Кажется, это был подходящий момент, не лучше и не хуже любого другого.

– Уверена, что это ерунда, но я должна тебе кое-что рассказать.

– Давай.

– Пол обнаружил фотографию Попса в Берлине в 1935 году, на которой тот сидит в парке в окружении нацистов, на каком-то пикнике.

– В тридцать пятом?

– Ага. – Эви помолчала, глядя, как кузина обдумывает ее слова. – Ты что-нибудь понимаешь?

– Нет. – Мин покачала головой. – И, зная Попса, можно найти этому миллион объяснений.

Эви с облегчением кивнула:

– Так я и сказала.

– Тем не менее, – задумчиво сказала Мин, – почему после войны бабушка искала еврейского мальчика по имени Вильгельм Хоффман?

Они посмотрели друг на друга. Их окружали рассортированные обломки прошлого, память без голоса, немой язык вещей. Мин встала с кровати и подошла к окну в дальнем конце комнаты.

– Помнишь тот день, незадолго до смерти бабушки Ки, когда она говорила нам о двух моментах в жизни каждого человека, когда он стоит у дверей?

Эви кивнула.

– Один в начале.

– И один в середине.

Это было последнее лето бабушки. Они положили в гольф-кар подушки из «Кэтрин» и отвезли ее к дому, внесли через дверь во вторую гостиную, где стояла кровать, на которую дядя Дикки осторожно опустил ее. И она лежала там, перед открытыми окнами, выходящими на лужайку, – туманным утром и в солнечный полдень; хлопала, открываясь и закрываясь, сетчатая дверь, а по всему дому звучали их голоса, и они приходили посидеть рядом с ней. Однажды утром она позвала к себе кузин, указала на стулья в изножье кровати и рассказала об этих дверях.

– В последнее время я много об этом думала. Никогда не понимала, что бабушка имела в виду, но Юнг был убежден, что Герой – вовсе не молодой человек с мечом, завоевывающий неизвестные земли. – Мин умолкла. – Истинный Герой – это человек среднего возраста, который повернул назад, чтобы иметь возможность вернуться.

– Вернуться к чему?

– К своей жизни. Настоящей жизни.

– А что это такое?

– То, о чем я говорила раньше, – мягко ответила Мин. – Две женщины среднего возраста после ланча разбирают шкаф в семейном доме, готовясь к приезду арендатора.

Эви окинула взглядом комнату, по которой были разбросаны свидетельства жизни нескольких поколений.

– Вряд ли это назовешь героическим.

– Точно, – сухо согласилась Мин. – Но я знаю, что в среднем возрасте *все* птенцы возвращаются домой, чтобы свить гнездо.

– Да?

– Можно всю жизнь отпугивать их, запирает дверь, делать крышу слишком блестящей и скользкой, чтобы на нее нельзя было сесть, можно вырубить все деревья вокруг дома, не возвращаться домой, все время переезжать, чтобы они вас не нашли, можно продать дом. Можно делать это в двадцать, в тридцать и в сорок лет, а потом – *бац* – и тебе пятьдесят, и они уже здесь, и ты слышишь хлопанье их крыльев, их крики, тихий скрежет их когтей по своей крыше. Они садятся, устраиваются...

Эви улыбалась:

– И что ты делаешь?

– Берешь пращу, лук со стрелами и сбиваешь их, одного за другим. – Мин прищурилась на небо за чердачным окном. – А потом, – Мин улыбнулась, – ты убираешься оттуда *или* строишь новый дом.

– Серьезно, Мин? – Эви по-прежнему улыбалась.

– Дверь в середине, – задумчиво произнесла Мин. – Вот мы где.

Глава тридцать пятая

После ланча Редж вышел на лужайку вслед за остальными, без определенной цели, и пошел дальше, к маленькому кладбищу выше по склону. Он слышал, как Мосс играет на пианино в амбаре. И ему показалось, что из открытых окон доносятся женские голоса. Здесь, в окружении этих звуков, он был абсолютно один.

Самое красивое место на земле, как сказал ему Мосс в тот вечер в «Пятерке». И он был прав. Редж видел чистоту этого места – воздух, одиночные деревья, освещенная солнцем зелень и это синее-синее небо. *Боже*, подумал он.

И то утро, когда его пригласили в кабинет директора и сказали, что он поедет в Гарвард, когда слово «Гарвард» означало лишь «далеко» и это слово казалось куском, застрявшим в горле директора Эванса, который он не может проглотить, – то утро вернулось. Редж вспомнил огромное пространство гарвардского двора, которое ему предстояло пересечь одному, без Лена. Он вспомнил те дни в аудиториях, когда приходилось двумя руками держаться за скамью, чтобы побороть желание выбежать за дверь. Никто не знал, как к нему относиться. Однокурсник? Сосед по комнате? Это невозможно.

Теперь Редж смотрел, как Лен выходит из двери дома и решительным шагом направляется к пристани. Он видел, что мистер Милтон повернулся и заметил Лена, выходящего из лодочного сарая, и махнул ему, когда тот спускался по сходням. Через некоторое время они отчалили в одной из больших лодок; на буксире они тянули за собой другую – на якорную стоянку в бухте. Они вдвоем сидели на веслах, и Редж подумал, что Лен, возможно, так и не задаст вопрос, который привел его сюда. Когда он наблюдал за Леном на причале во время ланча, его не покидало ощущение, что он смотрит на человека, который так уверенно играет свою роль, что все сказанное им кажется высеченным в камне, словно строки, написанные мастером. Он завладевал вниманием всех присутствующих и, более того, вызывал явное восхищение мистера Милтона. Лен был лучшим в игре, которую Редж до этого момента не понимал. В игре, которую Лен хотел выиграть. И стать таким игроком, как Огден Милтон, – одним из

людей, которые держат на плечах этот мир. Это было заметно по его тону, по легкости и непринужденности манер, когда он в каждую комнату входил так, как будто она была его собственной. Лен говорил так, словно в его распоряжении была вечность. Хотя мир принадлежал мистеру Милтону, и Редж это знал.

Но сидя на причале рядом с миссис Милтон, Редж чувствовал, что ей не слишком нравится слушать Лена, и видел, что ее неприязнь к Лену усиливается. Хотя дело было не в *нем*, понимал Редж. Интересно, в чем?

Солнце палило нещадно, рассеивая туман, и видимость улучшилась. Теперь Редж мог разглядеть мистера Милтона и Лена в бухте.

Сунув руки в карманы, он двинулся вниз по склону.

– Куда вы, мистер Полинг? – окликнула его миссис Милтон, сидевшая на зеленой скамейке перед домом и обрезавшая стебли роз, лежавших у нее в корзине.

Редж остановился.

– Присядьте, – пригласила она его.

Он подошел и сел рядом с ней на скамью.

– Я слежу за Огденом, – она кивком указала на пристань, – и мистером Леви.

– Лен умеет управляться с веслами.

Миссис Милтон посмотрела на него, не меняя выражения лица.

– Расскажите, как вы подружились с мистером Леви.

– Мы знаем друг друга с третьего класса, – ответил Редж. – С Чикаго.

Взгляд Китти упал на вытянутые ноги Реджа, аккуратно скрещенные на уровне лодыжек.

Странное ощущение – просто молча сидеть рядом с ним, но никакой неловкости она не испытывала. Было бы неловко, если бы с ними был кто-то еще. Но этот мужчина сидел так же тихо, как она. Что тут такого, подумала она. Они могут поговорить. В конце концов, если никто не смотрит, черный мужчина и белая женщина могут поговорить.

Китти улыбнулась ему и снова перевела взгляд на лужайку.

– Смотрите, цапля, – тихо сказала она.

В просвете между деревьями на плоской скале, которую обнажил отлив, появилась птица, высокая, на прямых ногах, похожая на кузнечика. Появилась и замерла. В это мгновение она напоминала часового, стражника или какого-то воина. Напряженное внимание, ожидание невидимого знака.

Редж непроизвольно затаил дыхание.

А потом цапля улетела. Просто подняла крылья, взмахнула ими и оторвалась от земли. Редж проследил за ней взглядом до середины залива, где на фоне низкого неба медленно скользили рыбачьи лодки, казавшиеся игрушечными. Это был совсем чужой мир, звук которого приходил сюда, где он сидел с Китти, и приносил с собой все, что находилось за пределами этого острова.

– Однажды кто-то спросил меня, считаю ли я, что у каждого из нас есть история.

Редж посмотрел на нее:

– Одна история?

Она кивнула.

– И что вы ответили?

– Нет.

Редж кивнул:

– А теперь вы думаете, что эта одна история есть?

– Нет. – Китти повернулась к нему. – Например, я никогда бы не могла предсказать вас.

Серьезное выражение на его лице вдруг сменилось милой улыбкой, и он рассмеялся. Она улыбнулась ему в ответ, потом отвернулась.

– Так что здесь, – задумчиво произнесла она, – все не так сложно, как кажется.

Огден и мистер Леви поставили «Кэтрин» на якорную стоянку, и Лен спустился с носа яхты в лодку поменьше и сел рядом с Огденом.

– Или так просто, – прибавила она.

Редж не ответил.

Они сидели рядом: женщина, которую всю жизнь холили и лелеяли, которая ныряла с этих скал в холодное море и выходила на берег, смеясь и вытирая руки и ноги пушистым полотенцем, которая вместе с мужем после войны колесила по Европе, которая за столом поворачивалась к собеседнику, освещая его, словно лучом прожектора

– вот я, а вот вы; и стройный чернокожий мужчина, который ей сразу понравился, непринужденно сидевший подле нее, поставив ноги на нижнюю перекладину садовой скамьи.

Она чувствовала, что он не просто молча сидит, а напряженно думает, чувствовала, что его разум перебирает, просеивает мысли, и видела, что он приехал сюда без определенной цели, что он стоит на пороге чего-то важного и что он абсолютно и безнадежно одинок.

Китти смотрела, как Огден аккуратно подвел лодку к пристани, а мистер Леви спрыгнул на причал с фалом в руке. Скоро они пройдут через лодочный сарай и окажутся в том самом месте, внизу лужайки.

– Я бы могла спасти ребенка, – услышала она свой голос. – Еврейского.

Она чувствовала на себе его взгляд.

– Его мать попросила взять его на время войны.

Она не смотрела на Реджа. Не могла. Она должна была все сказать.

– И я отказалась.

Он отвернулся и посмотрел на лужайку.

Можно сказать: *это произошло здесь*, подумала она, но невозможно, совершенно невозможно объяснить как.

– И причина была *не в том*, что он еврей, – тихо сказала она. – Он был живым. Вы понимаете? В то время мне казалось непрослительным, что он живой. – Она замерла, уперев ладони в скамью.

– И что с ним случилось?

Она ответила не сразу.

– Не знаю. И наверное, никогда не узнаю.

Она сменила позу и повернулась к нему.

– И что мне с этим делать?

– *Делать?* – Он посмотрел ей в глаза. – А что тут можно сделать?

Они смотрели друг на друга. Потом Китти отвела взгляд.

Огден и мистер Леви остановились в дверях лодочного сарая. Они о чем-то говорили, повернувшись друг к другу.

Китти встала.

– Этот человек, – воскликнула она, – вечно занят *делами*.

– Боже, – выдохнул Редж, когда миссис Милтон пошла вниз по склону холма к Лену и мистеру Милтону. – Боже правый.

Глава тридцать шестая

Эви и Мин сидели рядом на зеленой скамье перед домом. Они перебрали содержимое каждой коробки, которую сняли с полок. Освобожденный от содержимого, шкаф издавал слабый запах соли и краски. Мышиный помет в глубине полок напоминал шоколадные крошки. Когда они закончили, три кровати были завалены ненужным хламом, который следовало отправить на помойку. День разлился по лужайке. Гнездо скопы на противоположном берегу пролива служило маяком для птенцов, которые кружили над ним, удаляясь все дальше и дальше, но каждый раз возвращаясь домой. Ветер переменялся, и соленый воздух теперь летел к ним, на вершину холма.

Из-за острова Дарби показалась моторная лодка, удалявшаяся от материка.

– К нам, что ли?

В неподвижных водах бухты лодка сбавила ход, ее нос опустился, и последние пятнадцать метров у якорной стоянки мотор работал на низких оборотах. Очевидно, управлявший лодкой человек знал свое дело.

– Похоже, – сказала Мин.

На носу лодки появился ребенок, девочка; она стояла у планшира с фалом в руке, готовая спрыгнуть на причал и пришвартоваться. Лодка прочертила на воде изящную дугу и подошла точно к краю причала. Кузины услышали глухой стук, когда ноги девочки коснулись деревянных досок, а затем короткий всхлип двигателя, включенного на реверс, после чего наступила тишина.

– Нужно спуститься.

Эви кивнула. Но они не двинулись с места. Ждали.

На освещенной солнцем траве перед лодочным сараем появился мужчина; вслед за ним вышла маленькая девочка и взяла его за руку. Он приветственно помахал кузинам и крикнул:

– Чарли Леви.

– Какого черта он тут делает? – пробормотала Эви.

– Думаю, хочет посмотреть дом.

– Но мы не готовы.

– Не нужно все портить, Эви. Мы проведем их по дому. А потом они уедут.

Неожиданно для себя Эви улыбнулась. Чувства Мин громоздились друг на друга, как стопки тарелок в кладовке.

– Ладно, – спокойно сказала она. – Не кипятись. Не собираюсь я ничего портить.

Мин вздохнула, и они пошли вниз.

– Должно быть, вы Милтоны, – сказал мужчина, протягивая руку.

– Совершенно верно, – подтвердила Эви.

– Чарли Леви.

Густые каштановые волосы, в которых пробивалась седина, внимательные глаза. Эви протянула ему руку. Держался он непринужденно. Штормовка, слегка свисающая с плеч, не слишком туго затянутый ремень брюк.

– Эви Милтон, – ответила она.

Затем он повернулся к Мин и поздоровался с ней.

– А это Поззи.

– Здравствуй, Поззи, – сказала Эви.

Девочка подняла на нее глаза и протянула руку. У нее было узкое лицо, тонкие прямые волосы, ниспадавшие на глаза и спускавшиеся ниже плеч, и выглядела она так, словно все детство провела в тайном убежище. У нее на шее на ленточке висел розовый электрический «поляроид». Под оценивающим взглядом Поззи, смотревшей на нее из-под челки, Эви растерянно пожала руку девочки.

– Мне неловко вот так являться без предупреждения, – сказал Леви. – Но Дик Шерман сказал, что вы здесь, и я подумал, что могу взглянуть на дом. Все обговорить.

Эви скрестила руки на груди.

– Мы приехали к Стинсонам на неделю, на Виналхейвен, – объяснил он. – Вы их знаете?

– Тот огромный новый дом на мысу?

– Точно, – кивнул он.

– Нет, – ответила Мин. – Но мы не могли не заметить, как он строится.

Все повернулись и медленно пошли к дому.

– Вы умеете управлять с лодкой, – отметила Эви.

– Я научился этому еще в детстве. Папина страсть. «Если хочешь победить в игре, – говорил он мне, – ты должен уметь ходить под парусом».

– В какой игре? – спросила Мин, останавливаясь перед домом.

– Ну... – Чарли оглянулся и окинул взглядом пристань, лодки, дом на холме. – Вот этой.

Он улыбнулся.

Эви покосилась на Мин.

– Миссис Милтон?

Эви и Мин повернулись к Позе. Та держала в руках фотоаппарат.

– Можно?

Ребенок нарушал все мыслимые правила. Нет, хотела ответить Эви, но Мин взяла ее под руку и ласково сказала Позе:

– Мы не миссис Милтон, но... давай, фотографируй.

– Только быстро, – прибавила Эви.

Пози кивнула и поднесла фотоаппарат к глазам.

– Папа, – потребовала она.

Мин с Эви посмотрели на Чарли, и он послушно шагнул в кадр.

– Ну вот, – сказала Мин, когда снимок был готов, и стала подниматься по гранитным ступеням. – Идите в дом.

– Гостиная. – Мин указала на крошечную комнату с четырьмя мягкими креслами по углам и круглым ковром в центре. – Дровяная печь отлично греет.

– Если только дерево сухое, – заметила Эви.

– Ну да, это очевидно. – Мин вскинула брови и посмотрела на Чарли, словно приглашая присоединиться к шутке.

– Всего не очевидно, – возразила Эви, уязвленная этим неожиданным альянсом, – но об этом нужно знать. Если дрова сырые, – сказала она, – комната мгновенно наполнится дымом, и придется...

– Ладно, Эви, все не так плохо.

Чарли Леви кивнул, протянул руку и обнял дочь, которая шла за ним.

– Понятно, – сказал он.

– Прошу нас извинить за обои, – послышался сзади голос Мин. – У нас не было времени до начала сезона выбрать и поклеить новые.

– А мне казалось, мы не собираемся их менять, – не удержалась Эви.

Мин открыла было рот, собираясь что-то сказать, но передумала и молча проскользнула мимо кухни в кладовую, где на открытых полках был аккуратно расставлен бабушкин веджвудский фарфор – полный комплект всех «домов» Гарвардского университета. Чарли взял в руки супницу и присвистнул.

– Моя бабушка не признавала повседневной посуды, – сказала Мин.

– Почему же?

– Потому что повседневность – это все, что у нас есть, – усмехнулась Эви.

– Это цитата из женского журнала?

– Из нашей бабушки, – ответила Мин. – Если вы не в состоянии как следует заботиться о самых красивых вещах, вы недостойны их иметь.

– Похоже на вызов.

– Наверное, так и есть, – согласилась Эви.

Она посмотрела на кухню, но Мин уже задвигала стопки тарелок глубже на полку, без особой нужды, словно кто-то мог их сбросить.

– Там кухня. – Эви указала через дверь на стулья вокруг стола, накрытого пропитанной парафином скатертью, на которой лежала раскрытая гостевая книга, и на выходящее во двор окно, из которого была видна сверкающая на солнце скала.

Этот человек был ненасытен и неотразим – задавал вопрос за вопросом, а дочь тенью следовала за ним. Кухни показали Чарли Леви весь Большой дом. Они заглянули в каждую комнату, поднялись на чердак, спустились на первый этаж, прошли через гостиную и переднюю, затем снова вышли через парадную дверь на лужайку. Его интерес был заразительным, и кухни становились все более многословными. Мин хвасталась, поняла Эви. И обнаружила, что ей все равно. Мин рассказала историю бабушки Ки и Попса – как в тридцатых они проплывали мимо острова и увидели объявление о продаже.

– Вероятно, за гроши, – присвистнул Чарли.

– Пятнадцать сотен, – ответила Эви.

Он восхищенно покачал головой.

– Должно быть, они были классными, ваши бабушка и дедушка.

– Несомненно, – сухо сказала Мин, глядя на Эви.

Они поднялись на вершину холма к амбару и остановились, переступив порог огромного помещения. Чарли рассматривал выцветшие занавески, прогнившие подоконники и потертый диван. Через большую трещину в задней стене в амбар проникал легкий ветерок. Леви молчал, предпочитая не делиться своими мыслями.

– Как правило, мы не любим лишних расходов, – заметила Эви.

Он кивнул и, скрестив руки на груди, поднял взгляд к высокой крыше амбара.

– В любом случае, – сказал Чарли, выходя вслед за Мин наружу, – это потрясающее место.

Он обернулся, подождал, пока Эви и Поза пройдут через раздвижную стеклянную дверь, и аккуратно закрыл ее. Поза побрела по траве назад к дому.

– На самом деле, – сказала Мин, – у нас небольшие материальные затруднения. Поэтому мы сдаем вам дом в аренду.

Леви резко повернулся и посмотрел на нее.

– Ничего подобного, – запротестовала Эви.

– Возможно, он уже знает, Эви.

– Тут нечего знать, – настаивала Эви.

– Послушайте, я не задумываясь готов купить у вас часть этого острова, – откровенно сказал Чарли.

Мин посмотрела ему в лицо.

– Я абсолютно серьезен.

– Но тогда вам придется делиться, – неуверенно поддела его Мин, взглянув на Эви.

– С другой семьей? – Чарли рассмеялся. – Ничего страшного.

Кузины молчали. Это было слишком похоже на серьезный разговор.

– Давайте не будем говорить о делах, – через минуту сказала Эви.

Он кивнул.

Втроем они стояли и смотрели на лодочный сарай у подножия холма и воду позади него, и Эви задумалась, что видит Чарли. Поле и белый дом, скалы, небо над головой – незатейливое королевство. Необремененное. Готовое перейти в его руки.

Впервые она представила себе это место без своей семьи.

Пози дошла до кухни и исчезла в доме. Дверь со стуком закрылась.

Чарли, Мин и Эви молча начали спускаться по склону холма к Большому дому.

Сетчатая дверь снова хлопнула.

– Папа?

Пози шла по тропинке к амбару им навстречу, явно взволнованная. В руке она держала гостевую книгу.

– Смотри, папа!

– Что это у тебя? – спросил отец.

– Книга! – крикнула она. – Она лежала там, на столе. Ведь это дедушка? – прищурившись, она смотрела на Чарли.

Эви и Мин остановились.

– Вы только посмотрите, – присвистнул Чарли, склонившись над книгой, потом оглянулся на Мин и Эви. – Значит, он был здесь.

На странице, которую раскрыла перед ними Пози, синей шариковой ручкой было написано: *Леонард Леви*, – с четкими «Л», отделенными от строчных букв, – и стояла дата: 25 августа 1959.

Эви смотрела на имя, пытаясь понять, что все это значит.

– Это ваш отец?

Вот они стоят тут, вчетвером, под лучами летнего солнца, уже клонившегося к закату. В руках девочки гостевая книга с записью, которую сделал ее дедушка шестьдесят лет назад. Силуэт крыши резко выделяется на фоне неба. Тогда крыша была той же, что и теперь, – арка истории, склонившаяся над ними.

В памяти всплыл один момент, много лет назад: она вошла в гостиную, чтобы выключить телевизор, Сет посмотрел на нее и спросил, имея в виду семью из сериала: «А они знают, что мы смотрим?»

Эви вздрогнула.

– Ваш дед дал моему отцу первую работу, – сказал Чарли.

– В «Милтон Хиггинсон»?

Чарли кивнул.

– Он называл это выпускным классом школы.

– Значит, ваше появление – не случайность.

– Случайность? – Чарли пристально посмотрел на Эви. – Никоим образом. Я приехал из-за обещания, которое дал отцу. Мне казалось,

Дик Шерман должен был это объяснить.

– Но вы удивились, увидев его имя в гостевой книге.

Чарли задумался.

– Перед смертью мой отец говорил странные вещи.

– Но как он здесь оказался? – спросила Мин. – Приехал на пикник?

– Понятия не имею, – пожал плечами Чарли. – Он был другом вашего дяди.

– Дяди Дикки?

– Нет, кажется, его не так звали.

– Дяди Мосса?

– Точно.

– Но он умер много лет назад, – сказала Эви, глядя на Мин.

– После вечеринки. – Чарли кивнул. – Отец мне рассказывал. Он говорил, что еврей тоже умер.

– Еврей?

– Так сказал папа.

– Какой еврей? – спросила Эви.

– Сомневаюсь, что это правда, – покачала головой Мин. – По крайней мере, мы ничего об этом не знаем. Бабушка Ки всегда говорила, что Мосс утонул, пытаюсь кого-то спасти.

– Кого? – спросил Чарли.

Эви посмотрела на Мин. Никто из них не смог получить у бабушки ответ на этот вопрос, хотя он прояснил бы историю дяди Мосса, о котором почти не упоминали. Бабушка Ки всегда ухитрялась отмахиваться от подробностей, словно от мух, не обращать внимания на детали, которые могли нарушить безмятежную поверхность момента.

Женщины проводили Чарли Леви и его дочь к лодке и стояли на причале, наблюдая, как он запрыгивает в лодку и заводит мотор, а Поззи отвязывает фал.

– Послушайте, – нерешительно сказал он. – Я должен вам кое-что передать.

– Я слушаю, – сказала Эви.

– Как я уже говорил, отец перед смертью рассказывал странные вещи. Он рассказал мне об острове. И об одном месте на этом острове. Он взял с меня обещание, что я найду это место...

Эви удивленно вскинула брови.

– «Найди это место, если сможешь, – говорил мне он. – А когда найдешь, положи туда вот это».

Он достал из кармана обыкновенную ложку.

Озадаченная, Эви переводила взгляд с него на ложку.

– Знаю. – Чарли был явно смущен. – Это безумие. Но теперь, когда мы точно знаем, что отец здесь был, я уверен, что он имел в виду те скалы в дальнем конце острова.

Эви посмотрела на Мин, но та недоуменно покачала головой. Эви охватило странное чувство, нечто вроде озноба, как будто на границе ее восприятия мелькало нечто такое, что можно увидеть только боковым зрением.

– Можете положить ее туда? – спросил Чарли. – Это же не моя земля.

– Конечно. – Эви взяла ложку. – Разумеется.

Он кивнул Позе, и девочка бросила фал в лодку и спрыгнула на нос.

Эви наклонилась и оттолкнула лодку от причала, в воды пролива.

– Возвращайтесь, – сказала она вслед медленно удалявшейся лодке. – Завтра или послезавтра. Пока вы еще здесь.

– Давайте, – улыбнулась Мин. – Приезжайте на чай. Мы достанем фарфоровый сервиз.

Чарли повернулся к ним:

– С удовольствием.

Он кивнул и помахал кузинам рукой.

Мин и Эви долго стояли на причале, наблюдая за тем, как лодка, набирая скорость, движется в сторону Виналхейвена и наконец исчезает за мысом. На опустевшей глади пролива одинокий гребец размахивал веслом, словно жонглер, и его каноэ удалялось в сторону горизонта.

– Думаешь, нам говорили правду о дяде Моссе?

Мин фыркнула.

– В нашей семье? Думаешь, нам хоть о чем-нибудь говорили правду?

Глава тридцать седьмая

Лен облокотился на деревянные перила пристани, смотрел вниз, на пустой, освещенный солнцем причал, и пытался осознать, что произошло. Мистер Милтон оставил его здесь и прошел через лодочный сарай, а затем направился к миссис Милтон, которая его окликнула. Лен не мог понять, что должен чувствовать, – он выпрямился, оттолкнувшись от перил, – или даже что чувствует теперь. Из-за края бухты показались Пратты, отец и сын; их гребные шлюпки легко скользили по воде.

Роджер Пратт так же легко направил шлюпку к причалу, а Дикки продолжал работать веслами, теперь описывая круги.

– Помочь? – крикнул Лен его отцу.

– Справлюсь, – ответил мистер Пратт. Они молча смотрели, как Дикки, прижав одно весло к корпусу шлюпки, работал другим, так что шлюпка быстро двигалась по кругу. Потом мистер Пратт, явно запыхавшийся, сел и продолжил наблюдать за сыном, который все еще описывал круги по глади бухты.

– Что сказал мистер Милтон?

Оглянувшись, Лен увидел идущего к нему Реджа и уныло покачал головой.

Редж встал рядом с ним у перил.

Полчаса назад, когда Лен прошел сквозь лодочный сарай и вышел на пристань, Огден Милтон стоял на краю причала и передавал весло Дикки, сидевшему в шлюпке. На воде, метрах в шести от них, Роджер Пратт медленно греб против приливного течения, и, хотя его весла скользили по поверхности воды, шлюпка казалась неподвижной.

– Не теряй времени, Пратт! – весело поддразнивал Огден. – А то ты и за час не обогнешь остров. Вот в чем разница между мужчинами и жителями Нью-Йорка.

Он оттолкнул шлюпку Дикки и выпрямился, уперев руки в бедра.

– Тогда без проблем, – крикнул в ответ Роджер Пратт, налегая на весла. – Потому что я из Коннектикута.

Его шлюпка стала удаляться от берега. Через несколько секунд его догнал Дикки, и отец с сыном синхронно поплыли к просвету в пелене тумана.

Огден усмехнулся, затем отвернулся и увидел Лена, стоящего на вершине холма.

– Леви! – Он улыбнулся. – Вы-то мне как раз и нужны. Потребуется еще одна пара рук.

Лен колебался:

– Зачем, сэр?

– Я хочу отвести «Кэтрин» от причала и поставить на внешнюю стоянку, а эти двое бросили меня, похваставшись, что за полчаса обойдут остров на веслах.

Он посмотрел на пролив, где исчезли две шлюпки, и ухмыльнулся:

– За полчаса им ни за что не успеть.

– А где стоянка?

Огден указал на самую середину пролива между Крокеттом и Виналхейвеном.

Похоже, Леви ничего не оставалось, кроме как прыгнуть на «Кэтрин» с буксирным тросом, который вручил ему мистер Милтон, закрепить его на носу яхты, а затем взять в руки длинное весло, чтобы отталкивать буи, пока моторная лодка медленно отходила от причала и тянула за собой «Кэтрин» в просвет в тумане.

Мистер Милтон не замедлял ход, безошибочно прокладывая путь через густой туман к белому понтону, который внезапно вынырнул перед ними из серой пелены. Лен наклонился и поймал кнехт, а затем привязал «Кэтрин»; Милтон заглушил мотор. Через несколько минут дело было сделано.

Когда они повернули назад, к пристани, туман начал рассеиваться и на фоне зеленой лужайки показался серый прямоугольник лодочного сарая. Лему показалось, что выше по склону он видит Реджа, сидящего рядом с миссис Милтон.

– Видите? – тихо спросил Огден.

Лен посмотрел на пожилого мужчину.

– Мое убежище, – сказал Огден. – И всегда им было.

Лен отвернулся и перевел взгляд на дом на холме. Убежище от чего? Он сглотнул.

Они молча причалили и привязали лодку.

– Сэр, – наконец решился Лен. – Что это?

Он достал из кармана два контракта и протянул Огдену, который удивленно посмотрел на него, развернул листы и опустил взгляд. Потом кивнул и снова поднял глаза на Лена:

– Неверное решение.

– Неверное решение. – Глаза Лена широко раскрылись от удивления. – В смысле инвестиций?

Мистер Милтон покачал головой:

– В целом, черт бы его побрал. Хотя дело было не в деньгах. – Он повернулся к Лену. – Для меня деньги и прибыль никогда не были главными.

– В таком случае что это было?

Огден нахмурился, хотя Лен и сделал ударение на слове «было». Теперь легко об этом рассуждать, легко видеть то, что – как ему кажется – видит этот молодой человек. Было бы неплохо видеть будущее, но мы, к сожалению, видим только настоящее, то, что нас окружает. Он видел Эльзу, видел Вальзера. Но не дальше. И в этом его можно винить. Но ни в чем другом.

– Порядок, – сухо ответил он. – Стабильность. Старые друзья.

Лен не отрывал от него взгляда.

Огден посмотрел ему в глаза:

– В конечном счете мы все потеряли. В сорок втором остались без штанов.

«А до этого?» – подумал Лен, глядя на своего босса. Все *предыдущие* годы, когда деньги текли рекой? Деньги, которые стоящий перед ним человек, похоже, не замечал и не считал. Деньги и сейчас окружали их в этом... убежище.

– Но до того это был правильный выбор?

Не отводя взгляда, Огден положил в карман листы контрактов. Было совершенно очевидно, что он понял вопрос Лена.

– И? – спросил Редж.

Лен повернулся к нему:

– Он мне не ответил.

– Ха.

Лен снова перевел взгляд на воду.

– И ты этим удовлетворился?

Лен молчал, и Редж понял, что это еще не все.

– А дальше?

– Он спросил меня, люблю ли я его дочь.

– Ха, – повторил Редж, уже тише. – Ты ее любишь?

Вдалеке лодка Дикки развернулась и уверенно направилась обратно к причалу.

– Да. – Лен кивнул. – Люблю.

Роджер Пратт вытащил свою шляпку на пристань и, казалось, заснул, согрившись на солнце.

– О чем вы говорили с миссис Милтон? – спросил Лен.

Редж покачал головой и присвистнул.

Лен посмотрел на него:

– Что?

– Ты ей не нравишься. И похоже, с этим ничего не поделаешь.

Лен выпрямился.

– Переживу, – сказал он, хотя взгляд, который бросила на него мать Джоан в передней, после ланча, был достаточно красноречив.

– Ты ей не нравишься, – повторил Редж.

– Вообще? – Лен отказывался принимать тон Реджа, просто отказывался. – Думаешь, это общее или что-то конкретное?

Редж не ответил. Тремя последними ударами весел Дикки направил шляпку к берегу, потом втянул весла, так что шляпка заскользила вдоль причала. Одним ловким движением он вскочил на причал, затем вытащил шляпку и поднял над головой, так что вода стекала с деревянных боков. Какая легкость и сила, подумал Редж, глядя, как Дикки опускает лодку на землю.

– А как насчет тебя? Ты ей нравишься? – спросил Лен.

– Я? – Редж с улыбкой покачал головой. – Я так далек, что кажусь близким.

Лен усмехнулся.

– Я бы так выразился, – сказал Редж. – Она терпит тебя. Правда, Дикки?

Дикки уже поднялся по сходням и теперь слушал, взявшись за калитку, ведущую на причал.

Лен повернул голову.

– Но тебе же я нравлюсь, Дикки?

– Конечно, нравишься. – Дикки открыл калитку и подошел к ним.
– Видишь, я же говорил, что у нашего Дикки нет предрассудков, – заметил Лен.

Дикки перевел взгляд с Лена на Реджа и покраснел.

– Послушайте, здесь вы ничего такого не увидите.

– Чего именно? – невозмутимо уточнил Редж.

Дикки упрямо смотрел ему в глаза.

– Готовы копать, парни?

Они оглянулись и увидели, что из лодочного сарая выходит мистер Милтон с двумя лопатами в руках.

– Вы нужны мне на площадке для пикника.

– Готовы. – Дикки шагнул вперед. – Готовы и ждем.

– Отлично. – Огден улыбнулся Дикки, который прошел через лодочный сарай и направился к дому.

– Идем, парни, – сказал Огден Лену и Реджу.

Лен посмотрел на Реджа и, ни слова не говоря, последовал за Огденом.

Время, казавшееся таким неторопливым, летело стрелой. Туман окончательно рассеялся, и день вступил в свои права. Сверкая синевой, он раскинул им навстречу свои объятия. За линией скал тянулась неподвижная гладь воды. Баклан отвесно нырнул за рыбой, невидимой стрелой обрушившись с неба. По ровной поверхности разошлись круги, как от бомбы.

К ужину ожидалось около шестидесяти гостей, и каждому был положен омар, так что две ямы для костра требовалось расширить и углубить, объяснил Огден, когда они шли к поляне на площадке для пикника.

– А если вы вдвоем выложите камни по краям, – сказал он Лену и Реджу, – мы быстро с этим закончим.

– Конечно, – кивнул Лен.

– Погода совсем наладилась, – удовлетворенно заметил Огден.

Дальний ряд елей, у самой кромки воды, требовалось подрезать, и Огден, вскинув на плечо садовые ножницы, исчез среди деревьев. Из-за мыса показался караван прогулочных судов, похожий на стрелу, выпущенную внезапным и ослепительным послеполуденным солнцем.

Огден взял свисающую ветку и срезал ее, а затем отступил в сторону, и она со стуком упала на усыпанную иглами землю.

Через какое-то время Огден поднял голову и увидел, что на поляне появился Мосс, который теперь держал в руке лопату и руководил процессом, показывая Дикки, как нужно расширить яму. Рядом с ним Лен и Редж вытаскивали камни и устанавливали на поросшей мхом земле по краю каждой новой ямы. Один из них что-то сказал, и Огден услышал смех Мосса. Этим троим хорошо вместе, с удовлетворением подумал он. Лен Леви и Мосс стояли спиной к нему, согнувшись над лопатами, а мистер Полинг между ними выпрямился во весь рост и смотрел в сторону воды – черный силуэт на фоне синего неба.

Огден снова перевел взгляд на Леви. Этот Лен Леви высадился здесь, на пристани, и согласно пророчеству Мосса это было добрым знаком. Может быть, именно об этом хотел сказать его сын вчера вечером своим непонятным тостом. *Бесконечное разнообразие*. Новые возможности? Да, – Огден повернулся, приставил ножницы к ближайшей ветке ели и срезал ее, – Мосс умеет предчувствовать будущее, о чем Огден даже не подозревал. Все продолжится. Это место будет жить. И хотя Леви вряд ли до конца понимал, что держит в руках вместе с контрактами Вальзера, Огден был уверен, что нейтрализовал парня. Мир не черно-белый. И он надеялся, что Леви научится это видеть. Огден снова поднял ножницы. Особенно если он любит Джоан; именно потому, что он любит Джоан. Огден срезал ветку. А она, подумал он, любит ли она его? Ветка упала на землю.

Через какое-то время Огден снова поднял голову и увидел Китти и девочек, которые шли к ним через лес со скатертями и ведерками роз в руках.

– Огден, – крикнула Китти. – Ты не поможешь Джоан?

Лен положил лопату и повернулся.

– Огден, – повторила Китти.

Тон, которым это было сказано, остановил Леви.

– Нам понадобятся дрова, Леви, и много, – сказал Огден, проходя мимо него. – Пожалуйста, возьмите ножницы и закончите обрезку веток там, с краю. Джоан, ты можешь пойти с ним и собирать ветки с земли.

– Конечно. – Лен взял у Огдена ножницы и улыбнулся Джоан, даже не пытаясь скрыть своих чувств. И эта откровенность и простота

его намерения, его желания поразила Джоан. Его было слишком много, он был слишком большим и не уместился в здешние рамки. Он этого видеть не мог, но это было так. И она показалась себе такой маленькой, а ее мечты о будущем для них двоих – такими ограниченными. *О боже*. Ему не нужно все это. Ему нужна только она. Девушка на скалах. Она шла рядом с ним между деревьев, прочь от остальных, и молчала, охваченная желанием и страхом.

– Вы сможете поддерживать тут огонь? – спросил Огден Реджа Полинга, комкая газету и подсовывая ее под три огромных полена в первой яме.

– Смогу, – кивнул Редж.

Огден задумался.

– Молодец. – Он похлопал Реджа по плечу. – Спасибо. Эвелин. – Он повернулся к дочери. – Ты отвечаешь за столы. Мы с матерью приготовим остальное.

Они с Китти пошли по тропе назад, к дому, чтобы встретить четырех девушек с Виналхейвена и помочь Джесси на кухне; в той же лодке прибыли джин, тоник и лайм.

– Как насчет поплавать? – спросил Мосс, подходя к Реджу. – Пойдем, совершим омовение.

Редж, стоявший у края ямы, взглянул на него. И надежда, которую он поймал на лице Мосса своим фотоаппаратом, – надежда, которую Редж страстно хотел увидеть, – ясно читалась на его лице.

Но как скрыть от Мосса то, о чем только что рассказала его мать?

– Ни за что. – Редж прищурился. – Во время ланча я сунул руку в воду. Она ледяная.

– Даже не окунешься?

Редж покачал головой.

– Дело твое. Идем, Дикки.

И они ушли вдвоем.

Эвелин молча слушала их разговор, расстилая скатерти на длинных столах и прижимая их кирпичами, которые они с Джоан когда-то обшили полосатыми чехлами и теперь использовали как стопоры для дверей, чтобы те не хлопали от ветра. Вскоре к ней присоединился Редж, принявшись раскладывать ножи и вилки. Она разгладила скатерть по всей длине стола, от одного конца до другого, и поставила в центр ведерко с розами.

На скалах Джоан с Леном стояли спиной к ним и смотрели на воду.

– Ничего не выйдет, вы должны это понимать, – тихо сказала Эвелин.

Редж положил ложку рядом с ножом, но ничего не ответил.

– Это невозможно, – прибавила она.

Эвелин смотрела на Реджа, но тот не поворачивался к ней; он не отрывал взгляда от Джоан и Лена, которые теперь склонились к земле и собирали ветки.

– Вы их видели? – спросил он. – Между ними нет ни дюйма воздуха, хоть они и стоят в пяти футах друг от друга.

– Она его любит, – голос Эвелин был печален. – Я вижу. Но она не может выйти за него.

Редж бросил на нее вопросительный взгляд:

– Разве это не ей решать?

– Конечно, – согласилась Эвелин. – И она решила. Она не выйдет замуж, потому что передаст это детям. Это было бы неправильно. Это было бы постыдно.

– Что передаст? – Редж выпрямился и посмотрел на нее. – В вашей сестре нет ничего постыдного.

– Конечно нет. – Эвелин прищурилась. – Моя сестра образец... благородства и доброты. Все дело в ее состоянии.

– Каком состоянии?

Эвелин поджала губы и ничего не ответила. Редж понял, что она будет до конца оберегать сестру.

Она опустила взгляд.

– Это не подходит Джоан. Ничего не выйдет. Такие вещи просто невозможны.

– Такие вещи? Какие именно?

– Ладно. – Она повернулась к собеседнику. – Он еврей.

Редж поразился, как буднично, как естественно прозвучали эти слова. Ни смущения, ни увиливания, ни притворства. Словно это само собой разумеется. Такова жизнь.

– Да, – ответил Редж.

– За евреев не выходят замуж.

– Я ему передам, – ровным голосом сказал Редж.

Эвелин кивнула.

И Редж увидел: она считает, что они договорились. Решение принято. Он вернулся от стола к костру, почему-то чувствуя облегчение. Ему даже захотелось поблагодарить младшую сестру. Эвелин продолжила накрывать на стол. Закончив, она пошла назад, в дом, чтобы переодеться к ужину.

Джоан и Лен возвращались, медленно приближаясь к нему, и Лен, увидев, что Редж смотрит на них, помахал приятелю рукой. Даже на таком расстоянии Редж узнал этот взгляд. Взгляд победителя. Лен неисправим – он всегда уверен, что одержал победу. Ему казалось, что раз он здесь, то дело в шляпе. Он прорвался. Ему казалось, что, если девушка хочет его – а она явно его хотела, – это значит, что она примет его предложение. Наблюдая за другом, Редж чувствовал себя старым как мир.

Глава тридцать восьмая

Лодки обогнули мыс и направились к ним, одна за другой; в косых лучах солнца виднелись стоящие вдоль планширов фигуры, которые приходили в движение по мере того, как сокращалось расстояние до острова. «Привет! Привет! – кричали они, подойдя ближе. – Привет!»

– Они здесь.

Эвелин сверкающей голубой молнией бросилась вниз, к пристани. За ней последовали Джоан с Анной. Джоан очень любила эти первые мгновения, когда могло произойти все что угодно, когда весь вечер был еще впереди, а солнце только начинало опускаться за холмы, и остров у нее за спиной постепенно темнел.

– Швартуйтесь здесь, – сказала она Фессенденам, которые точным маневром остановились рядом с другими лодками, привязанными гуськом, по четыре, нос к корме.

Они привезли с собой кузину с Юга, дебелую красотку с бледным лицом, длинными волосами цвета спелой пшеницы и широко раскрытыми глазами, словно ее только что ущипнули за мягкое место. Казалось, она ухватится за первого же мужчину, которого встретит, и больше не отпустит его. Для равновесия, подумала Джоан, улыбаясь ей.

– Привет.

– Ужас, как нас болтало. – Кузина Франни встала со скамьи на кокпите и выбралась из лодки.

Болтало? Джоан встретила взглядом с Моссом. Но тот был воплощением вежливости: помог девушке перешагнуть через планшир и подняться на причал рядом с ним.

– Надеюсь, тут будет много-много безумств, – прошептала она ему и повернулась к сходящим. Мосс с серьезным видом кивнул и подмигнул Джоан.

Пегги, Бэбс и Отси Мэтьюз сидели на носу лодки своего отца, Сая Мэтьюза. Он был сквернословом и хамом, но Огден терпел его, потому что тот разбирался в лодках и оказался полезным во время банковского кризиса тридцать второго, проявив удивительное чутье при смене финансовых ветров гораздо раньше всех остальных. Описав широкую

дугу вокруг остальных лодок, он выбрал последнее свободное место у причала.

– Мое пристанище, – заговорщически улыбнулся он Джоан, передавая ей носовой фал. – Чудесно выглядишь.

Следом за ним причалили Тини и Бинг Ламотт с сыном и новоиспеченной невесткой, в девичестве Ладлоу, из Нью-Йорка. Белокурая, стройная, с высокими скулами, она спрыгнула на причал с булинем в руке. При виде ее походки невольно представлялась ковровая дорожка, которую раскатывают перед ней, и горностаевая мантия, вьющаяся вокруг обтянутых сапожками ног. Мечи и хлысты. Охотничьи псы. Она снималась для журнала «Вог» и считалась воплощением рекламной красоты, хотя окончила частную школу для девочек «Брилли» и обладала острым умом. Ее звали Констанс.

Никто не сомневался, что из всех мыслимых претендентов жениться на ней мог только Эллиот Ламотт. Джоан слышала, что Эллиот сидел рядом с ней во время трансконтинентального перелета, и, как это случается между очень привлекательной женщиной и не менее привлекательным молодым человеком, у них завязалась беседа, причем остроумная.

Он расспрашивал ее, как она стала моделью и когда впервые поняла, чем хочет заниматься в жизни, а где-то посередине страны спросил:

«Интересно, о чем вы думаете, когда стоите там и ждете, пока защелкают камеры?»

Она повернулась к нему и надолго задержала на нем взгляд своих красивых глаз.

– Тик-так, – ответила она.

Тот факт, что он спросил, и тот факт, что она ответила, а также тот последний факт, что он смог понять остроумие ответа, помогли ему завоевать сердце Констанс Ладлоу.

– Эй, привет! – крикнула Китти, когда из лодочного сарая чередой вышли Райнлендеры, Кэботы и Лоуэллы. Казалось, весь Норт-Хейвен прибыл на одной лодке. Китти расцеловала их, а Огден, смеясь, повел всех по тропинке к площадке для пикников, где уже горели костры, а вокруг углей были разложены початки кукурузы, специально вымоченные в холодной воде.

Десять чанов с водой стояли на решетках, опиравшихся на камни по краям ям, внутри которых раньше яростно бушевал огонь, а теперь пылали раскаленные угли. Огден любил такие сложные задачи – сварить шестьдесят омаров для предвкушающих удовольствие гостей. Для того чтобы вода закипела, потребуется почти час, а чтобы поддерживать кипение, объяснил Огден, у каждой ямы должен дежурить один человек. Редж и Лен вызвались взяться за эту работу и стояли чуть в стороне от всех, а Дикки двинулся по кругу с бутылками и стопкой картонных стаканов – искуситель с джином. Эвелин и Джоан передавали тарелки с сыром и чатни на крекерах «Риц», а Мосс в своей полосатой куртке и бермудах, казалось, был вездесущ – дружелюбный и открытый, он обходил толпу, пожимая руки и приветствуя всех широкой улыбкой.

Мужчины в свитерах с небрежно подтянутыми рукавами играли в старинную игру, бросая подковы на песчаной площадке, и удары железных подков о колышки литаврами разносились в вечернем воздухе. Несколько женщин расположились на скалах вокруг Китти, вытянув из-под юбок свои длинные ноги.

Младшие члены семейства Филлмор-Бейкер привезли с собой бабушку Бейкер – она одной из первых покинула теплые воды залива Лонг-Айленд и убедила Филлмора-старшего перебраться сюда и построить огромный и немного вычурный дом на берегу пролива. Вслед за ними на берег высадились Чиверы, дальние родственники Трамбуллов, настоящие Чиверы, не имевшие отношения к писателю с такой же фамилией.

– Боже, какая толпа, – протянула миссис Чивер, целуя Огдена, и остановилась с краю. – Надеюсь, они все из наших? – спросила она и подмигнула.

– Разумеется. – Хозяин взял ее под локоть и повел к компании, собравшейся вокруг Китти.

– Привет! – закричали они. – Привет!

Несколько человек взяли свои напитки и разбрелись по тропинкам, ведущим от поляны в глубину острова. В просветах между деревьями мелькали, постепенно удаляясь, синий и желтый, лен и шелк. Сетку для омаров наполнили пивом и привязали к скале на краю выступа, и она покачивалась, охлаждаясь в воде.

Лен смотрел, как Китти отделяется от окружавшей ее группы женщин и отправляется на поиски Дикки с его бутылкой. Лен видел, что даже здесь, среди толпы, Китти притягивает к себе взгляд Огдена Милтона, словно точка схода в перспективе. Смутившись, он помешал угли, а затем поднял голову, пытаясь найти взглядом Джоан.

Та вместе с сестрой непринужденно порхала от одной группы гостей к другой, весело щебеча; разница между ними была очевидной. Лен обнаружил, что наслаждается этим контрастом. В отличие от сестры пламя Джоан горело не так ярко. Но в ней была чистая, искренняя вера в людей, доброта души. Хотя здесь, на острове, Джоан как бы уменьшилась. Она подчинялась этому месту, его ритуалам и привязанностям, холила и лелеяла его. Как и все остальные, подумал он. Это подходит для ученых и поэтов, людей, которые остаются на одном месте и проводят всю жизнь в размышлениях. И для Огдена Милтона, отражением которого было это место. Но не для него. Лен посмотрел на профиль Джоан, которая с улыбкой – неизменной улыбкой – кивала женщине в синем кардигане. Чувства переполняли его. Ему хотелось показать Джоан, как мало это место... и какой большой может стать она сама, могут стать они... вместе. Ему хотелось рассказать ей об этом, немедленно.

Он поднял голову и увидел, что Редж стоит у своего костра и смотрит на него – с бутылкой пива в руке и странным выражением на лице.

Редж взглянул на него, потом перевел взгляд на огонь.

– Что ты делаешь? – спросил Лен, подходя к нему.

– А ты как думаешь? – Редж говорил так тихо, что Лену пришлось наклониться к нему. Редж повернулся и посмотрел ему прямо в глаза.

– Знаю я тебя, – сказал Лен. – Ты что-то задумал.

Редж покачал головой, и они повернулись к остальным.

Дикки Пратт обходил очередной круг с бутылкой джина, и Лен подставил свой стакан. Дикки остановился. На мгновение Реджу показалось, что он не станет наливать. Но Дикки наполнил стакан, а затем второй рукой плеснул туда тоник.

– Послушайте. – Дикки задержался рядом с ними, переводя взгляд с Реджа на Лена. Его щеки залились румянцем. – Я хочу кое-что прояснить.

Редж сделал глоток пива, не сводя с него глаз.

– Не будем ходить вокруг да около: я не испытываю неприязни к евреям.

Лен молча смотрел на него.

– Мы работаем вместе, – с вызовом сказал Дикки. – И у меня много друзей евреев.

Лен кивнул и перевел взгляд на гостей.

– Знаешь, что сказал Отто Кан? – спросил он.

Дикки покачал головой.

– *Пархатый* – это еврейский джентльмен, который только что вышел из комнаты.

Дикки замер.

– Дикки? – Эвелин, появившаяся рядом с ним, не спускала глаз с Реджа. – Нам нужен джин. – Она потянула за собой Дикки, который ошарашенно молчал, не в силах сдвинуться с места.

– Пойдем, – тихо сказала она жениху.

Но Дикки стоял, качая головой и переводя взгляд с Лена на Реджа.

– Какого черта?

– Дикки.

– Вы-то двое на что злитесь? – взорвался он. – Ты, Леви, работаешь в «Милтон Хиггинсон», а ты... – он посмотрел на Реджа. – Ты закончил Гарвард. Вы должны быть на нашей стороне. Вы должны быть примером решения.

– Решения? – Редж присвистнул. – Какого? Окончательного?^[33]

– Редж, – выдохнул Лен.

– Полегче. – Дикки нахмурился. – Ты у нас в гостях.

– Совершенно верно. – Редж не отвел взгляда.

– Редж, – повторил Лен.

Прошло несколько секунд.

Дикки расслабился.

– Мне нечего стыдиться. – Он погрозил пальцем. – Совсем. – Обняв Эвелин, Дикки увел ее. Костер в яме вспыхнул с новой силой.

– Боже, – пробормотал Лен.

– Перестань, – сказал Редж. – Ты его слышал.

Лен глотнул из стаканчика.

– Дикки – аномалия.

– Господи, ты только послушай себя! – воскликнул Редж. – Из этого ничего не выйдет.

– Почему бы и нет?

Редж не ответил. Лен посмотрел на него. Его друг наклонился, взял из груды дров палку и сунул ее под решетку.

– Ты знаешь, что не выйдет. – Редж нахмурился. – Ты это знаешь, Лен. И совсем недавно был бы первым, кто на это указал.

Лен стиснул зубы.

– Плевать мне на них, Редж. Разве ты не видишь? Это все равно что размахивать руками, ничего не видя вокруг. Они глупы. Все это – он обвел взглядом игроков в подковы, азартно сражавшихся друг с другом, – ерунда.

– С каких это пор?

Лен пожал плечами.

– Ты околдован, – тихо сказал ему Редж.

Лен посмотрел на друга.

– А что, если и так?

– Все это тебе не нужно, Лен.

– Не нужно, – согласился Лен. – Мне нужна она.

Редж посмотрел на Лена, потом себе под ноги. На сердце было тяжело. Его друг – огромный упрямый бык, убежденный. Трещина между ними становилась шире. Он пнул ногой угли.

– Нужно убираться отсюда.

– Мы не можем уйти, и ты это знаешь.

– Почему?

– Ты не хуже меня знаешь почему.

– Мне хочется послушать, что скажешь ты, – ответил Редж.

– Да пошел ты, Редж. Не будь сукиным сыном.

Редж прижал картонный стаканчик к груди.

– Они красиво говорят. Но все это пустое.

– Она другая.

Редж покачал головой:

– Точно такая же. Посмотри на нее.

– Смотрю, – тихо сказал Лен. – Я все время на нее смотрю.

Из костра вылетела искра и упала в сухую траву. Редж затоптал ее.

– Ты ошибаешься, – продолжал Лен. – Ты думаешь, что прав, но ты ошибаешься.

Он отправился на поиски пива.

Реджу вдруг захотелось избавиться от всех, даже от Лена. Избавиться от их обещаний, от надежд и от руки, которую протягивают, не приглашая войти. Никакая опасность ему не грозила – все было сложнее, – но он стоял здесь, около костра, смотрел на плечи Лена, двигавшиеся в толпе, и чувствовал себя абсолютно и безнадежно одиноким.

– Редж Полинг? – послышался голос рядом с ним. Высокая женщина с большими зубами и веселыми глазами протягивала ему руку. – Я следила за вами с той минуты, как мы пришли, и сказала Гарри: это *должен* быть он.

Улыбающийся мужчина с растрепанными волосами и в красном галстуке-бабочке, стоявший рядом с ней, кивнул.

– Следует ли нам обижаться? – продолжала она. – Вы каждый год отклоняете наше приглашение, а теперь вы здесь.

– Да. – Редж наконец обрел дар речи и пожал ее руку. – Я здесь. Рад вас видеть, миссис Лоуэлл.

Наконец омаров извлекли из чанов и выложили на тарелки, а девушки принесли из Большого дома кастрюльки с растопленным маслом. Горячую кукурузу разложили по корзинам.

– Пора! – крикнул Огден.

– Идите! – пригласила всех Китти. – Берите по омару и занимайте места за столом.

Один огромный стол был сооружен из пяти амбарных дверей, положенных на козлы; скамьи вокруг него специально сколотили для праздника. Вазы с маргаритками и плодами шиповника, которые поставила Китти в центре стола, переносили очарование деревенского дома – белое изголовье кровати и коряги, граненое стекло и острые углы – сюда, на открытый воздух.

– Возьмите, – сказал Огден Лену, – вам понадобится вот это. – И вручил ему щипцы для омаров и картонную тарелку.

Неожиданно в очереди рядом с ним оказалась Джоан. Он мог бы обнять ее за плечи и притянуть к себе в этой сгущавшейся тьме. Если бы он мог, то посадил бы ее к себе на колени и крепко обнял за талию. Но ему все равно было бы мало. Ее теплое, живое тело, такое близкое, было для него сладкой пыткой. В это мгновение самым важным на

свете для него была эта девушка, эта невероятная девушка на этом острове.

Они молча двигались вместе к концу одного из длинных столов. Лен поставил на стол две свои тарелки и щипцы. Потом повернулся и взял приборы из ее рук.

Она села на скамью. Он опустился рядом. Никто из сидящих за столом не обращал на них внимания. От красных панцирей поднимался пар. Гости набрасывались на горячих омаров и разделявали их, искусно обходя острые клешни и края панцирей. Лен задумчиво разглядывал омара у себя на тарелке.

– Предупреждаю, это грязное занятие. – Джоан взяла щипцы и начала с хвоста, резко повернув его, чтобы разорвать связки, а затем отделила его от тела. Зеленая желчь вылилась на тарелку. Джоан аккуратно отложила хвост, а потом таким же резким движением оторвала клешню. Ее руки были забрызганы слизью и соком.

– Некоторые люди грызут и обсасывают ноги, – серьезно сказала она, указывая на пятнадцать отходящих от туловища тонких отростков. – Я не люблю.

– Вот как? – так же серьезно ответил он и был вознагражден быстрым взглядом.

– Джоан, дорогая, передай, пожалуйста, щипцы, – попросила миссис Гулд, сидевшая по другую сторону стола.

– Пожалуйста. – Лен передал щипцы поверх кучи панцирей, горкой лежащих посередине.

– Привет, – сказала миссис Гулд. – Вы кто?

– Это Лен Леви, миссис Гулд.

– Ага. – Пожилая женщина кивнула и оценивающим взглядом окинула его тарелку. – Это ваш первый омар, молодой человек?

– Совершенно верно, – ответил он, взял в руки омара и резко повернул.

Ага! – Джоан словно услышала непроизнесенную реплику миссис Гулд. Но Лему, похоже, было плевать. Он несколько не стеснялся, что не умеет есть омаров, и не стеснялся в этом признаться. Джоан опустила взгляд в свою тарелку. Это лишь усиливало его очарование.

Он окунул кусочек в кастрюльку с маслом, стоявшую между ними, и отправил в рот.

Миссис Гулд ждала. Он проглотил, посмотрел на нее и широко улыбнулся.

– Очень хорошо. – Пожилая женщина энергично кивнула и повернулась к соседу по столу.

Джоан и Лен ели молча. Через какое-то время он протянул руку к бутылке вина в центре стола, наполнил бокал Джоан, потом свой. Положив ладонь на стол и склонив голову, чтобы поймать капли масла, стекавшего с кусочка омара, он отправил его в рот.

Легкий ветерок с воды, шевеливший траву, пикник на скалах, смех, знакомая компания, Лен рядом с ней – все это переполняло ее. Жидкое золото, отражавшееся от воды прямо перед ней, перекликалось с блеклым золотом летнего луга за спиной, в сумеречном воздухе мелькали ласточки и чайки. Джоан могла закрыть глаза и представить все, что ее окружало, – это было как песня.

– Из меня вышла бы хорошая монашка, – задумчиво сказала она, и ее глаза лукаво блеснули.

– Сомневаюсь.

– Я хотела бы видеть здесь все четыре времени года. Хотела бы жить тут круглый год.

– Почему?

– Ну... посмотри вокруг. Это рай.

Он вытер руки и окинул взглядом людей за столом.

– Но все это не настоящее. Жизнь не здесь.

– Очень даже настоящее. – Джоан повернулась и посмотрела на него. Лен не отвел взгляда.

– И здесь нет ни единого удобного кресла, – небрежно бросил он.

Боже, подумала Джоан. Как она его любит. Она смотрела на его ладонь на столе и с болью в сердце осознавала, что она может любить этого мужчину, но он никогда не будет принадлежать ей; это невозможно. Он смотрел вокруг этим своим взглядом, оценивающим и нетерпеливым... и невидящим. Этот взгляд принадлежал другому миру, за пределами этого. Лен походил на мистера Росса, даже на Мосса – готовый рушить деревья на своем пути и ведущий нас всех вперед, в какое-то новое место. Хотя ей достаточно и этого. Более чем достаточно. Она встала и взяла тарелки, его и свою.

Солнце начало опускаться в море.

Люди приходят к Милтонам, размышляла Салли Лоуэлл, а затем уходят чуть более свободными и влюбленными. Взгляд ее карих глаз остановился на муже, который сидел по другую руку от удивительного мистера Полинга. Она не слышала, о чем мужчины говорили, но судя по их серьезным лицам, о политике. Она устала от политики. Ее взгляд скользнул по всем гостям. Милтоны умели устраивать вечеринки. Китти будила в мужчинах чувство гордости, а в женщинах – понимание. Огден демонстрировал, как им повезло, *чертовски* повезло жить! У нее была отцовская привычка к энергичным выражениям – *чертовски* хороший, *чертовски* везучий, *чертовски* трудный. Отец умер много лет назад, но Салли до сих пор скучала по нему. Вечеринка набирала обороты.

Может, в этом и был смысл?

Так думал и Роджер Прагт, сидевший в углу большого стола, слегка пьяный. Разве не для этого все делалось? Гротон, Сент-Пол, Фармингтон... все они были посеяны и возвращены на одной почве, и вот они здесь, эти распустившиеся цветы... смех, кивки, блеск глаз. В общих взглядах нет ничего плохого. Можно быть уверенным, что все здесь будут вести себя так, как их воспитывали. Порядочность. Доброта. Забота о других. И эти качества усиливаются – ведь ты получаешь обратно то, что даешь другим.

Увидев еврея, который встал в противоположном конце стола с бокалом в руке, Прагт задумался. Возможно, он хороший парень. Но в том-то и беда. На это нельзя рассчитывать. Нельзя надеяться, что такой человек будет поступать так же, как они. У них общие правила поведения, общий дух, черт бы его побрал, общая точка зрения. Нельзя быть уверенным, что он будет вести себя так, как должно, или даже так, как от него ждут. Он непредсказуем.

После омаров атмосфера стала более непринужденной; зажгли свечи, хотя над холмами на противоположном берегу залива небо оставалось светлым.

– Альдо, – окликнула Китти мистера Уэлда с другого края стола, – спойте нам.

– Что предпочитаете?

– «Если бы он мог сражаться...» – пропела она и умолкла, глядя на него.

– Хорошо. – Уэлд кивнул. – Эй, парни! – крикнул он. – Вставайте, кто будет петь.

Мужчины разных возрастов встали из-за стола и образовали полукруг перед кострами. Мистер Уэлд, который был запевалой мужского хора в Йеле, достал духовой камертон, выдул первую ноту песни, запоминая ее, и пошел к мужчинам, собравшимся позади него. Дикки встал рядом с отцом; к ним присоединились Огден и Мосс. По другую сторону от Мосса стоял Фенно. Здесь были Эллиот Ламотт и Сай Мэтьюз, а также самый младший Райнлендер, который пел в Гарварде и был настоящим шалопаем, хотя собирался попробовать свои силы в политике. У него всегда был ангельский голос.

Остальные гости притихли и повернулись к певцам. Джоан сидела на скамье рядом с матерью. Оттуда она не видела Лена, затерявшегося в толпе.

Выстроившись полукругом, мужчины слегка придвинулись друг к другу и смотрели на Альдо, ожидая сигнала.

Он поднял руку, раскрыл рот и легким, но сильным тенором повел за собой хор.

– Если бы он мог сражаться так, как может любить, – подхватили Огден, Фенно, Дикки, Мосс и Эллиот, и звуки песни взвились в небо. – О, каким бы солдатом он был.

Затем Мосс легкой походкой танцора вышел вперед, к гостям, и повел сольную партию, подчеркивая не столько слова, сколько прелесть мелодии, взбиравшейся вверх по лестнице из нот и разворачивавшейся во второй строке. Его голос, на тон выше, чем голоса мужчин за его спиной, передавал тоску девушки по возлюбленному, а когда он снова занял место в полукруге певцов, каждый из них точно знал, что должен делать, и им не требовалось смотреть друг на друга, когда единый и стройный хор подхватил его соло, пропев последние строки песни.

*И если он сражается так, как может любить,
Германия спит спокойно...*

Финальная нота растворилась во тьме, и Китти со своего места на скамье видела, как мужчины напряглись на последнем звуке, а затем расслабились в наступившей тишине, внезапной и суровой. Именно они унаследовали эту землю, подумала Китти; от них исходило ощущение основательности, гранитной твердости, уверенности и силы. Мир давно принадлежит им, и это данность. Они примут его и сохранят – этот мир, эту мечту. Все молчали и не шевелились. Мелодия словно объединила их. Затем мужчины улыбнулись.

Альдо снова достал из кармана куртки духовой камертон, дунул в него и посмотрел на Дикки. Тот кивнул, вышел вперед, раскинул руки и, направив свой роскошный, мягкий тенор прямо на Эвелин, вывел первую строку песни:

– Я буду готов, когда будешь готова ты...

Она покраснела, но гордо вскинула голову и не отвела взгляда.

– Ты можешь положиться на меня, – пел он, *– когда будешь готова идти.*

Улыбнувшись, он отступил назад к остальным. Но песня ширилась – семь голосов присоединились к голосу Дикки, и все мужчины слегка наклонились вперед, словно для того, чтобы уловить напряжение другого голоса, подхватить его и выразить в песне.

Стоя рядом с Реджем, Лен наблюдал за женщинами, сидевшими на скамье по ту сторону костра. Миссис Милтон смотрела в сторону воды. Пратты, мать и дочь, склонились друг к другу. Эвелин напряженно выпрямилась. И только Джоан закрыла глаза и склонила набок темноволосую голову, как будто к чему-то прислушивалась. Более того – к чему-то, что слышала только она. Но что именно? Он смотрел на нее, погруженную в себя и какую-то безмятежную. Лен нахмурился. Безмятежную?

Отвернувшись, он увидел, как Мосс выходит в центр круга, чтобы вновь исполнить соло. Голоса мужчин за его спиной теперь звучали тише, так, чтобы все сидевшие на скалах слышали одинокий дискант Мосса, взлетающий к небу. Он был очень хорош, а его голос был звучным и мелодичным – и легким. Очень легким.

Редж смотрел, как светится лицо Мосса, когда тот поет. Как музыка наполняет его, как Мосс всем своим существом верит в каждую ноту, которая слетает с его губ, одна за одной, словно мир можно построить из воздуха и звука. Как будто проблемы этого мира

могут решить эти люди, которые, выстроившись тесным полукругом и наклонившись вперед, выводят ноты, взвывающиеся в вечернее небо. Редж знал, что это мечта Мосса. И вспоминал тот давний вечер, когда он застал Мосса, поющего такую же песню, посылающего в небо ноту за нотой и верящего, что этого достаточно. Но эти ноты, даже самые сокровенные, не отражали жизнь самого Реджа или его родителей.

Он стоял здесь, на острове в водах Атлантики, в окружении цвета общества, людей, которые управляли и будут управлять этой страной, которые никогда не поднимут на него руку, но могут изменить законы, если поймут. А они не поймут. Редж слышал это в пении Мосса. Тот пел так, словно мог открыть ворота мира, всем сердцем верил, что сможет это сделать. Но здесь, на острове, любезность, с которой обращались с Реджем, и подчеркнутое внимание к нему были лишь обратной стороной ненавидящего взгляда, тычка под ребра или удара кнутом. Оба этих лика были обращены к чернокожему, как к стене, которую нужно преодолеть или снести. И на этих лицах всегда мелькало опасение, которое тут же сменялось гневом или вежливостью. Словно они говорили: *А, опять ты.*

Именно это он хотел разрушить. Именно поэтому, как ему казалось, он приехал сюда. Это путешествие в рыбацкой лодке они отчасти совершили именно для того, чтобы услышать то, о чем не говорят вслух, и заставить Мосса это увидеть. Заставить Мосса понять. Но, сидя здесь, около костра и слушая пение Мосса, он чувствовал всю бесполезность своей затеи. Недостаточно просто увидеть, недостаточно просто сказать – и даже сделать. Редж мог доказать это Моссу – и Лену, подумал он, видя, как Лен беспокойно переступает с ноги на ногу рядом с ним, – и это принесло бы удовлетворение, но мало радости.

Радости? Он встретился взглядом с миссис Милтон.

Несколько мгновений они смотрели друг другу в глаза, потом она кивнула ему и отвернулась.

Редж вздрогнул. Возможно, она худшая из всех.

Дикки снова вышел вперед, снова простер руки и исполнил соло последний куплет, до самого конца, когда он набрал в грудь воздух для последней строки, чтобы его голос перекрывал мужские голоса за его спиной, сливающиеся в один стройный аккорд.

– Я готов идти.

Его голос прорезал тишину вечера, ясный и чистый, как клятва, которую он принесет месяц спустя в белой церкви в Ойстер-Бэй, как обещание. Я готов идти.

Эвелин смотрела ему в глаза. А когда стихла последняя нота, она встала и бросилась в его объятия. Присутствующие, радуясь этому открытому проявлению любви с обеих сторон – высокий и сильный певец и хрупкая девушка в синем шелке обнимали друг друга, – захлопали в ладоши и одобрительно загудели.

Растроганный, Огден вышел вперед и поднял бокал:

– В молодости мы видим во сне предметы своих желаний.

Все повернулись к нему и притихли.

– Двадцать пять лет назад, когда Данк и Присс Хотон и мы с Китти приплыли в эту бухту и увидели на пристани объявление о продаже, мне больше всего в жизни хотелось иметь эту скалу посреди океана... за исключением, возможно, – Огден улыбнулся Китти, – моей жены.

Вокруг него распустились лепестки смеха. В небе медленно всходила луна.

– Чуть позже, в середине жизни, ты обнаруживаешь, что видишь во сне то, что у тебя *есть*. Ты оглядываешься и видишь своих детей, свой дом. – Он кивнул Эвелин и Джоан, сидевшим перед ним, потом оглянулся на Мосса. – А старикам, – медленно продолжал он, – снятся сны о том, что мы потеряем.

Огден улыбнулся и обвел взглядом всю компанию.

– Но сегодня я вижу, что ничего не потеряю. Сегодня мне кажется, что на этих скалах всегда будут устраивать вечеринки. Мы всегда будем здесь, всегда будем вместе. Этот вечер продолжится. И... – Он усмехнулся и снова повернулся к Моссу, подняв бокал. – Мосс об этом позаботится. Подхватит знамя.

Мосс широко улыбнулся отцу и, понимая, что от него требуется, поклонился – как будто взял корону, переданную ему вместе со словами отца, и возложил себе на голову.

– Мне, – Огден снова повернулся к гостям, – очень повезло стареть вместе с моими снами – о желаниях, о том, что у меня есть, и теперь о том, что я не потеряю, а передам дальше. И все потому, что тридцать один год назад я выбрал Китти. Все вы знаете, что главное в жизни – выбор спутника. Если вы остановите свой выбор на

правильной девушке, вам не придется оглядываться назад. В жизни мужчины нет ничего важнее женщины, которую он выбрал. Послушай, Дикки. – Огден протянул руку и вывел вперед будущего зятя. – Честно говоря, даже с учетом требуемой скромности... – он умолк и вскинул бровь, вызвав очередной взрыв смеха, – ты сделал хороший выбор.

Он поднял бокал:

– За Дикки и Эвелин.

– Ура, ура! Дикки и Эвелин! – Вверх взметнулись бокалы, стаканы и бутылки.

Джоан вместе со всеми подняла свой бокал, растянув губы в улыбке. Мосс будет хранителем острова. Эвелин удачно выйдет замуж. Дикки сделал правильный выбор. Отец не хотел оставить ее за бортом, она в этом уверена. Но где здесь ее место? Почему хранителями острова не могут быть все? Почему не она? Джоан попыталась найти в толпе Лена, но не смогла и встретилась взглядом с Моссом. Он выглядел несчастным. Растерянным.

– Внимание! – Эвелин хлопнула в ладоши и потянула Дикки за руку. – Все в амбар.

– Вашу руку, Мосс Милтон, – сказала миссис Чивер, появляясь рядом с Моссом. – Если я упаду, то больше не встану, – призналась она и взяла его под руку.

– Я в полном вашем распоряжении, – любезно ответил Мосс, выпрямляясь.

После тоста гости, почувствовав себя свободнее, устремились вверх по склону холма к амбару; они захватили с собой бутылки, банки, стулья из столовой и даже маленький диван из передней. Готовясь к вечеринке, Огден купил два новых пластиковых термоконтейнера «Коулмен» в дополнение к двум оцинкованным, которые служили им много лет, и поставил на камнях рядом с амбаром. Все было продумано, и все было возможно. Дорогу показывал Мосс, а Эвелин, казалось, успевала везде – ее синяя с белым юбка, льнувшая к ногам, так и мелькала в толпе. Дикки следовал за ней, безупречный, вежливый и ловкий, с двумя стульями в руках.

– Божественно! – воскликнул Отси Мэтьюз, переступив порог.

Вдоль стен на гвоздях, вбитых в балки, висели керосиновые лампы, и Эвелин с сестрами Мэтьюз обошли амбар, зажигая их. Мосс

сел за пианино, коснулся пальцами клавиш и замер, не желая нарушать тишину, растягивая сладостную паузу перед первой нотой.

– Мосс! – взмолилась Эвелин.

– Да, хорошо. – Он улыбнулся и начал с регтайма Джоплина, выстрелив быстрыми и яростными нотами; от него словно расходились волны дружелюбия и веселья.

На пороге появился Альдо Уэлд вместе с Огденом и Китти, за ними Прагты, потом Ламотты и Гулды, и амбар начал наполняться гостями. Мосс услышал, что с увеличением числа людей акустика помещения слегка изменилась.

– Командуй, Альдо! – крикнула Китти. И Альдо не заставил себя ждать.

– Выбираем партнера для танцев. Начинаем, – объявил он и кивнул Моссу, который тут же переключился на «Индейку в соломе», и гости разбились на пары, а затем на четверки и пустились в пляс. Сильный, раскатистый голос Альдо Уэлда объявлял фигуры: сначала направо, потом налево, потом до-си-до и поворот.

Кадриль была в самом разгаре, когда в амбаре появились Джоан и Анна; увидев разгоряченные лица танцующих, они замерли на пороге, нерешительно улыбаясь.

– Давайте! – крикнул им Альдо. – Идите в круг. Вас как раз четверо.

Джоан почувствовала на своем запястье руку Лена, который вел ее на свободное место с краю; оглянувшись, она увидела, что за ними идут Анна и Редж.

– Еще две пары? Еще две?

К танцующим присоединились Фенно Уэлд с Бэбс Мэтьюз и Мейзи Каннингем со своим братом Биллом. Времени на раздумья не было. Рука Лена обняла Джоан, и они пошли в такт музыки Мосса; все внимание Джоан сосредоточилось на сильных пальцах у нее на талии – они не просто лежали там, а крепко держали ее. Она не осмелилась посмотреть на него. Мелодия совершала круг за кругом, и в танец вступила первая пара, вторая, третья, потом они поменялись партнерами, и Джоан перешла от Лена к Биллу, затем к Реджу, который держался от нее на некотором расстоянии, не прижимая к себе. Не было никакой возможности заговорить с ним или даже обменяться взглядами – и вот она уже в паре с Фенно.

Фенно вел ее не так, как трое других. Он был великолепным танцором, стройным и гибким, а его высокий рост компенсировался изящными движениями; его ладонь на талии Джоан была обходительной, но твердой. Они много раз танцевали вместе, о чем ей и напомнила его рука. Она залилась румянцем.

Затем объявили последнюю фигуру танца, когда девушки, сменив по очереди всех партнеров, должны были вернуться к первому. Джоан, кружась, перешла от Фенно к Лену и на этот раз подняла на него взгляд. Музыка смолкла.

Он притянул ее к себе, и она прижалась к нему грудью и бедром. Кровь хлынула к лицу, и Джоан быстро опустила взгляд.

– Вы позволите? – Ладонь Фенно лежала на ее локте, но обращался он к Лену.

– Конечно, – ответил Лен и отпустил ее.

Фенно закружил Джоан в вирджинской кадрили. Она не посмотрела, куда направился Лен, но на одном из поворотов заметила его фигуру, возвышавшуюся над толпой, – он пробирался к Моссу, рядом с которым стоял Редж, наблюдая за танцем. Мосс поднял голову и посмотрел на Реджа, словно желая убедиться, что тот все еще здесь. Они не разговаривали. А потом музыка поглотила и закружила их всех.

Во время третьего танца Китти вышла наружу, за периметр света из окон. Она сделала несколько шагов в темноте и обернулась. В широких дверях амбара появлялись и исчезали кружащиеся пары. Мосс был в ударе, звуки пианино разлетались по огромному помещению, вибрировали между танцующими парами, опускались на волосы девушек и плечи мужчин. Этот вечер запомнят все; даже отсюда, из темноты, она видела, что этот вечер, искрящийся весельем, волнующий, выделяется на фоне обычных дней: *Мы были здесь*. Они с Огденом подарили всем этот праздник. Огден произнес замечательный тост. Сказал именно то, что требовалось. Китти подняла голову и посмотрела на темный купол неба, ожидая, когда изменится узор на нем. *Мы теперь здесь*, поправила она себя. Край неба прочертила падающая звезда.

Китти проследила, как яркая точка исчезает за крышей амбара, а затем ее взгляд упал на массивную фигуру мужчины; он стоял в дверях, не танцевал. Леонард Леви. Она знала, что это он, хотя не

могла видеть его лицо. Он был самым большим. Больше и громче, чем кто-либо другой. Не просто высоким. Фенно Уэлд был высоким, но тонким, словно насекомое; его длинные ноги и слегка сутулые плечи делали его похожим на священника в сюртуке. Нет, этот мужчина был массивным, с широкой грудью и сильными ногами. Такого мужчину можно представить с топором в лесу, в шахте или с гаечным ключом под раковиной, но не на светской вечеринке. В любом случае не на этой вечеринке. Китти отвернулась, плотнее запахнула куртку и стала высматривать Огдена.

В проеме двери появились танцующие Пратты и Райнлендеры – они брались за руки, потом расцеплялись. Китти не думала о них. Она вообще не имела привычки размышлять о браке других людей, то есть о том, счастливый он или нет. Счастье – это для тех, кто довольствуется малым. Ее всегда привлекала идея, что жизнь может протянуться дальше, как пальцы на ладони, и схватить что-то важное. Именно этого хотел для нее Огден. Счастье – это действительно мелочь по сравнению с моментами спокойного удовлетворения – которое она остро ощутила только что, здесь, в темноте – от хорошо сделанного дела.

Они были такими красивыми, эти мальчики и девочки. Такими красивыми и не имеющими представления почему. Весь день она наблюдала. Весь день она смотрела на детей и их друзей – хотя они уже не дети, им за двадцать, а у нее самой в этом возрасте уже был Мосс, – и грустила. Они состарятся. Утратят свою красоту. Потому что красота, в сущности, и есть молодость. Эвелин повернула свое милое лицо к Дикки, и ее глаза светятся любовью. Глядя на Эвелин, невольно думаешь: вот она, надежда для всех нас. Именно поэтому такая красота присутствует в мире. Она заставляет поверить, хотя бы на мгновение, в нашу силу. В то, что все продолжится.

Но есть еще и Джоан, такая непохожая на всех. Китти бросила сигарету на землю и затоптала ее; найдя взглядом Джоан, она почувствовала беспокойство. Дочь стояла чуть в стороне от танцующих, совершенно неподвижно, и это был тревожный признак. Она не видела лица Джоан, только эту напряженную скованность и неподвижный, как камень, взгляд. Отсюда это казалось началом приступа. Кто-то еще видит, что девушка замерла, не обращая внимания на окружавшее ее веселье? Китти медленно двинулась к

амбару, вынырнула из темноты и пошла к дочери, желая каким-то образом закрыть ее, сделать невидимой. Желая помочь ей незаметно уйти, чтобы не поставить себя в неловкое положение.

Лен Леви тоже видел. Китти остановилась на пороге амбара, охваченная дурными предчувствиями. Он опередит ее. Настойчивость, с которой он добивался ее дочери, должна была успокоить ее; он хочет Джоан, это было видно даже отсюда. Жизнь с ним будет означать, что Джоан навсегда останется «девушкой, которая вышла замуж за еврея». Это слишком тяжело. Но еще тяжелее будет перенести, подумала Китти, если еврей откажется от нее, когда узнает, что она... не совсем здорова. Китти переступила порог амбара и остановилась. Потому что на лице Джоан появилась чудесная, разрывающая сердце улыбка.

Осторожная улыбка. Лен замедлил шаг. Прекрасная, осторожная улыбка, яркая, как далекая звезда. Но это плохо. Это маска. И он попытался понять, что прячется под этой маской. Лен продолжал идти к ней, не отрывая взгляда от ее лица. Джоан по-прежнему улыбалась, и он вдруг понял, что улыбка предназначена не ему, а кому-то другому за его спиной; оглянувшись, он увидел миссис Милтон, стоящую на пороге амбара. Вот оно что – Джоан защищалась улыбкой от матери. Лен замер на месте.

– Эй, – сказал Редж, когда Лен поравнялся с ним, – пойдем к пианино.

Он взял друга за локоть и повел сквозь толпу к Моссу, который продолжал играть, но, казалось, был погружен в свои мысли. Музыка не смолкала уже целый час, и Лен подумал, что Мосс похож на лунатика. Но при их приближении Мосс улыбнулся, кивнул и повторил припев.

– Джоан? – Эвелин стояла рядом с ней. Только что она была в другом конце амбара, и вот она уже тут. Джоан встрепенулась. Сестра держала ее за руку. – Все в порядке?

Джоан медленно вела себя по туннелю, который представляла, когда начинался приступ. Когда чувствовала, что мозг отключается, а тело замирает. Дюйм за дюймом она возвращалась к жизни. Потом сжала ладонь Эвелин.

– Да, – с трудом выговорила она. Это короткое слово, застрявшее где-то внутри, медленно выкатилось из нее, словно шар для боулинга,

возвращавшийся по желобу в игру.

Оглянувшись, Лен увидел, что Эвелин стоит рядом с сестрой, держит за руку и что-то шепчет на ухо.

Что-то случилось, понял Лен. Это не приступ, но что-то все равно произошло. Он сунул руку в карман и нащупал ложку, которую теперь всегда носил с собой. Что-то произошло, а он ушел. Позволил Реджу увести себя. Лен уже хотел пойти к ней, но тут Мосс тремя финальными аккордами закончил песню и встал. Все зашумели, захлопали, закричали, что хотят еще.

– Перерыв, – крикнул Мосс в сложенные рупором ладони. – Мне нужно выпить! Джоан... – позвал он, поворачиваясь к сестре. – Джоан!

Эвелин и Джоан одновременно подняли головы, и Лен вздрогнул. Как и при первой встрече, у него возникло ощущение, будто он видит перед собой двух кошек, которые медленно поворачивают голову, оценивая обстановку. Джоан покачала головой в ответ на слова Эвелин, а затем направилась к Моссу.

– Нет, глупышка, – сказал ее брат, когда она подошла ближе. – Ты стояла рядом с пивом.

– Ой! – Она тряхнула головой, стараясь не смотреть на Лена. – Надо же.

– Я принесу, – сказал Лен и поспешно отошел. Джоан покраснела и опустила взгляд. Редж стоял рядом, прислонившись к стене, но не слушал.

Мосс взял ее за руку.

– Джоан?

– Ш-ш. Я в порядке.

Он сжал ее пальцы.

– Ты в него влюбилась, да?

Джоан не ответила.

– Ничего невозможного нет, – сказал он.

– Тихо, Мосс... заткнись. – Она повернулась к нему. – Ты безнадежен.

Он не отпускал руку сестры.

– Все очень просто. Я слышал это сегодня. Та мелодия, вот что мне нужно. К одному голосу присоединяется второй, потом третий. Четвертый...

Джоан посмотрела на него. Голова слегка побаливала, звуки доносились словно издалека.

– Я никогда не был более уверен в том, что возможно нечто большее. Что не станет...

Джоан видела, что брат подыскивает подходящее слово.

– Преград.

Боль усиливалась, похожая на стук, где-то далеко, в глубине дома, и Джоан только теперь связала пульсирующую боль со звуком. Кто-то хочет войти. Кто-то рвется к ней. Но что Мосс имеет в виду? *Не станет преград.*

– Где музыка? Что случилось с музыкой? – крикнул кто-то из гостей.

– Придержите коней, – добродушно проворчал Мосс. Потом поставил на пианино транзисторный приемник и повернул ручку. Послышался треск помех, сквозь которые постепенно проявлялся звук – это была радиостанция на материке в восьми милях от них. Субботним вечером она транслировала танцевальную музыку. Лен вложил в руки Мосса пиво – прохладную, но не холодную, покрытую капельками воды банку.

Редж облокотился на пианино, и Мосс с улыбкой посмотрел на него.

– Пойдем на воздух, – сказал Лен, глядя на Джоан.

Китти увидела, что опасность миновала. Проследив за дочерью, которая благополучно добралась до Мосса, она повернулась к Присс Хотон, которая стояла в одиночестве, в стороне от всех, и ее щеки горели ярким румянцем – сегодня она слишком много пила.

– Привет, подруга. – Она подошла к Присс, и та ответила ей благодарным взглядом.

Китти снова посмотрела на четверку молодых людей у пианино; Редж что-то сказал Моссу, и лицо сына мгновенно смягчилось – такое чудесное преобразование она видела у него в детстве. Китти вздрогнула. На мгновение ей показалось, что ее тревога обоснованна и что их связывает что-то дурное.

Нет, это абсурд.

– Китти? – окликнула ее Присс.

– Да. – Китти повернулась к подруге.

Когда она снова посмотрела в сторону пианино, там уже не было ни Мосса, ни Джоан. Ни Мосса, ни Джоан, ни Лена Леви, ни Реджа Полинга. Китти выпрямилась, скользя взглядом поверх голов гостей. Но их нигде не было видно.

Глава тридцать девятая

Вчетвером они пошли вниз по склону холма, мимо Большого дома к залитой лунным светом воде, все дальше от веселья; музыка из амбара настигала их в низинах и ямах лужайки, но они не останавливались, связанные общим желанием затеряться в ночи. Редж и Мосс шли чуть впереди Джоан и Лена. Белый рукав Реджа появлялся и исчезал в туннеле света от фонаря Мосса. Он что-то говорил, но слова, долетавшие до Джоан, не складывались в предложения или даже в обрывки фраз. Но это не имело значения. Важно было только одно: она хотела оказаться в объятиях мужчины, шагавшего рядом в темноте.

Они прошли сквозь лодочный сарай к воде, где звезды плясали на гладкой поверхности, освещая им путь. Был отлив, и море замерло в неподвижности. Если протянуть руку, можно сжать в кулаке ткань его рубашки, подумала Джоан. Мосс открыл калитку на верху сходней.

– Давайте включим свет! – крикнул он через плечо.

– Мосс! – рассмеялась Джоан.

– Почему бы и нет? – Он спустился по сходням, подошел к краю причала и повернулся к ним спиной. Повозившись с молнией на брюках, он слегка подал бедра вперед, и на воде перед ним появилась светящаяся окружность. Эта окружность перемещалась и разворачивалась, словно лента, вверх, вниз и вбок, а затем исчезла в россыпи крошечных искр.

– Фосфор? – спросил Редж.

– И моча, – весело бросил через плечо Мосс. – Краска бедняка.

– Кто-нибудь еще? – Мосс застегнул ширинку и повернулся к троим спутникам, стоявшим на сходнях.

Лен прикрыл ладонью пламя зажигалки и поднес к зажатой в зубах сигарете. Пыхтение, с которым он втягивал в себя воздух, было похоже на взмахи птичьих крыльев. Редж открыл калитку и спустился к Мосу, который стоял на краю причала и смотрел, как гаснут последние вспышки фосфора на темной воде. Ни ветерка. Прямоугольники желтого света из окон на противоположном берегу пролива отчетливо выделялись в черноте ночи.

Джоан ждала, что Лен повернется к ней, хотела, чтобы он посмотрел на нее. Они стояли рядом, не касаясь друг друга.

Потом они услышали голос Мосса:

– Выйдем в море. Прокатимся.

– Пойдем, – наконец сказал Лен. Они повернулись и пошли назад, через лодочный сарай на лужайку.

На повороте к площадке для пикника Лен взял Джоан за руку – по-прежнему не произнося ни слова. Теперь, без Реджа и Мосса, они шли по траве, держась за руки, к деревьям в начале подъема к площадке для пикника. Лен на секунду отпустил ее руку, вытащил из кармана фонарик и включил его. Затем он повел Джоан вперед, ориентируясь на два глаза костров, которые тусклыми красными пятнами светились в темноте. Когда они добрались до открытого места на краю площадки для пикника, он повернулся к ней, снова взял за руку и повел мимо стола, с которого были убраны бутылки и столовые приборы; и над пустой поверхностью безмолвными часовыми возвышались только вазы с цветами. В самом конце была скамья, прямо у воды, возле скал, и они опустились на нее.

Фонарь на лодочном сарае на другой стороне бухты освещал носы трех шлюпок у причала, привязанных к одному кольцу. Проступающие из темноты корпуса других лодок белыми тенями раскачивались позади них. Ночь была ясной, и звезды смотрели на них с неба, образуя световые узоры на воде, дрожавшие и рассыпавшиеся вместе с движением волн. Джоан показалось, что она видит тень Мосса и Реджа, сидящих на краю причала.

Ее ладонь в его руке была теплой. Теплой и твердой – и волнующей.

– Джоан.

Она посмотрела на него, и Лен взял ее за подбородок, повернул к себе и наклонился к ней в темноте. Ее губы были теплыми и твердыми, как ладонь, – и влажными. Одним движением он посадил ее к себе на колени, так что ее ноги обняли его талию, грудь прижалась к его груди. Застонав, он впился губами в ее губы. Этот стон, казалось, соединил их. Джоан ответила на поцелуй, уже со всей страстью, и обвила руками его шею, чтобы он мог крепче обнять ее. Его губы скользнули по ее шее и спустились к вырезу блузки; задохнувшись, она обхватила его голову. Первая пуговица поддалась без труда, его губы спускались

все ниже, расстегивая пуговицу за пуговицей, пока не добрались до пояса юбки, открыв белую кожу. Джоан расстегнула крючки, затем разомкнула объятия и встала, чтобы снять юбку.

Сбросив одежду, они пошли на мягкий мох у самого края воды. Отлив обнажил крутой склон; широкие глыбы белого гранита казались мягкими, а черная вода твердой. Ветер, сдувший с моря туман, утих, и ночь была влажной и тихой. В амбаре воздух был жарким, а здесь просто неподвижным. Клетка из воздуха.

Лен обхватил ладонями ее груди, приподнял, затем наклонился и по очереди поцеловал их, и она обняла его за шею. Потом со вздохом потянула за собой на землю, обхватывая его, покачиваясь вместе с ним, и он вошел в нее стремительно и так мощно, что она открыла глаза – и увидела ни на что не похожее лицо, увидела силу его желания; они вместе проделали путь до самого конца, чувствуя жизнь каждой клеточкой тела.

Потом, когда буря сменилась штилем, Джоан лежала словно в полусне. Она не могла бы пошевелиться, даже если бы хотела.

– Посмотри на меня, – прошептал он, не размыкая объятий.

Его лицо было как луна. Она посмотрела на него и улыбнулась.

Палец Лена коснулся ее шеи и скользнул вниз, к ямке над ключицей.

– Это площадка для пикника, – сонно сказала она.

Он не ответил. Джоан попыталась сформулировать свои мысли.

– Но с этого момента, – сказала она, глядя на него, – это наше место, и...

– Место, которое мы не забудем, – ласково перебил он. – Где все началось.

– Началось? – ее голос прервался.

Лен кивнул. Он был серьезен.

– Все произошло здесь.

Он перекатился на бок, приподнялся на локте, взял ее ладонь и прижал к своей груди. Джоан лежала на мху на спине и сквозь ветви елей смотрела на освещенное звездами небо, а ее рука поднималась и опускалась в такт его дыханию.

– Мы и раньше занимались любовью.

– Не так. – Он погладил ее плечо. – Не так. Сегодня ты ушла со мной. Ушла с вечеринки.

Джоан пристально посмотрела на него. Уверенность, убежденность, граничащая с триумфом, – этого невозможно было не заметить.

– Случайности не случайны, – тихо сказал он. – Нам было суждено встретиться на вокзале. Тебе было суждено стать моей, уйти со мной. Тебе было суждено...

– Ты в это веришь?

Он кивнул.

– Сегодня случилось нечто важное, настоящее. Ты это видишь. Ты любишь меня, – прошептал он. – Я подумал, что потерял тебя, но ты меня любишь. Любишь.

Он снова нашел губами ее губы, и она почувствовала, что не в силах сопротивляться ему, а он все шептал, целовал ее, шептал в ухо. И она слушала. Она слушала, как он создает жизнь из слов, губ и воздуха. Он будет ее любить, беречь и никогда не отпустит. Перед ними открыт весь мир. Такой большой. Гораздо больше того, что она знает, и они увидят его вместе.

Но она впервые услышала еще и то, чего не понимала раньше... этот образ становился все ярче... после ее квартиры, наверное, будет другая, она обязательно будет, потом та комната, дверь в которую мужчины держат открытой. Лен собирался предложить ей эту дверь. И внезапно она увидела всех их, каждого рядом с дверью и женщиной на пороге. Мужчины строят стены комнаты, а женщины входят внутрь, и дверь закрывается за ними. Конечно, есть еще и секс, мощный поток которого струится по комнатам, но это не меняет дела.

Джоан тихо застонала. Она принадлежала ему, но этого было мало. Он хотел большего – больше, чем могло предложить это место. Он не видел, что остров воплощает в себе все – более того, в нем живут все их будущие поступки, слова и мысли. Остров содержит невидимый мир, открывающийся только им двоим, манящий мир, который она чувствовала во время секса, мир, обращающийся к чему-то большему, чем был каждый из них. Остров соединял их.

Лен не слышал зов острова. Джоан видела, что он считает себя больше этого мира. И он действительно был больше – и отчасти слеп. И это она тоже видела.

Она не могла уйти с ним. И это будет больно. Она любила его каждой клеточкой своего тела, которое отзывалось на прикосновение

его пальцев. Как же она его любила. Но она не уйдет с ним.

– Перестань. – Она осторожно высвободила руку и села. Голова у нее немного кружилась. – Перестань говорить.

Она встала, обнаженная, и пошла по гладкому граниту к воде. Через какое-то время он присоединился к ней.

У пристани на воде покачивались больше двадцати лодок, к ним были привязаны другие, а в самом конце – шлюпка, принадлежавшая острову Крокетт. Мосс и Редж прокладывали себе путь среди подушек и длинных деревянных палуб, скользких от ночной росы, пока не добрались до шлюпки. Весь алкоголь выветрился из головы Мосса, и он чувствовал себя бодрым и живым. Редж прошел на корму, Мосс спрыгнул вслед за ним, отвязал шлюпку и оттолкнулся от причала.

Справа плеснула рыба. Вода тихо шуршала у носа, и Мосс опустил весла и начал грести, чтобы освободиться от этого скопища лодок и выйти на середину пролива. Несколько минут Мосс работал веслами, а затем остановился и приподнял весла, позволив им скользить по поверхности; шлюпка продолжала двигаться по инерции. Воду заливал лунный свет. Воздух был влажным и неподвижным.

Мосс наклонился, затем выпрямился, и шлюпка легко заскользила вперед. Закрыв глаза, он снова погрузил весла в воду, входя в ритм. Когда он снова открыл глаза, Редж смотрел в сторону, на темную громаду острова, проплывавшую мимо. Вода за спиной Реджа блестела, как широкий ковер, расстеленный между ними и материком, где к небу поднимались невидимые Камден-Хиллс. Он греб и греб, чувствуя, что вместе с этим парнем, сидящим на носу, может выйти из залива в открытое море. Но на середине пролива остановился. Шлюпка подпрыгнула на воде, резко затормозив.

И подспудное ощущение, не оставлявшее его весь вечер, во время музыки и танцев, когда все собрались в огромном амбаре, вдруг всплыло на поверхность. Мосс представил Джоан в объятиях Лена, где-то там, в лесу, и эта картина усиливала песню. Это была новая песня, песня без... *преград*. Голоса сливались, *дополняя* друг друга, усиливая напряжение. Вот бас. Вот мелодия. Ему казалось, что будущее балансирует на краю мира и реализуется здесь, на воде между островами, во тьме, на лодке, где напротив него сидит этот человек.

Он сделал паузу, снова налег на весла и посмотрел на Реджа.

– Взгляни на это. – Мосс махнул рукой в сторону берега.

Редж повернулся и увидел фонарь на пристани, освещенные окна дома, а еще выше, среди тьмы, можно было различить свет из амбара.

– Как ты думаешь, сколько нужно цистерн бензина, чтобы все это осветить?

Мосс не мог расшифровать выражение его лица.

– Не знаю.

Редж шевельнул веслом по правому борту, чтобы удержать лодку на месте.

– Две?

– Свет во тьме. – Редж выдержал паузу. – Администрация долины реки Теннесси. Помнишь их слоган: «Великий свет надежды. Мы приносим свет неграм»?

Мосс покачал головой:

– Это просто красивые слова.

Они молчали. Вода капала с весел в море. Настроение Реджа было трудно понять.

– В Берлине было одно место, куда я приходил, – медленно заговорил он. – В бывшем американском секторе. Все время. Неприметное кафе в подвале городской ратуши, их еще называют погребками.

Мосс оттолкнулся веслами от воды.

– Там часто бывал один американец, солдат.

– Солдат?

Редж кивнул:

– Солдат, не вернувшийся домой.

– Он остался в Германии.

– Ага. – Редж вздохнул. – Этот солдат освобождал концентрационные лагеря. На своем джипе он одним из первых въехал в Бухенвальд и провел там десять дней.

– Господи.

– Он рассказал мне о тех первых днях, о том, как они провели через лагерь жителей деревни, как выключали печи, а потом рассказал об охраннике, который сбежал, но выжившие узники поймали его и привели назад.

Они привели его на склад и дали ему веревку. Приказали сделать петлю. «Я не умею», – говорил он. Ему показали. Потом приказали

залезть на стол, который притащили в центр комнаты, и поднять конец веревки к потолку.

Редж не смотрел на Мосса. Мыслями он был далеко.

– Охранник подчинился. Он стоял на столе, держал веревку, так что она касалась потолка, смотрел на бывших заключенных и ждал.

– «Мы все понимали, что делаем, – сказал солдат. – Я стоял в глубине комнаты». Потом они приказали охраннику слезть со стола.

Редж помолчал.

– Он обмочился от облегчения. Дрожа и плача, слез со стола и опустился на пол. Бывший заключенный, который отдавал приказы, кивнул ему и аккуратно снял петлю с его шеи.

Мосс вздохнул.

– И?

Редж посмотрел на него.

– И сам залез на стол, привязал веревку к крюку в потолке, проверил прочность узла и спрыгнул. «Теперь лезь», – сказал он охраннику.

Мосс вздрогнул.

Редж кивнул, не глядя на него.

– «Почему именно эту смерть я не могу забыть?» – спросил меня солдат.

– Охранника?

– Охранника.

Мосс почувствовал, как в его сердце пробирается холодок.

– Зачем ты мне все это рассказываешь?

– Знаешь, что сегодня мне сказала твоя сестра? – Редж впервые посмотрел в глаза Моссу.

– Джоан? – Мосс шевельнул левым веслом.

Редж кивнул:

– Мы говорили об этом острове, и она сказала, очень нежно, почти благоговейно... «Ничто не изменится. Солнечный свет. Звезды. Коктейли на пристани. Одинокий парус в заливе. Это никогда не изменится. Как обещание бессмертия. Все сохранится навечно. Как картина». Вот что она сказала. «Так и будет. Пока есть остров, есть мы. Время не имеет значения».

Мосс снова оттолкнулся веслом.

– Она сказала все это с искренней радостью, словно изрекала непреложную истину, и я подумал: *вот в чем проблема*. Эта истина – ничего никогда не изменится – не включает меня. Джоан добрая душа, я это знаю. Но я не желаю слышать, что ничего не изменится.

Такой горечи в голосе Реджа Мосс никогда не слышал. Он погрузил оба весла в воду, наклонился, затем выпрямился и потянул весла на себя. Лодка рванула вперед. Мосс сделал еще один гребок.

– Конечно, изменится, – сказал Мосс. – Должно измениться. Это просто слова Джоан. А теперь она с Леном.

– Все там, – Редж махнул рукой в сторону амбара на холме, – безупречно *вежливые*. Искренние. Доброжелательные.

– И что?

– Они просто притворяются. Мы, – устало сказал он, – портим им праздник.

– Нет, – сказал Мосс.

– Нет? – Редж вглядывался в его лицо. – Посмотри мне в глаза и честно скажи: разве ты не гордишься, что я здесь?

– Горжусь? Конечно, горжусь. – Мосс был явно озадачен.

Редж опустил руку в воду и быстро отдернул. Она была ледяной.

– Я не хочу быть знаком отличия, который носят на лацкане. Я не хочу, чтобы меня воспринимали как вязание, как собаку, *un chien de salon*^[34], как свидетельство решения всей расовой проблемы. Потому что, как мне кажется, они здесь так думают. На вечеринке. Можно спокойно относиться к чернокожему и даже принимать его у себя, и мы все стоим тут, с бокалом в руке, смотрим на закат, поем. Мы стояли тут, рядом. – Он покачал головой. – А я хочу быть внутри, я хочу быть *равным*.

– Ты здесь, – с жаром возразил Мосс. – Здесь. Ты...

«Суть, – хотел сказать он. – Ты больше, чем все это».

– Редж, – продолжил он, – сегодня я это видел, я видел, что ты был в центре всего, и я это записал. Я написал. Песню... песню обо всем этом, о чернокожем человеке как новой ноте, и...

– Послушай меня, Мосс. Мы здесь *всегда* были в центре. Всегда. Просто ты только что решил обратить на это внимание.

Мосс покачал головой:

– Но...

– И я не колокол. Я человек.

Мосс рассмеялся, но его смех напоминал стон.

– Да знаю я, черт возьми.

– Ты не можешь игнорировать свою историю. Вот что я тебе объясняю. И история повторяется, вновь и вновь. Эти люди, – Редж указал на остров, – твои родители... независимо от того, что они делали или не делали в своей жизни... все это сидит в тебе. Что бы ты ни говорил или делал...

Мосс снова покачал головой:

– Послушай меня, Редж. Но ты же со мной, здесь. Мы можем сделать это реальностью, можем показать людям, что перемены грядут, что это возможно...

– Перемены? – повторил Редж.

Он удивлялся своей ярости. Все, что он держал в себе, все невысказанное теперь обрушилось на человека, сидевшего перед ним в шляпке.

– Думаешь, можно что-то изменить, ничего *не меняя*? Думаешь, можно открыть дверь, оставив комнаты за ней точно такими же, как прежде? *Входите, входите, пожалуйста, – но только ничего не трогайте и никуда не садитесь. Смотрите, куда ступаете.* Это не перемены, приятель, – это званый ужин. Гости приходят, а потом расходятся по домам.

Редж смотрел Моссу в лицо и вдруг почувствовал, что очень устал, что у него закончились силы. Он устал быть человеком в центре, который бьет в гонг. Он хотел... такой малости. Он хотел, чтобы Джоан выбрала Лена. Хотел плыть в этой лодке, хотел рука об руку с Моссом войти в ту дверь, которую Мосс воображал открытой. Он хотел – неужели это слишком много? – истории со счастливым концом.

– Хочешь знать, что сказала мне другая твоя сестра?

Мосс покачал головой.

– За еврея не выходят замуж, сказала она мне. Перемены настанут, когда твоя сестра выйдет за Лена, а твоя мать будет веселиться на их свадьбе. Перемены настанут, когда черные и белые мальчишки будут вместе ходить в школу, в одну школу, а два года спустя все мальчишки получают достойную работу – вместо того, чтобы черные мальчишки мыли туалеты девчонок и мальчишек, с которыми учились в старших классах...

– Именно это мы и должны сказать людям.

– Людям? Каким людям? Черные уже все знают, Мосс. Осознать должны белые. И немного найдется таких, кто указывает на это и говорит: «Смотрите. Смотрите на все, что нас разделяет». Тех, кто открыто говорил об этом. Кто *признает* вражду и спрашивает: «*И что дальше?*»

Мосс слушал его с болью в сердце.

– Но когда ты так говоришь... белые – это, черные – то... ты разделяешь, ты привлекаешь внимание, делаешь *хуже*.

– *Хуже*, – медленно произнес Редж, – стало еще до меня. Америка началась с того рукопожатия в Филадельфии в 1776-м. Одна простая сделка. Мы позволяем вам сражаться с англичанами, и мы дадим вам рабов. Вот что было на дне стакана. Одни хотят помнить, другие хотят забыть, но невозможно отхлебнуть лишь то, что сверху.

– Но...

– Черные не могут забыть того, что на дне, мы этого никогда не забудем. Но если наша страна просто скажет... скажет, просто скажет... *да, все это есть...* и тогда мы сможем наполнить стакан. Тогда мы сможем начать... песню.

Лицо Мосса исказила гримаса боли.

– И, Господи, ты хороший человек. – Редж наклонился ближе. – У тебя добрые намерения. Но когда ты смотришь на меня и говоришь о переменах, о надежде, – находясь на острове в штате Мэн, – я думаю, не могу не думать: «Все это не про меня».

– Ты ошибаешься. – Мосс покачал головой.

– Ошибаюсь? – Редж видел несчастное лицо собеседника, но не остановился, продолжая вколачивать слова, словно гвозди: – Ты хотел, чтобы я приехал и посмотрел на тебя, какой ты есть, без прикрас, – так ты говорил. Ты хотел, чтобы я приехал и увидел... ты хотел, чтобы я отпустил тебе грехи, Мосс. Я не могу этого сделать.

Лицо Мосса побелело, но невыносимая тяжесть в груди, которую Редж до этого момента даже не чувствовал, вдруг исчезла. Монстр вырвался на свободу.

– Я не могу отпустить тебе грехи. Я не могу доказать, что ты хороший. Ты меня слышишь?

Мосс протянул руки и положил ладони ему на плечи. Страх в его глазах смешивался с тоской.

– Почему же ты приехал?

– Потому... – Редж усмехнулся. – Потому что ты попросил! – закричал он. – И потому, что ты мне нравишься... – Он посмотрел Моссу прямо в глаза. Он не мог лгать. – И потому, что я хотел, чтобы ты увидел то, что вижу я. И хотел посмотреть, сможешь ли ты.

– Значит, вот что это было? – Мосс опустил руки. – Вот что я для тебя? Своего рода тест?

Редж обхватил себя руками и молча смотрел на сидевшего перед ним человека.

Мосс опустил весла и сделал один мощный гребок.

Затем еще один, затем еще. Лодка набирала скорость, бесшумно скользя по темной воде.

– Черт возьми, Редж. – Мосс резко погрузил весла в воду, и лодка дернулась, резко остановившись, так что Реджу пришлось ухватиться за планшир. Затем Мосс встал и принялся смещать вес тела то вправо, то влево, раскачивая лодку, словно хотел ее перевернуть, и глядя в глаза Реджу. – А как насчет того, чтобы увидеть то, что вижу я? Как насчет этого? Посмотри *сюда*. Посмотри на нас. Посмотри на меня, черт возьми. В *этой* лодке.

– Перестань. – Редж держался за деревянный край борта. – Перестань...

Мосс сел так внезапно, что лодка дернулась влево, затем выровнялась. Двое друзей смотрели друг на друга, тяжело дыша.

А потом они услышали крик:

– Редж!

Вроде бы голос Лена.

– Мосс!

– Матерь Божия, – выдохнул Редж, увидев стоящего на камнях Лена, похоже, голого.

Мосс резко повернулся на сиденье.

– Мосс! – В голосе Лена, громком и отчетливом, явно различались нотки паники.

Лен бросился в воду, где что-то плескалось, и потом Мосс увидел, что это Джоан, которая билась в судорогах, отталкивала Лена и уходила под воду. *Будь он проклят*, подумал Мосс. Лен повел ее купаться.

– Я иду, Джоан! – Мосс опустил на сиденье и принялся лихорадочно грести. Нос лодки скрыл от него все, что происходит на

камнях.

– Оставь ее. – Он изо всех сил налегал на весла. – Оставь ее, ублюдох.

Джоан не могла дышать. Кто-то стучался в ее голову. Кто это там в лодке, Мосс? *Мосс*, подумала она. Мосс и кто-то еще? Лодка белым призраком висела над поверхностью воды. Ей нужен Мосс. Кто-то хочет войти. Кто-то бросился вперед, так стремительно... *Мосс*. Она вырвалась на свободу, за мгновение до того, как распахнулась дверь, и упала в воду, в объятие приступа. Свет из дверного проема бил ей в глаза, и она пыталась закрыться от него ладонью, но рука не слушалась и ударила ее по щеке. Чьи-то руки схватили ее и подняли... нет, нет, нет. *Мосс! Мосс!* Она пыталась позвать брата, но ее начало трясти, и ей пришлось сосредоточиться, а потом колени подогнулись, и вода раскрыла объятия и поглотила ее.

Лен снова нырнул в ледяную тьму и схватил Джоан, которая билась в судорогах под самой поверхностью, цепляясь пальцами за воду; глаза ее были широко раскрыты. Она выгнулась, дернулась и оттолкнула его как раз в тот момент, когда он добрался до нее, – судороги отбросили ее тело назад.

«Джоан! – Он снова потянулся к ней. – Проклятье, Джоан!» – кричал он. На этот раз ему удалось поймать ее руку, и он рывком притянул к себе и потащил бьющееся в припадке тело к поверхности; легкие его разрывались. Он крепко держал Джоан, пытаясь выбраться на камни, где он мог приподнять ее и вытащить из воды. Ему показалось, что он слышит лодку за своей спиной, но он не смел оглянуться, сосредоточившись на том, чтобы добраться до скал. Джоан как будто немного затихла, и он рискнул оглянуться – глаза ее были закрыты.

– Джоан, – сказал он и закашлялся. – Они близко.

Нога ударилась о край скалы, и он рванулся вперед, а когда вторая нога нащупала опору, остановился и притянул Джоан к себе – теперь он мог стоять. Она обмякла, словно засыпая.

– Они близко, – повторил Лен, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он потянул ее за собой к камням и стал карабкаться на них, в кровь разбивая руки и ноги о морские желуди. Увидев, что Мосс

гребет к ним, он собрал все силы и выбрался вместе с Джоан на скалы, на самый край. Мосс и Редж подплывали к берегу. Он встал, собираясь взять одежду Джоан, что-нибудь, чтобы прикрыть ее, но, отвернувшись от воды, увидел Эвелин. Одной рукой она стягивала на шее ворот мужской куртки и в это мгновение была похожа на опасного ребенка – опасность таилась в решительном выражении ее маленького лица. В другой руке она держала фонарь из лодочного сарая, и Лену показалось, что она похожа на какое-то древнее существо, воплощение всех сторожевых собак. Позади нее спешили мистер и миссис Милтон.

Лен прикрылся руками и повернулся к Джоан, чтобы защитить ее от этих лиц.

Он не видел, как Эвелин бросилась на него и толкнула в спину, так внезапно и сильно, что он потерял равновесие, споткнулся и упал с трехметровой высоты назад в ледяную воду. Лицо ударилось о гранитный склон под поверхностью воды, нос хрустнул, а в горло хлынула вода, не давая дышать. Лен боролся, но не мог дышать, не мог подняться; кровь заливала горло вместе с водой. Отчаянно дергаясь, он пытался снова подняться на скалы, но заливавшая легкие вода вызвала приступ паники.

Кто-то схватил его за локоть и потянул. Он дернулся, пытаясь освободиться. Но кто-то обхватил его под мышки и плыл сзади, выталкивая из воды. Лен чувствовал обхватившие его руки, но голова пульсировала болью, и он не мог дышать. Его тянули вверх, на сушу.

Он хватал ртом воздух, кашляя и задыхаясь; грудь ходила ходуном, во рту чувствовался вкус крови.

– Все в порядке, – сказал Огден Милтон, поддерживая Лена. – Все в порядке.

Мосс налегал на весла всем своим весом, раз за разом погружал их в воду, ориентируясь на плеск у берега, стараясь добраться туда как можно быстрее, но потом звук стих, и исчезло все, кроме адреналина, заставлявшего руки сгибаться и разгибаться в бешеном темпе. Он должен найти Джоан. Должен спасти ее. Все остальное неважно.

– Стой! – крикнул Редж, указывая на воду, и прыгнул к нему, чтобы схватить весла.

– Стой, Мосс! – услышал он голос матери. – Остановись!

Мосс вовремя увидел опасность и резко опустил весла, чтобы затормозить лодку. Его отец держал Лена под мышками и выталкивал на скалы; оба тяжело дышали, а по лицу Лена текла кровь.

– Господи, – ахнул Мосс.

Его мать стояла на коленях перед Джоан, держала ее за плечи и что-то тихо говорила, пытаясь прикрыть дрожащее тело дочери своим кардиганом. Мосс оттолкнулся веслами от воды, ухватился за скалу, и они с Реджем выбрались на берег.

– Что случилось? – спросил Мосс. – Что тут, черт возьми, произошло?

– Ты как? – Редж повернулся к Лену.

– Ничего не случилось, – поспешно ответил Огден. Вода стекала по его лицу. – Мне очень жаль.

Он посмотрел на Эвелин. Она стояла в стороне. Ее трясло, но она не отвела взгляда и вздернула подбородок.

– Принеси одежду Джоан, – приказала Китти Моссу, не отрывая взгляда от лица дочери.

Мосс вернулся на край скалы, поднял блузку и юбку Джоан и принес их, стараясь не смотреть на наготу сестры.

Потом взял рубашку Лена и протянул ему.

Редж положил ладонь на плечо Лена:

– Ты в порядке?

Лен кивнул, но смотрел он на Джоан. Приступ прошел. Все молчали. Лен через голову натянул рубашку на мокрые плечи и пошел за брюками. Глаза Джоан открылись и снова закрылись. Китти медленно повернулась к Лену:

– Вы гость.

Лен смотрел на нее. Кровь и вода стекали с его лица.

– Вы пришли к нам как гость, – повторила Китти, задыхаясь. – Вы были *приглашены*. И воспользовались...

Лен быстро натянул брюки и выпрямился. Из его носа текла кровь.

– Пойдем, Лен, – сказал Редж. – Пойдем. Нужно убираться отсюда. Мы им тут не нужны. Они...

– Заткнись, Редж, – тихо сказал Мосс. – Ты делаешь только хуже...

Редж резко повернулся:

– Я делаю хуже?

– Не смейте называть нас «они»! – взвилась Эвелин. – Не смейте. Кто, черт возьми, вы такие, чтобы являться сюда, все портить...

– Эвелин! – крикнул Мосс.

– А ты... – Она повернулась к брату. – Ты на своем белом коне можешь отправляться прямо в ад, мне плевать. Это не эксперимент. Это жизнь, Мосс. Джоан чуть не умерла. Это...

– Эвелин, – слабым голосом сказала Джоан. – Перестань.

Эвелин повернулась к сестре.

– Перестань. – Джоан прижала ладонь ко лбу и села, прикрывая грудь блузкой. Китти опустилась на землю рядом с ней, и Джоан посмотрела сначала на мать, потом на отца.

Потом она остановила взгляд на Лене, который склонился над ней, и заплакала.

Он присел на корточки.

– Пойдем, – ласково сказал он, словно они были одни.

По ее щекам текли слезы.

– Все это неважно.

– Лен.

– Запомни. Важно только то, что было у нас с тобой.

– Лен, – прошептала она.

Он умолк.

Джоан знала, что он ее слышал. Слышал, но отказывался слышать.

– Джоан, – настаивал он. – Все просто.

Голос Лена, произносящий ее имя, вернул все – темноту ночи, его губы на ее губах, – и она задрожала. Ее имя, эти два слога, произнесенные так ясно и нежно, были его предложением. Она смотрела на него, пытаясь запомнить все – мужчину, освещенного лунным светом, воду, Мосса и мать рядом с собой. Все было совсем не просто.

– Я не могу, – прошептала она. – Я не могу дать тебе то, что ты заслуживаешь...

– Ты меня любишь, – тихо сказал он.

Она кивнула и посмотрела ему в глаза.

– Люблю, Лен. Люблю. Боже, как я тебя люблю... Но тебе нужно больше, чем все это. Больше, чем я. Это так очевидно...

Она умолкла, увидев выражение лица Лена.

– Я еврей, – медленно сказал он. – Вот в чем дело.

Ее глаза широко раскрылись.

– Еврей? Нет. Дело во мне. Посмотри на себя, Лен... ты большой, сильный и...

Лен рассмеялся, и в его смехе сквозило удивление.

– Редж был прав, – сказал он.

Они смотрели друг на друга.

– Лен. – Ее голос прерывался.

– Идем. – Редж дернул Лена за рукав.

Лен замер, не в силах пошевелиться.

– Давай, приятель. Садись в лодку.

– Я хотел совсем не этого. – В голосе Мосса звучала решимость. – Уезжайте.

Редж изумленно посмотрел на него.

– Плывите к причалу Уэлдов, – сказал Мосс. – Он прямо напротив. Я вас там встречу.

– Хотел не этого? – повторил Редж.

Мосс выпрямился.

– Знаешь, что ты сказал там, в лодке?

Мосс смотрел на него.

– Твоя первая реакция?

Мосс нахмурился, пытаясь вспомнить.

– «Оставь ее, – прошептал Редж. – Оставь ее, ублюдок».

Мосс побледнел.

Редж покачал головой.

– Ты ничем не отличаешься от остальных... когда доходит до дела, ты видишь только то, что хочешь видеть, как все они. Ты точно такой же.

– Редж! – вскрикнул Мосс.

– Хватит. – Китти встала и шагнула к Реджу. – Как вы смеете? Как вы смеете мазать нас черной краской, называть низкими и подлыми!

– Черной краской? Низкими и подлыми? – Редж не собирался отступить. – Как я смею? Расскажите им, миссис Милтон. Расскажите то, что рассказали мне.

Она замерла.

– Давайте. – Сердце Реджа стучало так сильно, что ему захотелось выпустить его на свободу. – Давайте. Расскажите им то, что рассказали мне там, на скамейке...

Огден резко повернулся к Китти.

– Счет предъявлен, – продолжал Редж. – Не *ожидается*. Уже предъявлен. И его требуется оплатить – иначе это дерьмо будет продолжаться и продолжаться, до бесконечности.

Никто не шевелился. Реджа трясло. Он слышал свой голос и видел белые потрясенные лица – в другом месте за эти слова его бы ударили, повалили на землю... убили. Но эти промолчат. Долгие годы на привязи – вот что это такое. Теперь он понял. Они ничего не сделают и не скажут – не могут, *приличия* не позволяют. Они все такие приличные.

– Почему вы откровенничали со мной, миссис Милтон? Почему я? – Он посмотрел ей в глаза.

– Редж, – попытался остановить его Лен.

– Думали похоронить свои воспоминания там, где их никто не найдет? Похоронить их во *мне*?

Китти преодолела три шага, отделявшие ее от Реджа, и ударила его по щеке.

– Мама! – вскрикнул Мосс.

Пощечина словно открыла шлюз, и Редж расхохотался. Смех рождался в его груди и неудержимым потоком вырывался наружу. Редж не мог остановиться, и его смех разрывал ошеломленное молчание. Он смеялся. Любезность. Доброта. Милая компания. Они уже мертвы. Они уже призраки.

– Пойдем, – сказал он Лену, повернулся ко всем спиной и забрался в лодку.

Лен задержался на секунду, не сводя взгляда с Джоан. Она покачала головой, слабо, но отчетливо.

Одним резким движением Лен повернулся и прыгнул на нос шлюпки, оттолкнул ее от скал, опустился на среднюю скамью, схватил весла, поднял их и погрузил в воду. Реджу пришлось ухватиться за планшир, чтобы не выпасть за борт; Лен потянул весла на себя, крепко сжимая деревянные рукоятки.

Не сказав ни слова и не оглянувшись, Лен снова опустил весла и, преодолевая сопротивление воды, плотной и темной, снова оттолкнул себя от стоящих на скалах Милтонов. От Джоан. Затем еще и еще раз. На него накатывали волны ярости. Эта наивная идея, что все пути открыты, что нужно лишь поставить цель и идти к ней, как все остальные... о чем он думал? *Думай на идише, одевайся по-английски.* В конечном счете все это игра, разве нет? Заглядывайте к нам. Будете в наших краях, заходите. Ты приходишь в Колумбийский университет или на Уолл-стрит, но ты там всего лишь посетитель. Как он мог этого не видеть? Он гость. Он хотел сохранить правила и улучшить их – вместо того, чтобы нарушать. *Пошли они все,* подумал он. *И этот дом тоже.* С него хватит. Больше никакой осмотрительности. Он яростно погружал весла в неподвижную воду, чувствуя, что его сердце готово разорваться на части. Он греб не останавливаясь, пока на середине пролива броню ярости наконец не прорвало рыдание, и тогда он заплакал. Он оплакивал Джоан, оплакивал себя и свою мечту. Но еврей умер. Да здравствует еврей.

Глава сороковая

Шлюпка вошла в полосу лунного света, всего на минуту. Джоан видела, как Лен работает веслами, наклоняясь вперед и откидываясь назад, как легко лодка скользит по воде. Затем она исчезла во тьме. Удары весел разносились над водой. Джоан знала, что больше его не увидит. Его губы, тяжесть его тела – все это ушло навсегда. Она сама его отвергла. Джоан отвернулась и закрыла глаза.

Мосс смотрел, как лодка исчезает вдаль. *Ты точно такой же.* Редж даже не понимал, какое это проклятие. В луче одинокого фонаря Огдена капли воды падали на скалы, отбивая рваный ритм. Скрип весел в стальных уключинах постепенно затихал. Они уходили. Редж уходил. Все, что, как ему казалось, он слышал, все, к чему он прислушивался, уплывало во тьму.

Они слышали, что веселье подходило к концу; гости с песнями спускались по склону холма. Из лодочного сарая вынырнули фонари и двинулись к причалу. На небе взошли звезды, и пришла пора прощаться с гостями. Огни на лодках длинной цепочкой потянулись прочь от острова. Все без помех доберутся домой.

Шлюпка, уносящая Лена и Реджа, скрылась за мысом по пути к пристани Уэлдов в бухте Виналхейвена.

– Пойдем. – Мосс бережно взял Джоан на руки и понес по тропинке между деревьями, а затем по широкой дорожке к дому.

Обессиленная, она положила голову на плечо брата.

– Как ты? – прошептал он.

Джоан коснулась пальцами его подбородка.

Он шел не останавливаясь.

– Они уплыли, – сказала она.

Мосс кивнул.

Одинокая слеза прочертила дорожку от уголка ее глаза к волосам.

– Что случилось? – вскрикнула Анна, увидев, как Милтоны медленно поднимаются по лужайке к дому. – Где вы были? Мы с Дикки вас везде искали.

– Небольшое происшествие, – тихо сказал Огден.

– Какое происшествие? Где? Где вы все были? – Дикки подошел к Эвелин и обнял ее.

– Все в порядке, Дикки. – Эвелин устало посмотрела на жениха. – Со мной все хорошо.

– Нужно уложить Джоан в постель, – распорядилась Китти. – У нее был приступ.

Мосс помог Джоан подняться наверх. Огни в амбаре погасли. Внизу хлопала входная дверь и слышались звуки голосов.

Вечеринка закончилась. Джоан лежала на своей кровати в розовой спальне и следила взглядом за матерью, которая опускала шторы. «Я его любила, – хотела сказать Джоан. – Я его люблю». Но мать не тот человек, который сможет понять.

Потому что Лен был прав. Что-то произошло. Что-то такое, что уже не отменишь. «Спроси меня, – мысленно обращалась она к молчаливой, заботливой фигуре матери. – Спроси меня о нем, хоть что-нибудь». Но Джоан знала, что никаких слов не будет, потому что нет никакого смысла вытаскивать все на поверхность. Тогда все случившееся будет вставать между ними, требуя внимания. Внимания и заботы. Но привлекать внимание к тому, что не можешь исправить, – только усиливать страдания. Лучше не упоминать об этом. И душа исцелится. Так будет лучше для всех – идти вперед, шаг за шагом.

И она этого хочет, поняла Джоан. Она очень хочет остаться в этой комнате, в этом доме, где она точно знала, кто она, где были четкие границы и прочные углы.

– Мама, – прошептала она.

– Попытайся заснуть. – Китти повернулась к ней, наклонилась и погладила по щеке. – У тебя был шок.

– Где Эвелин? – спросила Джоан. – Что с Эвелин?

– Думаю, она с Дикки, – ровным голосом ответила Китти.

– А Мосс?

– Мосс внизу с папой, – успокоила ее мать. – Я слышу их обоих.

Джоан кивнула и закрыла глаза.

Китти ждала, пока заснет Джоан, укрытая розовым одеялом; она сидела на стуле в изножье кровати и просто ждала – усталый мозг притаился и затих. Все они были здесь, вместе с ней, все ждали, вызванные к жизни словами чернокожего мужчины: лицо Эльзы на том

крыльце, и Вилли, пожимающий ее руку, и Недди, поворачивающийся к ней за мгновение до беды, и...

– Джоан? – В приоткрывшейся двери показалась голова Анны Прагг, и Китти прижала палец к губам и покачала головой. Анна исчезла в коридоре. Через несколько минут Китти услышала, как она вместе с Эвелин идет по коридору. Затем хлопнула дверь в комнату Эвелин.

Когда дыхание Джоан стало спокойным и ровным, Китти встала и пошла в свою спальню. Комната осталась точно такой же, как перед вечеринкой, аккуратно прибранной. Китти подошла к комоду и посмотрела на себя в зеркало. Она слышала Мосса и Огдена, разговаривавших в комнате внизу. Девочки лежали в постелях по обе стороны от нее. Все в безопасности. Никто не пострадал.

Китти медленно спустилась по лестнице и пошла на голос Огдена, низкий и уверенный, хотя слов она различить не могла; перед дверью в переднюю она задержалась, чтобы глаза привыкли к темноте.

– Нет, папа, – услышала она ответ Мосса, уже взявшись за ручку двери.

Китти прислушалась.

– Сегодня ты передал мне дирижерскую палочку, папа, – говорил Мосс. – Но я не могу ее принять. Это ложь. Это представление о Милтонах, что они лучше других, добродетельнее других и что остров – это знак того, что все *правильно*. Мы не можем на это претендовать. Мы не лучше других просто потому, что владеем этим местом.

– Никто не думает...

Китти открыла дверь и остановилась на пороге. Лицо Огдена было мрачным, но решительным. Мосс стоял в центре комнаты, держа в одной руке скомканную полосатую куртку. Он выглядел несчастным, как будто что-то сломалось у него внутри. И он все еще не высох после того, как нес Джоан.

– Мосс. – От волнения ее голос звучал резко. – Что происходит?

Огден не взглянул на сына и не пошевелился.

Мосс молча повернулся, проскользнул мимо нее в дверь и направился к выходу.

– Подожди. – Китти протянула руку, пытаясь задержать его, и вышла вслед за ним в коридор. – Мосс.

Он толкнул сетчатую дверь, выскочил в темноту, остановился на гранитном крыльце и оглянулся на нее.

– Знаешь, мама, оно отравлено. Это место.

– Тише, – умоляюще сказала она. – Ты насквозь промок. Вернись в дом.

– Мама, послушай.

– Перестань, Мосс. Ты пьян.

– Нет.

Она замолчала.

Мосс посмотрел на нее, потом перевел взгляд на холм и с минуту смотрел вдаль, словно черпая силу из темноты, и снова повернулся к Китти.

– Знаешь, мама, – тихо сказал он, – почему-то так получилось, что независимо от того, сколько мне лет и как далеко я отсюда, эта картина всегда со мной... мальчик, идущий за отцом и понимающий, что никогда не сможет его догнать... отца, несущего задыхающуюся девочку, которую он только что вытащил из воды. В тот день, когда с Джоан случился первый приступ, я ничего не смог сделать. Я мог только смотреть.

– Мосс, – запротестовала она.

– Эта картина приходит мгновенно, словно из ниоткуда, – образ глубочайшего одиночества и беспомощности. И независимо от того, как быстро я бегу за папой или плыву к ней, я не могу его догнать. Я никогда не догоню его, и мое восхищение смешивается с беспомощностью. – Он помолчал. – Я просто больше не могу смотреть. Я должен что-нибудь сделать. Где-то в другом месте.

Китти вышла за дверь, остановилась рядом с ним на крыльце и взяла за локоть.

Мосс посмотрел на ее ладонь.

– Что бы я ни делал, мама, – тихо сказал он, – я не могу это изменить. Это место – нагромождение лжи. Мы не лучшие, и мы не правы, мы ошибаемся. И там... на скалах... – он умолк, – это было неправильно. Ты это знаешь. Должна знать.

Китти было невыносимо видеть его лицо. Невыносимо. Она видела, что, даже отвергая их всех, он жаждет, чтобы она утешила его, доказала, что он не прав, спасла от овладевшей им абстрактной идеи, – и его дрожащий голос облегчал эту задачу.

– Чепуха, – сказала она ему.

Стоя здесь, на пороге дома, Мосс вдруг вспомнил ее фигуру в другом дверном проеме, много лет назад. Он не знал, где это было, но он был очень маленьким и сидел на стуле, а она стояла в дверях и смотрела на него. На него и в то же время не на него. На место рядом с ним. Она была высокая, одетая во что-то зеленое. И не мигая смотрела на него. Что-то случилось. А потом, вспомнил он, она просто закрыла глаза.

Из его груди вырвался какой-то звук, похожий на всхлип, и он покачал головой.

– Ты можешь все исправить, – тихо сказал он. – Напиши Реджу, Лену, исправь все, что тут произошло. Сделай что-нибудь достойное.

Она протянула руку, чтобы схватить его, притянуть к себе – и одновременно заставить его замолчать.

– Обещай мне, – сказал Мосс. – Иначе все остальное – просто слова.

– Разумеется, это не просто слова, – ответила она.

Он долго смотрел на нее, потом наконец кивнул, повернулся и пошел прочь. Китти смотрела, как ее сын идет по лужайке и его белая рубашка теряется в серой мгле за границей света из окон дома, заметила прощальный взмах рукой и куртку, которая свисала с его кулака, словно флаг.

И с тех пор каждое утро, до самой своей смерти много лет спустя, она просыпалась от ночного кошмара, думая, что держит руку Мосса. Думая, что он взял ее за руку, а не ушел в ночь. Думая, что она стоит на крыльце Большого дома и зовет сына, своего единственного сына.

Она вернулась в переднюю, опустилась в кресло у окна, и они с Огденом долго сидели молча, при свете керосиновой лампы, горевшей на столике между ними. Генератор был выключен, и тишину нарушал только далекий гудок береговой сирены в заливе. Наконец Огден поднял голову и посмотрел на нее.

– О чем это мистер Полинг говорил там, на скалах? – медленно произнес он. – *Что* ты ему рассказала?

Китти выдержала его взгляд. *Ну что ж*, подумала она.

Она нашла в себе силы. Она рассказала Огдену о Вилли и об Эльзе, о том, что в тот вечер, много лет назад, у нее возникло впечатление, будто он настроен против этой женщины. Как ей

казалось, что Эльза давит и давит на него и она, Китти, должна вмешаться и помочь ему. Она думала, что помогает. В тишине дома ее голос как будто плел паутину между ними, между прошлым и настоящим, словно в попытке найти во всем этом какой-то смысл. Когда она закончила, Огден долго молчал.

– Мы не могли его взять, – взмолилась Китти. – Как мы могли его взять, Огден?

Он наклонился вперед и потянулся за ее рукой. Китти посмотрела на него, сначала неуверенно, но он не отвел взгляда, и она протянула руку ему навстречу, и он сжал ее ладонь.

– Я думала, что помогаю, – повторила Китти.

Огден кивнул.

Она опустила взгляд на их сцепленные пальцы.

– Мы не будем об этом говорить, – сказал он. – Нам не нужно об этом говорить. Больше никогда.

– Но Мосс думает...

– Мосс молод. – Огден умолк. Мосс еще не натолкнулся на стену внутри себя, которая ждет всех мужчин, независимо от эпохи, стену, которая проходит в том месте, где мужчина смотрит в свое стареющее лицо. Стену, о которую бьется Данк, стену, которую видит сам Огден. Он посмотрел на Китти.

– Он думает, что может изменить мир... – Огден вздохнул. – Но мир не меняется. Меняемся только мы...

В его лице была такая глубокая, безнадежная печаль, что Китти отвела взгляд.

– А его друзья? Мистер Полинг? Мистер Леви?

Он долго не отвечал.

– Они хорошие люди.

– Которые не понимают, что к чему.

Огден поднял голову:

– А что к чему?

Китти встала и подошла к его креслу.

– Пойдем, – тихо сказала она. – Уже очень поздно.

Он внимательно посмотрел на нее. Китти кивнула.

– Пойдем, – повторила она.

Окруженный темной водой, Мосс плыл к пристани Уэлдов. Он услышал голоса Реджа и Лена гораздо раньше, чем увидел их силуэты. Приятели разговаривали и курили. Сидели на краю пристани, и огоньки сигарет двигались вверх-вниз на фоне темных фигур. Мосс поднял весла и смотрел на друзей; водная гладь вокруг него была ровной, тихой и спокойной.

Мосс не мог слышать, о чем они говорят, но отчетливо чувствовал непринужденность и свободу их отношений, скрепленных многолетней дружбой. Он никогда не станет для них своим. Редж прав. Они принадлежат к разным племенам. И в это мгновение все, к чему он стремился, все, о чем он мечтал, поднялось в воздух и рухнуло, обратившись в прах. О чем он думал? Что сможет сочинить нечто такое, что изменит мир? Песня была всего лишь мечтой школьника... нет, хуже, просто шуткой... песня вышла за свои границы; он был глупцом, думая, что все так просто. Он всегда был глупцом. Мир больше, чем он. Мир невозможно вместить в себя. Придать ему форму. Можно только смотреть. И он обречен смотреть. Мосс почувствовал отвращение к себе. Он обречен смотреть, сидя за письменным столом в отцовском офисе.

А Редж уйдет.

Мосс опустил весла в воду и налег на них, разворачивая лодку, а затем принялся изо всех сил грести вдоль пролива между островами. Ударами весел по гладкой воде он словно хотел избавиться от своей тоски и беспомощности. От белого, измученного лица Джоан и праведной ярости Эвелин там, на скалах. От фигуры матери на пороге дома и сомнений отца. От того, что носил в себе, не подозревая об этом, и что, несмотря ни на что, сорвалось с его губ. *Ублюдок*. Он продолжал грести, с каждым ударом весел удаляясь от всего, что любил, греб так яростно, что наскочил на скалистый уступ раньше, чем увидел его. Весло застряло между камнями, и Мосса в одно мгновение выбросило из лодки; падая, он с силой ударился головой о деревянный корпус, и вода, такая холодная и чистая, сомкнулась над ним в это последнее мгновение его жизни.

Глава сорок первая

Утреннее небо было ярким и синим. Китти молча отбросила одеяло, спустила ноги с кровати и встала. Халат лежал в верхнем ящике комода рядом с шапочкой для купания, и Китти сбросила ночную рубашку, надела халат, а потом обернула вокруг талии полотенце, для тепла.

Коридор второго этажа был пуст; снизу тоже не доносилось ни звука. Китти спустилась по лестнице навстречу новому дню. Лужайка была немного помята, у флагштока лежали перевернутые большие термоконтейнеры. Она спустилась по склону холма к лесу и пошла к площадке для пикника; кеды быстро намокли от росы.

Здесь ее встретил тот же легкий беспорядок – столы, вазы, чьи-то забытые шлепанцы в траве. Китти прошла к скалам, остановилась и стала смотреть на воду.

Что-то застряло в сетке для омаров, в которой вечером охлаждали пиво, какая-то тряпка, нет... Она замерла, не в силах пошевелиться. Не тряпка, а куртка. В сетке запуталась чья-то куртка. С трудом передвигая ноги, Китти сделала еще несколько шагов. Она попыталась подойти ближе, но обнаружила, что нужно поднять ноги, чтобы переступить через камни и подойти к кромке воды, где плавала эта вещь. Полосатая куртка.

– Нет. – Она не узнала свой голос, словно застрявший в горле.

Быстро. Быстро. Может, он там, под водой, застрял и не может выбраться. Быстро. Теперь к ней вернулись силы, словно внутри распрямилась какая-то пружина. На ватных ногах Китти сошла по камням к раскрытой сетке для омаров и тяжело опустилась на гранит. Рукав куртки был пуст. Как она могла этого не заметить? Почувствовав облегчение, она застонала; хриплое, прерывистое дыхание вырывалось из ее груди. Слава богу. Она сидела, тщетно пытаясь отдышаться.

Со стороны пролива послышалась береговая сирена, и тут же в ответ от дальнего конца острова Крокетт раздался протяжный гудок парома, направлявшегося из Виналхейвена в Рокленд. Эти две привычные ноты были голосами острова, успокаивающими, внушающими уверенность, – сигналом безопасности. Китти

повернулась к этим звукам, к бую и парому, и увидела что-то выброшенное на скалы. Что-то белое, большое и мокрое, размером с детский матрас, лежало на широком гранитном уступе. Это был мужчина в нижней рубашке; руки его были раскинуты в стороны, под неестественным углом, как будто их оторвали, а потом снова пришили.

Глава сорок вторая

Они похоронили Мосса на кладбище на холме за домом, рядом с могилами Крокеттов. Месяц спустя Огден провел Эвелин к алтарю и отдал в жены Дикки Пратту.

Ничего не сбылось, думала Джоан, глядя в зеркало в кабинете врача, после того как он сообщил ей новость. Она вглядывалась в свое лицо. Как бы то ни было, приходится играть теми картами, которые тебе сданы, – и выигрывать. Очень хорошо. Она повернулась, открыла дверь и кивком попрощалась с девушкой за пишущей машинкой, которая с явным удовольствием передвигала каретку и быстро и без ошибок заполняла словами чистые листы. Очень хорошо. Джоан вышла на улицу, вдохнула осенний воздух и пошла к парку, где ее ждал Фенно Уэлд, с его милым раскатистым смехом, с его преданностью. *Джоан*. Увидев ее, он встал со скамьи. Джоан опустила голову. «Ни к чему ждать», – сказала она.

Джоан вышла за Фенно. У них родилась девочка, и они назвали ее Эвелин, в честь Эвелин, которая поцеловала сестру, держа на руках своего новорожденного, Генри. «Эвелин в честь Эвелин, в честь Эвелин, в честь Эвелин», – с довольным видом промурлыкала Эвелин. Пятая в ряду.

В доме на острове Крокетт подрастало новое поколение детей. Из пролива можно было увидеть Милтонов, сидящих на лужайке, или детей, которые сбегали вниз по холму, пробирались в лесу между елями, обрезали ветки или просто гуляли. Говорили, что однажды после вечеринки на острове произошел несчастный случай – кто-то поскользнулся и упал в воду, а сын хозяев бросился на помощь и утонул.

Тем не менее сестры с детьми по-прежнему катались на лодках, устраивали пикники на скалах, ходили по рынку в своих обрезанных шортах и шетлендских свитерах, а старая миссис Милтон с неизменной корзинкой в руке и мистер Милтон в кепке с длинным козырьком обходили на яхте окрестные бухты.

После коктейлей на Норт-Хейвене или ужинов на другом берегу Милтоны в сумерках возвращались домой, и «Кэтрин» легко скользила

под безбрежным небом по темной воде; дети на носу смотрят вперед, взрослые сидят позади них на корме – воплощение спокойствия и уверенности. «Вот он, – думала Эви-подросток, сидя рядом с кузенами в один из таких вечеров, – вот он». Этот момент. Она повернула голову, поймала на себе взгляд матери и, словно получив подтверждение, отвернулась.

Она никогда не расскажет дочери, поняла тогда Джоан, прижимаясь бедром к транцу и глядя на свою мать, Фенно и Эвелин, сидящих на корме. Она не может рассказать. Это причинило бы боль всем... матери, отцу и Фенно, который был таким добрым... самым добрым.

Джоан смотрела вверх детских голов на приближающийся остров. Это место будет принадлежать Эви. Она скрестила руки на груди и повернулась навстречу ветру. Все это будет принадлежать Эви.

В конце семидесятых «Милтон Хиггинсон» был продан банку «Меррилл Линч», и офисы на Брод-стрит, 30, в здании, построенном прадедушкой Огдена Милтона в 1855 году, закрылись. Огден перевез отцовский письменный стол в новый кабинет в небоскребе в центре города, по утрам поднимался туда в лифте и садился за него. Передать стол было некому. Из окон нельзя было увидеть ни воды, ни яхт – ничего, кроме города.

Они похоронили Огдена следующим летом, рядом с Моссом.

В тот год Генри, старший сын Эвелин, начал носить кепку Огдена. Ему было двадцать. Старый козырек давно потрескался и обвис, а ткань цвета хаки совсем выцвела. «Но кепка ему идет», – думала Китти, наблюдая, как он катит тачку по лужайке, чтобы забрать продукты, – гордый тем, что он старший и знает, что нужно делать.

Огден. Китти поерзала на скамье. Эта *кепка*. Обычно она висела на крючке в коридоре. В то лето он сидел в каждом кресле, плыл на каждой яхте, а каждый голос, доносившийся с той стороны поля, был его голосом. Он так долго сидел напротив нее, что стол в столовой без него казался пустым, хотя они каждый вечер клали на его место нож и вилку и кто-то садился на его стул.

На противоположном берегу пролива она заметила Альдо Уэлда, который вышел на причал. С годами он как будто усох, но походка его оставалась пружинистой. Фанни умерла много лет назад. Старик стоял

и ждал Фенно, который плыл к нему на шлюпке. Фенно был хорошим сыном, думала она, наблюдая, как Фенно поднял весла, а Альдо наклонился, чтобы поймать нос лодки. Бедный Фенно.

А восемь лет спустя Фенно внезапно умер посреди ночи. «Бедный Фенно», – снова подумала Китти, опуская трубку телефона.

Это было в 1988 году.

В то первое лето без него они приехали поздно вечером. И впервые попросили Джимми Эймса переправить их на остров из Рокленда. Раньше это всегда делал Огден. Потом Фенно. Теперь эта обязанность перешла к Дикки, но он был занят на работе.

Китти стояла у подножия холма и задумчиво смотрела на дом наверху. Она видела их всех... Присс с Данком, Эльзу, Вилли и... Огдена. *Ох.*

– Пойдем, мама, – сказала Джоан и взяла Китти под руку.

После завтрака, вымыв посуду, Китти села на зеленую скамью и устроила больную ногу на пирамиду из подушек, принесенных из лодочного сарая. Рядом лежали бинокль и книга. Эвелин с каким-то шитьем на коленях сидела в одном из больших белых кресел, которые стояли по обе стороны от скамьи. Джоан стояла чуть поодаль с садовыми ножницами в руке и разглядывала сирень.

Какое-то время лодок не было видно. Пролив был пуст. Начинаясь новый день.

Почти все внуки спустились на причал, но Минерва лежала на лужайке, распушив на солнце волосы. Эви сидела на скамье рядом с Китти, по-мальчишечьи подтянув колени к груди и обхватив их руками. Ноги Минервы медленно поднимались, а потом снова опускались на траву – какое-то упражнение.

Что делать с этими двоими? Китти их совсем не понимала. Ну хорошо, они учились в тех же колледжах, что их отцы, – но ведь это все равно ни к чему. Они же девушки. Они должны украшать и оберегать, подавать пример. Но, похоже, их нисколько это не заботило; обе поступили в *аспирантуру*.

– Над чем ты работаешь, Эви? – спросила Эвелин, не отрываясь от шитья.

Эви выпрямилась, подалась вперед и начала рассказывать.

«Как она говорит, эта девочка», – подумала Китти, вполуха слушая внучку и следя за полетом чайки. *Пробел в документальных*

свидетельствах... Лицо Китти оставалось бесстрастным. *Да, конечно.*

– Например, вот этот момент, сейчас, – говорила Эви. – Что это такое? *Настоящее время.* Живая история, но мы ее не видим, правда? Мы живые и мертвые одновременно.

Она очень довольна собой, отметила Китти.

– История? – переспросила Китти. – Плевать на историю; пусть этим занимаются другие. Это лучшие годы вашей жизни. Вы этого не знаете, но это так.

Кто-то уже это говорил. Но кто? Китти покачала головой.

– Господи, бабушка, – сказала Мин, плашмя лежавшая на траве. – Надеюсь, что нет.

– Лучшие, Минерва, – настаивала Китти. – С вами еще ничего не случилось.

– Знаю, – простонала Мин, раскидывая руки. – И это ужасно.

– Это всего лишь правда, – поспешно сказала Китти, чувствуя, что почему-то злится на внучек. – *Сделанного...* не воротишь.

– Но его можно *исправить*, бабушка, – решительно заявила Эви. – Его можно исправить.

– Исправить? – Китти нахмурилась. – Что, ради всего святого, это значит?

– Свободу, – объяснила Эви, – взглянуть на события по-новому.

Минуту все молчали.

– Глупости, Эви, – тихо сказала Джоан.

Эви удивленно повернулась к матери.

– Невозможно исправить то, что случилось. И не нужно. Жизнь может измениться в одно мгновение, и потом ты просто идешь дальше.

– Неужели ничего нельзя исправить, мама? – спросила Эви. – Ведь таких мгновений может быть много. Разве жизнь не может поворачивать назад, потом снова идти вперед, потом снова назад?

Китти, Эвелин и Джоан одновременно повернули головы и посмотрели на нее.

Эви замерла, как будто ее поймали на воровстве. Она не собиралась этого говорить, но именно так она думала и именно над этим работала. Глядя на них, Эви впервые поняла, что она другая, что она отличается от них.

– Ничего нельзя изменить, – наконец сказала Эвелин, втыкая в полотно иголку. – Потому что никто ничего не забывает.

Джоан повернулась и посмотрела на сестру.

– И не *прощает*, – прибавила Эвелин, глядя на Джоан.

Эви сидела не шевелясь.

Китти постучала пальцами по скамье.

– *Девочки*.

Мин перевернулась на живот и приподнялась на локтях. Это было интересно.

Джоан медленно отвернулась от сестры и снова принялась разглядывать сирень.

Эви и Мин переглянулись.

– Девочки, – сказала Китти, – идите на причал. Пусть Генри, Шеп и Харриет вам помогут. Нам нужны устрицы. Сейчас прилив – самое время.

Эви и Мин неохотно поднялись и пошли вниз по лужайке, чувствуя на себе взгляды матерей и бабушки.

– Я только... – начала Эвелин.

– Эвелин, оставь это.

Эвелин воткнула иголку в ткань и опустила ее на траву. Джоан положила садовые ножницы.

На середине лужайки Эви оглянулась, и у Китти перехватило дыхание. Снова Лен Леви. На этом месте он стоял в тот день, оглядываясь на Джоан, словно предъявляя на нее права. Китти тряхнула головой. Прошло много лет, и она все забыла... и вот ее внучка идет по лужайке с точно такой же уверенностью – *весь мир принадлежит мне* – и решимостью, которую невозможно отнять, уверенностью, проникающей повсюду. И вот он опять здесь, Лен Леви. И тот мистер Полинг.

А потом, вместе с ними... Мосс.

Ох. Она встала со скамьи и, ничего не замечая, зашагала прочь от дочерей. Боже правый, что все это значит? В конечном итоге все тайное становится явным, не так ли, и ничто не может нас защитить... закрой все окна, захлопни все двери, опусти занавески, запири все замки... но они все равно придут.

Мосс. Мосс за пианино, Мосс на тропинке. Мосс на званом обеде. Мосс в коротких штанишках. Мосс, подумала она и закрыла глаза. Маленькое доверчивое лицо Мосса в тот момент, много лет назад, когда он отвернулся от окна. *Где Недди? Что случилось с Недди?*

Китти застонала. Она его тогда *спасла*. Оттащила. А потом Мосс на пороге дома той последней ночью повернулся и смотрит на нее через сетку двери. «Отпусти меня», – умолял он, шагая с холма навстречу тьме. Вот он в лодке, плывет...

Куда?

Она остановилась посреди лужайки; сердце ее онемело от горя.

– Бабушка?

Эви с Мин спустились вниз и оглянулись. Бабушка неподвижно застыла на полпути к пристани. Их матери не шевелясь стояли перед домом. Три женщины как треугольник молчания.

Что произошло?

Старая женщина в центре покачнулась.

– Бабушка Ки? – с тревогой окликнула ее Эви.

Китти заморгала и вздрогнула, услышав свое имя.

– Бабушка? – Эви пошла к ней.

Китти задумчиво смотрела на нее.

Исправить?

Здесь

Глава сорок третья

Эви.

Джоан стояла у изножья кровати и ждала. В комнате было светло. И летали птицы. *Эви*, сказала она, взявшись за столбик кровати. *Эви*, повторила она, глядя вниз.

Перестань, простонала Эви во сне.

Эви.

Перестань, мама. Прекрати. Я сплю.

Эви, повторила она, и ее голос наконец поднял Эви с кровати, снова вывел из комнаты, повел вниз по ступеням и через дверь в туманное утро, прямо в росу, и их ноги тут же промокли, их ноги двигались, все быстрее, быстрее, вверх по склону, туда...

Эви резко села; в горле саднило, как будто она плакала. Лицо матери уплывало вдаль. Комната, окружавшая ее, была неподвижной.

Было уже утро. Эви повернула голову. Утро на острове. В розовой комнате. Она здесь. Эви спустила ноги с кровати и встала.

Когда он уйдет, этот сон? Наклонившись над раковиной в ванной, она плеснула водой в лицо.

В кухне кофе был уже готов, кружка стояла на столе. Рядом с тостером лежали маффины, нож и масло. Окна сияли. На выдавшем виды столе – новая клеенка. После того первого дня, когда кухни разбирали шкаф для белья, они прошлись по всему дому, проверяя каждую поверхность, вытаскивая каждый ящик. Прикладывали руку, как шутила Мин. Каждая тарелка была снята с полки и вымыта, каждая полка – протерта и застелена новой бумагой. Накануне они покрасили плинтуса в столовой и передней; менять обои они не собирались, но приклеили несколько отставших полос. Джимми отремонтировал порванные ширмы и заменил покоробленные косяки. Оставалось еще перебрать простыни и полотенца. Осмотреть матрасы. Достать с чердака паруса для яхты и просушить на лужайке. Дом был почти готов для Чарли Леви – чтобы купаться, ходить на яхте, дремать.

– Мин? – окликнула она.

– Я тут.

Мин сидела на зеленой скамье, поставив рядом с собой кофе.

– Что ты делаешь?

Мин повернулась к ней:

– Сижу.

Эви вышла на крыльцо.

– Снились кошмары? – спросила Мин.

– Почему ты так решила?

– Ты кричала.

– Просто сон, – вздохнула Эви.

Мин кивнула.

Эви стояла, опираясь рукой на ветку сирени. Мин права, вдруг подумала она, сирень так красиво цветет. Потом она спустилась с крыльца и села на скамью рядом с кухней. На освещенном солнцем дереве лежала старая фотография их матерей и дяди.

Эви наклонилась и взяла ее.

– Они были счастливы, – сказала Мин.

Эви кивнула.

– Совсем девчонки. Они тут в два раза младше нас.

Мин отхлебнула кофе.

– Я любила твою маму. И в психологию пошла из-за нее.

– Шутишь?

– Недостаточно просто видеть правду. С этим нужно что-то *делать*. Так она мне сказала однажды вечером, когда мы вытирали посуду. Как раз об этом я тут и думала.

Эви озадаченно покачала головой:

– А разве моя мать что-то *сделала*?

В ответ Мин лишь молча посмотрела на нее.

– Честно. – Эви снова взяла старую фотографию. – Посмотри на этих двоих. Мы провели здесь столько времени, но теперь я вижу, что совсем ничего не знаю о ней. Я помню ее. Но факты... о чем она думала, что делала, над чем смеялась... – Она вздохнула. – Это очевидно, до нелепости очевидно, но я всю жизнь провела в архивах, с записями и дневниками, книгами рождений и смертей... квитанциями, счетами. Проездными документами. Жизнь, сохранившаяся в клочках и обрывках бумаги.

– И ты воссоздаешь из них правдоподобное прошлое, – с улыбкой заметила Мин. – Помнишь?

Эви кивнула и скрестила руки на груди.

– Но только не для нее, – тихо призналась она.

Мин не ответила.

– Тот сон, что приснился мне утром, – сказала Эви. – Знаешь, это уже не в первый раз. Ко мне приходит мама. Она на меня сердится. А она никогда ни на что не сердилась.

– Что ты сделала? – спросила Мин, поворачиваясь к ней.

– Похоронила ее на кладбище, а не в скалах.

Мин задумалась.

– Как ты думаешь, почему она просила похоронить ее именно там?

– Не знаю, – ответила Эви. – Но она говорит, что рассказала мне почему.

– А ты не помнишь?

– Нет. – Эви повернулась к кухне. – Не помню.

Мин посмотрела на нее и встала со скамьи.

– Прогуляемся, – предложила она. – Пойдем в лес. Мне нужно размять свои старые кости.

Тропинка начиналась у дома, поворачивала от воды и углублялась в лес. Здесь царил полумрак: солнечным лучам приходилось пробиваться сквозь стволы и свисающие ветви; сосны скрипели, покачиваясь на ветру, словно мачты кораблей, которыми они никогда не станут. На усыпанной иголками земле проступали длинные тонкие корни, похожие на кости на старушечьих руках.

Эви и Мин шли молча, ориентируясь по меткам, которые вырезал на деревьях их дед в тридцатые годы, останавливались, чтобы срезать мешавшие проходу ветки, расчищая путь вперед, как их приучили делать каждое лето, прокладывая дорогу тем, кто придет после них. В лесу было душно и влажно, и Эви вспотела; от ходьбы и расчистки тропы она разогрелась и расслабилась. Где-то вверху метрономом стучал дятел, ни на секунду не прекращая работу, и этот звук разносился по всему лесу.

Тропа огибала дальний конец острова, затем поворачивала назад, к дому, вилась вдоль кромки воды, повторяя гранитную линию берега,

и заканчивалась на поляне, теперь заросшей, которая раньше служила площадкой для пикников. Поросшая травой лужайка спускалась к гряде гранитных валунов и большому камню, смотрящему в сторону Нэрроуз, – во время отлива это была скала, а при высокой воде просто уступ. В детстве они всегда замедляли здесь шаг, но внукам не разрешали плавать среди этих камней, хотя во время прилива здесь получалась превосходная купальня. Естественно, подростками они все приходили сюда и ныряли со скалы. Теперь Эви вспомнила бабушку, которая всегда быстро проходила мимо этих камней, не поворачивая головы и не глядя на них, решительная и сосредоточенная.

Эви и Мин смотрели на столы для пикника, покрытые лишайником и наполовину сгнившие. Сохранилась одна большая яма для костра, с обрушившимися стенками из камней. Волны прилива ласково плескались у берега. Отсюда в одну сторону открывался вид на голубую гряду холмов на материке, а в другую – на пустынный морской горизонт. Вода все прибывала, затопляя скалу.

– Думаешь, это правда, то, что нам рассказал Чарли Леви? – спросила Мин.

– Что именно?

– Что в этом месте погиб дядя Мосс?

Эви покачала головой. Отсюда на другом берегу пролива за деревьями был виден старый дедушкин причал. Когда он умер, ее отец продал дом. В том лесу дедушка Уэлд устраивал для них охоту за сокровищами.

Там кто-то поднимал паруса яхты.

– Ты знаешь, что, когда тетя Джоан в последний раз приезжала к маме, они поссорились? – тихо спросила Мин.

Эви повернулась к ней.

– Вот почему ты не позволила маме попрощаться с тетей Эвелин, когда она умирала?

– Папа не хотел. Сказал, что твоя мама расстроит ее.

Эви вздохнула:

– Она так переживала, что не смогла попрощаться.

Они помолчали.

– Из-за чего им было ссориться?

– Все дело в надгробии, которое она хотела. Мама считала, что Джоан хочет ее наказать.

– Наказать?

– Так она говорила, – задумчиво сказала Мин, вспоминая. – «Ты хочешь ткнуть меня в это носом, хочешь заставить меня заплатить».

– Заплатить? За что? – Эви нахмурилась.

– Не знаю, – покачала головой Мин. – Но твоя мама была такой...

– Какой?

– Агрессивной. – Мин снова покачала головой, пытаясь вспомнить тот разговор. – Агрессивной, просто вне себя от ярости.

– А дальше?

– Кажется, мама спросила, зачем все время об этом напоминать.

– И?

Мин посмотрела ей в глаза.

– «Потому что это было, – сказала твоя мать. – Это случилось здесь. Прямо здесь. И я была живой».

– Что? – Глаза Эви широко раскрылись.

Мин кивнула.

Эви отвела взгляд; у нее на глазах выступили слезы.

Мин молчала.

Яхта у другого берега пролива медленно покидала стоянку.

– И тебя не волнует, что мы никогда не узнаем почему? – наконец спросила Эви.

– Честно? – Мин повернулась к ней. – Не волнует. Потому что за одним «почему» обязательно кроется другое, и так без конца.

Эви улыбнулась, шмыгнула носом и тряхнула головой.

– Но я так устала от всего этого. От молчания, намеков, полуправды. Я привыкла к неопределенности, к тому, что прошлое – это загадка и что, если его перекапывать вновь и вновь, оно может привести к какой-то истине, которую ты не видел... там за гребнем холма, на следующей странице... А теперь мне просто нужен ответ. Я хочу света и слов, потому что застряла в лесу. Я хочу, чтобы в небе появилась рука, указующий перст, хочу услышать: «Вот. Вот он, тот момент. Здесь был поворот. Здесь причина... Иди назад. Или вперед». Но сейчас, куда бы я ни посмотрела, везде тупик, тупик, тупик, и я не могу понять, как *выбраться* из этого леса. Я не знаю, что мне делать *теперь*.

– Теперь ты похоронишь маму, – ласково сказала Мин.

Эви почувствовала спазмы в горле.

- Похороню ее в безымянной могиле?
- Она не безымянная, просто там не будет ее имени.
- *Здесь?*
- Так она хотела.
- Одно слово для всей жизни?
- Я думала, это твоя специальность, – тихо сказала Мин.

Эви кивнула. Паруса яхты повернулись и замерли – рулевой наконец нашел нужный галс.

- Черт. – Эви откашлялась. – Там так одиноко.
- Где? – Мин удивленно посмотрела на нее.
- В прошлом.

Мин фыркнула.

– Мне интересно, – продолжала Эви, – неужели мы все просто появляемся, машем руками, а потом исчезаем без следа?

– Господи, – сказала Мин. – Что ты сегодня ела на завтрак?

Улыбнувшись, Эви выпрямилась:

– Овсяную кашу.

Мин покачала головой.

– Ты скучаешь по матери, Эви, в этом все дело.

Паруса яхты наполнились ветром, и она рванулась вперед, словно выпущенная из лука стрела. Кузины молча наблюдали за ней.

– А как насчет Генри? – спросила Эви.

– Да пошел он, – с широкой улыбкой ответила сестра.

– Мин.

– Не волнуйся. Я поговорю с Генри.

Эви кивнула, кузины отвернулись от площадки для пикника и пошли назад, к дому.

Выйдя из леса, Эви и Мин остановились на склоне, глядя на лодочный сарай и воду за ним. На флагштоке развевался флаг, а Джимми Эймс косил нижнюю часть лужайки. Ветер переменился и теперь гнал соленый воздух наверх, прямо к ним.

Из лодочного сарая вышел Чарли Леви. За ним медленно шла Поза, а на ее руку опирался худощавый чернокожий мужчина.

Глава сорок четвертая

– Вон они где, – сказал Чарли. – Видишь их? На холме.

Редж поднял руку, прикрывая глаза от солнца. Две женщины начали спускаться к ним.

– Привет! – крикнул Чарли и пошел к ним навстречу. – Мы не пропустили чай?

Блондинка помахала рукой.

После смерти Лена Чарли рассказал Реджу о странной просьбе отца и своем не менее странном обещании. Тогда Редж промолчал. Когда весной Чарли пришел к нему после выходных и сообщил, что, кажется, нашел остров Милтона, что видел эти скалы, Редж не сказал: «Да, конечно, это то самое место, те самые люди», – а просто выслушал его. Когда Чарли позвонил ему в конце лета и сказал, что собирается арендовать остров на месяц и что он может приехать, если хочет, Редж не откликнулся на приглашение.

Но когда два дня назад Пози и Чарли вернулись после своего короткого незапланированного визита на остров и Пози показала ему фотографию двух женщин, стоящих перед домом, у Реджа перехватило дыхание.

Теперь, когда дочь Лена спускалась к нему по склону холма, он не мог понять, почему согласился приехать. Ему хотелось увидеть ее. И хотелось повернуть назад. Все эти годы Лен не знал. Редж скрестил руки на груди, словно сдерживая ярость, распиравшую грудь. Но Лен был счастлив, Лен освободился от этого места и прожил потрясающую жизнь, такую же большую, как он сам, как его плечи и руки.

«Боже, – подумал Редж. – Я уже старик. А это место все еще причиняет боль».

– Привет еще раз. – Чарли подошел к женщинам. – Эви, – сказал он. – Мин.

Женщины улыбнулись ему. Блондинка посмотрела через плечо Чарли на Реджа, и Чарли обернулся.

– Да, – сказал он. – Я привез своего крестного...

Редж шагнул к ним:

– Редж Полинг. – Он протянул руку блондинке.
Ее глаза широко раскрылись.

– Полинг?

Две женщины замерли, но лишь на долю секунды, а потом блондинка стряхнула оцепенение и пожала руку Реджа.

– Вы, наверное, дочь Эвелин, – вежливо сказал он.

– Старшая, – кивнула Мин и прибавила: – А это моя кузина, Эви Милтон.

Редж наконец посмотрел на нее. Перед ним стоял Лен – так она была похожа на него, эта женщина с серебристыми волосами, прямым взглядом и стройным телом, честная и правдивая. Но улыбка ей досталась от матери.

– Редж Полинг, – только и смог произнести он.

– Мистер Полинг. – Она с улыбкой протянула ему руку. – Вы знали нашего дядю Мосса.

Это был не вопрос, а утверждение. Он пожал ее руку. Она изучала его.

– Я показала ему вашу фотографию, которую сделала позавчера. – Поззи, прищурившись, гордо смотрела на Эви и Мин сквозь спадавшую на глаза челку. – Он захотел с вами познакомиться...

– Совершенно верно. – Редж кивнул девочке. – Без Поззи я бы не приехал. – Его взгляд скользнул по склону холма к Большому дому. – Никогда не думал, что снова тут окажусь.

– Ты уже здесь был? – удивился Чарли.

– Да.

– С папой?

– Да.

– Но тебя нет в гостевой книге, – заметила Поззи, – рядом с дедушкой.

– Нет. – Редж скрестил руки на груди. – Нет. Меня там нет.

Все стояли и смотрели на дом.

– Ну что? – нарушила молчание Мин. – Чай?

– Да, – ответил Чарли. – Отлично.

– Но, папа...

– Ах да. – Чарли посмотрел на дочь и кивнул. – Поззи спрашивает, можно ли ей сначала искупаться...

– На большом каменном пляже, – сказала девочка Мин. – Там, за бухтой. Мы каждый раз проплываем мимо него.

Мин посмотрела на Эви.

– Мы называем его галечным пляжем.

Эви кивнула девочке.

– Время для купания как раз подходящее – прилив.

– Дядя Редж? – спросила Поза.

– Иди. – Редж покачал головой. – Я подожду тебя здесь. – Он указал на зеленую скамью.

– Не заплывай за границу пляжа, – предупредил Чарли дочь. – И не глубже, чем ты можешь стоять на дне.

– Ладно. – Она улыбнулась и начала спускаться по склону, ища тропинку.

– С ней никто не пойдет? – спросила Эви.

– Все будет в порядке. Она член школьной сборной по плаванию.

Чарли взял Реджа под локоть, и они преодолели остаток пути до дома; остальные медленно шли за ними.

– Составите мне компанию? – спросил Редж у Эви, опускаясь на деревянное сиденье.

– Конечно, – ответила она, покосившись на Мин.

– Я могу заварить чай, – предложила Мин.

– А я помогу, – сказал Чарли.

Сетчатая дверь со стуком захлопнулась за ними. Эви села рядом с Реджем. Он откинулся на спинку скамьи. Они смотрели, как фигурка Поза исчезает среди деревьев; ее красная рубашка мелькала среди пятен тени и полуполуденного солнца. Слышался стук веревки о флагшток, шелест травы. Редж поерзал на жестком сиденье.

– Знаете, я пытался написать об этом месте. Много лет.

– Могу себе представить, – понимающе кивнула Эви. – Все, кто сюда попадает, признают, что это настоящий рай.

Этот беспечный покой. Он почти забыл.

– Вы прямо как ваша бабушка.

Эви озадаченно посмотрела на него:

– Похоже, вы не слишком жаловали бабушку.

– Нет. – Редж отвел взгляд. – Если кого я здесь и жаловал, – сказал он после паузы, – так это вашего дядю Мосса.

Мосса, которого он любил, со слепой горячностью юности ненавидя себя за эту любовь. Мосса, которого он хотел наказать, одновременно жаждающая того сладкого чувства, которое дает прощение, – не брать свои слова назад, а пожать руку. Мосса, с которым Редж расстался в ту ночь в самом начале спора – не в конце, потому что не собиравшись заканчивать этот спор.

Почему Мосс в ту ночь вышел в море? Куда он плыл? Что заставило его сесть за весла?

– Ваш дядя, – тихо сказал Редж, – был необыкновенным человеком, а мы разбили ему сердце.

– Кто разбил? – Эви не отрывала взгляда от его лица. – Как?

Он смотрел на сидящую рядом с ним женщину, которая смотрела на него с такой же нескрываемой надеждой, как миссис Милтон много лет назад, надеждой, что Редж расскажет ей, кто она – эта женщина смешанной крови, которая не знала об этом, которую всю жизнь ограждали от этой правды. Молчание Милтонов продолжалось.

– Он не мог сложить все фрагменты вместе.

– Какие фрагменты?

«Ладно, – подумал Редж. – Пора».

– Мосс пытался сочинить песню, – услышал он свой голос. – Невозможную песню об этой стране, песню, которой еще никогда не было, песню с новыми нотами, как он их называл, и он сказал мне и Лену: «Приезжайте и посмотрите, приезжайте и убедитесь, что это возможно, приезжайте, позвоните в колокол на пристани и останьтесь». И мы приехали, я и Лен, хотя с самого начала, как только мы причалили, я чувствовал растерянность и грусть.

Он не смотрел на Эви. Продолжал говорить, чувствуя, что она ловит каждое его слово.

Он рассказал ей о Моссе, Эвелин и Дикки, о тумане и пианино. Рассказал об утре и ланче, о послеобеденных часах и сумерках, о ночной вечеринке в амбаре. Он рассказал ей все, что знал, понимая, что не рассказывает ничего, но видел, как она слушает, как впитывает его голос, и не останавливал себя. Он рассказал ей о бабушке. Прямо здесь, на этой скамейке, прямо здесь, она рассказала мне о том, что сделала. Что она сказала той еврейке. Он рассказал ей о мальчике.

А потом, не обращая внимания на ее шок, рассказал о том, что сделал ее дед и что он ответил Лену, когда тот спросил, и как потом эти

двое присоединились к гостям, как будто ничего не сказали друг другу, словно ничего не произошло. Словно они ничего не сделали. Они пели песни и вскрывали омаров, а вечеринка все продолжалась, пока гости не стали расходиться. Он умолк... Нет, этого он ей не расскажет.

– Кто-то пошел кататься на лодке. К тому времени я понял, что с меня хватит. И тогда я уничтожил песню Мосса... сказал, что на свете нет никаких новых нот, как бы он этого ни хотел... показал ему, что все это лишь пустые мечты. Я уничтожил ее. Я хотел наказать мечтателя за то, что он считал себя другим... нет, я хотел наказать их *всех*. Всех этих людей.

Редж покачал головой.

– А потом мы спустились к скалам на площадке для пикника, и ваша бабушка, такая благородная и величественная, попыталась избавиться от нас – меня и Лена, – а я напомнил ей о том мальчике, мне хватило наглости потребовать, чтобы она рассказала всем то, что рассказала мне, чтобы все знали, что она сделала, а она посмотрела мне в глаза и дала пощечину.

Эви боялась шевельнуться.

– И мы с Леном сели в лодку и уплыли.

Эви с усилием выдохнула.

– А позже на том месте нашли Мосса, – закончил он.

– В дальнем конце острова?

Редж кивнул.

Эви отвернулась.

Редж смотрел прямо перед собой, скрестив руки на груди и подняв ноги на скамью, но ничего не видел. Ничего, кроме Мосса.

– Почему моя мать хотела, чтобы ее прах похоронили именно в этом месте?

Редж медленно повернулся к ней:

– Что вы имеете в виду?

– Она хотела, чтобы ее прах похоронили там. А на могильном камне написали одно слово: «Здесь».

Боже правый. Редж смотрел на дочь Джоан и Лена. *Господи, неужели это никогда не кончается?* За одной историей обязательно прячется другая. Пол проваливается все глубже и глубже, на нижние этажи, и с этим ничего не поделаешь. Вот зачем он приехал. И он снова понял то, что Джимми говорил ему много лет назад и что он, как

ему казалось, давно понял сам. *Любовь не начинается и не кончается так, как нам кажется. Любовь – это борьба, любовь – это война; любовь – это взросление.*

– Просто расскажите, – тихо произнесла Эви, глядя на него. Прямо ему в глаза. – Я так устала от молчания.

– Знаете, она ведь ваша, – сказала она после того, как он поведал ей вторую историю. – Доля дяди Мосса, часть этого острова – бабушка просила нас отдать ее вам.

Редж выпрямился.

– Доля Мосса?

– Она оставила это на наше усмотрение, – продолжала Эви, не желая увиливать, не желая снимать их всех с крючка. – Мы должны решить.

– Ха, – выдохнул он. – Что я буду делать с долей этой печали? У меня своей хватает.

– Простите, что не сказали вам.

– Но вы ведь сказали.

– Не сразу. – Она покачала головой и печально улыбнулась. – Это единственное, о чем мы смогли договориться.

– Не говорить мне?

– Мы даже не хотели вас искать. Как будто, если мы не будем ничего делать, вы просто исчезнете.

– Ха, – повторил Редж. – Старая история.

– Мы не хотели никого обидеть. Просто не хотели принимать решение.

Редж удивленно поднял брови.

Эви не отвела взгляда.

– Это не имеет значения, – сказал он после недолгого раздумья. – Мне ничего не нужно. Ни острова, ни благородного жеста. Большая совесть вашей бабушки связала меня со всеми этими мертвецами.

– А может, это не только чувство вины? – Эви скрестила руки, пристально глядя на него. – Может, она также хотела что-то прояснить? Может, она хотела признать вашу дружбу? А может, хотела сделать что-то хорошее?

– Хорошее, – бесстрастно повторил он.

Эви кивнула и нахмурилась:

– Разве это невозможно? Здесь и сейчас?

– Пусть так, но зачем мне это? Вы слышали, что за всем этим кроется... почему кто-то должен за это держаться? Например, вы?

Она посмотрела вверх лужайки. Лодок в проливе не было. Флюгер на крыше лодочного сарая лениво вращался.

– Потому что это мое, – сказала она. – Они все мои.

Редж пристально смотрел на нее:

– Все это? И *все* они?

Эви повернулась к нему.

– Да. – Наконец она поняла. – Все это.

Несколько мгновений он смотрел на нее, а затем его лицо расплылось в широкой, искренней улыбке.

– В таком случае вы можете оставить свою долю и взять мою. Я возвращаю ее вам.

Его улыбка была заразительной, и Эви тряхнула головой, а потом громко рассмеялась.

– Кто тут говорит о долях? – Из-за угла дома вышел Чарли с чайным подносом в руках.

Глава сорок пятая

После того как они проводили Чарли, Реджа и Позы к причалу, помахали на прощание и яхта, описав широкий полукруг, устремилась к материку, Эви надела большие черные сапоги матери и спустилась к бухте, чтобы набрать мидий. Поставив ведро на гранитную скалу, усеянную рачками, она шагнула в воду. Вода тут же просочилась в дырку напротив большого пальца ноги; ойкнув, Эви пошла дальше, к тому месту, где под слоем прозрачной воды виднелись грозди мидий.

Эви опустила руку в воду, которая ледяным обручем стянула запястье. Потом схватила ближайшую гроздь, потянула вверх, оторвала каждую мидию, осмотрела и бросила в ведро; моллюски падали друг на друга с негромким стуком. Вода постепенно отступала – начинался отлив. В проливе показались ловцы омаров; день для них закончился, и они везли свой улов в город. Эви подняла голову, и один из них помахал ей. Она вскинула руку в знак приветствия, сдвинула кепку на затылок и снова нагнулась к воде.

– Что вы теперь будете делать? – спросил ее Редж Полинг, пожимая руку на прощание. – Со всем этим?

– Не знаю, – честно призналась она, глядя ему в глаза.

Он помолчал.

– Это начало, – наконец ответил он, улыбнулся и отпустил ее руку.

– Надеюсь, вы обдумаете мое предложение, – сказал Чарли. – Передайте его кузенам.

Мин кивнула:

– Вы очень щедры.

– Так вы сможете сохранить все это, – сказал он. – Подумайте.

Все это, подумала теперь Эви и словно услышала эхо. Ее мать. Ее отец. Ее дед. Все они. И брат. Она покачала головой. Все они теперь тут. И все, что они сделали. Или не сделали. Все.

Мы обречены повторять то, чего не знаем, сказал Пол в тот вечер с Дэрилом. В тот вечер, когда он показал ей фотографию.

Стоя в ледяной воде, Эви вдруг почувствовала, что ее переполняет беспричинная радость, пронзавшая ее, словно яркий луч света. Она

здесь. Теперь она это знала. Милтон. И не Милтон. Цельная и живая. И больше ничего.

Пустое безмолвное пространство воды перед ней тянулось до самого горизонта. Она снова наклонилась и стала нащупывать мидии, отрывать от подводных камней и бросать их в большое черное ведро.

Подняв голову, она увидела, что рыбацкая лодка, вошедшая в пролив со стороны материка, замедлила ход. Эви занялась мидиями.

А когда снова выпрямилась, то увидела его.

– Пол? – крикнула она. – Сет! – Эви заметила голову сына над перилами пристани. – Вы рано!

– Привет, мама. – Он перегнулся через перила.

– Это вы. – Эви приставила ладонь к глазам, любуясь двумя родными людьми.

– Эй, – сказал Пол с улыбкой. – Вылезай из воды.

Ошеломленная, Эви выбралась на берег и понесла ведро с мидиями к лодочному сараю. Сет уже шел по лужайке к Большому дому. Пол ждал ее на траве.

– Привет. – Он обнял ее.

Как ей было хорошо в его объятиях. Она уже успела забыть, как это хорошо. Эви закрыла глаза, наслаждаясь его запахом.

– Привет, – тихо повторил Пол.

Эви ухватилась за петли для ремня на его джинсах и ничего не ответила.

Она прошла весь путь до самого конца, даже дальше. А теперь хотела повернуть назад и вернуться домой. Хотела вновь почувствовать невидимые домашние узы. Хотела этого мужчину. Хотела Пола. Ее мать мертва. Отец мертв. И Лен Леви. Он тоже мертв. Узнавать больше нечего. Она свободна. Эви посмотрела Полу в лицо.

Ей так много нужно ему рассказать.

Сет вышел из парадной двери, остановился под сиренью и ждал, пока они поднимутся на холм.

– Ты рад, что приехал? – крикнула она.

Он кивнул; вид у него был счастливый.

– Моя коллекция камней на месте.

– Конечно, на месте, – сказала Мин, выходя из-за дома. – Ничего не меняется.

Она обняла Сета и поцеловала Пола в щеку.

– Не совсем, – поддел ее Пол, отстраняясь и окидывая взглядом дом. – Выглядит ужасно.

– Большое спасибо, – сухо сказала Эви. – Мы вкалывали тут целую неделю.

– Вижу. – Он насмешливо вскинул бровь.

– Ладно, дом слегка обшарпанный, – согласилась Эви. – Но посвежел.

Пол открыл сетчатую дверь.

– И здесь по-прежнему нет ни одного удобного кресла, – заметил он, отнес ведро с мидиями на кухню и вывалил моллюсков в раковину в кладовке.

После ужина они с Полом спустились на причал и стояли в дальнем конце, держась за руки.

– Знаешь, ты был прав, – тихо сказала Эви. – Насчет фотографии.

– Эви. – Он насторожился.

Она кивнула:

– И насчет бизнеса Попса. Насчет всего.

Пол долго молчал.

– Сегодня я познакомилась с Реджем Полингом, – сказала Эви.

Он стоял и слушал, а она рассказывала ему обо всем, что узнала сегодня днем, обо всем, что случилось в прошлом и теперь, совершив полный круг, встало на свои места. Рассказывая Полу, она делала эту историю реальной. С молчанием покончено.

Когда она умолкла, Пол взял ее за плечи, повернул и притянул к себе.

– Что ты будешь делать? – спросил он, касаясь губами ее волос.

Эви покачала головой, но не отстранилась.

– Здесь не только они, Пол, – сказала она, собравшись с мыслями. – Понимаешь, мы все здесь. Это мое прошлое. – Она посмотрела ему в глаза. – И твое. Наше. Сета. Это все и его тоже. Это место соединяет все фрагменты.

– Наше?

– Да, – сказала она. – Независимо от того, владеем мы им или нет.

Следующим вечером они принесли прах Джоан на площадку для пикника. Сет взял плетеную корзинку с виски, дубонне и набором

пластмассовых стаканчиков из восьмидесятых годов, потрескавшихся, но все еще способных сохранять холод. К ним присоединились Анна и Эдди Фенвик, и Пол выкопал яму, достаточно глубокую и широкую, чтобы там поместился прах Джоан. Эви наклонилась и аккуратно опустила урну в яму, села на корточки и бросила сверху горсть земли. Все молчали. Даже тетя Анна. Потом Сет присел рядом с матерью и тоже бросил землю. Потом Пол. Мин. Потом, очень медленно, Анна.

Когда яма наполовину заполнилась, Эви положила на могилу камень и присыпала землей по бокам.

Здесь.

Она встала.

– Думаю, нам нужно выпить. – Эви улыбнулась Мин, стоявшей напротив нее.

Когда все отвернулись, чтобы приготовить коктейли, Пол взял ее за руку и сунул их сцепленные пальцы к себе в карман. Они решили приготовить мидии прямо здесь, но Эви обнаружила, что забыла спички, и побежала в дом. На подоконнике рядом со спичками, там, где она оставила ее вчера, лежала ложка Чарли. Эви положила ложку в карман.

Вернувшись на площадку для пикника, она увидела, что Сет стоит отдельно от остальных и смотрит на воду, сунув руки в задние карманы джинсов. Один.

Эви вспомнила, как однажды зимой они шли вдвоем из школы. Она расспрашивала, как прошел день, и Сет отвечал. Она взяла его под руку, и они неспешно гуляли. Было не слишком холодно. Они замолчали, но это молчание не вызывало неловкости. И почему-то – она не могла сказать почему – именно в тот момент Эви вдруг осознала, что умрет. Просто увидела, как он будет скучать по ней. Увидела мужчину средних лет, с болью вспоминающего этот момент, когда она, его мать, расспрашивала, как прошел день. Она видела это так отчетливо, как будто могла помнить будущее. Ее сердце разрывалось от боли за сына, от осознания того, что неизбежно случится, а она не сможет протянуть руку и защитить его. Она должна что-то сделать, чтобы уберечь его от той дыры, на месте которой всегда было ее лицо, повернутое к нему, внимательное.

А теперь, стоя позади Сета на площадке для пикника, наблюдая за ним, она видела, что он совсем не знает ее, хотя, конечно, будет по ней

скучать. Если теперь он обернется и посмотрит, то не увидит ее. И это незнание будет продолжаться бесконечно.

За фигурой Сета простирался пролив, постепенно темнеющий в наступавших сумерках. Темнеющий и уходящий в море. Время коктейлей, когда взрослые пьют спиртное. Высокий мальчик стоит спиной к взрослым и смотрит вдаль.

Эви много раз сама стояла на этом месте. Ждала, когда взрослые разделяются со своими коктейлями и своими разговорами. Ждала, когда закончится этот акт и начнется следующий. Внезапно она вспомнила, как в детстве мать стояла у нее за спиной, на этом же месте, и смотрела на нее, еще сильная, еще молодая, смеющаяся своим глубоким контральто. *Мама.*

А теперь Эви взрослая. Она встала в один ряд с другими взрослыми за спиной детей. Ее взгляд упал на камень на могиле Джоан на краю поляны. Эви прошла мимо могилы к скалам, начинавшимся прямо за ней.

Там, почти у самой воды, она наклонилась и положила ложку Лена Леви.

Потом она медленно выпрямилась, по-прежнему лицом к воде. Вечернее солнце согревало кожу, по небу золотистой цепочкой протянулась стая крачек. Легкий ветерок шелестел травой. Точно так же будет через пятьдесят лет. Но она этого уже не услышит. Она повернулась. Тетя Анна и дядя Эдди сидели на скамье и что-то увлеченно обсуждали с Полом. Мин, уперев ладони в бедра и слегка склонив голову, внимательно слушала их. Дальше, чуть ниже по склону, Сет присел на корточки, подобрал камень, затем встал и бросил его в море. Камень описал плавную дугу.

– Мы исчезаем, – прошептала Эви.

Благодарности

Все годы, когда я писала эту книгу, большую часть времени я блуждала в темноте, прокладывая путь к тому, что, как мне казалось, трудно увидеть, не говоря уже о том, чтобы выразить словами. И все эти годы моей путеводной звездой, голосом во тьме – бросающим вызов, любящим, ободряющим – была поэт Клаудиа Ранкин. Эта книга просто не появилась бы без наших разговоров. Я благодарна ей за почти тридцать лет нашей дружбы.

Читатели – это глаза писателя. И мне очень повезло с людьми, которые читали эту книгу на всех этапах ее создания. Это моя сестра Элинор Блей, а также Венеция Баттерфилд, Мод Кейси, Кэтрин Данбар, Айвен Хелд, Говард Норман, Линда Паршалл, Диана Филлипс, Клаудиа Ранкин, Деб Шектер, Шилдс Санберг – и Джошуа Вейнер, который для меня больше чем читатель.

При работе над этой книгой я черпала вдохновение из произведений многих писателей и художников. Профессор Сара Макнеймер открыла для меня окно в мир средневековых затворниц. Ее теория отшельничества как брака легла в основу идей Хейзел Грейвс. «Камни преткновения», которые фотографировал Пол, – это проект, задуманный и осуществленный немецким художником Гюнтером Демнигом, начавшийся в 1992 году и продолжающийся по сей день. Точное выражение А. О. Скотта «повседневное зло», описывающее рабство девятнадцатого века, взято из его рецензии на фильм Нейта Паркера «Рождение нации», опубликованной в «Нью-Йорк таймс» 6 октября 2016 года. Джейн на первом свидании цитирует две строчки из стихотворения «*Recuerdo*» Эдны Сент-Винсент Миллей.

Я хочу поблагодарить Виргинский центр творчества и компанию *Corporation of Yaddo* за время и место, предоставленные мне для работы над этой книгой, и я бесконечно благодарна моим кузенам Гарольду Джейнуэю и Джорджу Монтгомери за их упорство в поиске путей для сохранения острова, за постоянную заботу о нем.

Анна Уоррелл, Эллен Котри и литературное агентство *Gernert Company* всегда были готовы ответить на мои вопросы и обрисовать перспективы, за что я им очень благодарна. Кэролайн Блик, Бетани

Рейс и Конор Минцер из издательства *Flatiron Books* доказали, что редакторская строгость прекрасно сочетается с доброжелательностью, и я от всего сердца благодарю их за то внимание, которое они мне уделяли.

И наконец, я хочу назвать тех двоих, без которых эта книга никогда бы не увидела свет. Это Стефани Кэбот, агент, воин и друг, умеющий внимательно слушать и вдохновенно убеждать, а также Эми Эйнхорн, которая ни упускала ни одной возможности задать любые мыслимые вопросы о той или иной сцене или предложении, но чье терпение и вера в упорный труд поддерживают меня и ведут вперед. Моя благодарность к ним безгранична.

Об авторе

Фото © Liz Norton

Сара Блейк – автор романов «Отель «Гранж-Хаус» (2000), «Почтмейстерша» (2009) и книги стихотворений «Полный оборот» (1989).

Живет в Вашингтоне с мужем, поэтом Джошуа Вайнером и двумя сыновьями.

---

notes

Примечания

1

Корабль, на котором в 1620 г. в Америку прибыли англичане, основавшие одно из первых поселений. – *Прим. ред.*

2

А потом? (*нем.*)

3

Доброе утро (*нем.*).

4

Да. Очень красиво (нем.).

5

Пожалуйста (*нем.*)

6

О да, спасибо (*нем.*).

7

Простите (*нем.*).

8

Вот как? (*нем.*)

Естественно (*нем.*).

Ваше здоровье (*нем.*).

Фрау Хоффман! Герр Милтон! Друзья мои. Сделаем фото! Идите сюда (*нем.*).

Один, два... (нем.)

13

Очень хорошо! (*нем.*)

1–3 июня 1863 г. при Геттисберге состоялось сражение, которое считают переломным для Гражданской войны в США. – *Прим. ред.*

15

Доброе утро (*нем.*).

16

Готово? (*нем.*)

Я Вилли (*нем.*).

А это мама (*нем.*).

Полукровка (*нем.*).

Д. Лоуренс. Любовник леди Чаттерлей. Пер. И. Багрова и М. Литвиновой.

На острове Эллис располагался самый крупный пункт приема иммигрантов в США.

Добрый вечер (*ит.*).

В 1626 г. голландец Питер Минёйт выменял у индейцев остров Манхэттен на горстку недорогих вещей, предположительно ракушек. – *Прим. ред.*

Лев – талисман Колумбийского университета.

Разорви, разнеси в щепки, разорви, услышь детский крик (*англ.*).

Вылезай из моей койки, ведь дьявол хочет разодрать ее (*англ.*).

Эдна Сент-Винсент Миллей. Recuerdo. – Пер. М. Алигер.

«Сент-Луис» – судно, которое получило известность благодаря так называемому «плаванию обреченных» – неудачной попытке еврейских эмигрантов избежать нацистского преследования. США отказались принять беженцев.

Цитата из романа «Джейн Эйр» Шарлотты Бронте. – Пер. В. Станевич.

Икс Малкольм – афроамериканский исламский духовный лидер и борец за права чернокожих.

В любви чем меньше мы говорим, тем лучше понимаем друг друга (*фр.*).

Стакан дубонне, пожалуйста (*фр.*).

В нацистской Германии планы по физическому уничтожению евреев назывались «Окончательным решением еврейского вопроса».

Комнатную собачку (*фр.*).